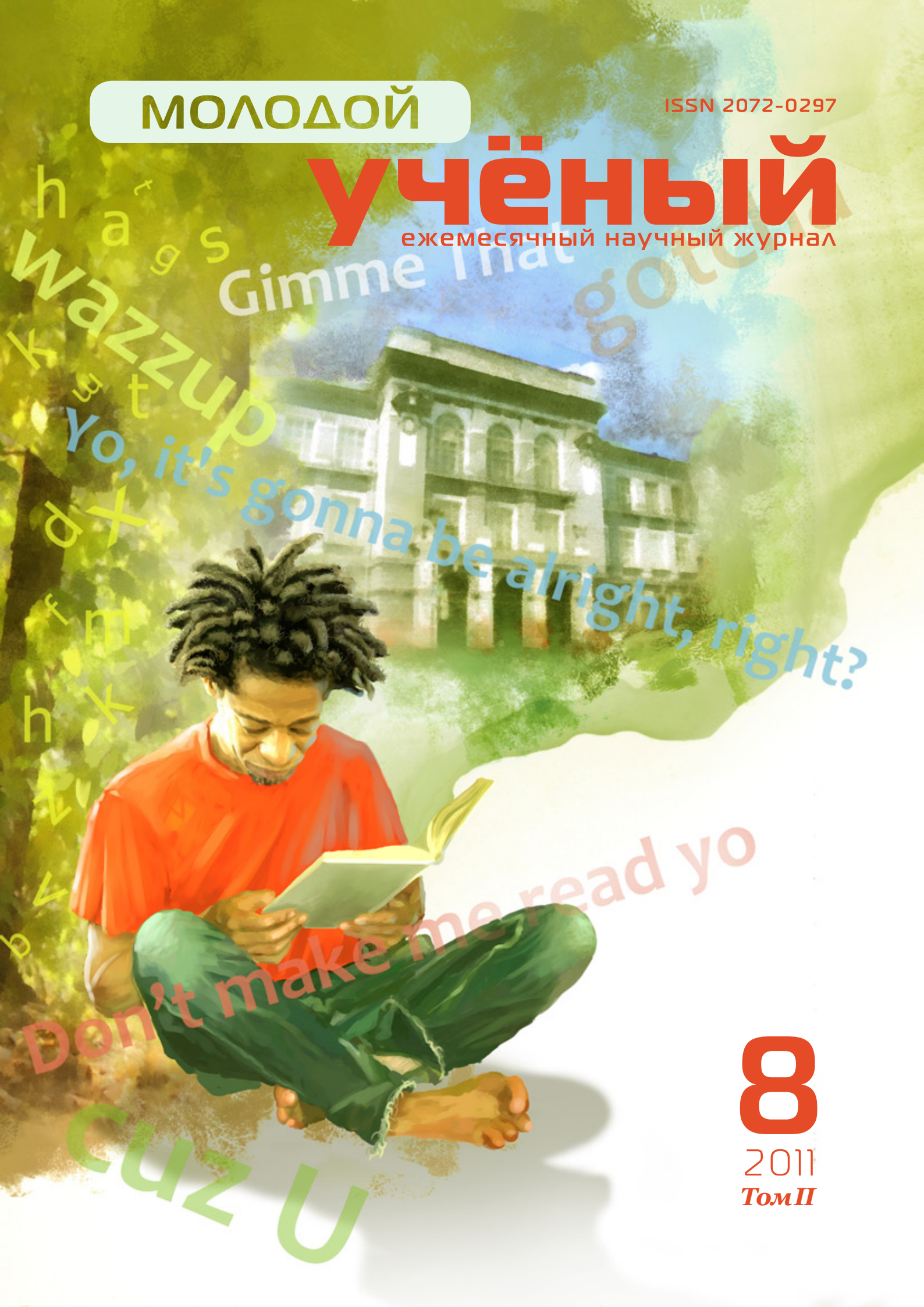

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

8

2011
Том II

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 8 (31) / 2011

Том II

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Воложанина Олеся Александровна, *кандидат технических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Драчева Светлана Николаевна, *кандидат экономических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Ответственный редактор: Шultzга Олеся Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Формат», г. Чита, ул. 9-го Января, д. 6.

Дизайн — студия «Воробей»

www.Vorobei-Studio.ru

Верстка — П.Я. Бурьянов

raul50@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Матвеева А.И.

Социальная адаптация и духовная
самоидентификация личности 6

Приходько Е.А., Соколов Р.В.

Форма культурной реальности:
социоприродный принцип 15

Сунгатуллина Л.Р.

Нанотехнологии и энергетические ресурсы 17

ФИЛОЛОГИЯ

Варюхина А.В.

Ремовыражение. Назначение инверсии
с вводящим 20

Kunusova Alina N.

The images of Venice and «Northern Venice»
in the Russian Poetry of XX-th century:
the parallels and the areas of contact 22

Куприянова Е.С.

Символика образа кукушки в якутском
и башкирском эпосах (на материале олонхо
«Строптивый Кулун Куллустуур» и кубаира
«Урал-батыр») 24

Машошина В.С.

К вопросу о жанровом своеобразии
американского морского романа
(на материале произведения Германа Мелвилла
«Моби Дик») 27

Повх Ю.А.

Персонажи петербургского зазеркалья в
контексте петербургского мифа современной
русской прозы 29

Рахимова Ш.П.

Особенности переводов с английского языка
на узбекский язык 31

Ручина У.В.

Репрезентация метафорической модели «топос –
объект исторического процесса» в тексте
«Полного курса лекций по русской истории»
С.Ф. Платонова 34

Ручина У.В.

Метафора «войны» в научном историческом
дискурсе (на материале «Полного курса лекций
по русской истории» С.Ф. Платонова) 36

Суровцева Е.В.

Письмо-донос как разновидность жанра
«письма царю» 39

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Блинов А.Б.

Специальные органы при президенте РФ 42

Бугаевская Н.О.

Некоторые проблемы предупреждения
налоговых преступлений 46

Казакова Ю.А.

Разграничение предметов ведения между
исполнительными органами субъектов
Федерации и муниципальными органами
в сфере управления отраслью культуры 49

Карпеня К.С.

К вопросу об административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации53

Плахотнюк Ю.И.

Актуальные вопросы разработки методики расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) 57

Ромашова Т.В.

Объект и предмет договора страхования финансовых рисков при покупке и строительстве жилья59

Эктумаев А.Б.

Сущность права на свободу слова65

ИСТОРИЯ

Кириллова А.И.

Кирык Степанович Черканов как исследователь истории быстринских эвенов 71

Степанченко А.П.

К вопросу о сорimente выращиваемого винограда в античный период на Азиатском Боспоре73

Тарасов Д.А.

Топографо-статистические материалы, как источник по истории Южного Зауралья конца XVIII – первая половина XIX века75

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Жанцан Нямаа

Изучение психического темпа у детей, имеющих травматический опыт79

Забелина Д.Е.

Особенности эмоциональных реакций подростков с компьютерной игровой зависимостью 81

Калашникова С.А.

Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности84

Невесенко Е.Д.

Влияние интернет-сообществ на региональные социальные процессы88

Симоненко А.С.

Гендерные подходы в психологических теориях и исследованиях 92

Смирнова Ю.С.

Прототипический подход к анализу категории «конфликт»95

ПЕДАГОГИКА

Артемов Ю.В.

Природоориентированная модель формирования экологического мировоззрения у школьников в процессе преподавания биологии99

Давыдова М.Ю.

Нестандартные задачи в школьном курсе математики 101

Данилов В.В.

Педагогический процесс под управлением компьютерной программы 104

Егорова В.А., Егорова А.М.

Воспитание патриотизма в детском творческом коллективе 107

Кострова Ю.С.

Метод проектов на занятиях по высшей математике в контексте компетентного подхода 114

Ланчук И.А.

Тренинг как инструмент развития навыков и умений у курсантов военных институтов 117

Ланчук И.А.

Предложения по определению квалификации преподавателя военного учебного заведения 119

Пазгалова Е.С.

Участие Вологодского губернского земства в развитии Вологодской мужской классической гимназии 123

Пазгалова Е.С.

Влияние Вологодского губернского земства на развитие Мариинской женской гимназии .. 126

Севостьянова Т.И.

Теоретико-методологические подходы к формированию готовности подростков к межкультурному общению 129

Селиванов И.Ю.

Роль интерактивного дизайна в процессе подготовки специалиста социально-культурной сферы 131

Спирина М.В.

К вопросу о рисунке по памяти, представлению
и воображению..... 133

Стеклова С.Ю.

Влияние конкурсов педагогического мастерства
на развитие творческого потенциала личности
учителя географии 136

Тлегенова Т.Е.

Студент как субъект формирования опыта
творческой деятельности 138

Тюлина О.А.

Оценка эффективности реализации программы
методического сопровождения деятельности
профессорско-преподавательского состава вуза
в современных условиях 141

Халикова Ю.Н.

Декоративно-прикладное искусство
в организации досуга детей младшего
школьного возраста..... 146

МЕДИЦИНА

Ешиев А.М.

Методика лечения радикулярных кист
различными остеопластическими
средствами..... 149

Цизина Е.А., Ильина Н.А.

Нормоценоз влагалища и его влияние
на здоровье женщин..... 152

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Догонина Е.А.

Тема современности в композиции панно
отечественного варианта ар деко 157

Макарова Н.А.

Первый марийский национальный балет
А. Луппова «Лесная легенда»..... 160

ЖУРНАЛИСТИКА

Богданова Е.М.

Газета «Русские ведомости» как образец
качественной прессы в к. XIX – н. XX вв. 163

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Союнов П., Сейидов С.

Народнохозяйственное значение маслины 167

Союнов П.

Формирование генеративных органов
и морфология соцветий маслины в условиях
Юго-Западной Туркмении..... 170

ФИЛОСОФИЯ

Социальная адаптация и духовная самоидентификация личности

Матвеева А.И., кандидат социологических наук, доцент

Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)

Было бы, вероятно, полным преувеличением заявить, будто вопросы социализации изучены слабо. Однако, стало очевидно, что в начале XXI века механизмы традиционной социализации стали давать сбой. Это обусловлено, на наш взгляд, определенной девальвацией духовного содержания самого процесса социализации личности, в рамках которого отношение человека к высшим ценностям своего бытия оказалось в значительной степени подмененным конъюнктурными ценностными ориентациями текущего характера.

В современном социуме человек всё яснее осознаёт, что полнота жизни во многом зависит от эффективности личности. В связи с этим не является случайным выдвижение социализации, как основы личностного саморазвития. Но эффективность трактуется, по большому счету, как экономическая категория, в координатах рационализма и даже гедонизма. Тем самым игнорируется высший смысл самой социальной адаптации — сохранение и развитие личности, воспроизводство человека как духовно-нравственного существа.

Динамизм социальных изменений в России начала XXI века предъявляет к людям и сообществам повышенные требования, связанные с конкуренцией или «сшибкой» идентичностей прежнего времени и ещё не вполне устоявшихся идентичностей нового, что негативно сказывается на процессе социализации в целом. «Социализация — это трансмиссия культуры от поколения к поколению», в связи с интеграцией общества эта трансмиссия нарушается [1, с. 37]. По существу, нарушается традиция как преемственность в развитии поколений. В современных условиях особое значение приобретает конкретно-исторический анализ социализации, ее форм, факторов и механизмов. Эмпирические исследования этого процесса зачастую «выхватывают» какой-то один временной промежуток кардинальных перемен. Кроме того, эмпирическому анализу чаще всего подвергается определённый спектр тактик (стратегий) адаптивного поведения, использующих или институциональные формы, готовые и вновь созданные, существующие в «экономическом пространстве российского общества» [2, с. 123], или «домашние», преимущественно неформализованные [3, с. 45]. Но сведение социализации личности к фазе адаптации в корне неверно. Как неверно и игнорирование духовной социализации и сведение всей проблемы социализации

личности к социально-психологической или профессионально-функциональной адаптации.

Для осмысления реальной сложности процесса социализации личности необходима научная рефлексия всего спектра разнообразных адаптивных и креативных практик в их взаимной обусловленности. При этом нельзя не учитывать множество научных подходов используемых учеными при изучении этого вопроса (интегративный, поколенческий, стратификационный и др.) Стало очевидно, что исследование этих аспектов социализации в отечественной науке приобретает качественно новые характеристики.

Понятие социализации было впервые описано в конце 40-х начале 50-х гг. XX века в работах американских психологов и социологов (А. Парк, Д. Доллард, Дж. Кольман, В. Уолтер и др.). Понятие о социализации как процесса полной интеграции личности в социальную систему, в ходе которого происходит ее приспособление, сложилось в американской социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон). В традициях этой школы понятие «социализация» раскрывалось через термин «адаптация», который означает приспособление живого организма к условиям среды [4, с. 89]. Этот термин был экстраполирован в обществознание и стал означать процесс приспособления человека к условиям социальной среды. Так возникли понятия социальной и психической адаптации, результатом которой является приспособленность личности к различным социальным ситуациям, микро и макрогруппам [5, с. 90].

В науке различают следующие уровни адаптации. Во-первых, целенаправленный конформизм, когда приспосабливающийся человек знает, как он должен действовать, как вести себя, но внешне соглашаясь с требованиями социальной среды, продолжает придерживаться своей системы ценностей (А. Маслоу) [6, с. 75]. Во-вторых, взаимная терпимость, при которой взаимодействующие субъекты проявляют взаимную снисходительность к ценностям и формам поведения друг друга (Я. Щепанский). В-третьих, аккомодация — наиболее распространенная форма социальной адаптации, возникающая на основе терпимости и проявляющаяся во взаимных уступках, что означает признание человеком ценностей социальной среды и признание средой индивидуальных особенностей человека (Я. Щепанский) [7, с. 98]. В-четвертых, ассимиляция; или полное приспособление, когда человек пол-

ностью отказывается от своих прежних ценностей и принимает систему ценностей новой среды (Ж. Пиаже) [8]. Существуют и иные классификации уровней социальной и психической адаптации: нормальная, защитная, девиантная (отклоняющаяся) и патологическая.

Таким образом, с помощью понятия «адаптация» социализация рассматривается как процесс вхождения человека в социальную среду и его приспособления к культурным, психологическим и социологическим факторам.

Имеется и другой теоретико-методологический подход к трактовке процесса социализации (А. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм и др.) В ней социализация представлена как процесс самоактуализации «Я-концепции», самореализации личностью своих потенций и творческих способностей, как процесс преодоления негативных влияний среды, мешающих ее саморазвитию и самоутверждению. Здесь субъект рассматривается как «самостоятельная» и «саморазвивающаяся» система, как продукт самовоспитания.

Эти два подхода в определенной степени разделяются российскими исследователями, хотя приоритет чаще отдается первому. Так, И.С.Кон определяет социализацию как усвоение индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность.

Опираясь на культурно — историческую концепцию и субъектно-деятельностный подход мы определяем социальную адаптацию как специфическую внутреннюю и внешнюю деятельность человека по созданию нового в индивидуальном сознании, переживаниях и отношениях, осуществляемую в соответствии с жизненными задачами и с помощью социально-культурных средств, диктуемых обществом, в котором он живёт. И это понятно: старшие поколения утратили привычную идентичность, новые пытаются её обрести в социальном пространстве. Исследования в этой области убеждают в том, что социальные идентичности (кто такие «Мы?»), как личностные самоидентификации (кто «Я?») существенно зависят от социального ресурса индивидов, потенциала индивидуальных возможностей социализации.

Вместе с тем, создание нового в индивидуальном сознании на фазе адаптации по существу сводится к освоению духовного опыта прошлого. В этом смысле социальная адаптация как фаза социализации личности является предпосылкой ее духовной социализации, поскольку освоение предшествует усвоению и творческому развитию духовного опыта. Важно также и то обстоятельство, что сама адаптация осуществляется через духовный труд, посредством сознания и интеллекта, а не сугубо физиологически или психологически. В противном случае следовало бы вести речь не об адаптации как осознанном процессе вхождения индивида в некое социальное и духовное пространство, а об автоматизме, о рефлексам.

В социальной философии проблема адаптации рассматривается в русле темы «человека и общества». Философия издавна пыталась разгадать тайну общества. Социальных философов всегда интересовали специфические

вопросы: что такое общество? Как оно рождается? Почему человечество создало этот феномен? Про таких философов можно сказать, что они занимаются социальной историей, т.е. философским исследованием социальной жизни, коллективной человеческой деятельности.

В философии существует традиция рассматривать личность как устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или определенной общности, а также как индивидуального носителя этих черт. Но природа такой устойчивости личности коренится в ее духовном самоопределении, ее духовно-нравственной самоидентификации. Иначе говоря, устойчивость как предикат целостной личности формируется в рамках духовной социализации.

Изучение различных типов личности интенсивно велось еще в XIX веке такими мыслителями, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, П.Н. Ткачев, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Интересны историко-философские труды В.О. Гошевского, М.Я. Корнеева, Т.Д. Марцинковской, А.И. Новикова и других авторов.

Однако особенно продуктивно разрабатывается проблема социализации в русле философской антропологии, как она сложилась в 20-х годах XX столетия, состоит в том, что ее представители (М. Шелер, А. Гелен, Г. Плеснер и др.) поставили, в частности, и вопрос об особенностях человека как социального и природного существа.

Философские антропологи показали, что человек — уникально коммуникативное, т.е. общительное существо. «Человеческий мир в первую очередь характеризуется, собственно, тем, что здесь между существом и существом происходит что-то такое, равное чему нельзя отыскать в природе» [9, с. 123], — свидетельствует М. Бубер. Но вот вопрос: почему человек социален? Что заставляет его выстраивать многообразные социальные связи? Свободен ли человек от общества? Как осуществляется вхождение человека в мир культуры? Это — не просто философские проблемы социализации личности, а прямое обращение к сфере духовного бытия человека. В трудах таких исследователей, как Р.Г. Апресян, Л.П. Бучева, И.С. Вдовина, П.С. Гуревич, А.А. Гусейнов, К.С. Долгов, В.А.Подорога и других авторов в той или иной мере уже предпринимались попытки комплексно рассмотреть проблему социализации личности. Причем, не только в рамках социотризма и антропоцентризма, но и в духовных координатах. Однако, следует признать, что такой метафизический аспект проблемы все еще слабо разработан в науке.

Поэтому и многие конкретные проблемы социализации именно в философском ракурсе исследованы еще недостаточно. Не в полной мере освещены вопросы социальной природы человека, проблемы коммуникативности, мировоззренческие предпосылки социализации. Процесс социализации в основном рассматривается как процесс сознательного освоения и усвоения господствующих норм культуры. Здесь обращает на себя внимание

ряд проблемных моментов. Во-первых, помимо освоения и усвоения социализация предполагает и креативное развитие, практическое применение, социальное творчество, праксис. А этот момент как правило отсутствует в большинстве работ, посвященных исследованию социализации. Большинство авторов, исследуя проблему социализации личности, традиционно продолжает «замыкаться» на фазе адаптации.

Между тем некоторые аспекты социализации личности так или иначе связаны с бессознательной жизнью человека. На это обстоятельство обращает внимание классический психоанализ, неофрейдизм и др. Но остается без ответа вопрос о том, каким образом бессознательное влияет на сознание, на процесс осмысленного развития индивида. Переход бессознательного в сознание и наоборот — *terra incognita* и *tabula rasa* для современной науки. Отсюда — попытки отождествления сознания и знания. «Сознать нечто значит знать это нечто... Сознание — специфическая информированность человеческой души о предметах как идеально положенных в нее, представленных и признанных. Это одна из сфер человеческой души, созидаящая и воспроизводящая знание; способ существования знания. Оно всегда есть взаимоотношение и место связи с ним. Сознательное есть то, что осуществляется в соответствии с заранее поставленной целью» [10, с. 181, 182].

Исходя из логики данного понимания сознания, цель его функционирования задается изначально извне. Вопрос — кем? Кроме того, если сознание — одна из сфер человеческой души, созидаящая и воспроизводящая знание, то, что такое само знание? Обработанная сознанием информация? Тогда обработка информации может быть истолкована как функция адаптации, присущая сознанию. Вопрос лишь в том, будет ли таким образом «обработанная» информация подлинным знанием, а сама адаптация, даже взятая в контексте неведомо кем поставленной изначально задачи, эффективной.

Социально-философский анализ общественно-политических приспособительных практик ушедшего века показывает, что для современных социально-политических систем (режимов) характерны не только соответствующие последним адаптивные типы личности, но и острое противоборство старых и новых приспособительных стратегий.

За несколько десятилетий сложился огромный пласт литературы, в котором освещается феномен социализации личности, его механизмы и факторы. Однако социализация личности понимается весьма ограничено, поскольку речь в основном идет о процессе сознательного воспитания ребенка и гражданина. Между тем процесс социализации личности гораздо более сложен. Начнем с того, что освоение (а порой и усвоение) господствующих стандартов происходит уже на уровне бессознательного. Когда рождается ребенок, над ним вовсе не склоняется просветитель, который разъясняет младенцу, какие нормы существуют в обществе, где суждено жить пришельцу. Ребенок бессознательно усваивает эти стандарты,

через такие психологические механизмы, как интроекция, проекция и идентификация. Однако этим процесс социализации не завершается. Она только начинается [11, с. 40]. Ведь «бессознательность — это смутная информированность человеческой души о предметах, не воплощающаяся в идеальные образы. Это совокупность неосознаваемых душевных процессов и их продуктов, безотчетных и не поддающихся контролю со стороны сознания» [12, с. 188]. Отсутствие возможности со стороны сознания контролировать сферу бессознательного затрудняет функцию адаптации. Можно утверждать, что «в философской традиции бессознательное рассматривается как некий фон, предсуществование, в котором заложено все», как «фон, из которого все происходит» [13, с. 189], это ровным счетом ничего не проясняет. Только сознание определяет адаптацию как фазу социализации. Адаптация креветки к составу морской воды или гоминида к условиям всеобщего похолодания никак не могут рассматриваться как проявления социализации. В этих случаях адаптация представляет собой процессы биологической трансформации (мимикрии), которые свойственны и человеку. Когда индивид подстраивается под условия погоды (берет зонтик в дождливый день), он тоже адаптируется, но никак не социализируется. Потому что социализация представляет собой процесс освоения и усвоения не просто неких «стандартов» (норм, институций и др.), а содержания духовного опыта, посредством которого люди совершенствуют систему социальных взаимоотношений, формируют и развивают как свою личность, так и само общество.

Если бы не было процесса социализации, обществу не удалось бы не только сохранить себя, но и транслировать себя в будущее. От того, как будет формироваться личность и каким будет общество, готовое принять в свое лоно нового человека, зависит судьба общества. Вот почему процессы социализации осмысливались в философии еще с далекой древности. В частности, китайские мудрецы считали, что задача человека состоит в том, чтобы усвоить традиции, найти собственную социальную нишу и укреплять социальную организацию [14, с. 185].

Однако далеко не все, что выработано культурой и обществом, заслуживает трансляции. Поэтому в философии издавна вынашивался некий идеал поведения, достойный благородного и образованного человека, а в античной философии социализация изучалась через понятие «пайдейи» [15, с. 45].

В христианской философии на первое место выдвинулась проблема человека, рассмотрение человека как существа духовного, а не только телесного и «волящего». Такая духовная доминанта в постановке проблемы человека значительно расширила представление о феномене «приобщения» человека к обществу через причащение святых даров. Однако, в последствии, благодаря идеям М.Вебера, В.Зомбарта, О.Конта, Э.Мунье и др., сугубо персоналистская традиция европейской культуры содействовала постановке вопроса о приоритете человека над (перед) обществом [16, с. 8].

Позже социальные мыслители стали исследовать ряд проблем, которые соотносились с человеком и обществом. Философы пытались понять, как сложилось общество, как оно развивается, каковы движущие силы и механизмы истории. В этом ряду появились концепции «естественного человека», «общественного договора», «человеческой субъективности» [17, с. 269].

Естественно, что социализация личности не может происходить автоматически, без огромных усилий со стороны как самой личности, так и общества. Вот почему начиная с XVII в. огромную роль в процессе социализации философы придают знаниям и разуму. Ф. Бекон рассуждал о колледжах. Просветители XVIII в. были увлечены идеей энциклопедического просвещения. В XIX в. в Германии много писали о классическом образовании как факторе социализации [18, с. 125]. Вместе с тем К. Маркс выдвигает идею историчности человека, он рассматривает механизм отчуждения [233, 234]. Становится очевидным, что дело не в тотальном просвещении. В XX в. эту мысль наиболее четко выразил Т. Рузвельт: «Воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно — значит вырастить угрозу для общества» [19, с. 682]. Личность формируется под воздействием разных факторов, при этом общество само по себе не имеет права считать себя здоровым, если даже личность успешно адаптировалась в нем. Прежде всего, потому, что фаза адаптации не исчерпывает процесс социализации личности.

Социальные критики выдвигают множество критических замечаний по поводу самой социальной организации. З. Фрейд своей теорией бессознательного привлекает внимание к патопсихологическим социальным процессам [20, с. 95]. Он развил глубокую теорию о характере как системе стремлений, которые лежат в основе поведения. Бессознательное (неосознаваемые влечения) он рассматривал как некую внеисторическую силу, которая существует и проявляется всегда, во все времена. Хотя сами эти влечения и принимают индивидуальную окраску, они не объяснимы даже с позиций индивидуального опыта. Проявления бессознательного на личностном уровне развиваются под влиянием переживаний (эмоционально-чувственное бытие). Главный тезис З. Фрейда состоял в том, что сексуальность (либидо) и есть, собственно, содержание бессознательного [21, с. 203]. Но иначе рассматривал проблему бессознательного Л. Зонди. Он сделал вывод о родовой предопределенности бессознательного [22]. Тем самым, встал вопрос о различной природе адаптационного процесса, в котором бессознательное играет свою и далеко еще не выявленную полностью роль. И это только — что касается первой фазы социализации личности.

Так стало очевидным, что процесс социализации не является во всех случаях универсальным, содержательно одинаковым. Появилась возможность видеть некие стандарты социализирующего процесса. З. Фрейд согласился с тем, что всегда было известно великим писателям и драматургам. При изучении характера, как сказал О. де

Бальзак, имеешь дело с «побуждающими человека силами». Способ, каким человек действует, чувствует и думает, вовсе не является результатом исключительно рационально взвешенного отклика на реальную ситуацию [23, с. 24].

Итак, с нашей точки зрения, духовная социализация личности в обществе — это принятие ею, освоение и усвоение культурных норм и ценностей. Данные комплекс действий осуществляется изначально в процессе сознательного прогнозирования адаптационной среды и изменения (от этих результатов) своей адаптивной деятельности, умения находить новые адаптационные стратегии, ведущие к гармонизации внешнего и внутреннего приспособления к соответствующей ролевой идентичности личности в обществе. Высшей фазой духовной социализации личности является социальное творчество — процесс креативного развития и использования культурных норм и ценностей, накопленных о сохранных духовным опытом прошлых поколений.

В этой связи справедливо следующее суждение И.А. Ильина: «Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того. Живут ли люди духовным опытом, умеют ли они его ценить, развивать и творчески пользоваться источниками его... Весь современный духовный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество в течение вот уже нескольких поколений пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими... Пренебрегающий духовным опытом теряет доступ ко всему этому... Он как бы сам залепляет себе духовные очи и предается слепоте и пошлости» [24, с. 135–153]. Рассматривая духовную социализацию как путь духовного обновления человека, И.А. Ильин не случайно начинал этот анализ с веры. Вера как проявление человеческой души также может быть осознанной и неосознанной. «Верят все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. Веруют же — далеко не все» [25, с. 93]. При этом «человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как самое главное в своей жизни» [26, с. 87]. Но что есть самое главное в жизни человека? Субъективно это могут быть богатство, власть, деньги, удовольствия и т.д. «Если бы удалось однажды пронзить все человеческие сердца без исключения таинственным лучом света так, чтобы у всех выступила и въяве обнаружилась главная ценность жизни, составляющая предмет веры, то очень возможно, что все мы просто ужаснулись бы... Потому что, вероятно, оказалось бы, что большинство людей верит в нечто такое что не только не обещает им ни блага, ни спасения. Но что прямо ведет их к гибели... Если человек верит в деньги и власть, то душа его постепенно высохнет в голодной жадности, в холодной жажде власти» [27, с. 91–92, 93]. В этих рассуждениях русского философа четко прослеживается мысль: верить необходимо не в то, что люди субъективно принимают за главное в жизни, а в то, что объективно составляет ее высший и подлинный смысл. В противном случае душа де-

формируется, и ни о какой духовной или социальной адаптации личности в обществе уже не может быть и речи. Как сказано у Екклесиаста: «Какой смысл в том, что ты обрешешь весь мир, но потеряешь свою бессмертную душу?»

Специфика социальной адаптации в современных условиях и характер духовной социализации личности в современном обществе показывают, что на первый план все чаще выходит именно личностный аспект. Но этот личностный аспект свидетельствует о том, что личность часто оказывается не в состоянии по достоинству оценить и тем более творчески развить духовное наследие, которое ей достается.

В условиях системного кризиса российского общества молодое поколение оказалось в ситуации, когда оно логикой истории призвано продолжать своё «развитие» на базе унаследованных материальных и духовных ценностей. Это поколение, также вынуждено находясь в стадии социальной адаптации, должно участвовать в выработке новых (современных) духовных ценностей. Полностью самостоятельно оно эту функцию в условиях культурного рывка, вализма и инокультурных интервенций осуществить не может. Изменился мир: он стал глобальным, информационным, более открытым. Другая причина — рецидивы, возникающие у нового поколения со «старым поколением» из-за «их попыток реставрировать прошлое» [28, с. 25]. Это драма «традиции — инновации», драма поколения россиян XXI века.

На фоне значительного числа общетеоретических исследований, связанных с изучением социализации, крайне мало работ, где данное явление подвергалось бы целостному информационно-системному и коммуникативно — интерпретативному анализу с социально философских позиций, в виду индивидуальности каждого конкретного случая.

Следует учитывать, что для большинства людей старшего возраста свойственно адаптивное поведение тоталитарного типа, характеризующееся доминированием социализации над адаптацией и приводящее к кризису индивидуальной и групповой идентификации. Обществу нуждается в новой генерации молодых людей — «переходного» (демократического) типа личности, поэтому особую остроту приобретает вопрос о том, как наиболее гуманно помочь личности тоталитарного типа адаптироваться к работе и жизни в обществе «переходного типа».

Положение С.Л. Рубинштейна о двух способах жизни может служить методологической основой для построения двух основных моделей адаптивного поведения личности: модели тоталитарного адаптивного поведения, в основе которой лежит «первый способ существования человека» и модель «переходного» (демократического) адаптивного поведения, основанного на «втором способе жизнедеятельности» [29, с. 64].

Модель тоталитарного адаптивного поведения, характеризуется процессами, определёнными С.Л. Рубинштейном как первый способ жизни, при котором личность находится «внутри» самого профессионального труда и

способна осознанно относиться лишь к отдельным фрагментам и характеристикам этого труда, а не к труду в целом. В поведении доминирует тенденция к подчинению профессиональной деятельности внешним обстоятельствам, как бы вынуждающим личность в каждом конкретном случае поступать определённым образом. Специфика профессионального самосознания в модели тоталитарного адаптивного поведения обусловлена многообразными ситуациями, требующими от человека развитого умения скоординировать своё автономное действие с действиями других людей, используя адаптивные стратегии, которые в различных ситуациях передавались исторически от поколения к поколению (штампами, стереотипами, ритуалами, обрядами, традицией и т.д.). Личность при тоталитарном адаптивном поведении, во всех адаптивных ситуациях руководствуется принципом минимизации социально-психологических, информационных, когнитивных затрат и усилий, пытаясь получить при этом максимально возможный приспособительный результат (подтверждается результатами исследования). Можно провести аналогию между тоталитарным адаптивным поведением и «пассивной формой адаптации». «Пассивная форма адаптации проявляется в «молчаливом» принятии норм и ценностей и безусловным подчинении им, хотя, безусловно, она не обязательно означает одобрение всего того, к чему нужно приспособляться» [30, с. 510]. В целом, однако, эти рассуждения восходят к работам Ж.Пиаже, различавшим адаптивную и адаптирующую стороны в процессе адаптации. Поэтому интерпретация их как «пассивной» и «активной» форм адаптации, по большому счету, никакой научной новизны не содержит.

Кстати, сам по себе такой подход также вызывает вопросы. Известно, что одним из важнейших методов исследования наряду с описанием и измерением является наблюдение. Оно также рассматривается часто как пассивное или как активное. Имеются сторонники и того, и другого подходов. Причем, большинство исследователей считает, что активное наблюдение есть целенаправленное и определенным образом выстраиваемое наблюдение. Но если это так, то возникает вопрос о тенденциозности, предвзятости, субъективности такого наблюдения, которое многие исследователи не хотят отождествлять с созерцанием. В последнем усматривается некая отвлеченность, отрешенность, что трактуется как недостаток созерцательного, т.е. пассивного наблюдения. Аналогичным образом обстоит дело и с поведением человека.

Тоталитарное адаптивное поведение личности в обществе — это пассивное, комфортное принятие целей и ценностных ориентаций группы (коллектива, администрации и т.д.), подчинение принципам и законам общества (среде), отсутствие у личности стремления к независимости от воздействий извне, неспособности к гибкому поведению и спонтанности. Однако — это сугубо характеристики социальной адаптации. Если же рассуждать о духовной социализации, то фаза адаптации уже предпо-

лагает определенное отношение индивида к духовному опыту прошлых поколений. И здесь тоталитарно адаптивное поведение индивида может быть охарактеризовано как слепая вера. «Видимое «безразличие» и явное умолчание, действительная скромность и насмешливая мистификация — не освобождают человека от неизбежности верить. Нельзя человеку не иметь определенной жизненной цели и жизненной ценности, в которые он верит и которым он служит» [31, с. 91]. Следовательно, фаза адаптации в структуре процесса социализации личности изначально задана (детерминирована) духовными предикатами веры. Вопрос о том, во что и как именно верит (верует) индивид — это, по существу, вопрос о эффективности самой первой фазы (адаптации) в структуре процесса социализации личности.

Модель «переходного» (демократического) адаптивного поведения, характеризуется процессами, определёнными С.Л. Рубинштейном, как второй способ жизни, при котором личность характеризуется способностью выйти за пределы непрерывного потока повседневной деятельности. Но и здесь возникает вопрос о том, как именно человек оказывается в состоянии подняться над суетой, выйти из обыденной повседневности. И здесь напрашивается лишь один ответ: только с помощью духа, его силы и воли, человек оказывается в состоянии подняться над потоком повседневности, Дух не имеет границ, «он витает, где хочет», даже «над историей» (Гегель), тогда как наша телесность оказывается весьма сковывающим обстоятельством. Это фундаментальное противоречие между безграничными возможностями нашего духа и ограниченными возможностями нашей телесности преодолевается через мышление и созерцание. «Мышление человека творчески создает культуру не тогда, когда оно прилепляется к чувственному и материальному, чтобы просто «наблюдать» его явления и умственно «разлагать» их (анализировать); из этого не возникла бы ни одна наука... Мышление человека только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно-чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на духовных содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их» [32, с. 111]. С помощью мышления и созерцания личность не только осваивает и усваивает духовный опыт других людей, но и создает свой собственный духовный опыт. «Только этот внутренний духовный опыт делает человекообразное существо — воистину человеком, т.е. духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство» [33, с. 113].

Этот прорыв новое духовное пространство, к новым высшим ценностям человеческого бытия даёт личности возможность стать хозяином положения, полноправным автором, конструирующим своё настоящее и будущее в обществе. Это позволяет внутренне принимать, осозна-

вать и оценивать трудности и противоречия, происходящие в обществе, самостоятельно и конструктивно разрешать их в соответствии со своими, ценностными ориентациями, рассматривать адаптационные барьеры, как стимул для дальнейшего развития, как преодоление собственных пределов. У личности «переходного» (демократического) типа адаптивного поведения в процессе социальной адаптации активно проявляются: самообразование, саморегуляция, самореализация. Решающим элементом в адаптивном поведении личности является возможность и необходимость делать выбор, а значит ощущать свою свободу, с одной стороны, и свою ответственность за всё, что происходит и произойдёт, с другой.

«Переходное» (демократическое) адаптивное поведение личности в обществе — умение работать в условиях совместной деятельности, адекватно реагировать в экстремальной ситуации и в условиях новой социальной среды, конструктивно разрешать межличностные конфликты. Это — уметь прогнозировать изменения социальной среды, преодолевать адаптационные барьеры, не впадая в состояния фрустрации, и искать новые способы их преодоления. И здесь без духовной самоидентификации личности решить указанный комплекс задач нельзя по определению. Тем самым, духовная самоидентификация представляет собой процесс восприятия личностью уже существующих духовных детерминант, высших ценностей бытия и рефлексирование по отношению к ним. Такое рефлексирование представляет собой в фазе адаптации попытку первичной оценки данных детерминант (ценностей) на уровне «ясно — не ясно», «понятно — не понятно». В дальнейшем, уже на фазе интериоризации, процесс духовной социализации становится более «конкретным» и «внутренне обращенным». Это связано с тем, что рефлексирование индивида в отношении духовно-нравственных детерминант (ценностей) переходит из элементарной самоидентификации в стадию духовно-нравственного самоопределения. Иначе говоря, начинается более глубокая (внутренняя) оценка (переоценка) названных детерминант (ценностей) на уровне «свой — чужой», «приемлемый — не приемлемый». Именно в этих уровнях рефлексии и состоит по нашему мнению, важное различие самоидентификации как характеристики фазы духовной адаптации личности на первом этапе ее социализации и самоопределения как характеристики фазы интериоризации личности на втором этапе ее социализации.

Здесь, вероятно, имеет смысл уточнить, что в процессе социализации, на этапе ее духовной и социальной адаптации в обществе происходит и ее, личностное, профессиональное (операциональное) развитие. Личностное развитие в целом — подразумевает выработку адаптационных стратегий и тактик, технологий и приемов, высвобождающих внутренние ресурсы индивида. На фазе адаптации эти ресурсы направлены на определение (идентификацию) ценностно-нравственных проблем, с которыми сталкивается индивид. На фазе интериоризации эти проблемы уже предполагают способность индивида их раз-

решать и не только следовать логике событий, плыть по течению, но и, при необходимости, противостоять среде, активно на неё воздействовать, отстаивая свою независимость (личностную автономию) от внешнего давления. На третьей фазе процесса социализации автономия личности достигает высшего своего уровня, когда становятся возможными ее не просто инновационные (новаторские), а уже и творческие проявления.

Профессиональное развитие неотделимо от личностного — в основе и того, и другого лежит принцип саморазвития. Модель «переходного» адаптационного поведения предполагает умение работать тогда, когда профессиональное и социальное действия личности строятся без прототипа, что подразумевает умение самостоятельно продуцировать цели и задачи, зачастую идущие вразрез с общепринятыми в данном обществе (среде) взглядами, и добиваться их достижения. Личность выбирает наиболее мобильные и пластичные стратегии социальной адаптации психологического типа, ибо в них человек в основном опирается на максимальную мобилизацию собственных психических ресурсов. Но без духовной самоидентификации все эти умения оказываются незрелыми и незавершенными. Поэтому следует признать, что только на второй фазе процесса адаптации эти умения становятся устойчивыми и эффективными.

Можно предположить, что личности, обладающие некоторым набором однотипных личностных ресурсов, занимают схожие социальные позиции. Всё это справедливо для стабильной ситуации в обществе. Но в трансформирующемся обществе, события сменяют друг друга, социальная реальность преобразуется на глазах. При этом сознание людей, их картина мира и категории её описания перестраиваются значительно медленнее. И здесь кроется причина появления различных «институциональных ловушек» (термин В. Полтеровича) Тем самым сохраняется прежняя структура номинаций личностей «тоталитарного типа» адаптивного поведения. Но, вместе с тем, появляются новые категории личностей «демократического типа», либо актуализируются те, что раньше находились в латентном состоянии. Проблема личностной (само)идентификации, прежде всего, определения ее ценностных идентификаций, в начале нового тысячелетия резко актуализировались.

Преобладающие среди россиян способы и формы духовной самоидентификации в процессе социальной адаптации делают молодых людей «уязвимыми» [34, с. 35]. Агрессивная реклама, информационная асимметрия, экспансия инокультурных образцов и институций разрушает традиционную аксиологическую структуру социокультурных коммуникаций. Как утверждал А. Моль, «то, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [35, с. 120]. С этим выводом можно не соглашаться на том основании, что «не в односторонних коммуникативных процессах осуществляет себя человек прежде всего, а в целостном общении» [36, с. 11]. Но в том-то и вопрос, что

современные социокультурные коммуникации оказывают столь мощное влияние на личность в процессе ее социализации, что до «целостного общения» дело уже не доходит. Возрастает социальное отчуждение и чувство одиночества, которые свидетельствуют о неспособности индивида к социальному адаптивному вне духовной социализации, без осмысленного и осознанного приобщения к высшим ценностям конкретного социума — этноса. И в этой связи справедливо суждение о том, что адаптация индивида к навязываемым ему способам бытия ведет лишь к новым ступеням отчуждения [37, с. 15].

Это объясняется определенной неконгруэнтностью между социальной и духовной социализацией личности. Выработка и использование конкретных технологий социального адаптивного поведения часто оказывается в противоречии с требованиями духовной, морально-нравственной самоидентификации. А это ведет к кризису идентичности личности, ее раздвоению, утрате ею своей целостности и органичности. Отсутствие или деформирование духовной самоидентификации в период социальной адаптации ведёт к нивелированию духовных ценностей личности, поведение личности приобретает ситуативный характер, отсутствуют стратегии социальной адаптации в российском обществе. И наоборот, ставка исключительно на духовную социализацию вне социального контекста способствует духовному отчуждению, уходу от мирской жизни. Продуцируется и разрастается разрыв между «верхом» и «низом» культуры, не только социальное, но и духовно-нравственное расслоение в обществе. Так, с одной стороны, возникают отшельничество, монашество, подвижничество, а с другой стороны — нигилизм, пауперизация и люмпенизация сознания. На почве такого разрыва не решаются социальные проблемы.

С учетом этих не конгруэнтных вероятностей актуальными становятся риски «опоздания», «опережения» или «отсутствия» самоидентификации как таковой. Основные проблемы процесса социализации кроются в «кризисе» именно духовной самоидентификации и в сугубо технологичных моделях адаптивного поведения личности, когда детерминируются, главным образом, противоречия между требованиями общества, и возможностями, и способностями личности, индивидуальным стилем деятельности и общения, социальным и духовным опытом. Наиболее глубокая специфика приспособительных отношений личности в российском обществе настоятельно требует не только рассмотрения типов адаптивного поведения, но и учета целого ряда немаловажных обстоятельств. Прежде всего — места и роли духовной солидаризации и духовного самоопределения.

Парадокс заключается в том, что в аналогичной адаптивной ситуации и в аналогичном адаптивном поведении люди по-разному выстраивают индивидуальные приспособительные стратегии в силу конкретных технологий их духовной самоидентификации, зависящих в том числе и от социально-психологического феномена. Социально-психологический феномен в этом смысле выступает, как вли-

яние на процесс адаптации субъективных воздействий и факторов.

Уточним, что в процессе социализации личности в российском обществе посредниками между адаптивной ситуацией и характером и спецификой приспособительной стратегии всегда выступают, с одной стороны, социально-психологический феномен и ценностные ориентации человека, а с другой — субъективная интерпретация адаптивной ситуации. Соответственно интегральное определение понятия «социализация личности в обществе» с необходимостью должно учитывать интерпретативно-ценностные факторы и ситуативные условия процесса адаптации личности.

Адаптивный процесс в обществе это всегда субъектно-объектное социальное взаимодействие. От того, в какой роли — субъекта или объекта — выступает личность, зависит целенаправленный или стихийный, активный или реактивный характер приспособительного процесса. Общество объективно оказывает адаптивное воздействие самим фактором своего существования в силу неотвратимости разнообразного социального, экономического, политического и культурного влияния на модель адаптивного поведения личности.

Социализация личности в современном российском обществе, будучи внутренне противоречивым и сложным процессом, дискретно-инкретным системным явлением, нуждается в адекватном нормативно-деятельностном, структурно-функциональном понимании. По сути, нормативно-деятельностный подход основывается на том, что главный способ адаптивного взаимодействия личности с обществом — это социальная деятельность, благодаря которой проявляется возможность включения личности в сферу культуры. Благодаря информационному целеполаганию и адаптивной по характеру деятельности личность получает возможность преодолевать влияние неблагоприятных факторов социальной среды путем приспособления последней к собственным потребностям. Но этого не достаточно для эффективной адаптации. Так, приспособление природной среды к потребностям человека уже привело к тому, что эта самая природная среда стала «агрессивной» и не пригодной для жизнедеятельности людей. Как говорится, «голый» материализм и экономизм, связанные как раз с идеей «покорения» природы, уже подвели человечество к грани самоуничтожения [38, с. 77].

В связи с этим актуально следующее суждение: В известном смысле экономический материализм даже и неуничтожим, насколько в нем находит выражение некоторая непосредственная данность переживаний или историческое самочувствие, ищущее для себя теоретического выражения в научной или философской доктрине... Та

особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут и опровергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован — не только в своих явных заблуждениях и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое через него просвечивает. Он должен быть не отвергнут, а внутренне превзойден, разъяснен в своей ограниченности как философское «отвлеченное начало», в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [39, с. 7]. Отсюда следует, что необходимо понимать: вне духовно-нравственных координат, вне аксиологического поля культуры никакая эффективная, полная, органичная адаптация состояться не может. Адаптивная деятельность — процесс двусторонний. Предметно и духовно воздействуя на социальную и природную среду, личность в процессе социализации преобразует в этой новой адаптивной среде и саму себя. Это становится возможным не только благодаря параллельному приспособлению собственного мировоззрения к им же инициированным внешним взаимодействиям, но и влиянию внешних воздействий на мировоззрение человека. Тезис о том, что «красота спасет мир» в этом смысле совершенно правомерен. Преобразуя мир, человек преобразуется сам. В этом заключается активная субъектная природа социализации личности в процессе социального взаимодействия.

Социализация личности проявляется (осуществляется) не только на индивидуальном и групповом уровнях, но и на уровне всего социума — этноса. Под этносом автор данного термина Л.Н. Гумилев подразумевал особую «форму существования вида *Homo sapiens*, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы» [40, с. 42]. А раз так, то сводить процесс социализации личности исключительно к социальному аспекту и не учитывать важность ее духовного начала становится просто методологически и теоретически неверно. Ведь этносы — это «природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам («не мы»)). Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру» [103, с. 60]. В такой интерпретации термина «этнос» уже содержится указание на состоящую природную, социальную и, что очень важно, духовную социализацию. Духовная компонента процесса социализации — восприятие «составляющих природы» и их «кристаллизация в свою культуру».

Литература:

1. Вишневский Ю.Р., Ковалёва А.И., Луков В.А., Ручкин Б.А., Шапко В.Т. Практикум по социологии молодёжи. — М. 2000.

2. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании//Социология .М., 2000. №12.
3. Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России. М., 1998.
4. Социальная идентификация личности./Под ред. В.А. Ядова — М.:РАН История социологии., 1993.
5. Барулин В.С. Социально-философская антропология. М.1994.
6. Маслоу А. Теория человеческой мотивации. СПб.: Евразия, 1999.
7. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Общ. ред. и послеслов. акад. А.М. Румянцева; Пер. с польск. М.М. Гуренко. М.: Прогресс. 1969.
8. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. Государственное учебно-педагогическое издательство, Москва — Ленинград, 1932 г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.detskiysad.ru/ped/piaget.html>
9. Бубер М. Проблема человека. М., 1992.
10. Пивоваров Д.В., Минаева Н.С. Понятия сознательного и бессознательного: психологический аспект //Психологический вестник Уральского государственного университета. 2009. № 7.
11. Агацци Э. Человек как предмет философии// Вопросы философии. 1989. №2.
12. Пивоваров Д.В., Минаева Н.С. Понятия сознательного и бессознательного: психологический аспект //Психологический вестник Уральского государственного университета. 2009. № 7.
13. Там же.
14. Григорян Б.Т. Философская антропология: Краткий очерк. М.: Мысль. 1982.
15. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании//Социология .М., 2000. №12.
16. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии / О человеческом в человеке. — М., 1994.
17. Мамут Л.С. Политико-правовое учение Гоббса // История политико-правовых учений. — М., 1996.
18. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.: МГУ. 1984.
19. Энциклопедия мудрости. М.: ИД «Росса», 2010.
20. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений. М.: «Просвещение». 1990.
21. Фрейд З. Я и ОНО.: Пер. с англ. М. 1990.
22. Зонди Л. Учебник экспериментальной диагностики побуждений. Кишнев. 1995.
23. Буюе Л.П. Комплексные проблема человека. — М.,1989.
24. Ильин И.А. Путь к очевидности: Сочинения. М.: «ЭКСМО-Пресс». 1998. —912 с.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Матвеева А.И. Факторы и проблемы социальной адаптации молодых специалистов в Свердловской области / Образование как фактор социализации: проблемы современности: монография/ Под ред. Гребенщикова. — М.: Издательство «Спутник», 2010.
29. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1976.
30. Зборовский Г.Е. Общая социология. Курс лекций. 2-е изд., дополненное. Екатеринбург, 1999.
31. Ильин И.А. Путь к очевидности: Сочинения. М.: «ЭКСМО-Пресс». 1998.
32. Там же.
33. Там же.
34. Белоцерковский В. Самоуправление. Будущее человечества или новая утопия. М. 1992.
35. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с англ. М.: «Прогресс». 1973.
36. Мирошников Ю.И. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации. Екатеринбург: «Банк культурной инициативы».1998.
37. Немцов Б.Е. Исповедь бунтаря. М.: «Партизан». 2007.
38. Матвеева А.И. Духовная социализация личности как основа социального взаимодействия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; ИД «Стягъ». 2010.
39. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: «Наука». 1990.
40. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: «Современник». 1994.

Форма культурной реальности: социоприродный принцип

Приходько Е.А., кандидат философских наук, доцент, Соколов Р.В., старший преподаватель;
Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета

Рассматривая процесс появления целостных образований культуры в результате влияния жизни на косную природу, нетрудно увидеть, что формы культурной реальности выступают здесь своеобразными «модельными анализами». Это означает, что интуитивное порождение людьми искусственных целостностей во многом представляет собой специфический аккумулятор интенций человека, направленных на построение культуры по образу и подобию природы.

Нетрудно заметить, что в отличие от естественных тел природы формам науки, техники, искусства присуща резкая выраженность их композиционных правильностей (или «идеальных конструкторов»). Конечно, этому предшествовала длительная эволюция (наскальные рисунки, статуэтки, скребки, наконечники и т.д.), в ходе которой человек стал осознавать некую «естественную правильность». На уровне мышления эта «правильность» оформилась в композиционность, особо зримо выразившись в искусстве, которое при этом, однако, не порывало с жизнеспособной «фигуративностью» своих образов. Именно это взаимодействие жизнеподобия и конструктивности составляет «нерв» созидательной деятельности человека. Но возникает вопрос, почему мышление человека складывалось в форме регулятивных (геометрических — точка, угол, прямая, спираль, круг) и числовых правильностей, воплотившихся, к тому же, в мире искусственно правильных (неживых) форм цивилизаций? Другими словами, почему человек, являющийся в своей сущности «силой природы» и творящий «как природа», путем изменения форм вещества смог творить «искусственно», а, не копируя, например, живую природу?

Объяснение этому, по-видимому, заключается в том, что именно геометрически-правильные конструкции более других соответствуют частотам формообразовательной функции сознания, превращающейся в концентрированный акт «самосознания природы» в форме идеальности человеческого мышления, т.е., возникающее в человеке самосознание закономерностей природы запечатлелось раньше всего именно отношениями дифференциально-композиционной формообразуемости. Через них идеальность конструктивно-правильного мышления отделяется от первоначально-неразличимого совпадения с бытием природы, но вместе с тем сохраняет и развивает в своем качественном основании фундаментальное тождество бытия и мышления.

В этом отношении показательным примером выступает история философского самосознания науки. Вехи этой эволюции — от великих открытий пифагореизма, где суть числа была понята как рациональная редукция стихийно-созидательной мощи природы — до ноосферной концепции В.И. Вернадского. Весь ход этой тенденции от-

мечен инвариантными идеями понимания внешнего мира посредством особого языка, знаками которого являются математические фигуры, числа и т.д. В.И. Вернадский полагал, что изучение эмпирической реальности научными методами (логикой) является необходимым исходным пунктом для всех дальнейших обобщений в области научных, философских и религиозных концепций. А воздействие научной мысли на окружающую природу доказывает, что сама эта мысль — природное явление, часть Целого, исследуемого при помощи числа и меры, т.е. «правильностей» науки, воплощающей духовную работу человечества, соответствующую фундаментальным закономерностям природы. [1; 242–259] Но отсюда отнюдь не следует прямолинейно-позитивистский вывод о необходимости редукции культурных образов к эмпирически проверяемой логической структуре. Эволюция первоначальных «правильностей» подвергалась (и подвергается) все возрастающему обратному воздействию автономизирующейся культуры от повседневной жизнедеятельности, что, в конечном итоге, привело к специфическому образованию — внутренней форме культуры. Каждая культура представляет собой единство стиля, цели, формы, объединяющее все ее материальные и духовные произведения: технологию и архитектуру, физические концепции и школы живописи, музыкальные произведения и математические исследования. Лишь чувствуя внутреннюю форму культуры, воспринимая ее как закон для всего многообразного содержания, как судьбу данной культурной эпохи, можно выявить черты их единства.

Исходя из вышесказанного, культурным человеком можно называть того, кто осознает и чувствует внутреннюю форму, внутренний нерв культуры, ее стиль, а не того, кто много знает о живописи, физике или генетике. Такой человек как бы попадает в это силовое поле культуры и движется в нем. Великий А.С. Пушкин купался в стихии языка, чувствовал тончайшие нюансы слов, рифм и размеров прекрасного русского языка: целостная культура говорила через поэта.

Культурный человек никогда не является узким специалистом, не видящим и не понимающим ничего за рамками своей профессии. Культурная форма в данную эпоху одна, она только проявляется в каждой сфере по-разному. Чем больше ты знаком с другими направлениями развития культуры, тем больше ты сможешь сделать в своем собственном деле. Не случайно Альберт Эйнштейн советовал математикам заниматься музыкой.

Русский поэт Осип Мандельштам писал, что появившиеся в XIX веке железные дороги изменили ритм и строй русской прозы. Казалось бы, какое отношение имеют железные дороги к литературе? [2; 68] На самом же деле железные дороги сделали наглядным наступление новой тех-

нической эры, изменили ритм жизни в целом, сблизили разные концы страны, и это не могло не отразиться на литературе, на мироощущении поэта. А открытие микромира послужило еще более мощным толчком для создания новой культурной формы: она проявилась и у художника В.В. Кандинского — первого абстракциониста, со взрывающейся на его картинах материей, и у писателя А.М. Ремизова в его ритмической прозе, и у поэта Андрея Белого с его фантастическим описанием взрыва атомной бомбы и т.п.

Следовательно, еще раз подчеркнём, что форма культуры — не продукт техники или системы образования, а определенная атмосфера духовности данной эпохи. Этим форма культуры подобна явлению природы, из которого нельзя выскочить (как нельзя существовать вне атмосферы), которая может только сама себя изжить вместе с конкретной исторической эпохой. Поэтому форма есть сгущенный разум эпохи, внутренний смысл которого раскрывается в культурологических интерпретациях понятий Бытия, Пространства-Времени, Ритма, Гармонии и т.п.

Из вышесказанного следует, что культура — это не только деятельность по опредмечиванию и распределению событий, опыта, вещей, норм, поскольку в этом качестве она выступает как определенный механизм. В онтологическом же смысле культура есть способ существования человеческого рода «на грани», на определенной дистанции от природы. Таким образом, культура — это способ восстановления оборванных с природой связей, но в иной, неприродной форме (это как бы «воскресение природы в человеческом обществе»).

Вполне вероятно, что возникшее здесь качественное различие между человеком и природой не только воспринималось как парадокс, но и переходило в прямое отчуждение. Таковым, например, стало отношение к природе: культура в глубокой древности зафиксировала страх людей перед волками, тиграми, змеями, а теперь, перед лицом их полного исчезновения, мы боимся за них, хотя отголоски этого первобытного страха и сегодня прослеживаются в фобиях детей, психических больных, наркоманов и пр. Вероятно, этот антагонизм имел место еще при возникновении человеческого общества вообще. Если это так, то отчуждение здесь выступает лишь как заострение исходной проблемы — проблемы границы между природой и обществом. Тогда проблема возникновения культуры это проблема границы, как ее осознание, и одновременно как попытка преодоления ею обозначенного раскола.

Литература:

1. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 576 с.
2. Мандельштам О. Египетская марка / О. Мандельштам. — Ленинград: «Прибой», 1928. — 192 с.

Весьма возможно, что корень конфликта следует искать в некоторой абберации, возникшей вследствие этого раскола. Она заключается в том, что вышеобозначенное «воскресение природы» мы, после возникновения человеческого общества, восприняли и культивировали именно как «вторую природу», т.е. как неорганическое тело Социума. Отсюда конфликт с Натурой провоцируется вследствие неконтролируемого (бесконтрольного) разрастания «второй природы». Поэтому подход к решению этого противоречия затрудняется как раз потому, что между человеком и природой стоит эта «искусственная природа», мешающая видеть подлинное значение Натуры. Искажая реальное ее видение, социальная абберация превращает естественную природу лишь в экзотику, формирует лишь филантропическое отношение к ней, как бы попытку откупиться от нее. Таким образом, неограниченное тело Социума («вторая природа») создает иррациональную видимость «правильного» отношения к Натуре.

Между тем очевидна важность соотнесения мира культуры с миром природы. Дело даже не столько в выявлении их границ, сколько в определении внутреннего состояния культуры при встрече с не-культурой, т.е. дело в способности / неспособности к культуросозидательному отношению к этому вне и внутри нас. Ведь чем менее развит социальный организм в культурном отношении, тем меньше культурного находит он вне себя. Чем ниже его место во всеобщей эволюции, тем более видит социум во всем лишь некоторый вид естественного бытия. Между тем усматривать во всяких неожиданных феноменах собственно культуру свойственно только высокоразвитому историческому уровню. Отсюда же происходит и другая особенность: экономически слабый социальный организм по необходимости утилитарен, — и та же бедность в то же время стимулирует его же над-утилитарные (магические, религиозные и др.) способности.

Таким образом, как обращается социальный организм с природой, такова и его культурность. Поэтому некоторая «саламандровость» (т.е. утилитаризм, а если невозможно, — то отчужденность, враждебность) есть реальная тенденция, оценивающая все по девизу: «всё действительное объектно, и только объектное подлинно действительно». Тогда все над-утилитарное рассматривается как недействительное, а если отвергнуть или игнорировать эту недействительность невозможно, то включается механизм антагонирования.

Нанотехнологии и энергетические ресурсы

Сунгатуллина Л.Р., ассистент

Казанский государственный энергетический университет

Сегодня индустрия нанотехнологий переживает свое стремительное развитие. По мере постижения уникальных свойств наномира и открытия нанотехнологий появляются новые области исследований, в которых ученые и инженеры находят практические сферы их применения. Одним из наиболее важных направлений внедрения нанотехнологий, вероятно, станет энергетика, поскольку темпы научно-технического прогресса, интенсификация общественного производства, улучшение условий труда и решение многих социокультурных проблем в значительной мере определяются уровнем использования энергетических ресурсов. Актуальность этой темы связана с особенностями нашего времени, важнейшей характеристикой которого является, с одной стороны, нерациональное использование невозобновляемых источников энергии и на этой основе возникновение многочисленных энергетических проблем, в том числе глобальных, а с другой стороны, появляющаяся возможность применения уникальных альтернативных источников энергии в нанотехнологических разработках.

К сожалению, обзор литературы показывает, что столь актуальная тема обсуждается преимущественно в научно-техническом срезе, а в имеющемся современном философском дискурсе по проблемам нанотехнологии вопросы, касающиеся ресурсов, под которыми подразумеваются источники и условия ее эффективного функционирования и развития, пока остаются практически без внимания. Между тем, обозначенная тема, безусловно, нуждается в академическом изучении, исследовании, анализе, обсуждении не только в научно-техническом и в социально-гуманитарном плане порознь, а во взаимопроникновении того и другого, а для этого в особом метатеоретическом, философско-культурологическом ключе, способном дать адекватное представление относительно сущности нарождающегося феномена бытия. Поскольку в рамках одной статьи невозможно охватить все ресурсы нанотехнологии, в данной статье мы остановимся подробнее на возобновляемых источниках энергии, за использованием которых стоят экономия традиционного энергетического сырья, экологическая чистота и охрана окружающей среды, а главное всеобщее благополучие человечества.

Итак, энергетика является сердцем промышленного и сельскохозяйственного производства. За время существования человека кардинальным образом изменились источники энергии от самого человека в качестве энергетического ресурса ранних технологий до атомной и термоядерной энергии. Однако авария в Чернобыле, ряд аварий и инцидентов на АЭС США, Англии, ФРГ, и совсем недавно произошедшая ядерная авария на атомной электростанции «Фукусима-1» Японии обострили понимание того, что мирный атом требует к себе особого под-

хода. Тем не менее, научно-технический прогресс — процесс объективный и нельзя запретить человеку постигать окружающий мир и самого себя. Более того, как отметил Н.Н. Моисеев: «всякая остановка (или даже замедление) научно-технических разработок может привести к деградации общества, к ослаблению его интеллектуального, творческого потенциала, что будет иметь тоже катастрофические последствия для рода человеческого» [4, с. 82]. Другое дело, если речь идет о частичном, выборочном ограничении или прекращении опасных исследований с непредсказуемыми последствиями в данной области. Однако тогда вновь возникает ряд сложнейших проблем: кто возложит на себя ответственность выбора за решение между опасными и неопасными исследованиями в данной сфере, кто будет осуществлять контроль над исполнением подобных решений и вообще где находятся эти пределы и границы. Хочется отметить следующее, в целом, проникнуться сознанием личной ответственности за судьбу человечества, за происходящее на планете должен каждый человек. Что же касается данного конкретного случая, то на ком бы эта ответственность ни лежала, она должна быть не мифической, а качественной, действенной, эффективной. Быть может, один из способов достижения подобной ответственности предложен в книге Донеллы Медоуз: «Представьте, что любое частное или официальное лицо, принимающее решение вложить деньги в атомную энергетику, будет обязано размещать ядерные отходы у себя в квартире или на личном участке» [3, с. 256].

Несмотря на то, что атомная энергетика прочно вошла в жизнь человечества, а атомные электростанции некоторые считают вершиной достижений энергетике, помимо них существуют другие перспективные альтернативные источники энергии, к которым относятся Солнце, тепло Земли, энергия вод и их дифференциация на подвиды. Основным критерием данных источников энергии считается возобновляемость. Хотелось бы, чтобы в научном сообществе учитывался критерий соразмерности научных исследований и их результатов с общечеловеческими ценностями и идеалами, «состоянием Природы и ее законами» [4, с. 68]. Стоит заметить, что так называемые альтернативные источники энергии использовались и ранее, пусть и сначала в примитивных технико-технологических формах. Вода, ветер с давних времен используются человечеством в качестве источника энергии. Так, к примеру, «первым важнейшим изобретением христианской эры в Европе была водяная мельница (на Мозеле, 340 г.н. э.)» [1, с. 248], созданная путем утилизации механической энергии текучей воды, а китайцы еще за 3 тысячелетия до нашей эры изготовили «примитивный ветряной двигатель» [7, с. 118]. Как справедливо отмечает А.И. Ракилов, понимание использования тех или иных

типов энергии представляет важность «не только для периодизации социальной и технологической истории человечества, но и для интерпретации многих культурных феноменов» [6, с. 8].

Современное состояние природных условий с одной стороны стимулирует, а с другой ограничивает развитие нанотехнологий. Так в связи с существующими глобальными проблемами современности, будущее практическое внедрение нанотехнологий обусловлено возрастающими требованиями экономичности, эргономичности, улучшения экологии. Сегодня передовые знания и технологии, в том числе и нанотехнологии, позволяют использовать обозначенные выше природные энергетические ресурсы, но уже на другом новом уровне. В энергетике создаваемые на основе нанотехнологий материалы могут быть с успехом применены при разработке новых типов солнечных батарей, а также при создании новых преобразователей энергии, экологически безопасных продуктов, транспортных средств и т.п. Ниже приведем некоторые конкретные примеры.

Солнце по своей природе является чисто энергетическим источником. И нанотехнологии могут представлять значимость в получении и использовании солнечной энергии, в частности, «за счет нанесения на поверхность стекол солнечных батарей или коллекторов нанослоев некоторых веществ, позволяющих резко повысить степень поглощения падающего на поверхность излучения» [9, с. 127].

В штате Невада в Рино группа научных исследователей использует «массивы нанотрубок на основе диоксида титана для генерации водорода на основе расщепления воды с помощью солнечного света» [8, с. 236]. Положительным результатом такого рода исследований может стать получение основы для извлечения водорода из воды.

Примеры практической утилизации тепловой энергии земли при помощи нанотехнологий автору статьи не встретились, тем не менее, в некоторых учебных материалах отмечается, что наноматериалы в будущем могут повысить эффективность передачи геотермальной и электрической энергии.

Энергетические ресурсы прочно связаны с так называемыми территориальными ресурсами, поскольку неравномерность размещения природных энергетических ресурсов по территории Земли очевидна. И возможно, что именно «нанотехнологии помогут найти способ распределения энергии по всему миру» [8, с. 230]. При утилизации энергии Солнца, ветра, геотермальных вод, малых рек, океанов, морей необходимо учитывать территориальные особенности потенциальных стран, районов. Например, на территории Дальнего Востока России «интенсивность солнечной радиации круглогодично стабильна лишь в некоторых районах Приморского края» [1, с. 250]. При этом еще и сами потоки солнечной и ветровой энергии отличаются нестабильностью и варьируются по интенсивности в зависимости от времени года и погоды. Также, вследствие неразрывной связи природного комплекса терри-

тории каждой страны с природным комплексом соседних стран, решение проблемы сохранения окружающей среды только на уровне отдельных стран представляется невозможной. И потому ни одна страна не может быть ограждена от ухудшения качества воды, воздуха, почвы. К слову сказать, проблема обеспечения человечества пригодной пресной воды заслуживает особого внимания. Нанотехнологии демонстрируют свои перспективные возможности и в данном вопросе. Так, нанофильтры, «позволяют отсеять бактерии, эффективно поглотить примеси или токсины» [5, с. 12]. Связь энергии с транспортом и их обоюдная взаимозависимость проявляются, к примеру, в росте потребления энергии в результате увеличения спроса на автомобильные, железнодорожные, воздушные, морские, речные транспортные средства и путешествия. Связанная с нанотехнологиями миниатюризация уже означает значительную экономию ресурсов за счет существенного сокращения расходуемого материала, затрат энергии и общего объема отходов. Если, к примеру, делать автомобили из композитов, а в будущем из нанокompозитов, которые характеризуются высокой прочностью и пластичностью, то их масса уменьшится и как следствие снизится потребление энергии. Экономия энергии в данном случае не сказывается отрицательным образом на конечных результатах использования энергии, а представляет собой, в функциональном отношении, источник энергии, то есть энергосбережение.

Таким образом, все возрастающие нагрузки на окружающую среду традиционной энергетикой, промышленностью, транспортом, антропогенной деятельностью приводят сегодня к острой необходимости использования возобновляемых альтернативных энергетических ресурсов, которые готовят новую базу для очередного рывка в нанотехнологиях. Может оказаться, что последствия нанотехнологии будут полностью благоприятны или может выясниться, что эта технология окажется куда менее мощной, чем полагают многие. Возможно, что именно производство дешевых энергосберегающих и экологически безопасных материалов станет наиболее важным последствием внедрения нанотехнологий и откроется путь к более эффективному решению весьма сложных проблем окружающей среды и энергетики, а создание нанопроductов и наносистем сможет обеспечить существенную экономию сырья и энергии. Положительные либо отрицательные преобразования и воздействия на окружающую среду зависят, прежде всего, от источника энергии и от используемой технологии. Энергия является одним из важнейших ресурсов развития современных нанотехнологий. В свою очередь с внедрением нанотехнологий вновь «произойдет качественное перераспределение ресурсов и трансформация экологических систем» [2, с. 8]. Нанотехнологии представляют собой сложную полиструктурную систему, в которой элементы, взаимосвязи и цели находятся в такой сложной взаимозависимости, что изменение одного из них предполагает, по крайней мере, учет влияния на него других. Отсюда возрастает необхо-

димось планирования, прогнозирования, осмысления при выборе использования тех или иных ресурсов, которые могут влиять на бытие человечества в целом. Поэтому, мы считаем, что усилиями специалистов из разных отраслей научного знания потенциал нанотехнологий в

действительности должен быть направлен на положительные решения тех задач, которые стоят перед обществом и являются жизненно необходимыми человеку, а не таят в себе вполне реальную угрозу существования человечества.

Литература:

1. Денк С.О. Энергетические источники и ресурсы близкого будущего. — Пермь: «Пресстайм», 2007. — 383 с.
2. Мариносян Х.Э. Социально-философские аспекты наномедицины: перспективы, проблемы, риски // Философские науки. 2009. № 11. С. 5–28.
3. Медоуз Д.Х. Азбука системного мышления / Д.Х. Медоуз; пер. с англ.; под. ред. Н.П. Тарасовой. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. — 343 с.
4. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 224 с.
5. Нанотехнологии. Азбука для всех. / Под ред. Ю.Д. Третьякова. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. — 368 с.
6. Ракитов А.И. Прологомены к идее технологии // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 3–14.
7. Сибикин Ю.Д., Сибикин М.Ю. Нетрадиционные возобновляемые источники энергии. Учебное издание. 2-е изд. испр. и доп. — М.: ИП РадиоСофт, 2009. — 232 с.
8. Уильямс Л. Нанотехнологии без тайн / Л. Уильямс, У. Адамс; пер. с англ. — М.: Эксмо, 2009. — 368 с.
9. Хартманн У. Очарование нанотехнологии / У. Хартманн; пер. с нем. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2008. — 173 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Ремовыражение. Назначение инверсии с вводящим

Варюхина А.В., аспирант

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А.Шолохова

Владение иноязычной речью предполагает свободное оперирование языковыми единицами всех уровней. При порождении высказывания говорящему или пишущему приходится не только отбирать слова, грамматически оформлять и связывать их между собой, но и в соответствии с замыслом располагать отобранные и оформленные языковые единицы в определенной линейной последовательности. Полнота и правильность порождаемых высказываний, их адекватность замыслу обеспечиваются как точность словоупотребления и структурно-грамматического оформления, так и соответствующим расположением слов.

Необходимость целенаправленной работы над ПС в настоящее время осознается многими методистами и преподавателями практиками. Отдельным вопросам методике обучения использованию средств выражения коммуникативной организации предложения и использованию некоторых основных положений теории АЧП был посвящен ряд работ методистов, занимающихся как проблемами преподавания иностранного языка (К.М. Бесмертная, И.А. Бирюкова, С.Л. Бобырь, Е.А. Макачук, Н.М. Петренко, И.С. Позняк, Л.И. Савченко, В.В. Сафонова, В.Е. Шевякова), так и преподаватели русского языка как иностранного (А.Л. Горбачик, Г.Г. Городилова, Н.А. Лобанова И.П. Слесарева, С.А. Хавронина) и др.

В данной статье речь идет о важной группе средств выражающих актуальное членение предложения, а именно лексико-грамматических средствах, которые одновременно изменяют структуру предложения и несут смысловую нагрузку.

Среди них выделим следующие: предложения с инверсией с вводящим *there*, которые представляют собой классический и наиболее известный пример предложений с экзистенциальным значением, то есть предложений, в которых сообщается о наличии, либо отсутствии в определенном месте чего-то или кого-то. Назначение инверсии с вводящим *there* заключается в синтаксическом выделении подлежащего — носителя ремы предложения, при этом носителем темы будет обстоятельство места. Обращаясь к примерам сравним коммуникативное различие двух предложений: *The pen is on the table*. Ручка на столе. *There is a pen on the table*. На столе ручка. В первом случае речь идет о ручке, носитель темы — подлежащее *pen*, носитель ремы — обстоятельство места *on the table*; сообще-

ние отвечает на вопрос: где ручка? Во втором предложении речь идет об обстоятельстве *на столе*, носитель темы — *on the table*, носитель ремы — подлежащее *pen*; сообщение отвечает на вопрос: что находится на столе?

Если в русском языке различие двух коммуникаций передается противоположным порядком слов — подлежащее — обстоятельство и обстоятельство — подлежащее, то в английском языке это различие тоже передается словопорядком, но иначе. Обстоятельство (*on the table*) в английском языке в обоих случаях занимает одинаковое — конечное — положение. Различие сводится к позиции подлежащего (*pen*) по отношению к сказуемому (*is*) (в первом предложении — *the pen is*, во втором — *is a pen*) и введению в вариант с инверсией десемантизированного *there*. Таким образом, формула первого предложения будет Подлежащее+Сказуемое+Обстоятельство, формула второго — *there*+Сказуемое+Подлежащее+Обстоятельство.

There не зависит от характера объекта и определяется через ремную часть предложения, относящуюся к подлежащему как к первому логическому понятию. Поэтому характерно, что конструкции с подлежащим *there* в большинстве случаев включают в себя ремную часть, раскрывающую как конкретный, так и в высшей степени отвлеченный характер объекта. Установлено, что во многих случаях после *there* объект абстрактен (*There is some mystery there*). Во втором случае *there* несет на себе совершенно определенную смысловую и структурно-организационную функции: во-первых, раскрывает абстрактную сущность подлежащего, конкретизируя его в пространственных координатах; во-вторых, замыкает предложение, представляя его формально законченным.

Однако распределение тема-рематического состава в предложениях с вводящим *there* не всегда было известно в лингвистике. За рему принималось и сказуемое (*be, live, exist*) и сочетание *there be*, а за тему принималось только сказуемое, а статус обстоятельства вообще оставался неизвестным. Существует также точка зрения, что *there* здесь формальное подлежащее, хотя в действительности это скорее, формальное десемантизированное обстоятельство.

На данный момент рематичность подлежащего подтверждается целым рядом факторов: логическим ударением, контекстом, постановкой специального вопроса к

членам предложения, тенденцией в распределении артиклей. Логическим ударением в конструкции с вводящим *there* выделяется подлежащее, независимо от его позиции, сравним:

There is a pen on the table. On the table there is a pen.

Специальный (неопределенно-предикатный) вопрос к предложению с вводящим *there* всегда относится к подлежащему: кто (или что) находится в определенном месте, — What was in your sitting-room? Ремой ответа здесь будет подлежащее — A photograph of herself and Pyle. Распределение артиклей в данном примере классическое — неопределенный артикль при подлежащем-реме и определенный при обстоятельстве-теме. [3, с. 134]

Входящий в составное сказуемое объект в числовом отношении неоднороден, что отражается в различной числовой форме сопряженного с ним в общей структуре именного составного сказуемого. Оно являет собой единую форму, которая может быть представлена или в виде единичности, или множественности (*There is a house — There are houses there*). Подлежащее, будучи грамматически лишенным числовых окончаний, формально остается неизменяемым. Тем не менее, при анализе этих конструкций не с грамматической, а с психологической точки зрения появляется необходимость рассмотреть их как выразителей субъектно-предикативной структуры, в которой субъектом выступает слово типа *a house* — «дом», а предикатом глагол типа *is*.

Таким образом, мы пойдем по пути *подмены грамматического значения психологическим* и будем исходить не из анализа языковых связей, а из обнаружения психологических закономерностей развития темных и ремных частей предложения. Дело не в предикативном или постпредикативном положении подлежащего, а в конкретном подходе к определению типологической сущности разбираемых конструкций. Известно, что местоимения типа *это* (как и *та, те, тот*) представляют собой одну из наиболее древних форм выражения и восприятия мира. Видимо, и конструкции с такого рода словами отражали какой-то строго определенный тип исходно-ассоциативных связей, при котором пространственно-временное соотношение с объектом шло от указательной формы, раскрывавшейся через качественную сущность объекта. Можно полагать, что фиксирование такого типа связей, построенных на локальной неопределенности воспринимаемого объекта по отношению к говорящему лицу, привело в английском языке к расчлененности общего типа конструкций с препозитивным указательным элементом на три подтипа: с *it, c this — that* и с *there*. Каждый из них обладает специфическими чертами в плане соотношения с объектом, от которого зависит форма временной связи и тип глагола (простой или составной). Эти соображения подтверждаются различной логической и психологической трактовкой каждого из рассматриваемых объектов, которая не только лежит в основе их формирования, выражения и функционирования, но является тем внутренним импульсом, который концентрирует в себе

различные ростки их возможной эволюции. Подлежащее *there* («там») по своему внутреннему содержанию близко к местоимению *it*. Как и последнее, оно фиксирует пространственные отношения, идущие на предмет, и связывается в нашем восприятии не с предметом, а с *той пространственной оценкой, которая его определяет*.

В связи с этим *there* требует своего раскрытия и, как правило, детализируется в ремной части. Сказуемое, включая в свой состав именную часть, модифицируется в зависимости от ее количественной основы: (*there*) *is a house there* — «(там) имеется дом» или (*there*) *are houses there* — «(там) имеются дома». [2, С. 294]

В предложениях с вводящим *there* может быть и такой словопорядок, когда обстоятельство места идет сразу после сказуемого (т.е. после *there is*), а подлежащее-рема опять находится в абсолютном конце, сравним: *There appeared in the living-room two women and their husbands*. Находясь в срединном положении, обстоятельство выделяется слабее, чем в начальном.

При фразоначалном положении обстоятельства порядок следования темы и ремы в предложениях с вводящим *there* прямой, как и в русском языке. Поэтому в данном случае в русском переводе никаких перестановок в словораспоряжении не требуется: *On the table there is a pen*. На столе книга. При конечном положении обстоятельства в русском переводе для сохранения адекватности информации требуется перестановка в словораспоряжении, ибо в английском предложении в этом случае порядок следования темы и ремы обратный (рема-тема), а в русском языке он должен быть прямым (тема-рема), сравним: *There was nothing heroic in her story*. В ее истории не было ничего героического. [3, С.132]

Определение ремы по контексту осуществляется опосредованно, через определение темы. Тематичность обстоятельства часто вытекает из предшествующего предложения, а рематичность подлежащего определяется в этом случае негативным способом (т.е. что не тема, то — рема).

Большого внимания заслуживает факт прогрессирующего употребления в современном варианте английского языка в Америке формы единственного числа сказуемого после *there*, не зависящей от числа объектов (*There's many houses there*), где подлежащее и сказуемое (*there is*) грамматически замыкаются, образуя нерасторжимую в числовом отношении группу. Думается, что это явление зависит от особенностей выражения количественного фактора различными частями речи — наречием и двумя типами местоимений, выступающими в функции подлежащего. Известно, что синтаксический рисунок индоевропейского предложения предполагает номинативную, т.е. неизменяемую в падежном отношении форму подлежащего. Ее относительная пространственная независимость от глагола-сказуемого вызывается тем фактом, что типологически всякое движение последнего *задается и определяется подлежащим, а не наоборот*.

Таким образом, та графическая линия, с помощью которой обычно изображается предикат, получает свой мо-

бильный импульс *от субъекта*, который не подвержен падежному изменению. Падеж как бы проецируется на имя со стороны глагола-сказуемого и поэтому проявляется в формах, *следующих за именительным падежом*. В связи с этим выбор падежа определяется не именем, а глаголом, поскольку падеж, как известно, передает отношения пространственного порядка, фиксируя изменение положения объекта в пространственных координатах по

отношению к другим объектам, как близлежащим, так и весьма отдаленным, неназванным. [2, С.295]

Инверсия с вводящим *there* является языковой универсалией, так как аналогичные конструкции имеются и в других индоевропейских языках, сравним: *es gibt...* (нем.), *il-y-a* (фр.). Поэтому основные положения относительно инверсии с вводящим *there*, по-видимому, имеют силу не только для английского, но и для других языков.

Литература:

1. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка. — М.: Астрель, 2003. — 479 с.
2. Кошечая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. — М.: Высшая школа, 2008. — 327 с.
3. Шевякова В.Е. Современный английский язык. — М.: Наука, 1980. — 378 с.

The images of Venice and «Northern Venice» in the Russian Poetry of XX-th century: the parallels and the areas of contact

Kunusova Alina N., PhD student
Astrakhan State University
Università Ca' Foscari di Venezia

One of the prominent features of the Venetian text of the XX-th century (mainly in its second half) is the contamination of two topos — Venice and Petersburg. The relationship between these two cities is defined by a number of reasons both at formal, and at cultural-esthetic levels. «A second practical reason for the prominent place of Venice in Russian literature and thought is in the model it offers for comparison with a seemingly «native» entity: the city of St Petersburg» (Hinrichs, 1997: 64). The researcher considers that the representation of the communications between Venice and Petersburg in the Russian literature gains in strength after known events of 1917 and is connected with the subsequent actualization of the motive of the apocalypse, characteristic for both cities.

The most wide artistic interpretation of the spiritual unity of the two loci is represented by the works of Joseph Brodsky, for which Venice was a mirror reflection of his native city, in which he was unable to return. Beside him, other representatives of the Russian poetry have addressed the topic of the image of Petersburg in the «Venetian» poems. In this article we review the main features of the poetic manifestations of St Petersburg in the Venetian text on a material of poems of A.Purin («Prisnilas' mne Venezia osen'ju », «Mne snilas' Venezia: golubi, sornij kanal ...»), of A.Kushner («Kogda bi grad Petrov stojal na Chernom more »), of K.Pomerantsev («Vozvrashenie»), of V.Perelmutter («Venezia»), etc.

In A.Kushner's poem «Kogda bi grad Petrov stojal na Chernom more » on the foreground there is an image of Petersburg which is reflected also in the title. We have dared to include this poem in the lyrical case of the Venetian text of

the Russian literature of the XX-th century. In our opinion, it corresponds to it not only by formal criteria (the name of Venice is mentioned), but also from the ideological point of view. In spite of the fact that the first three quatrains, making 75% of all poem, are ideologically-thematic focused on Petersburg and its role in the history, and the image of Venice is appearing only at the end of the poem, the latter is not less important. The comparison of the cities in this poem represents the individually-author's relation to Venice and Petersburg, and not in favor of the last. Kushner's poem is written in the minor tonality aggravated six-foot iambic verse and a conditional tense:

*Kogda bi grad Petrov stojal na Chernom more,
Kogda bi tsar' v slezakh prorvalsja na Bosfor,
Mi b zhili bez toski i kholoda vo vzore,
Po milosti sud'bi i k nej popav v favor.*

*V kanalakh bi togda pleskalis' nereidi
Ne tak, kak eta tovar' v snegu i sinjakakh,
Ne snilis' bi nam sni, ne mu4ili obidu,
I bil bi zdravij smisl v gerojakh i bogakh.*

*Kogda bi grad Petrov s gori, kak vinogradnik,
Shpalerami sbegal k ustupchivim volnam,
Ne idol bi vzletal nad bezdnoj, — Mednij Vsadnik
Ne mchalsja b, prizemljaj, po trupam, po telam.*

The parallel «Petersburg — Venice» in Kushner's poetic text is realized also through the motive of the dream. In

the description of the cultural capital of Russia the dream is presented with a negative connotation: «*Ne snilis' bi nam sni, ne muchili obidi / I bil bi zdravij smisl v gerojakh I bogakh*». The negativity of this concept is distributionally caused: the lexeme «an insult», the anaphoric «not» create a negative aura of the initially neutral word «dream». Besides, the antithesis «a dream – common sense» creates additional semantic senses.

With reference to an image of Venice the poet models the other field of connotation: «*Lazurnie bi sni pod vekami pestreli / Geraklovi stolpi, ikarovi krila*». The color symbolism, in our opinion, isn't casual: the blue (in this case – azure) is predominant in the coloring of the Italian text as a whole and of the Venetian in particular.

The motive of the dream is present also in K. Pomerantsev's poem «Vozvrashenie». The lyrical hero stays in a borderline, between dream, imagination and reality: «*Mne ne spitsja. Mechti kolobrodjat, / za oknom vse zabito vesnoj*». Unlike the previous poem, in the following the image of Petersburg is presented occasionally and reads thanks to a metonymy (the Neva prospectus – Petersburg):

*Nad Venetsiej noch' kruzhevnaja
nachertila serebrjanij krug.*

*Zakhlebnulas' neonovim bleskom,
provalilas' skvoz' tisjachi let
i nautro prosnulas' na Nevskom,
podzhidaja fevral'skij rassvet...*

Despite the sketchy image of Petersburg the accurate differentiation of the cities is shown first of all at the lexical level. Venice reveals through negatively painted lexemes («gulkij», «sumrak», «zadikhaetsja», «otshvirnet», «zakhlebnulas'»):

*Solntse, more,
mechti i dorogi...
Gulkij sumrak reznikh kampanil:
schast'e bilo sovsem na poroge,
v dver' stuchalos',
No ja ne pustil.*

*Mimo!Mimo!
Mel'kajut pejazhi,
zadikhaetsja motociklet.
Veter vskinetsja, grud'ju naljazhet,
otshvirnet fioletovej sled.*

If Venice is the unfulfilled dream, the failure to happiness, something hypothetical Petersburg is a part of the real, «the legendary country». The antinomy «Venice – Petersburg» is also observable in the image of the cities in planes occurring at different times: the first appears during the summer period, the second – in winter:

*Solntse, more,
mechti i dorogi...
Gulkij sumrak reznikh kampanil...*

But:

*Zakhlebnulas' neonovim bleskom,
provalilas' skvoz' tisjachi let
i nautro prosnulas' na Nevskom,
podzhidaja fevral'skij rassvet...*

Venice's autumn is presented in A.Purin's poem: «Mne prisnitsja Venezia osen'ju». The minor mood of the product is echoed by realities of Venice:

*... pokritaja plesen'ju lestnitsa
v mutnij, temnij kanal;*

*list, kachaemij v cherni
otrazhennikh lepnin;
vlazhnij gorod vechernij,
topolinij poplin.*

The gloom of Venice is supplemented with similar Petersburg features:

*kupol tusklo-jantarnij,
vlastelin na kone,
gorod lunnij, fonarnij...
Monferran, Falkone.*

The motive of the dream, characteristic for the perception of Petersburg in the Venetian text, is also included in an outline of a poem of Purin that it is shown in the initial line of the product. Unlike Kushner's poem the image of Venice is here central, it makes ¾ of the poetic text. However the motive of the dream creates the effect of unreality of the events so that the primacy of the image of Venice it is lowered in spite of the fact that the image of Petersburg is declared only in the last quatrain, without having a direct nomination and being presented only by anthroponyms: Monferran, Falkone.

The similar effect of unreality is observed also in another poem of Purin («Mne snilas' Venezia: golubi, sornij kanal...»). Similarity of the tonality of both products, probably, is covered in absence of real contact with the city that the poet declares also:

*Ja tam ne bival najavu – i ne nado – chital
novellu odnu pro smjatenie chuvstv i kholeru ...*

The perception of Venice in this case has a mediated character: the poet means T.Mann's work «The Death in Venice». Total tragedy, gloom is also connected with the reception of the Italian city by the Russian poet. The motive of the death declared in the product of the German writer, is also present in a poem of Purin:

*Ja ponjal, chto **umer**, — i ne ogorchilsja...A son
gondolu tolkal: naviga mosti, i portali
vo mrake tesnilis', **zagrobnij** nebesnij visson
spirtovkoj **pilal**... I poplili rodnje kvartali...*

Tragedy of Venice and Petersburg, as it is known, is connected with the surreal existence of the two cities, their «otherness», as connects both cities. Especially clearly this idea develops in V. Perelmuter's poem «Venice»:

*Ikx **dvuedinuju** prirodu
Krepit **predchuvstvie** bedu:
Odin vse glubzhe vkhodit v vodu,
Drugoj voskhodit iz vodi...*

However the poet marks also the total distinction of Venice and Petersburg, her antinomy:

*Dva goroda, kak na vesakh,
Na chashkakh Severa i Juga,
Kak otrazhenija drug druga...*

Perelmuter, as though summing up the previous experience of the reception of both the cities in unity, focuses the attention on subjectivity of this perception «in biased, steadfast eyes»:

***Oni, konechno, ne ravni**
Godami i sud'boj svoeju.*

Bibliography:

1. Hinrichs J.P. In search of another St Petersburg: Venice in Russian poetry (1823 1997)/ — München, 1997.
2. Mednis N.E. Venezia v russkoj literature. — Novosibirsk, 1999.

*No kak-to **Peterburg** vidnee
Iz italijskoj storoni.*

The given poem represents the meditation about the destiny of the native land of the poet which, according to an epigraph «comprises a survivability stock and consequently is capable to every possible successes». «skvoz' Peterburga neljudimost'», any country is more easily perceived, according to the poet.

So, the interpolation of the image of Petersburg in the Venetian text is characterized by the generality of the perception of the Italian city poets of second half of the XX-th century. The connection of the two topos within the limits of one product leads to the imposing of images that leads to the displacement of semantic dominants: not always it is represented clear where one locus comes to an end and another begins that allows to speak about unity of an artistic image. In this case a binding thread between the two cities is the motive of the dream. Petersburg and Venice supplement each other also, representing a male and a female form accordingly. Besides, actually the name «Petersburg» (unlike the lexeme «Venice») frequently doesn't appear in «the Venetian» lyrics of the analyzed period, however it is explicated by using the onyms, connected in the consciousness of the reader with the image of Northern Venice: «the Neva prospectus», «New Holland», «the Copper Horseman», «Falkone», «Peter's hailstones», etc.

As a whole, the image of Petersburg is one of the most significant in the system of spatial coordinates in the Venetian text of Russian poetry of XX-th century.

Символика образа кукушки в якутском и башкирском эпосах (на материале олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» и кубайра «Урал-батыр»)

Куприянова Е.С., младший научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

В последнее время особую актуальность приобретает герменевтический аспект изучения архаических фольклорных текстов. Это связано с все возрастающей значимостью проблемы понимания текста, удаленного от нас на значительное историческое расстояние. Необходимость интерпретации мифопоэтического текста возникает также из мотива его иносказательного метафорического содержания. «Образам якутского эпоса присуща иносказательность; тексты олонхо, весьма устойчивые и консервативные, содержат древнейшие сведения эзотерического характера, что делает их ценным источником для этногенетических исследований [1, с. 81].

Олонхо — крупный и синкретичный жанр фольклора — вобрал в себя сложную систему символов, отражающих национальное своеобразие и специфику культуры народа саха. Система символов в якутском эпосе — многовековое наследие, носящее в себе многослойную информацию об образе жизни, мировоззрении, психологии древних якутов. Экспрессивность символов достигается разными средствами. Особое значение в символике имеют орнитоморфные образы.

Часто в эпических формулах используются орнитоморфные и «зооморфные символы, являющиеся классификаторами пространственных направлений, времен года,

гендерных различий, а также способом объяснения природы человека и социальных отношений. <...> Они сохраняют наглядный образ и вместе с тем несут значительный объем информации, выполняя смыслообразующую функцию» [1, с. 82].

Между тем в якутской фольклористике эта тема мало изучена. Народные представления о мире фауны образуют особый фрагмент традиционного мировоззрения якутов и позволяют осмыслить так называемый зоологический код культуры саха.

Цель нашего исследования — раскрытие символики образа кукушки в эпических формулах олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» и сопоставление с этим орнитоморфным образом в башкирском кубаире «Урал-батыр». Сопоставление позволит выявить общие типические черты в символике и выделить дифференцирующие признаки.

Кукушка — одна из самых мифологизированных птиц с ярко выраженной символикой. В олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» образ кукушки встречается в эпических формулах, описывающих богатырского коня и жилище героя.

Конь эпического героя необыкновенный, можно сказать фантастический [2, с. 8, 286].

Кулгаабар кураҕаччы кыллаах,
Кэтэбэр кэбэ кыллаах,
Санныгар сар кыллаах,
Көхсүгэр көбөн кыллаах,
Өттүгэр өтөн кыллаах,
Борбуйугар борчук куобахтаах,
<...>.

С кроншнепом-птицей на ушах,
Кукушкой-птицей на загривке,
Сарычем-птицей на лопатках,
Селезнем-птицей на крупе,
Голубем-птицей на бедрах,
Серыми зайчатами на подколенках,
<...>.

Определенные соматизмы (части туловища), за которыми в якутской культуре закреплены устойчивые коннотативные значения, олицетворяют птицы. Каждая из них символизирует какое-либо качество. Кроншнеп — чуткость, кукушка — дар предвидения, сарыч — силу и могущество, селезень — выносливость, зайцы — быстроту ног.

Жилище эпического богатыря тоже необыкновенное, очень просторное. В якутской мифологии обширность жилища — признак близости или родства с верховными божествами айыы. В эпической формуле, описывающей его, образы птиц вписаны в семиотическое пространство [2, с. 15, 292–293]:

Хангас диэки турар киһи
Хараҥаччы саба буолан көстөр,

Унуо диэки турар киһи
Улар саба буолан көстөр,
Кэтэбэриин диэки турар киһи
Кэбэ саба буолан көстөр,
Суол айабын диэки турар киһи
Суор саба буолан көстөр.

Человек, стоящий на левой его стороне,
Кажется величиною с ласточку,
Человек, стоящий на правой его стороне,
Кажется [ростом] с глухаря,
Человек, стоящий у противокаминной стороны,
Кажется величиной с кукушку,
Человек, стоящий у дверей,
Кажется с ворона.

В этой эпической формуле образы птиц соотнесены со знаковыми характеристиками основных зон якутского балагана: правый / левый, мужской / женский и т.п. Кукушка и ворон как шаманские птицы имеют двойственный характер, являются посредниками между жизнью и смертью, летом и зимой.

Кукушка в якутской мифологии служит вехой на дороге к божеству Улуутуйар Улуу Тойону, отцу и главе шаманов, обитающему на западном небосклоне [3, с. 326]. В текстах шаманских камланий и олонхо пространственная характеристика кукушки устойчиво связана с задней стороной [4, с. 42–43; 5, с. 114].

На стороне **кэтэбэриин диэки** находилось супружеское ложе хозяев дома (**кэтэбэриин орон**). На наш взгляд, соотнесение птицы с этой зоной жилища неслучайно и связано с идеей плодородия. По мнению Павлинской, образ этой птицы олицетворяет также идею изобилия и богатства [6, с. 183].

Другой символ плодородия — яйцо, которое птица подбрасывает в чужие гнезда, упоминается в якутской этнологической сказке «Почему кукушка перестала вить гнездо». В ней повествуется, что в старину кукушка вила себе гнездо, несла двенадцать яиц и пела все лето». Однажды она прилетела очень рано, свила гнездо и стала высиживать яйца раньше положенного срока, за что и была наказана, причем кукушка не только лишилась гнезда, но язык ее остается стянутым «торчком назад» (**тыла кэтэ-бинэн чороччу тартын**) до определенного богом срока. Как шаманская птица кукушка наделена, казалось бы, противоположными качествами. Якуты верили, что если дорогу перелетит кукушка, то это сулит путнику смерть; появление птицы вблизи жилища служило также знаком беды [7, с. 55; 8, с. 399; 9, с. 77].

Образ кукушки, связанный с идеей возрождения жизни и вместе с тем с мотивом смерти, в эпической формуле вписан в локус **кэтэбэриин диэки**, который был соотнесен с миром предков, родовой горой. Древние тюрки верили, что люди, умирая, неизбежно возвращаются в родовую гору, с тем «чтобы вновь слиться с этим «родовым единством» и послужить материалом для создания

новых людей» [10, с. 88]. Идея симметричности рождения и смерти в пространственном аспекте, характерная для архаичного мировоззрения, нашла отражение в текстах олонхо [11, с. 147].

В традиционном жилище тюрков у стены, противоположной входу, хранились бубен, плащ кама и другие предметы шаманского культа; в якутском балагане именно там спал приглашенный камлать шаман [12, с. 173; 13, с. 112; 14, с. 146].

В башкирской народной культуре кэкук 'кукушка', как и ворон, связана с потусторонним миром и выступает вестницей несчастья: кукуя, предсказывает смерть.

В эпосе «Урал-батыр» кукушка, олицетворяя собой женское начало, является символом безразличия [15, с. 259].

Сказала кукушка: «Я гнезд не имею,
Я детишек своих не лелею.
Пусть тот, кто в них души не чаёт,

Кто их холит и величает,
Как захочет, так и живет,
Норы роет и гнезда вьет.

Таким образом, в якутском и башкирском эпосах птица олицетворяет женское начало. Безусловно, кукушка была почитаемой птицей в мифологии и культуре якутов и башкир. В башкирском эпосе она выступает как персонаж. В якутском эпосе, на наш взгляд, отразилось почитание этой птицы как шаманской. Об этом говорит соотнесение ее с сакрализованной частью жилища, а именно с локусом *кэтэбэриин*. Древние якуты верили, что птица обладает сверхъестественной способностью предвидения.

Таким образом, текст скрепляет не только аллитерация, но и системообразующие взаимоотношения между лексическими единицами языка и культурными концептами. Эти отношения действуют как механизм компрессии и фиксации сообщения.

Литература:

1. Габышева Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. — Новосибирск: Наука, 2009. — 143 с.
2. Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо / Сказитель И.Г.Тимофеев-Теплоухов. — М.: Наука, 1985. — 608 с.
3. Ойунский П.А. Избранные произведения: В 2 т. — Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. — Т.2. — 432 с.
4. Якутские народные песни. — Якутск, 1976. — Ч.1: Песни о природе. — 232 с.
5. Якутский фольклор / Тексты и пер. А.А. Попова. — Л.: Сов.писатель, 1936. — 320 с.
6. Павлинская Л.Р. Некоторые аспекты семантики металлов в культуре тюрков Сибири XIX — начала XX в. // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских Чтений. — СПб., 2000. — С. 181—187.
7. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980. — 318 с.
8. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. — Л.: Наука, 1969. — 440 с.
9. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. — М.: Изд-во вост.лит., 1961. — 218 с.
10. Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Сов. этнография. — 1982. — №2. — С. 83—92.
11. Габышева Л.Л. Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутского эпоса олонхо): Дис. ... канд. филол. наук. — Якутск, 1986. — 206 с.
12. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — 218 с.
13. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. — М.: Наука, 1974. — 222 с.
14. Дьяконова В.П. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири: (По материалам второй половины XIX — нач. XX в.). — Л.: Наука, 1981. — С. 129—164.
15. Бухарова Г.Р. «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. — 400 с.

К вопросу о жанровом своеобразии американского морского романа (на материале произведения Германа Мелвилла «Моби Дик»)

Машошина В.С., соискатель
Московский городской педагогический университет

Особое место в истории развития литературоведения США занимает эпоха романтизма, к которой исследователи и критики, в том числе, известный российский ученый Ю.В. Ковалев, относят период 20^х-60^х годов XIX столетия [2, с. 41–42]. XX век, в частности, обозначен обращением взоров писателей и литературоведов к этим декадам, во время которых, как известно, был внесен неоценимый вклад в развитие национальной литературы США. Актуальность проблематики, художественные завоевания, глубокая идейная значимость произведений данного периода, а также смелое развитие и расширение границ жанра романа определили достойное место эпохи романтизма в культуре и литературе США.

Говоря о жанровых особенностях названного литературного периода, важным представляется отметить точку зрения авторов работы «Категория поэтики в смене литературных эпох» на данную проблему. Критики отмечают особый авторский стиль, пришедший на смену традиционализму художественного сознания — в романтизме происходит «деканонизация стилей и жанров и доминирующей становится поэтика автора, наступает эпоха индивидуально-авторских стилей, литература предельно сближается с непосредственным и конкретным бытием человека, проникается его заботами, мыслями и чувствами, создается по его мерке» [1, с. 33]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что жанр является отражением авторской картины мира, неповторимой реализацией своего собственного «я».

Как отмечается в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина, жанр представляет собой «идеальный» тип или логически сконструированную модель конкретного литературного произведения, которые могут быть рассмотрены в качестве его инварианта» [4, с. 264]. Здесь же отмечается, что «поскольку декларации об отказе от «правил» поэтики характерны для эпохи романтизма, то именно с нее обычно начинают отсчет периода, в который жанр — как устойчивая, постоянно воспроизводимая система признаков произведения — как будто перестает существовать» [там же]. Подобный «произвол» романтиков может быть в полной мере оправдан многослойностью, разноплановостью и богатым художественным миром создаваемых ими произведений, а также особым отношением к категории свободы, которая являлась одной из основополагающих на протяжении всего становления национального американского самосознания.

Наряду со многими существовавшими жанрами на территории США в интересующий нас период, главенствующую позицию занимал жанр романа. В рамках данной

статьи мы бы хотели обратить внимание на такую его разновидность как морской роман, что было особенно характерно для литературы Северной Америки.

По сути, именно американские романтики становятся создателями жанра морского романа, который предстает в динамике от Ф. Купера к Г. Мелвиллу. Принимая во внимание творчество Фенимора Купера, следует сказать, что он, бесспорно, заложил основы и разработал параметры морского романа.

Как отмечается исследователями американской литературы, морской роман и морская повесть как литературные жанры органично вошли в направление нативизма, которое начинает особо выделяться в данный период. По определению Ю.В. Ковалева, нативизм можно рассматривать как «культурное и литературное движение в рамках романтизма, смысл и пафос которого, заключается в художественно-философском освоении Америки, ее природы, истории, общественно-политических институтов, ее нравов» [2, с. 42].

Представители нативизма во многом сформировали главные признаки жанра. В их произведениях океан представлен своеобразным действующим лицом, а корабль и моряки показаны как единый социальный организм. В сочинениях таких авторов как Вашингтон Ирвинг и Фенимор Купер морское дело рассматривается в качестве ремесла, требующего высокого профессионализма. Следовательно, можно говорить о том, что американские романтики XIX века сделали определенное открытие в литературе, которое, по нашему мнению, можно расценивать, как этап освоения страны.

Следует заметить, что морская поэтика закономерно занимает важное место в литературе и культуре США. Исторически американцы воспринимаются, по определению Е.А. Стеценко, как «нация, которая в пути» (вспомним первых переселенцев на североамериканский континент, а также, вновь осваиваемые земли на Западе, так называемый фронт). Именно поэтому метафора дороги, как сухопутной, так и морской, находит многократное отражение в национальной литературе. Таким образом, варьируясь и видоизменяясь, идея странствий закрепляется в самосознании американцев.

Особое значение морская тематика имеет в творчестве Германа Мелвилла. Критики и исследователи отмечают новаторство писателя в освоении морской темы, имея в виду его воздействие на развитие морского романа. Первоначально морская тема в творчестве Мелвилла носила документальный характер («Тайпи», (*Typee*, 1846); «Ому», (*Omoo*, 1847)). Позднее, в романе «Белый Бушлат» (*White Jacket*, 1850) автор осветил быт воен-

ного судна. К моменту написания самого известного романа «Моби Дик» (*Moby Dick, or The Whale; 1851*) маринистика Мелвилла уже приобрела уникальный характер. Писатель решительно изменил форму морского романа, наполнив его особым содержанием и поставив в центр своей философской концепции проблему странствий человеческой души.

По словам вышеупомянутого исследователя творчества Мелвилла, американский романист «изучал интеллект, прорывающийся к основным универсальным законам бытия и пытающийся выяснить положение человека в иерархии систем — от микрокосма индивидуального сознания до макрокосма Вселенной» [3, с. 565]. Своеобразие творчества писателя заключается в том, что отнюдь не новое уже в литературе противопоставление человека и общества приобрело в его сочинениях усложненный, амбивалентный характер.

Спор о жанровой принадлежности романа Германа Мелвилла «Моби Дик» велся критиками на протяжении XX века и сохраняется до сих пор. Однако большинство ученых единогласно признают, что данное произведение является вершиной творчества писателя. «Моби Дик» справедливо считается шедевром мировой литературы и представляет собой удивительный синтез многих жанровых разновидностей, единство научного и беллетристского стилей. Можно сказать, что «Моби Дик» сочетал в себе достижения американской романтической прозы и опыт мировой литературы в целом.

В исследуемом произведении море как метафора приобретает особую емкость и глубину. Писатель сделал море полноправным участником действия, для Мелвилла это олицетворение единства мира, как живого организма, когда морская стихия, по словам исследователя В.М. Толмачева, «является продолжением человека, образом его трагического отчуждения от цивилизации и самого себя» [5, с. 90]. Одним из основных принципов повествования в романе стала ассоциативная связь между вольной морской стихией и мыслями, поступками и духовными исканиями персонажей романа. Писатель мастерски демонстрирует синтетизм своего мышления, живописуя общность и расхождение двух, несуществующих друг без друга миров, — мира природы и мира человека, чье бытие тесными узами связано с жизнью моря. Вышеописанные особенности художественной системы Мелвилла дают основания полагать, что жанр морского романа в творчестве художника слова выходит далеко за традиционные рамки его восприятия в эпоху американского романтизма.

В произведении «Моби Дик» автор неоднократно подчеркивает единство мира природы:

The firmaments of air and sea were hardly separable in that all-pervading azure; only, the pensive air was transparently pure and soft, with a woman's look, and the robust and man-like sea heaved with long, strong, lingering swells, as Samson's chest in his sleep [6, p. 442].

Несмотря на внутренний контраст между морской и воздушной стихиями, автор подчеркивает их неделимость.

Они гармонично составляют единое целое, являя собой два начала — мужское и женское:

...the contrast was only in shades and shadows without; those two seemed one; it was only the sex, as it were, that distinguished them [Ibid.].

Из данного примера следует, что автор, персонифицируя природу, приписывая ей человеческие качества.

Мелвилл заостряет характерный для произведений романтизма конфликт человека и природы через описание образа капитана Ахава, так диссонирующего с царящей вокруг гармонией:

Tied up and twisted; gnarled and knotted with wrinkles; haggardly firm and unyielding; his eyes glowing like coals, that still glow in the ashes of ruin; untottering Ahab stood forth in the clearness of the morn; lifting his splintered helmet of a brow to the fair girl's forehead of heaven [6, p. 442].

Здесь писатель явно противопоставляет замкнутого, напряженного и неистового Ахава невинности лазури («*innocence of the azure*» [Ibid.]) и чистому девичьему челу небес.

Как уже отмечалось, метафора моря приобретает особую значимость в повествовании американского романтика. Океан в романе Германа Мелвилла предстает символом абсолютного, беспредельного, свободолобивого явления, того, что становится одновременно бездной и основой мироздания. Образ океана в романе многолик и неоднозначен. Для Мелвилла размышление и вода, как явление, порождающее его, неотделимы друг от друга: *Yes, as everyone knows, meditation and water are wedded for ever* [6, p. 4].

Одной из центральных метафор романа американского писателя является океан как воплощение Божественного начала. В самом начале повествования Измаил (*Ishmael*), главный герой романа, размышляет о мистическом трепете, охватывающем человека, впервые увидевшего, что берега скрылись из виду. Он подчеркивает святость моря и указывает на то, что в античной культуре ему приписывалось особое божественное начало:

Why is almost every robust healthy boy with a robust healthy soul in him, at some time or other crazy to go to sea? Why upon your first voyage as a passenger, did you yourself feel such a mystical vibration, when first told that you and your ship were now out of sight of land? Why did the old Persians hold the sea holy? Why did the Greeks give it a separate deity, and own brother of Jove? Surely all this is not without meaning [6, p. 4].

Из данного примера следует, что глубина философских воззрений автора, выраженных устами героя, также подтверждает соединение в романе метафорической и символической систем, и указывает на огромный историко-культурный и мифологический подтекст романа.

С первых страниц повествования автор обозначает отчетливую связь между освоением просторов океана и процессом познания истины. Мелвилл отмечает, что приблизиться к последней можно, лишь бороздя морские просторы:

But as in landlessness alone resides highest truth, shoreless, indefinite as God — so, better is it to perish in that howling infinite, than be ingloriously dashed upon the lee, even if that were safety! [6, p. 89].

Отметим, что такой вывод возможен, если определять лексическую единицу *landlessness* как синоним понятия *more*. Из рассуждений автора мы можем предположить, что с этой позиции плавание китобойного судна «Пекода» (*The Pequod*) можно рассматривать как поиск истины, попытку познания Высшей тайны бытия.

Однако человеку едва ли по силам справиться с данной задачей, и в подтверждение этой мысли Герман Мелвилл сравнивает океан с образом непостижимого фантома жизни:

...that same image, we ourselves see in all rivers and oceans. It is the image of the ungraspable phantom of life; and this is the key to it all [6, p. 5], поясняя, тем

самым, что истина таится на глубине и робкому неисклю- шенному человеку безнадежно пытаться постичь ее, ибо тайну фантома и сущность мировых устоев смертному познать не дано.

Проанализировав вышеприведенные примеры, можно сделать вывод о том, что «Моби Дик» Германа Мелвилла выходит далеко за рамки жанра морского романа в его традиционном восприятии в эпоху американского романтизма.

Как неоднократно отмечалось критиками, характерной особенностью творчества писателя являются синте- тизм его мышления и неповторимое умение создать уни- кальный сплав символики и достоверности изображения морской действительности. Названные факторы, а также уникальный амбивалентный характер поэтики «Моби Дика» позволяют рассматривать данное произведение как лучший морской роман во всей мировой литературе.

Литература:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л. Категория поэтики в смене литературных эпох: // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1997. — С. 33–35
2. Ковалев Ю.В. Американский романтизм: хронология, топография, метод. В кн.: Романтические традиции лите- ратуры XIX века и современность / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Наука, 1982. — С. 27–54
3. Ковалев Ю.В. Зрелый романтизм: // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1989. — 880 с.
4. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по об- ществ. наукам. — М.: Интелвак, 2001. — 799 с.
5. Толмачев В.М. От романтизма к романтизму. М., 1997. — С. 90–95
6. Melville Herman, Moby Dick. Wordsworth Editions Limited, 2002. — 492 p.

Персонажи петербургского зазеркалья в контексте петербургского мифа современной русской прозы

Повх Ю.А., аспирант

Астраханский государственный университет

В искусственном, неестественном Петербурге, в этом созданном вопреки природе городе, практически с мо- мента его основания образовалась чёткая иерархическая структура, касающаяся всех сфер жизни: это и способ за- стройки города, казёнщина и бюрократия, связанные с наличием у Петербурга столичных функций, и множество государственных и административных зданий, и соблю- дение множества ритуалов и чётко организованных дей- ствий (ношение форменной одежды, парады и т.д.). Од- новременно с этим в общественном сознании горожан появляется интерес к городскому фольклору, к мисти- ческим легендам о призраках и привидениях. Упоминания о петербургских призраках рано появляются в городском фольклоре. Их появление связывалось с предсказаниями о скором конце Петербурга. Метафизическая ирреаль- ность, по мнению Н. Синдаловского, «каким-то неверо-

ятым образом уравнивала и облегчала бремя пов- седневого реального существования» [2, с. 23].

Потусторонние обитатели настолько привычны для петербуржцев, что мистический налёт при их упоми- нании нивелируется, уступая место привычному, буднич- ному восприятию призраков как атрибута города, став- шего неотъемлемым дополнением его богатой событиями истории, своеобразной визитной карточкой Петербурга. Так, ежевечерний маршрут героя романа И. Стогова про- легает через Спас-на-Крови и Михайловский замок, одни из самых мистических мест Петербурга. Повествуя об этом, герой не может не упомянуть о привидениях, насе- ляющих эти архитектурные сооружения: «Замок был пуст, тёмный, тих. Внутри его притаились привидения. Здесь на- верняка повсюду обитали привидения. В Михайловском замке, где убили Павла I, рядом со Спасом-на-Крови, где

взорвали Павлова внука, чуть дальше по Фонтанке, на месте, где гомосексуалисты всадили контрольную пулю в голову Григорию Распутину и где сегодня расположено противное дорогое кафе.

Место, где я живу, битком набито привидениями. А не встречал я их только потому, что на моём мобильном телефоне установлена весёленькая мелодия из кинофильма «Ghostbusters» [3, с. 52].

Автор не без иронии предполагает, что мелодия из фильма «Ghostbusters» («Охотники за привидениями») гарантирует ему безопасность от призраков некогда убитых царедворцев. Совмещение в приведенном фрагменте романа реалий разных временных пластов (XIX — XXI вв.) актуализирует в сознании читателей петербургские мифы о призраках Павла I и Григория Распутина. Согласно городским легендам, призрак императора Павла I неоднократно играл на флажолете — старинном музыкальном инструменте, а в помещениях дворца-музея иногда поскрипывает паркет, необъяснимо стучат двери, при отсутствии ветра и сквозняков распахиваются старинные оконные форточки. Другой призрак — Григория Распутин — до сих пор появляется в доме №64 по Гороховой улице, где Распутин жил в начале XX в. [2, с. 90].

Герой романа А. Столярова «Не знает заката», видя на набережной за Сенной площадью призрак Родиона Раскольникова, не испытывает даже тени удивления: «Меня уже ничем нельзя было удивить. В конце концов, у каждого города свои достопримечательности. В Москве показывают Кремль, боярские палаты, Третьяковскую галерею, а в Петербурге — Медного всадника, Зимний дворец, призрак Родиона Раскольникова, бредущий сквозь полуденный зной» [4].

Роман Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» содержит множество упоминаний о самых разных петербургских призраках. Пожалуй, его можно назвать самым полным «путеводителем» по мистическим местам Петербурга в современной литературе. Составляя лоцию, герои этой книги — молодой человек Валерий (в будущем видный искусствовед) и полуяпонка Настасья — подробно описывают каждый из островов, на котором им удалось побывать, и на каждом острове, по этой лоции, обитают свои призраки. Так, например, призраки острова Енисаари (Заячьего), где в 1703 году была заложена крепость Санкт-Питербурх, первое сооружение будущего города, — царевич Алексей (сын Петра Первого), княжна Тараканова, повешенные декабристы; групповые видения строителей и подкопщиков, «чьи массовые захоронения обнаружены были за Кронверком во время строительства дороги на эспланаду и детской железной дороги царских времён» [1].

Настасья и Валерий обладают даром видеть, слышать и замечать то, чего не видят, не замечают все остальные люди. Мир, каким его видят путешествующие по невским островам влюблённые, хранит события и персонажей ушедших эпох. Границы между прошлым и настоящим становятся зыбкими, иногда и вовсе стираясь, и в эти моменты Настасья и Валерий встречают обитателей пе-

тербургского зазеркалья. Отправной точкой на пути таких встреч для Валерия становится лекция А.П. Теодоровского «Некоторые сведения о западноевропейских и российских привидениях»: «Итак, наиболее типичные для нашего города привидения, — бойко докладывал круглолицый седовласый сангвиник в очках, поглядывая в тезисы (или то был полный текст?) доклада своего, — Пётр I, Павел I с табакеркою, бродящий по Инженерному замку, пара новобрачных шутов из Ледяного дома, парное привидение царя Александра и народовольца Гриневицкого, ночлежники лавры Вяземской, что на Сенной (некоторые под видом бродяг, бомжей и нищих), Анна Иоанновна в Тронном зале, революционные матросы во главе с братьями Железниковыми, повешенные декабристы, Григорий Распутин, а также частные малоизвестные лица» [1]. Некоторых их перечисленных призраков герои книги встретят лично.

Первые призраки, встретившиеся на пути Настасьи и Валерия, — мельник Матис и капитан Полушкин. Мифологизация образа мельника в петербургском мифе началась после его смерти. При жизни Матис получил охранный лист на остров от Петра Первого как награду за разведку и сообщения о действиях шведских войск в первые годы Северной войны. На острове его имени оказываются герои Н. Галкиной. Привидение мельника часто бродит по острову, простирая руку к призраку мельницы и произносит: «Вот мельница. Она уж развалилась». Призрак капитана Полушкина также представляет собой интересное явление петербургского городского фольклора, согласно которому отставной капитан Полушкин в своё время помешался на том, что он Дон Кихот, поэтому должен сражаться с привидением ветряной мельницы Матиса. В «Архипелаге Святого Петра» призраки Матиса и Полушкина появляются, чтобы вернуть в психбольницу на соседний остров сбежавшего оттуда юношу, который представился Настасье и Валерии «небесным мотыльком». На Матисовом острове герои романа Н. Галкиной встречают и старушку, которая одаривает их золотыми монетами прошлого столетия, а затем уходит по водам Пряжки к Неве.

Другой петербургский призрак, чей образ актуализирован в романе, — Григорий Распутин. Труп убитого в результате заговора «старца» был спущен под лёд Малой Невки у Петровского моста. С этого момента петербургский городской фольклор приобретает множество легендарных свидетельств этой гибели, одно из которых представлено в романе Н. Галкиной: «По легенде, ведь его нашли не там, где утопили. И совсем не течением тело от полыньи к полынье снесло. Первую-то полынью убийцы льдом и снегом закидали или ещё чем, так, говорят, он по дну шел, всё полынью высматривал, да и высмотрел, всплыл ледок тонкий ломать, почти выбрался, да устал, отключился, воды и нахлебался. Говорят, с похоронами проблемы были, он и мёртвый все ходил. <...> Сердце не бьётся, зрачки на свет не реагируют. <...> Его в гроб — он встаёт и ходит. Занавес закрылся, пьеса началась. Ходит, руками воздух шупает. Всё Феликса Юсупова хотел поймать» [1].

Валерию представляется случай лично наблюдать призраков этой одиозной фигуры отечественной истории; воды Невы приоткрывают ему свои тайны: «шедший по дну, совершающий свой подводный обход чернорылый Распутин, опутанный цепями, точно веригами, в окровавленной рубашке, поднял голову, запрокинувшись, смотрел на меня, смеялся беззвучно» [1].

Встречают Настасья и Валерий и призраков Николая Второго и его семьи. Героям побывали на уже упоминавшемся плавучем железном острове, или подводной лодке, последнего русского царя из рода Романовых и увидели призраки Николая и балерины Кшесинской, а также четырёх его дочерей и сына: «Я всё время ловил себя на том, что совершенно не боюсь полупрозрачных девушек и тихого эфемерного ребенка, двигающихся почти неслышно в нескольких метрах от меня; страх внушала мне мысль о их гибели, расстрелянные сестры и их маленький брат-инвалид точно не знали, какая участь их ожидает; возникающий и постепенно гаснущий смех девушек казался пугающей, чуть отстающей от движений и мимики фонограммой...» [1].

Ещё один интересный призрак, встретившийся героям книги Н. Галкиной, — театральные механики Бригонци, построивший механическую часть в Большом и Эрмитажном театрах и Царскосельский театр. Вместе со знаменитым декоратором Гонзаго способствовал великолепию оперных и балетных представлений в царствование Елизаветы и Екатерины II. Неудачное выведение фундамента здания Ассигнационного банка довело его до сумасшествия, и он утопился в Фонтанке у Летнего сада. Настасья и Валерий узнают у призрака Бригонци обстоятельства его гибели и играют вместе с ним спектакль в деревянном театре на Каменном острове, в действительности давно заброшенном и полуразрушенном.

Литература:

1. Галкина Н. Архипелаг Святого Петра // Нева. — 1999. — №4. — URL: <http://www.litru.ru/?book=36029&description=1>.
2. Синдаловский Н. Призраки Северной столицы. Легенды и мифы питерского зазеркалья. — М.: Центрполиграф, 2007.
3. Стогов И. 1 000 000 евро, или Тысяча вторая ночь 2003 года. — СПб.: Амфора, 2005.
4. Столяров А. Не знает заката // Нева. — 2005. — №10–11. — URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/11/sto2.html>.

Помимо подробного описания обитателей петербургского зазеркалья, в «Архипелаге Святого Петра» предпринята попытка их классификации. Уже начало романа (лекция о призраках) содержит установку на достоверность. Наблюдения фантомологов (научный поход) и далёких от науки, но обладающих особым видением окружающего мира Настасьи и Валерия позволяют выделить в петербургском потустороннем мире следующие виды призраков:

1) персонифицированные привидения: Петр I, Павел I с табакеркою, бродящий по Инженерному замку, пара новобрачных шутов из Ледяного дома, Анна Иоанновна в Тронном зале, повешенные декабристы, Григорий Распутин, мельник Матис, княжна Тараканова, капитан Полухин и многие другие; это призраки некогда живших в Петербурге людей;

2) «пространственные неодушевленные привидения, или фантомы, главные из которых — Ледяной дом и Зимний сад» [1];

3) «зеркальные»: «в ночи полнолуния они тихой чередой выходят из дворцовых зеркал или из сохранившихся зеркал особняков. Зеркальные — посланцы закрытых некогда пространств <...>: квартиры умерших стариков с убранством, мебелью, безделушками с аурой вкупе, деревни, где жила мы в детстве у дальних родственников, разоренные усадьбы, разворованные дворцы, сожженные особняки, разбитые бомбежками дома» [1];

4) «костюмные»: лица меняются, амплуа остается. То есть привидением является собственно роль, собственно костюм, персонаж, тип, индивидуальная характеристика значения не имеет. Привидения меняют головы и фигуры <...>; лицо для них является маской, одежда — сущностью. В данном случае мы имеем дело с характерным для архипелага Святого Петра феноменом чиновничьего призрака».

Особенности переводов с английского языка на узбекский язык

Рахимова Ш.П., соискатель
Узбекский национальный университет (г. Ташкент)

История развития узбекской школы перевода имеет собственную специфику и своеобразие. Это своеобразие характеризуется (1) широким развитием уже в Средних веках переводов с восточных языков, в основном

с арабского, наличие двуязычных словарей; (2) начала со второй половины XIX переводов непосредственно с западных языков, и наконец, (3) довольно широкое развитие переводов художественной и научной литературы с русс-

кого языка, в том числе переводов с других языков мировой литературы, посредством русского языка.

Роль этих переводов русской литературы, или же посредством русского языка, мировой литературы, было очень влиятельным на развитие узбекской культуры в целом. В этом культурно-литературном взаимообмене и взаимопроникновении русский язык играл роль моста, связующего узбекского читателя с мировой культурой и литературой. Узбекская школа перевода прошлого столетия на самом деле в своем основном составе и практике основывалась на переводах с русского языка. Следовательно, англоязычная литературы также переводилась посредством русского языка. Практически не существовало школы перевода непосредственно с английского языка.

Вышказанная специфика узбекской школы переводов основывается на следующих факторах:

Во-первых, узбекская школа переводов сформировалась в Средние века и явилась одной из возможностей для широкого развития исламской религии и культуры. В последствии многие представители Средазиатский школы науки и литературы внесли огромный вклад в становление и развитие исламской цивилизации во многих науках. Творчество великих энциклопедистов того времени является ярким свидетельством этого. Одним из характеристик того времени было наличие переводчиков и двуязычных, а также и толковых словарей.

Во-вторых, процесс развития узбекской переводческой школы всегда был связан с ростом национального самосознания и проявлением идей возрождения национального величия, с ростом просветительского движения. Узбекские просветители стремились знакомить читателя с величайшими и бессмертными произведениями, вошедшими в золотой фонд мировой литературы. Поэтому именно в период просветительства появляются первые попытки переводов с русского и других языков, в том числе и с английского языка.

В-третьих, наиболее развитый период узбекской школы переводов приходится на вторую половину прошлого века. Именно в этот период в качестве научной дисциплины сформировались главные принципы, методология, основные направления узбекской переводческой школы и узбекской транслеографии. На литературную сцену вступили ряд транслеографов и переводчиков. Также многие поэты и писатели занимались переводческой деятельностью.

В этот период были осуществлены исследовательские работы, посвященные особенностям художественного перевода, таких транслеографов, как Г. Саламов, С. Мамаджанов, Г. Ходжаев, Н. Владимирова, К. Джураев, Н. Камилов, С. Мелиев, С. Азимов, Ш. Атабаев, С. Ачилов, Б. Эрматов, Х. Исмаилов, М. Бакаева, Н. Атаджанов, К. Мусаев.

Именно в этот период были изданы сотни переводов произведений мировой литературы, выполненных десятками переводчиков, писателей и поэтов, как Усман Насыр, Санджар Сыдык, Джуманияз Шарипов, Нинель

Владимирова, Мирзакалон Исмаили (более 200 произведений классиков русской и Западной литературы), Гульнара Гафурова, Аскад Мухтар, Гафур Гулям (Шекспир, «Отелло»), М.Шейхзаде (Шекспир, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Король Лир»), Уйгун (Шекспир, «Юлий Цезарь»), Камил Яшен (Шекспир, «Антоний и Клеопатра»), Джамал Камал (Шекспир, «Ричард III»), Мухаммад Али (Рамаяна), Кадыр Мирмухамедов (Дж. Боккаччо, «Декамерон»), Эркин Вахидов (Гете, «Фауст»), Абдулла Арипов (Данте, «Божественная комедия»), Ш. Шамухамедов (Фирдоуси, «Шахнаме» и классики персидской литературы). В этот же период были переведены на узбекский язык произведения английских поэтов Роберта Бернса и Байрона, сонеты Шекспира, произведения Чарльза Диккенса, Джонатана Свифта, Теодора Драйзера, Джона Стейнбека, Эрнеста Хэмингуэя и других авторов. В 1980–1990 годах была переведена на узбекский язык трагедия Кристофера Марло «Сахибкиран Тимур». В этот же период на узбекский язык переведены произведения более тридцати представителей английской и американской литературы, писателей и поэтов.

Однако главной особенностью этих переводов было то, что они были не прямыми переводами с английского, а были переводами опосредованными, через русский язык.

За годы независимости (после 1991 года) в узбекской школе переводов произошли существенные преобразования. Усилилась практика прямых переводов мировой литературы. Русский язык начал терять бывалую роль языка посредника.

В-четвертых, особенностями узбекской школы переводов на сегодняшний день является *возникшая традиция прямых переводов на узбекский язык* со всех мировых языков, в том числе с английского языка. Причем переводы идут в основном в одну сторону — переводятся на узбекский язык. Но с узбекского языка на английский язык пока нет активного движения. Другой особенностью сегодняшней практики является развитие, наряду с художественной литературой, переводов значимой в мировом масштабе и признанной читателями в мире (2) литературы по *общественно-политическим, историческим, философским, научно-техническим и естественным дисциплинам*, в том числе (3) *непосредственный перевод киноматериалов*.

Сегодня имеются все возможности для широкого развития школы перевода на узбекский язык и с узбекского языка, и главное, не составляет никаких трудностей приобретение оригиналов художественных произведений. Вместе с тем в Узбекистане быстрыми шагами развивается деятельность по изданию языковых словарей, что является удобной возможностью для транслеографии.

Традиция прямых переводов с английского языка на узбекский язык начинается с 30-годов прошлого века. Затем, в 80-годах прошлого века, возобновилась традиция прямых переводов на узбекский с английского.

Таким образом, изучение истории перевода с английского на узбекский язык выявило своеобразные стороны

узбекской национальной традиции языковых переводов. Сегодня в узбекской транслеографии начался новый, перспективный, полный возможностей период. Основные особенности этого периода определяются такими факторами, как расширение литературного, культурного, научного общения с зарубежными государствами, широкие возможности для изучения иностранных языков, возможность для многих людей совершать поездки в зарубежные страны для повышения своей языковой квалификации, особенно английского языка, обилие необходимых учебных принадлежностей и словарей, возможность использования интернета и телекоммуникаций, организация во многих университетах живого общения с носителями языка и многими другими.

Однако этих широких возможностей недостаточно. Пока в системе высшего образования не будет эффективно проводиться работа по подготовке специалистов, нацеленных на художественный и научный перевод, огрехи в переводах с узбекского на английский язык и с английского на узбекский будут чувствоваться и впредь.

Поэтому в ряду актуальных задач нынешнего периода, связанных со сферой транслеографии, можно указать такие проблемы, как целевое воспитание высококвалифицированных кадров, обеспечение их переводческой деятельностью, привлечение современных поэтов и писателей к переводческой деятельности, организация специальных курсов переводческого мастерства, материальное обеспечение творческих командировок молодых специалистов в иностранные государства в рамках их специализации, постоянное повышение их квалификации, обеспечение правовых гарантий труда переводчиков и материальное обеспечение на соответствующем уровне их интеллектуально-творческой деятельности.

Историю развития прямых переводов с английского языка на узбекский можно условно разделить на следующие этапы:

1. Этап первых переводов в период национального просветительства (конец XIX века и начало XX века). Переводы с английского языка в этот период зиждятся на стремлении ознакомить с прогрессивными и просветительскими идеями, желании пропагандировать наиболее знаменитые произведения мировой литературы.

2. Опосредованные и прямые переводы с английского языка, осуществленные в бывший советский период. (1924–1991 годы). В этот период были переведены самые знаменитые произведения англоязычной литературы. За этой деятельностью лежит стремление, прежде всего, ознакомление читателя с прогрессивной литературой. Она поддерживалась и поощрялась в финансовом отношении. Но это движение развивалось не естественно, а проводилось на основе определенных намерений национальной политики советского периода развития страны. Это было сложным периодом в развитии переводческой школы. В нем, наряду с широким масштабом переводов, присутствовали и репрессии в отношении переводчиков, отсутствие свободы для переводчиков при выборе лите-

ратуры для перевода, осуществление переводов произведений, утвержденных «свыше», то есть партийными органами. Наряду с этим этому периоду были присущи свойства, как цензурирование оригинала произведения, внесение в него необходимых изменений, в некоторых же случаях извращение оригинала. В большинстве случаев вначале готовился русскоязычный вариант, после он переводился на узбекский язык. В результате этого количество прямых переводов с английского языка составляют меньшинство, и в конце концов, так и не создается школа переводчиков, способных к непосредственным переводам.

3. Перевод произведений англоязычной литературы в годы независимости (1991–2011). Особенностью этого периода является возросшая социальная потребность в непосредственных переводах произведений с английского языка. Но в данных переводах были совершены изменения в вопросах объективного сохранения сущности оригинального произведения. Вместе с тем ребром стоит вопрос пересмотра переводов, пропитанных идеологией тоталитарного строя, то есть их необходимо освободить от поправок цензуры и грубых вмешательств в текст. Шаг за шагом национальная школа переводов начинает восстанавливаться. Однако транслеография напрямую начинает проявлять себя не через перевод художественных произведений, а через дубляжи кинофильмов. Еще одной особенностью этого периода является то, что в первые годы независимости, в последствии экономическо-политического кризиса, транслеография в качестве самостоятельного направления культурной жизни общества останавливается в своем развитии, но затем постепенно начинает восстанавливаться.

Выше мы целенаправленно использовали такой термин, как англоязычная литература. Потому что англоязычная литература охватывает литературные произведения стран Англии, США, Австралии и других стран, в том числе и Индии.

Таким образом, на основании научного изучения вопроса об основных особенностях произведений, переведенных с английского на узбекский язык, можно прийти к следующим заключениям:

Во-первых, создание узбекской школы переводов национального характера стало возможным лишь в период независимости. Поэтому в данный период, вместо опосредованных переводов через русский язык, с трудом, но все же была налажена традиция непосредственных переводов с иностранных языков.

Во-вторых, в период независимости через деятельность национальной школы переводов создавалась возможность освободить переводы от идеологических требований и цензуры.

В-третьих, именно в эти годы была создана созидательная среда и возможности для перестройки на национальной основе узбекской транслеографии и формирования на основе современных требований критериев транслеографии.

Репрезентация метафорической модели «топос – объект исторического процесса» в тексте «Полного курса лекций по русской истории» С.Ф. Платонова

Ручина У.В., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

В современных исследованиях, выполненных на теоретико-методологической основе когнитивной лингвистики, метафора понимается как универсальное средство познания действительности. Внимание современной когнитивистики к способам вербализации информации приводит к появлению исследований различных типов дискурса в аспекте функционирования в них метафорических единиц как единиц лингвокогнитивных, интерпретационных. В ряду таких работ особое место занимает изучение гуманитарных областей знаний, в которых метафорическое моделирование является одним из ведущих когнитивных механизмов интерпретации объекта научного познания.

Объектом исследования, результаты которого представлены в данной статье, является метафорический слой текста «Полного курса лекций по русской истории» С.Ф. Платонова [2]. Как показал анализ, в сферу активного метафорического моделирования в тексте С.Ф. Платонова вовлечены три понятийные сферы — история, субъекты исторического процесса, топосы исторического процесса. Данные понятийные сферы моделируются с опорой на различные сферы-источники. Так, пространство разворачивания исторических действий представлены в двух концептуальных моделях — субъектной и объектной.

В данной статье характеризуется метафорическая модель «топос — объект исторического процесса».

Анализ материала показал, что С.Ф. Платонов при описании военно-политической ситуации, сложившейся в стране, зачастую представляет само Российское государство или отдельные его города как материальную ценность, ради которой ведется борьба. Реализуется метафорическая модель «топос — объект исторического процесса» при сочетании имен собственных Россия, Русь и наименований городов с представленными ниже предикатами. Эти предикаты делятся на две группы. Первую группу составляют предикаты, которые, сочетаясь с именем топоса исторического процесса, не актуализируют переносного метафорического значения. В этом случае отмечается только метонимический перенос в контекстном использовании имени топоса. Вторую группу составляют предикаты, которые, сочетаясь с именем топоса исторического процесса, актуализируют переносное метафорическое значение. В этом случае отмечается метафорический метонимический перенос.

Предикаты первой группы обозначают прежде всего процессы, относящиеся к военной тематике, а также предикаты захвата и обладания, обозначающие процессы, протекающие в социальной сфере. В зависимости от того,

участников какой из противоборствующих сторон описывает автор, в тексте используются глаголы со значением защиты или нападения: «Владимир пошел с войском на Корсунь и осадил его» [2, с. 42] (*осадить* — «подвергнуть осаде» [3]); «Главная деятельность князей направлялась на то, чтобы ... оборонить Русь от внешних врагов» [2, с. 64] (*оборонить* *оборонять* — «защищать, отражая нападение противника, врага» [3]).

Моделируя образ топоса исторического процесса в качестве объекта завоевания, автор использует глаголы «отчуждения», имеющие значение «тайно или принудительным путем отнимать что-либо ценное» [1, с. 459]: «... завоевав Русь, татары не остались жить в русских областях, богатых неудобными для них лесами» [2, с. 65] (*завоевать* — «взять что-либо при помощи вооруженной силы» [1, с. 460]); «... новый ордынский хан, свергший Мамая, Тохтамыш внезапно пришел с войском захватить Русь» [2, с. 90] (*захватить* — «отнять что-либо (землю, территории, строения и т.п.) силой» [1, с. 460]). В приведенных примерах с помощью метонимического переноса объектный образ Руси включает в себя как властные, политические структуры страны, так и народ, и всевозможные культурные и исторические ценности, захватив которые татары могут получить полную свободу в действиях и управлении над всем Российским государством.

Помимо глаголов «отчуждения» в тексте применяется ряд глаголов «принуждения» и «подчинения», а также образованные от них отглагольные существительные, имеющие значение «заставлять действовать сообразно кому-, чему-либо» [1, с. 497]: «Испытав неповиновение со стороны Руси, Мамай должен был отказаться над властью над Русью, или же идти снова покорять Русь» [2, с. 89] (*покорять* — «подчинять кого-, что-либо своему влиянию, воле, заставив повиноваться» [1, с. 498]); «... иезуиты, как и польское правительство, ухватились за самозванца с целями политического ослабления России и ее подчинения папству» [2, с. 127] (*подчинение* — «действие по значению глагола *подчинить*—*подчинять*» [3] «ставить (поставить) кого-, что-либо под чье-либо непосредственное руководство, передав в чье-либо непосредственное ведение» [1, с. 498]). В указанных примерах под метонимическим образом Руси С.Ф. Платонов понимает в первую очередь руководство страны, смещение которого равносильно получению полной власти над страной. В следующем примере подобный метонимический перенос взаимодействует с персонифицированной метафорой движения, благодаря которой под Россией понимается живой человек: «*Все свое*

влияние на *Елизавету Лесток* употреблял для того, чтобы ... *заставить Россию идти в политике тем же путем, которого близоруко держались при Анне Леопольдовне*» [2, с. 440] (*заставлять* — «принуждать кого-либо сделать что-либо, поступить каким-либо образом вопреки желаниям, возможностям и т.п.» [1, с. 488]; прямое значение глагола *идти* — «двигаться в определенном направлении, по определенному маршруту» [3], переносное значение — «следовать, двигаться, развиваться в каком-либо направлении» [3]).

В связи с тем фактом, что большая часть власти сосредоточена в столице Российского государства, благодаря метонимическому переносу очень часто основным трофеем в военных баталиях выступает Москва. Посредством глаголов обладания, передающих значение «владеть чем-либо на правах собственности», С.Ф. Платонов обозначает принадлежность столицы государства конкретной исторической личности: «*Калита же в 1328 г. владел только Москвой*» [2, с. 345] (*владеть* — «иметь кого-, что-либо своей собственностью, считая по праву своим» [1, с. 462]); «*Юрий умер, обладая Москвой на великом княжении*» [2, с. 93] (*обладать* — «иметь какое-либо свойство, достоинство в числе других своих качеств» [1, с. 463]).

В «Полном курсе лекций по русской истории» С.Ф. Платонова нами было выделено еще одно направление метонимического переноса в отношении Руси как объекта (гораздо менее реализованное в тексте): принудительное крещение народа всей страны. «*Помирясь с греками, он (Владимир) возвратился с православным духовенством в Киев и крестил всю Русь в православную греческую веру*» [2, с. 42]; «*Возвратившись из Корсунского похода в Киев с греческим духовенством, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере*» [2, с. 43]. Метонимический перенос в приведенных примерах рисует нам картину единовременного и повсеместного применения в стране обрядов крещения людей.

Предикаты второй группы актуализируют в сочетании с именем топоса исторического процесса переносное метафорическое значение. В прямом номинативном значении данные предикаты обозначают процессы физического, в том числе деструктивного воздействия. «*Основав особое Казанское царство, Улу-Махмет оттуда начал громить Русь, доходя в своих набегах до самой Москвы*» [2, с. 89] (*громить* — «разрушать, разбивать, уничтожать» [3]); «*Успехи Стефана Батория были так легки и велики не только потому, что у него был военный талант, но и потому, что он бил Россию, уже обессиленную тяжким внутренним недугом*» [2, с. 245] (прямое значение глагола *бить* — «ударять, колотить» [3]; значение, реализованное в данном контексте, — «наносить поражение, побеждать; одерживать верх в чем-либо» [3]);

В следующем примере посредством глагола *добывать* («получить что-либо с трудом, ценой больших

усилий, часто ценой потерь» [1, с. 456] описан процесс захвата столицы: «*И в это же время Варшавский сейм решил отправить Владислава добывать Москву, но действовать поляки не спешили и много сил не тратили*» [2, с. 217]. Однако, в нижеприведенном контексте, взаимодействие метафоро-метонимического переноса позволяет представить Московское государство в образе предмета, приобретенного во время охоты: «... *тушинские паны привыкли уже смотреть на Московское государство как на свою законную, кровью освещенную добычу*» [2, с. 176] (*добыча* — «то, что добыто на охоте, ловле и т.п.; предмет ловли, охоты» [3]). Основным поводом для подобного метафорического представления служит причастный оборот «*кровью освещенный*», который непосредственно относится к охотничьей тематике.

Опора на физический опыт человека помогает автору метафорически репрезентировать многие мотивации, свойства и действия не только объектного образа топоса исторического процесса, но и действия, направленный на географический объект извне. Так, с помощью глагола физического обладания «*брать*» (прямое значение глагола *брать* — «принимать в руки, схватывать руками» [3]; значение, реализованное в данном контексте, — «завладевать кем-, чем-либо; захватывать» [3]) автор описывает военные баталии, исходом которых является захват географического объекта неприятелем, в качестве которых выступают субъекты исторического процесса: «*Владимир дал обет креститься, если возьмет Корсунь, и действительно взял его*» [2, с. 42]; «*Москва была взята татарами, ограблена и сожжена*» [2, с. 91]. Иногда планируемый захват осуществить не удастся: «*Литовский князь Ольгерд осадил самую Москву, ... но взять ее не смог*» [2, с. 88]. Метонимический перенос в указанных примерах относится не только к географическому объекту, под которым понимается население, военные и руководящие структуры, но и к субъекту действия, его захватчику (более подробно метонимический перенос, касающийся исторических личностей, будет рассмотрен в главе «Субъекты исторического процесса»). Однако в следующем примере в качестве захватчика представлен метонимический образ столицы России, а благодаря использованию фразеологического оборота «*взять в руки*» (*взять в руки* — «сделать кого-либо более дисциплинированным, заставить повиноваться» [3]) создается метафорически персонифицированный образ Москвы: «*Вместе с тем стремление Москвы крепче взять в руки Малороссию и получить большой контроль в малорусских делах не нравилось многим малороссиянам*» [2, с. 347]. Метафоро-метонимический образ столицы государства, представленный в качестве материального объекта сосредоточения власти, реализуется в следующем примере посредством фразеологического оборота «*переходить из рук в руки*» (*переходить из рук в руки* — «перейти непосредственно от одного к другому» [3]): «*Дядя великого князя, Юрий Дмитриевич, не желал признавать малолетнего племянника великим князем, желал*

себе старшинства и по смерти Витовта начал открытую борьбу с племянником за Москву и Владимир. ... Москва много раз переходила из рук в руки» [2, с. 93].

С.Ф. Платонов часто метафорически концептуализирует топосы исторического процесса в образе человека и его тела. Так, при формировании образа Российского государства, в котором правительство по какой-либо причине лишено возможности должным образом реагировать на происходящие внешнеполитические изменения, автор относительно объектного образа России использует фразеологический оборот «связать руки» (*связать руки* — «лишить возможности действовать свободно, стеснить» [3]): «Оборонительный союз с Пруссией против шведов был близоруким шагом, потому что связал России руки, когда Пруссия начала с Австрией войну за Силезию» [2, с. 420]; «Мы знаем, что это влияние (враждебных французов) и ряд ошибок, сделанных русской дипломатией, дурно отразились на международном положении России; они связали России руки и вынудили ее на бездействие в борьбе Пруссии с Австрией» [2, с. 440].

Литература:

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под. ред. проф. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. — (Фундаментальные словари), 2008.
2. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — (Наша история).
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.

Метафора «войны» в научном историческом дискурсе (на материале «Полного курса лекций по русской истории» С.Ф. Платонова)

Ручина У.В., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

Когнитивная лингвистика, исследующая проблемы соотношения языка и мышления, особую роль отводит метафоре как способу осознания окружающей действительности. Одним из основных аспектов метафоры, разрабатываемых в последнее время, является аспект ее смысломоделлирующих возможностей. С опорой на уже имеющиеся в сознании устойчивые образы, человек в метафорических номинациях формирует новые концепты действительности.

Основываясь на утверждении о том, что анализ речевого поведения осуществляется на основе мотивов и целей отдельно взятого индивида, полагаем, что выявить его речевые стратегии можно только, анализируя язык на уровне дискурса. В настоящее время наиболее активно исследуется метафорическое моделирование в политическом и рекламном дискурсах, художественной речи, но отмечается относительная неразработанность проблем

Таким образом, метафорическая модель «*топос — объект исторического процесса*» представлена в «Полном курсе лекций по русской истории» в первую очередь в сочетании с когнитивной моделью метонимического переноса, который работает в анализируемом тексте по следующей схеме: часть — целое — объект исторического процесса — жители исторического процесса. Метафорическая модель «*топос — объект исторического процесса*» представлена в анализируемом тексте рядом метафорических предикатов, характеризующих военную тематику. Во-вторых, метафорическая модель «*топос — объект исторического процесса*» реализуется в тексте «Полного курса лекций по русской истории» за счет использования метафорических предикатов, представляющих объект исторического процесса в виде материального объекта. Представленные в анализе метафорические предикаты репрезентируют антропоморфный образ объекта исторического процесса, репрезентированный в тексте метафорической моделью «*Россия — человек*».

метафорического миромоделирования в сфере научного дискурса.

Ученые отмечают большую роль исследований «тропеических структур» исторических научных произведений, в число которых в первую очередь следует отнести метафорические структуры научного исторического текста: «Любое исследование конкретного исторического дискурса, которое игнорирует тропологическое измерение, обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства» [3, с. 8]. Таким образом, обращение к метафоре как лингвокогнитивному механизму интерпретации действительности может рассматриваться как ключ к пониманию особенностей авторской интерпретации объекта научного познания.

Целью данной статьи является определение статуса военной метафоры в научном историческом дискурсе. Для современной историографической ситуации характерен поиск новых моделей научного исторического исследования. В связи с тем, что в последнее время исторический текст изучается в неразрывной связи с особенностями письма самого автора научного исторического произведения, основой для данного исследования послужил текст историка С.Ф. Платонова «Полный курс лекций по русской истории» [2].

Значимость концептуальной метафоры «Спор — это война» в американской культуре была доказана Дж. Лаккоффом и М. Джонсоном [1]. А.П. Чудинов в работе «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры», провел параллель с работой западных когнитивистов и, в свою очередь, обосновал значимость метафорической модели «Российская действительность — это непрекращающаяся война» [4]. По наблюдениям целого ряда исследователей (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.Н. Кожин, Г.Я. Солганик, А.П. Чудинов и др.), в русской культуре в полной мере проявляется милитаризированное сознание. Сформулированная А.П. Чудиновым, базовая метафорическая модель «Российская действительность — непрекращающаяся война» занимает одно из ведущих мест в образном представлении российской действительности.

История России развивалась таким образом, что на судьбу почти каждого поколения приходилась война. Это послужило причиной того, что военная лексика являлась источником метафорической экспансии на самых разных этапах развития исторического дискурса. В стремлении охарактеризовать, выделить модели российской действительности, наиболее ярко отражающие картину эпохи, С.Ф. Платонов в «Полном курсе лекций по русской истории» зачастую прибегает к использованию «военной» метафоры. При этом с помощью данной метафоры автор описывает преимущественно отношения внутри государственного аппарата. Взаимоотношения руководящих органов, либо же правителя и подчиненных, их противодействие репрезентируются целым рядом текстовых метафор, объединенных одной базовой, — «историческое развитие — война».

Метафорическая модель «историческое развитие — война» формирует образ правительства как конфликтного, в котором отдельно взятый человек, наделенный властью, или группа людей, представляющих орган государственного управления, стремятся к одной цели — достижению власти. Таким образом, состояние внутри Российского правительства интерпретируется автором и метафорически представлено в тексте как война: «У Грозного иссякли средства ведения войны, ... и в этой борьбе с боярами Грозный был побежден» [2, с. 208]. Прямое значение существительного война — «организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами» [5]; переносное значение — «состояние вражды; борьба с кем-, чем-либо» [5].

В соответствии с тематикой исходной понятийной сферы, С.Ф. Платонов, описывая отношения между представителями властных структур, прибегает к использованию словосочетаний, обозначающих конкретные боевые действия. «Ссорясь и приходя ратью друг на друга, бояре не стеснялись оскорблять самого государя, вламываясь ночью в его палаты и силой вытаскивая от него своих врагов» [2, с. 199]. В словосочетании приходить ратью метафорически использовано существительное рать, основное значение которого — «битва, война» [5]. Политическую ситуацию автор отображает с помощью лексики военно-политических баталий: «Царь из иностранцев многим казался тогда возможным. Незадолго перед собором Пожарский ссылался со шведами об избрании Филиппа, сына Карла IX; точно так же начал он дело об избрании сына германского императора Рудольфа. Но это был только дипломатический маневр, употребленный им с целью приобрести нейтралитет одних и союз других» [2, с. 207]. Прямое значение существительного маневр — «передвижение и группировка войск или флота с целью нанести удар противнику»; переносное значение, употребленное автором в данном контексте, — «ловкий прием; уловка» [5]. Подобное представление несогласия во взглядах руководства в образе баталий, усиливает эффект от создания образа политического противостояния, метафорически характеризуемого историком.

Из концептуальной сферы «война» С.Ф. Платонов при характеристике отношений в среде властных структур российского государства выбирает и компонент «орудие». Каждая из воюющих сторон ради достижения своей цели и в зависимости от занимаемого места на исторической арене применяет свое оружие борьбы. В качестве оружия в политических войнах может выступать человек, народ, политический, государственный орган, ср.: «В полемике Грозного с Курбским вскрывался истинный характер избранной рады, которая, очевидно, служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики» [2, с. 119]. Враги Российского государства, татары, явились орудием в следующем контексте: «... князья самих татар сделали орудием для возвышения власти, что видно из борьбы между Тверью и Москвой» [2, с. 82].

Любое боевое столкновение происходит в специально отведенном для этого месте — на поле битвы. Исход сражения не всегда можно предугадать, однако всегда можно говорить о наличии победителей и побежденных, эти компоненты сферы-источника метафорической экспансии также используются С.Ф. Платоновым при характеристике внутrigосударственных политических отношений: «При дворе готовилась хозяйничать боярская среда: на поле битвы она осталась единой победительницей» [2, с. 159]. В приведенном контексте С.Ф. Платонов посчитал необходимым использовать метафору поле битвы (поле битвы — «место, где происходит бой, сражение» [5]) для обозначения места, где разыгрывались

политические баталии между государем и его приближенными. В этот отрезок исторического пути России верх над государем взяла боярская среда. Если рассматривать существительное *победитель* (*победительница*) как образованное от глагола *победить*, основное значение которого «нанести поражение противнику, выиграть бой, войну» [5], то значение существительного *победитель* (*победительница*) можно сформировать следующим образом — тот, кто нанес поражение противнику, выиграл бой, войну. Именно это значение автор метафорически использует в вышеприведенном примере и в следующем: «Но теперь, во время Шуйского, смута имеет иной характер, чем имела она прежде. Прежде она была, так сказать, дворцовой, боярской смутой. Люди, стоявшие у власти, спорили за исключительное обладание ею еще при Федоре, чувствуя, как будет важно это обладание в момент прекращения династии. В этот момент победителем остался Борис и завладел престолом» [2, с. 165]. Объект, на завоевание которого направлены усилия бояр и государя в указанном примере, является престол, обозначенный как материальный предмет, трофей, доставшийся победителю.

В политическом противостоянии одна из сторон одерживает победу (победа — «успех в бою, в войне» [5]), другая — терпит поражение (*терпеть* — «испытывать, переживать, переносить что-либо тяжелое, бедственное, неприятное» [5]; *поражение* — проигрыш в бою, «выведение из состояния боеспособности» [5]). «При Федоре Ивановиче, нападая открыто, оно (московское боярство) постоянно терпело поражение, и Борис все усиливался и возвышался» [2, с. 152]; «Вначале борьбы между царем и боярами Грозный имел большой успех, близкий к победе» [2, с. 207].

Как видно из анализа, в примерах, характеризующих отношения между правящими структурами и руководителями страны, зачастую применяется специальная лексика. Активное использование военной метафоры в «Полном курсе лекций по русской истории» С.Ф. Платонова помогает отразить особенности российского национального сознания: традиционную для любого исторического времени предрасположенность властей Российского государства к решительным действиям ради достижения и сохранения власти.

В тексте С.Ф. Платонова военные действия производятся враждующими силами ради одной цели — захвата

власти. Власть в любом ее проявлении в анализируемом тексте представлена в виде материального объекта. Основную смысловую нагрузку в каждом из рассмотренных текстовых примеров несут глаголы обладания, передающие смысл — взять силой, получить в свое распоряжение, пользование: «... во дворце даже говорили, что Хованский хочет завладеть царством для себя и для сына» [2, с. 314] (*завладеть* — «взять силой в результате военных действий, борьбы» [5]; *царство* — «правление какого-либо царя» [5]); «Избранная рада была ... особой компанией бояр, объединившихся в одной цели овладеть московской политикой и направить ее по-своему» [2, с. 115] (*овладеть* — «взять силой, захватить» [5]; *политика* — «деятельность государственной власти» [5]); «Люди, стоявшие у власти, спорили за исключительное обладание ею еще при Федоре, чувствуя, как будет важно это обладание в момент прекращения династии» [2, с. 165] (*обладание* — «действие и состояние по значению глагола *обладать* — «иметь своей собственностью; владеть кем-, чем-либо» [5]; *власть* — «право управления государством, политическое господство» [5]). Образ власти, как материального объекта, в следующем примере усиливается еще больше благодаря использованию физической метафоры: «Нет сомнения, что «избранная рада» пыталась захватить правление в свои руки и укрепить свое влияние на дела рядом постановлений и обычаев, неудобных для московских самодержцев» [2, с. 115] (*захватить* — «взять силой; овладеть» [5]; *в руках* — «в распоряжении кого-либо» [5]; *правление* — «действие по глаголу *править* — «обладая властью, управлять, руководить» [5]). В данном примере мы наблюдаем совмещение метафорического и метонимического образов.

Метафорическая модель «историческое развитие — война» в тексте «Полного курса лекций по русской истории» С.Ф. Платонова базируется на образе военных отношений. Онтологическая концептуальная метафора «война» репрезентирует отношения между лицами, имеющими то или иное отношение к управлению государством, подобные тем, что возникают между участниками боевых сражений. Целью этих баталий в анализируемом тексте является власть, которая метафорически представлена в качестве физического объекта. Победой в таких сражениях является обладание данным объектом.

Литература:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387–415.
2. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — (Наша история).
3. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Предисловие к русскому изданию (2001 г.).
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография [Текст] / А.П. Чудинов. — Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.

Письмо-донос как разновидность жанра «письма царю»

Суровцева Е.В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Данная работа является тематическим продолжением проводимого нами исследования обращений русских писателей во власть предрежающим и во властные структуры с письмами. Нами обосновывается тезис, что подобные тексты — письма представителей русской интеллигенции, в частности писателей, во власть — образуют особый эпистолярный жанр, обладающий следующими отличительными чертами: 1. напряжённость, вызванная иерархичностью отношений адресанта и адресата; 2. «высоте» адресата соответствует «высота» темы; 3. часто «письма вождям» мыслятся их авторами как открытые; 4. теме соответствует язык и стиль.

При анализе материала XVIII — начала XX века для обозначения анализируемого жанра мы используем термин Л.Н.Толстого «письмо царю» (своё письмо Александру III Толстой озаглавил как «Письмо царю», 1881, письмо Николаю II — как «Царю и его помощникам», 1901), при анализе материала XX века (советский период) — термин А.И. Солженицына «письмо вождю» («Письмо вождям Советского Союза» написано А.И. Солженицыным в 1973 году и в 1974 году опубликовано издательством «YMCA-Press»)[26; 27]. Мы полагаем, что эти две разновидности по сути одного и того же жанра имеют ряд отличий (в первую очередь — это отношение к природе власти).

Нами были выделены следующие разновидности анализируемого жанра: 1. письмо-инвектива содержит обвинения критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц; 2. другой тип писем, который мы назвали письмом-декларацией, содержит в развёрнутом виде разъяснения позиций автора по важнейшим мировоззренческим и (или) творческим вопросам [28]; 3. письмо-памфлет вождю (традиционная для памфлета экспрессия, краткость слога, открытая тенденциозность близки дарованию сатирика); 4. письмо-донос (в таких письмах весьма силен элемент доносительства, явно желание оправдаться за счёт другого); 5. письмо-жалоба/просьба/оправдание (в таких письмах выражается надежда на восстановление справедливости)[30]; 6. письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчёт, выражающее благодарность власти за благосклонность.

В рамках данной статьи мы рассмотрим явление, существовавшее и в XIX столетии, гораздо более «успешно» и «плодотворно» функционирующее в веке XX [29], — это явление литературного доносительства.

Целый ряд примеров такого рода приводят в своих исследованиях А.М. Скабичевский [25] и М.К. Лемке [15] (см. также [20, с. 45]).

Заинтересовавшихся данной проблематикой отсылаем к упомянутым книгам, в рамках же нашего исследования более подробно остановимся на одном из наиболее острых вопросов истории русской литературы — на сотрудничестве Ф.Б. Булгарина, одного из крупнейших журналистов второй четверти XIX века и видного литератора своего времени, с III Отделением. (Отметим, что записки Булгарина властям уже не раз становились объектом исследования, не только как исторический факт и факт истории взаимоотношений литературы и власти, но и с точки зрения стилистики — так, монографическое исследование записок Булгарина Николаю I см.: [2]. Несмотря на то, что некоторые исследования можно упрекнуть в тенденциозности, а также на то, что в них можно найти целый ряд небесспорных утверждений, в этих работах содержатся весьма ценные наблюдения и небезынтересный анализ материала. Мы же ставим себе целью ещё раз привлечь внимание исследователей к этой далёкой от разрешения проблеме, а также вписать письма Булгарина в III Отделение в контекст жанра «письма царю»). «В наши дни, несмотря на попытки некоторых литературоведов, большинство русских знает его (Булгарина — Е.С.) как издателя самой популярной газеты второй четверти XIX века — «Северной пчелы», как недруга Пушкина, сотрудника III Отделения и литератора с одиозной репутацией» [10, с. 70]. В литературных кругах слухи о сотрудничестве Фаддея Венедиктовича с III Отделением стали циркулировать в 1829 г. [9, с. 180—181; 19, с. 70]. Среди литераторов пушкинского круга Булгарин «был признан за шпиона, агента III Отделения» [12, с. 103]. В дальнейшем было опубликовано немало записок Булгарина в III Отделение [4; 5; 6; 7; 8; 14, с. 149—150; 17, с. 35—54; 18, с. 130 и 141; 31; 32, с. 70—72; 33, с. 299—303; 34, с. 130—132 и сл.]. К настоящему времени твёрдо установилась репутация Булгарина как «агента III Отделения», о чём свидетельствуют определения таких держателей литературной нормы, как комментаторы [3, с. 660; 11, с. 315] и краеведы-популяризаторы [13, с. 119]. Правда, в последние годы делались попытки пересмотреть эту точку зрения. Так, М.Салупере считает, что он не писал доносы а «делился информацией и соображениями» общего характера, «стремясь быть полезным». Однако об особых выгодах и покровитель-

стве ему со стороны III Отделения говорить трудно [23; 24]. Н.Н. Львова вообще, не затрудняя себя доказательствами, заявляет, что Булгарин «никогда не был агентом III Отделения. Когда родилась это сплетня и как она укоренилась, уже никто не помнит» [16, с. 18]. В ряде новейших исследований Фаддей Венедиктович представлен как убеждённый идеолог империи [2; 35]. Некоторые исследователи предпринимают попытки представить Булгарина как одного из крупнейших русских писателей [1; 16].

А.И. Рейтблат, исследующий жизнь и творчество Булгарина, приходит к такому выводу: «Все литераторы пушкинского круга относились с этого времени (с конца 1829 г., когда стало известно о его связях с III Отделением — Е.С.) резко отрицательно, называя его шпионом и доносчиком. Последнее не соответствовало истине, ведь Булгарин хотя и не получал денег, но в эти годы, по сути дела, служил в III Отделении (или, если угодно, III Отделению) и писал докладные записки по запросу, а не по собственной инициативе. Но в борьбе против Булгарина эта группа нередко прибегала к подобным передержкам. Так, например, утверждалось, что его читатели принадлежат к социальным низам, в то время как это были представители средних слоёв (см. [22] — Е.С.). Скорее можно обвинить Булгарина в злоупотреблении служебным положением, поскольку в ряде случаев он в борьбе со своими журнальными конкурентами сгущал краски, выдавая оппозиционеров за революционеров. Я думаю, что в ожесточённых нападениях «литературных аристократов» на Булгарина надо различать повод и причину. Ведь 1829 год, когда, собственно, начались эти нападки, это год издания и бешеного читательского и коммерческого успеха булгаринского романа «Иван Выжигин», а следующий год

был ознаменован неудачей «Литературной газеты», во многом, собственно, и созданной для борьбы с Булгариным и его литературными союзниками. Подобно Булгарину, стремившемуся выставить своих журнальных противников политически опасными потрясателями основ, «литературные аристократы» в литературной борьбе (курсив автора цитируемого текста — Е.С.) с ним ставили своей целью политически дезавуировать его, представив шпионом и доносчиком. Эта сторона деятельности Булгарина намеренно раздувалась и афишировалась с целью подорвать кредит доверия у публики к Булгарину. Тем не менее в конце 1820-х — начале 1830-х годов эти попытки успеха не имели, он по-прежнему оставался широко читаемым, влиятельным писателем» [21].

В заключение отметим, что письмо-декларация и письмо-жалоба/просьба/оправдание уже были подробно исследованы нами; примеров писем-памфлетов и писем-инвектив как разновидностей «писем царю» нами не обнаружено (зато нами найдены многочисленные примеры подобного рода текстов в контексте «писем вождю»); письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчёт на материале русской литературы XIX века ещё ждёт обстоятельного анализа. Изучение писем литератора во власть даёт возможность выявить черты личности автора и его писательской индивидуальности, прояснить его жизненную позицию, взгляды на искусство и политику, уяснить приемлемые для него формы взаимодействия власти и культуры. На наш взгляд, должен быть детально рассмотрен образ адресата писем. Отдельный аспект изучаемой нами проблемы является осмысление социокультурной ситуации XIX века, на настоящий момент изученной, к сожалению, крайне неудовлетворительно.

Литература:

1. Акимов Н.Н. Ф.В.Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002.
2. Алтунян А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина: идейно-стилистический анализ записок Ф.В.Булгарина к Николаю I.М., 1998.
3. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983.
4. Булгарин Ф.Б. «Записка о цензуре и коммунизме в России» и письмо А.Ф.Орлову (публикация В.Семановского) // Голос минувшего. 1913. №3, №4.
5. Булгарин Ф.Б. Записки в III Отделение (публикация А.И.Рейтבלата) // Родина. 1989. №12. С. 102—114.
6. Булгарин Ф.Б. Записки в III Отделение (публикация А.И.Рейтבלата) // Вопросы литературы. 1990. №3. С. 102—114.
7. Булгарин Ф.Б. Записки в III отделение (публикация А.И.Рейтבלата) // Новое литературное обозрение. 1993. №2. С. 129—146.
8. Булгарин Ф.Б. Записки в III Отделение (публикация А.И.Рейтבלата) // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1992. С. 65—78.
9. Вацуро В.Э. «Северные цветы». М., 1978.
10. Глушковски П. Восприятие Булгарина в Польше и в России в XIX — XX вв. // Историческая память: Люди и эпохи. Тезисы научной конференции, Москва, 25—27 ноября 2010 г. / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М., 2010. С. 68—70.
11. Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1987.
12. Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820—1870. М.-Л., 1930. Том 1.
13. Зажурило В.К., Кузьмина Л.И., Назарова Г.И. «Люблю тебя, Петра творенье...»: Пушкинские места Ленинграда. Л., 1989.

14. Киселёв В. Поэтесса и Царь (Из истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–156.
15. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг. По подлинным делам третьего отделения С.Е.И.В. канцелярии. 2-е изд. СПб., 1909.
16. Львова Н.Н. Каприз Мнемозины // Булгарин Ф.Б. Сочинения. М., 1990.
17. Моздалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925.
18. Нифонтов А.С. Россия в 1848 г. М., 1949.
19. Оксман Ю. Булгарин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 6 томах. М.-Л., 1931. Том 6.
20. Ольминский М. Свобода печати. СПб., 1906/
21. Рейтблат А.И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 113–129.
22. Рейтблат А.И. Ф.В.Булгарин и его читатели // Чтение в дореволюционной России. М., 1992. С. 55–66.
23. Салупере М. Неизвестный Фаддей // Радуга. Таллинн, 1991. № 4. С. 30–41.
24. Салупере М. Тайный надзор и доносы на журналистов в конце 1820-х гг. // Тезисы докладов научной конференции «Великая Французская революция» 15–17 декабря 1989 г. Тарту, 1989. С. 45.
25. Скабичевский А.М. Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1892.
26. Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2010.
27. Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е годы). М.: АИРО-XXI, 2008.
28. Суровцева Е.В. Письмо-декларация как разновидность жанра «письма царю» // Язык и личность в поликультурном пространстве. Севастополь, 2011. (В печати).
29. Суровцева Е.В. Письмо-донос как разновидность жанра «письма вождю» (сталинская эпоха) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2009. № 10. С. 243–245.
30. Суровцева Е.В. Письмо-жалоба/просьба/оправдание как разновидность жанра «письма царю» // Acta Russiana. Сеул: Институт России-СНГ, 2011. № 3. С. 73–96.
31. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1829. Т. 2.
32. Шпизер С. Из архива Фаддея Булгарина // Наша старина. 1916. № 1.
33. Щеголев П.Е. Декабристы. М.-Л., 1926.
34. Эйдельман Н.Я. Пушкин и его друзья под тайным надзором // Вопросы литературы. 1985. № 2.
35. Янов А. Загадка Фаддея Булгарина: Социально-исторический очерк // Вопросы литературы. 1991. № 9–10. С. 98–125.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Специальные органы при президенте РФ

Блинов А.Б., аспирант
Институт государства и права РАН

В статье освещаются органы, создаваемые при Президенте Российской Федерации, раскрываются сферы деятельности и полномочия консультативно-совещательных органов, в создании количества которых Президент РФ не ограничен. На основании литературных источников, анализа законодательства, обобщения судебной практики, автором в статье сделан вывод о необходимости создания государственного органа, который бы объединил в себе всех представителей Президента РФ в учреждениях судебной системы и о необходимости закрепления статуса представителей Президента РФ на законодательном уровне.

Ключевые слова: Президент РФ, государственный орган, Администрация Президента, Комиссия, Совет, Конституция РФ, судебная власть, Конституционный суд, Арбитражный суд, представитель Президента, указ, постановление, определение, распоряжение.

Establish under President of Russian Federation

Alexey Borisovitch Blinov, Postgraduate student
The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences

This article is about state bodies, establish under the President of RF, in the article shows scope of activity and authority of executive personnel of the President: advisory agencies, that can be established in any quantity. Reasoning from literary sources, analysis of legislation, generalization of judicial practice, the author concludes, that it is necessary to establish state body, that could combine all representatives of the President of RF in the agencies of judicial system and the author makes a conclusion that it is essential to entrench by law the status of the President representatives.

Keywords: president, state body, Presidential Administration, committee, board, constitution, judicative authority, constitutional court, commercial court, Presidential Representative, decree, act, definition, order.

При Президенте РФ с целью оказания ему содействия и под его руководством действуют специальные органы, к которым относятся Администрация Президента РФ — рабочий аппарат главы государства и консультативно-совещательные органы — различные советы и комиссии, которые как утверждает С.А. Авакьян, не могут рассматриваться как часть аппарата Президента, его Администрации, поскольку они состоят из лиц, выполняющих свои функции в силу должностного положения или на общественных началах [Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. Том 2. М., 2005. С. 347.]. О.Е. Кутафин называет Администрацию Президента «другим вспомогательным совещательным государственным органом» [Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. М., 2010. С. 540.].

Основной признак консультативно-совещательных органов при главе государства — отсутствие у них права издания от своего имени общеобязательных нормативно-правовых актов, рекомендательный характер их решений, принимаемых коллегиально. Вместе с тем рекомендации вспомогательных советов и комиссий могут быть реализованы в правовых актах Президента и Правительства, в

разработке законопроектов, вносимых в Государственную Думу в порядке законодательной инициативы главы государства, либо в деятельности органов государственной власти, представители которых входят в их состав.

В настоящее время созданы 14 Советов и 11 Комиссий при Президенте РФ: Совет Безопасности РФ, Государственный совет РФ, Совет по противодействию коррупции, Совет по развитию гражданского общества и правам человека, Совет по делам инвалидов, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию финансового рынка Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления, Совет при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, Совет при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, Совет по развитию физической культуры и спорта, спорта высших достижений, подготовке и проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи, XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года в г. Казани, чемпионата мира по футболу 2018 года, Совет по кодификации

и совершенствованию гражданского законодательства, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, Совет при Президенте Российской Федерации по делам казачества, Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России, Комиссия по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, Комиссия по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, Комиссия по вопросам реформирования и развития государственной службы, Комиссия по вопросам военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, Комиссия по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов, Межведомственная комиссия по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, Комиссия по государственным наградам, Комиссия по совершенствованию проведения единого государственного экзамена, Комиссия по проведению внеочередной аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, претендующих на замещение должностей высшего начальствующего состава в этих органах.

В состав консультативно-совещательных органов входят представители органов законодательной, исполнительной и судебной власти, представители научных организаций, общественных и религиозных объединений. Так, например, в состав Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства входят Гонгало Б.М. — заведующий кафедрой гражданского права Уральской государственной юридической академии, Горшков В.В. — судья Верховного Суда Российской Федерации (по согласованию), Чубаров В.В. — директор Центра арбитража и посредничества Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (по согласованию). Эти органы могут полностью состоять из видных ученых, общественных деятелей, как, например, Совет по культуре и искусству, в который входят кинорежиссер Абдрашитов В.Ю., художественный руководитель государственного учреждения культуры г. Москвы «Московский академический театр имени Вл. Маяковского» Арцибашев С.Н., художественный руководитель и главный дирижер федерального государственного учреждения культуры «Государственный симфонический оркестр «Новая Россия» Башмет Ю.А.

Мы считаем, что основной функцией консультативно-совещательных органов при президенте является вовлечение представителей гражданского общества, научных работников, ученых, специалистов в конкретных областях. Именно наличие таких людей «рядом с Президентом» может и должно обеспечивать современность, инновационность и эффективность принимаемых им решений.

Действительно, тот факт, что органы при Президенте РФ обеспечивают его деятельность либо помогают ему в решении и осуществлении поставленных задач, и, вроде

бы, созданы «по всем полномочиям Президента РФ», но я считаю, что необходимо создать орган при президенте РФ, который будет заниматься представлением интересов Президента РФ в учреждениях судебной системы, в том числе в Конституционном суде, судах общей юрисдикции, Арбитражных судах, Европейском суде по правам человека.

В настоящее время Президента РФ представляют граждане России, о которых народу Российской Федерации, ничего не известно. В связи с тем, что на сегодняшний день, интересы сторон в судах различного уровня и компетенции могут представлять не только граждане РФ, мне не известно даже того, представляет ли первое лицо России гражданин Российской Федерации.

Кто они, представители Президента в учреждениях судебной системы? Нам ничего неизвестно о Зарубиной О.В., которая представляет интересы Президента РФ в Арбитражном суде города Москвы. Почему ничего не известно о том человеке, который фактически действует от имени Российской Федерации, исполняет полномочия Главы государства в судебном заседании, высказывая свое мнение по определенным вопросам.

Так, например, Арбитражным судом города Москвы 01 ноября рассматривалось дело № А40–92340/10–84–453 по исковому заявлению Санкт-Петербургской общественной организации инвалидов «КРАЙ» [Решение Арбитражного суда города Москвы от 10 ноября 2010 г. по делу № А40–92340/10–84–453, судья Т.С.Бородуля] (далее — организация «КРАЙ») к ряду ответчиков, в том числе к Президенту РФ о признании бездействия Президента РФ, не обеспечившего надлежащее исполнение государственным органом п.2 ст.15 Конституции РФ, не соответствующими п.2 ст.80 Конституции РФ, нанесшим ущерб финансам и деловой репутации организации «КРАЙ» и об обязанности Президента РФ предпринять все меры для исключения подобных действий и бездействия из практики государственных органов и их должностных лиц, взять под личный контроль выполнение решения суда по настоящему исковому заявлению. В рассмотрении данного дела от имени Президента РФ участвовала по доверенности Зарубина О.В., она представляла суду письменные возражения на заявление, в которых ссылалась на определенные факты по делу, в подтверждение правовой позиции по спору указывала на отсутствие несоблюдения Истцом по делу определенных требований Конституции РФ в связи с не наделением Президента конкретных полномочий, ссылалась на тот факт, что действующим законодательством не предусмотрена также подчиненность и подконтрольность судов и органов Прокуратуры Президенту РФ и его Администрации, на положения ст.ст.33, 90, 129 Конституции РФ, указывала, что заявителем не представлены доказательства, подтверждающие факт нарушения его прав и законных интересов в части требований заявленных к Президенту РФ и просила в удовлетворении заявленных требований отказать.

А, например, 19 июня 2006 года заседание в Девятом Арбитражном апелляционном суде в составе председа-

тельствующего судьи Попова В.И., судей Захарова С.Л. и Пронниковой Е.В., по рассмотрению апелляционной жалобы ЗАО «Дубица» [Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2006 года по делу №09АП-2523/06-АК] на определение Арбитражного суда г. Москвы от 02 февраля 2006 года по заявлению ЗАО «Дубица» к ряду ответчиков, в том числе к Президенту РФ и к Полномочному представителю Президента РФ в Центральном федеральном округе, о признании незаконным одностороннего расторжения охранно-арендного договора и признания незаконными действий, ненормативных актов государственных органов, проходило в отсутствие представителя Президента РФ. Представитель Президента РФ, не смотря на надлежащее извещение, даже не явился и не выразил свое мнение от имени главы государства.

13 января 2011 года Высший Арбитражный Суд РФ в составе председательствующего судьи Пауля Г.Д., судей Борисовой Е.Е., Медведевой А.М., рассмотрел заявление общества с ограниченной ответственностью «КОНВЕРС-СТРОЙ» [Решение Высшего Арбитражного суда РФ № ВАС-15090/10 от 20 января 2011 г. в составе председательствующего судьи Пауля Г.Д., судей Борисовой Е.Е., Медведевой А.М.] о признании недействительным конкретного пункта распоряжения Президента РФ. От имени Президента РФ в деле участвовали уже совершенно другие представители по доверенности — Павлов Г.Л., Гайдин Д.Ю., Никифоров С.В., МIRONENKO А.А.

Мое мнение, что орган, наименование которого может звучать, например, как «Государственный орган представителей Президента РФ в учреждениях судебной системы», необходимо создать как отдельный рабочий аппарат, подобный Администрации Президента РФ. В судебную систему входят Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и другие суды общей юрисдикции, Высший Арбитражный Суд РФ и другие Арбитражные суды, Третейские суды, а также Европейский Суд по правам человека в Страсбурге и Международный трибунал. В данный орган, считаю, должен входить и представитель Президента РФ в Конституционном суде, а помимо него Представители Президента РФ в судах общей юрисдикции, в том числе Верховном Суде РФ, Верховных судах субъектов РФ, в Арбитражных судах, в том числе Высшем Арбитражном суде РФ, в Третейских судах, Европейском суде по правам человека, Международном трибунале. Данные должности, считаю, должны быть выборными или одобряемыми со стороны, например, большинства депутатов Государственной Думы РФ, чтобы коллизия зависимости, возникающая при рассмотрении конкретного дела судьей, назначаемым на должность Президентом РФ в присутствии, например, Истца, участвующего в деле от имени Президенты, назначаемого также Президентом РФ, не проявлялась. Для каждого из представителей, считаю, должен быть принят независимый Закон «О представителе Президента в учреждениях судебной системы», в котором должна быть установлена ответственность за по-

следствия осуществления деятельности, а также порядок избрания на должность.

Считаю необходимым существующий в России Институт полномочного представителя Президента РФ в Конституционном Суде РФ, рассматривать как составную часть указанного выше государственного органа, хотя бы по той причине, что судебная власть и судебная система, по смыслу положений главы 7 Конституции РФ, в нашей стране едина и ее дробление не предусмотрено.

Правовую основу деятельности всех представителей Президента РФ в учреждениях судебной системы должны составлять международные Договоры и акты, Конституция РФ, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», закон «О мировых судьях в Российской Федерации», а также соответствующие Законы «О представителях Президента Российской Федерации в учреждениях судебной системы».

Представители Президента РФ должны участвовать и действовать от имени главы государства в конкретном судебном заседании на основании указа либо распоряжения Президента РФ, а не на основании доверенности. Такие должности должны занимать лица, имеющие ученые степени по правовым дисциплинам и стаж работы по юридической специальности не менее пяти лет с положительным опытом участия в судебных заседаниях как со стороны истца, заявителя, третьего лица, так и со стороны ответчика, соответчика, то есть критерии отбора должны быть максимально приближены к критериям отбора Кандидатов на должность Президента РФ, предусмотренных ч.2 ст.81 Конституции РФ, Федеральным законом «О выборах Президента Российской Федерации». Именно тогда, считаю, будет в полной мере функционировать норма, закрепленная ч.4 ст.80 Конституции РФ, о том, что Президент РФ как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

К примеру, должности полномочного представителя в Конституционном суде РФ занимали такие личности, как доктор юридических наук, профессор Валерий Михайлович Савицкий (с 24 апреля 1995 года по 5 февраля 1996 года), кандидат юридических наук (ныне доктор) Сергей Михайлович Шахрай (с 7 декабря 1996 года по 29 июня 1998 года), кандидат юридических наук, профессор Михаил Алексеевич Митюков (с 5 февраля 1996 года по 7 декабря 1996 года и с 29 июня 1998 года по 7 ноября 2005 года), с 07 ноября 2005 года полномочным представителем Президента РФ в Конституционном Суде РФ назначен кандидат юридических наук Михаил Валентинович Кротов.

Восполнив данный пробел и создав, названный мною, государственный орган, граждане РФ, считаю, будут знать, в чей адрес они обращаются, называя в качестве ответчика в исковом заявлении главу государства — Президента РФ, будет соблюдена ст.123 Конституции РФ и, не только формально, будет действовать принцип состязательности и равноправия сторон в судебном заседании, на основании которого в России осуществляется правосудие.

Литература:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. Том 2. М., 2005.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. М., 2010.
3. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2006 года по делу №09АП-2523/06-АК. Текст постановления официально не публиковался.
4. Распоряжение Президента РФ от 12 января 2009 г. N 15-рп «О Совете при Президенте Российской Федерации по делам казачества». / СЗ РФ. 2009. N 2. Ст. 195.
5. Распоряжение Президента РФ от 14 октября 2009 года N 687-рп «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по совершенствованию проведения единого государственного экзамена». /СЗ РФ. 2009. N 42. Ст. 4948.
6. Распоряжение Президента РФ от 2 августа 1995 года N 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава». /СЗ РФ. 1995. N 32. Ст. 3294.
7. Решение Высшего Арбитражного суда РФ № ВАС-15090/10 от 20 января 2011 г.
8. в составе председательствующего судьи Пауля Г.Д., судей Борисовой Е.Е., Медведевой А.М. Текст постановления официально не публиковался.
9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10 ноября 2010 г. по делу № А40—92340/10—84—453, судья Т.С.Бородуля. Текст постановления официально не публиковался.
10. Решение Высшего Арбитражного суда РФ № ВАС-15090/10 от 20 января 2011 г.
11. Указ Президента РФ от 01 марта 2011 года N 251 «О внеочередной аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». /Российская газета. 2011. N43.
12. Указ Президента РФ от 08 ноября 2001 года N 1300 «О Совете при Президенте РФ по культуре и искусству». / СЗ РФ. 2001. N 46. Ст. 4345.
13. Указ Президента РФ от 1 ноября 2008 года N 1576 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации». /СЗ РФ. 2008 г. N 44. Ст. 5049.
14. Указ Президента РФ от 1 сентября 2000 года «О Государственном совете Российской Федерации». / СЗ РФ. 2000. N 36. Ст. 3633.
15. Указ Президента РФ от 1 февраля 2011 года N 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека». /СЗ РФ. 2011. N 6 Ст. 852.
16. Указ Президента РФ от 12 августа 2008 года N 1206 «Об утверждении составов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления и президиума этого Совета». /СЗ РФ. 2008 г. N 33. Ст. 3836.
17. Указ Президента РФ от 15 декабря 2008 года N 1775 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам реформирования и развития государственной службы». СЗ РФ. 2008. N 51. Ст. 6136.
18. Указ Президента РФ от 15 марта 2010 года N 312 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству». /СЗ РФ. 2010. N 12. Ст. 1311.
19. Указ Президента РФ от 15 мая 2009 года N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». / СЗ РФ. 2009. N 21. Ст. 2541.
20. Указ Президента РФ от 17 декабря 2008 года N 1792 «О Совете при Президенте Российской Федерации по делам инвалидов». /СЗ РФ. 2008. N 51. Ст. 6138.
21. Указ Президента РФ от 17 октября 2008 года N 1489 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию финансового рынка Российской Федерации». /СЗ РФ. 2008 г. N 42 ст. 4789.
22. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 года N 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации». /СЗ РФ. 2008. №29. Ст. 3482.
23. Указ Президента РФ от 18 октября 2007 года N 1383 «О внесении изменений в состав Совета Безопасности Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2005 г. N 1328, и об утверждении состава Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами». / СЗ РФ. 2007. N 43. Ст. 5178.
24. Указ Президента РФ от 19 мая 2008 года N 815 «О мерах по противодействию коррупции». /СЗ РФ. 2008. N 21. Ст. 2429.
25. Указ Президента РФ от 2 декабря 2008 года N 1712 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам». /СЗ РФ. 2008. N 49. Ст. 5767.
26. Указ Президента РФ от 20 мая 2009 года N 579 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России». /СЗ РФ. 2009. N 21. Ст. 2552.
27. Указ Президента РФ от 20 сентября 2010 года N 1142 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике». / СЗ РФ. 2010. N 39. Ст. 4927.

28. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 года N 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». /СЗ РФ. 2006. N 26. Ст. 2820.
29. Указ Президента РФ от 25 августа 2008 года N 1252 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров». /СЗ РФ. 2008. N 35. Ст. 4010.
30. Указ Президента РФ от 25 октября 2004 года N 1352 «О внесении изменений в состав Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 29 октября 2003 г. N 1267». /СЗ РФ. 2004. N 44. Ст. 4324.
31. Указ Президента РФ от 29 июля 2004 года N 988 «Об утверждении состава Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов». /СЗ РФ. 2004. N 31. Ст. 3236.
32. Указ Президента РФ от 30 августа 2004 года N 1131 «О Совете при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию». /СЗ РФ. 2004. N 36. Ст. 3655.
33. Указ Президента РФ от 5 сентября 2008 года N 1311 «Об утверждении составов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, спорта высших достижений, подготовке и проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи, XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года в г. Казани, чемпионата мира по футболу 2018 года и президиума этого Совета». /СЗ РФ. 2008. N 36. Ст. 4092.
34. Указ Президента РФ от 7 июня 2004 года N 726 «Об утверждении положений о Совете Безопасности Российской Федерации и аппарате Совета Безопасности Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу отдельных актов Президента Российской Федерации». /СЗ РФ. 2004. N 24. Ст. 2392.
35. Федеральный закон от 10 января 2003 г. N 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». /СЗ РФ. 2003. N 2. Ст. 171.
36. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. N 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». /СЗ РФ. 1998. N 51. Ст. 6270.
37. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». /СЗ РФ. 1994. N 13. Ст. 1447.
38. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». /СЗ РФ. 2010. N 7. Ст. 898.

Некоторые проблемы предупреждения налоговых преступлений

Бугаевская Н.О., аспирант

Московский государственный областной университет

Статья посвящена проблемам предупреждения налоговых преступлений. Автор анализирует законодательство о налогах и сборах, показывает его пробелы и недостатки, предлагает пути его совершенствования. Рассматривая организационно-управленческие меры предупреждения налоговой преступности, автор приходит к выводу о целесообразности восстановления органов налоговой полиции, поскольку функционирование специализированных органов налоговой полиции в качестве отдельной и самостоятельной государственной структуры дает больший эффект для предупреждения налоговых преступлений, чем создание подразделений по борьбе с налоговыми преступлениями в рамках правоохранительных органов. В плане специального предупреждения налоговой преступности обращается внимание на проблемы совершенствования технологий сбора и обработки информации о налогоплательщиках и предпринимательской деятельности. Рассмотрена предупредительная деятельность следователей в области предупреждения налоговой преступности.

Ключевые слова: предупреждение преступности; налоговая преступность; налоговое законодательство; налоговая полиция; представление следователя.

Предупреждение налоговой преступности можно определить как воздействие государства и общества на причины и условия, порождающие налоговую преступность, социальные процессы и иные социальные факторы, прямо или косвенно связанные с совершением налоговых преступлений, а также на социальные слои и индивидов с

целью сокращения уровня налоговой преступности в обществе и недопущения совершения преступных проявлений в налоговой сфере со стороны отдельных членов общества. Оно представляет собой взаимосвязанный комплекс социально-экономических, политических, правовых и культурно-воспитательных мер, направленных

на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, обеспечение действенного учета и контроля за проведением финансовых и хозяйственных операций, воздействия на налогоплательщиков с целью побудить их соблюдать требования налогового законодательства.

Большое значение для предупреждения налоговой преступности имеет оптимизация налоговой политики и повышение эффективности правового регулирования отношений по поводу собирания налогов и сборов. Здесь следует обратить внимание на совершенствование налогового законодательства и законодательства в сфере предпринимательства, устранение пробелов и коллизий в правовом регулировании налогообложения, существование которых позволяет избегать юридической ответственности за совершение налоговых преступлений.

Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит Налогового кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах. НК РФ осуществил систематизацию и упорядочение налогового законодательства, заменив ряд действовавших законов, закрепил реформу налоговой системы России. Однако, несмотря на то, что принятием первой и второй частей НК РФ была осуществлена систематизация российского налогового законодательства и реформирована система налогообложения, состояние правового регулирования налоговой сферы нельзя признать вполне удовлетворительным. Как отмечается в юридической литературе, российское налоговое законодательство все еще отличается несовершенством и нестабильностью, некоторые положения НК РФ характеризуются неясностью и противоречат друг другу [3,27; 6,3; 9,13].

О нестабильности налогового законодательства говорит тот факт, что российский законодатель практически ежегодно вносит различные дополнения и изменения как в первую, так и во вторую части НК РФ. А.А. Тедеев и В.А. Парыгина отмечают, что «кодификация налогового законодательства ведется бессистемно, методом проб и ошибок. Принятие едва ли не каждой новой главы части второй НК РФ осуществляется без учета положений части первой Кодекса и порождает перманентный процесс ее доработки «на ходу». При этом вносимые изменения и дополнения часто противоречат друг другу, что делает процесс их дальнейшего «совершенствования» неминуемым. Показательно, что многочисленные взаимоисключающие изменения вносятся в еще не введенные в действие акты, многие дополнения вводятся задним числом, после начала соответствующих налоговых периодов» [9,13].

В то же время, несмотря на усиленное внимание российского законодателя к вопросам правового регулирования налоговых отношений, НК РФ до сих пор не свободен от неясных и расплывчатых положений, а также от различных несоответствий и противоречий между его нормами.

Для предупреждения уклонения от уплаты налогов, повышения собираемости налогов необходимо четкое и

ясное определение в налоговом законодательстве объекта налогообложения, исключающее противоречивое толкование. Между тем, как отмечается в юридической литературе, не всегда взаимоувязаны между собой положения НК РФ, регулирующие вопросы объекта налогообложения по налогу на прибыль, в регулировании внереализационных доходов российский законодатель также допускает неувязку различных положений НК РФ, нет полной ясности и в определении расходов [4,94].

Следует признать, что НК РФ содержит ряд неясных и расплывчатых положений, его нормы плохо увязаны между собой, носят противоречивый характер, что способствует принятию необоснованных решений как со стороны налоговых органов, так и со стороны налогоплательщиков. Это, в свою очередь, влечет за собой конфликты между налогоплательщиком и налоговым органом, создает условия для уклонения от уплаты налогов и сборов.

Таким образом, противоречия и пробелы налогового законодательства способствуют порождению правового нигилизма среди налогоплательщиков, повышают вероятность совершения ими налоговых правонарушений и преступлений.

Важная роль в предупреждении налоговой преступности принадлежит организационно-управленческим мерам. Задача управленческого воздействия на налоговую преступность заключается в том, чтобы стимулировать позитивный, антикриминогенный потенциал социально-экономических и политических процессов, способствовать правомерному поведению граждан, а также минимизировать негативные криминогенные и криминальные процессы [1,49].

Представляется, что предупреждению совершения налоговых преступлений может способствовать восстановление налоговой полиции. Упразднение с 1 июля 2003 г. Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации [10] привело к снижению активности правоохранительных органов в сфере борьбы с налоговыми преступлениями и, как результат, к спаду выявленных налоговых преступлений в 2003 г. [7,5–6] В то же время опыт борьбы с налоговой преступностью в зарубежных странах [8,174–179] свидетельствует о том, что функционирование специализированных органов налоговой полиции в качестве отдельной и самостоятельной государственной структуры дает больший эффект для предупреждения налоговых преступлений, чем создание подразделений по борьбе с налоговыми преступлениями в рамках правоохранительных органов (прежде всего — МВД).

Немаловажное значение имеют специально-криминологические меры предупреждения налоговых преступлений, поскольку они направлены на обеспечение строго учета и контроля за поступлением налогов от предпринимательской деятельности, а также воздействуют на лиц, склонных к уклонению от уплаты налогов и, тем самым, прежде всего на предупреждают саму возможность совершения налогового преступления.

В рамках мероприятий по специально-криминологическому предупреждению преступлений выявляются и устраняются имеющиеся отрицательные условия формирования личности, осуществляется оздоровление микросреды, проводится коррекция поведения, а также интересов, потребностей, взглядов лиц, которые могут совершить преступные деяния. Кроме того, осуществляется предупреждающее воздействие на лиц, которые уже совершили преступления и понесли за это уголовное наказание с целью недопущения их возвращения на преступный путь.

В плане специального предупреждения налоговой преступности следует обратить внимание на повышение эффективности мероприятий по упреждению возникновения криминогенных явлений и процессов в сфере налогообложения и, прежде всего, на совершенствование технологий сбора и обработки информации о налогоплательщиках и предпринимательской деятельности.

В этой связи в системе налоговых органов необходимо ускорить создание информационной системы, отвечающей современным требованиям. Основой такой системы должна стать технология централизованной обработки данных, которая основывается на:

- 1) использовании и совершенствовании налоговыми органами автоматизированной информационной системы по обработке информации;
- 2) информационных ресурсах налоговых органов;
- 3) наличии электронных каналов связи, с использованием которых осуществляется передача электронных документов между налоговыми органами и налогоплательщиками [2, 13–15].

Это позволит налоговым органам иметь более полную и своевременную информацию о налогоплательщиках, плательщиках сборов, налоговых агентах; информацию оперативно-бухгалтерского учета; оперативно-правовую информацию (исковые заявления в судебные органы, протоколы и постановления по делам об административных правонарушениях, протоколы и предписания о приостановлении операций по счетам налогоплательщиков в кредитных организациях); банковскую информацию и т.д. Централизованная обработка данных будет способствовать созданию электронного паспорта налогоплательщика, массива полной информации о хозяйственной деятельности налогоплательщиков, т.е. сможет обеспечить решение оперативных задач налогового контроля.

Специальные мероприятия по предупреждению налоговых преступлений будут эффективны лишь в случае активного взаимодействия органов внутренних дел с налоговыми органами, как государственными органами, уполномоченными по контролю и надзору в области налогов и сборов. С целью организации такого взаимодействия совместным Приказом МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7–2–347 от 30.06.2009 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» [5] утверж-

дены «Инструкция о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок», «Инструкция о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения», «Инструкцией о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления».

С целью выявления и пресечения нарушений законодательства о налогах и сборах, могут проводиться выездные налоговые проверки налоговыми органами с участием органов внутренних дел. Основанием для проведения выездной налоговой проверки является решение руководителя налогового органа или его заместителя о проведении такой проверки. Сотрудники органов внутренних дел принимают участие в выездных налоговых проверках на основании мотивированного запроса налогового органа. Основаниями для направления мотивированного запроса могут являться:

а) наличие у налогового органа данных, свидетельствующих о возможных нарушениях налогоплательщиками, плательщиками сборов, налоговыми агентами законодательства о налогах и сборах, и необходимости проверки указанных данных с участием сотрудников органов внутренних дел;

б) назначение выездной налоговой проверки на основании материалов о нарушениях законодательства о налогах и сборах, направленных органом внутренних дел в налоговый орган, для принятия по ним решения в соответствии с НК РФ;

в) необходимость привлечения сотрудников органа внутренних дел для участия в проведении конкретных действий по осуществлению налогового контроля (выемка документов, проведение исследования, опроса, осмотра помещений и т.д.);

г) необходимость содействия должностным лицам налогового органа, проводящим проверку, в случаях воспрепятствования их законной деятельности, а также обеспечения мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья указанных лиц, при исполнении ими должностных обязанностей.

По результатам рассмотрения материалов проверки руководитель налогового органа выносит решение о привлечении (или об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Представляется, что не малую помощь в выявлении слабых мест и определении предпочтительных направлений деятельности правоохранительных органов по предупреждению налоговых преступлений могли бы оказывать представления следователей о выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению налогового преступления. Однако, как показы-

вает практика, такая форма предупредительной работы используется следователями необоснованно редко. Из всех, изученных нами уголовных дел о налоговых преступлениях, законченных расследованием и направленных в суд, только по 19,4 % дел следователи направляли представления, содержащие требования об устранении выявленных причин и условиях совершения преступления. Причем зачастую эти представления носили краткий, формальный характер, не содержащий развернутого из-

ложения недостатков, способствовавших преступлению. Кроме того, необходимо отметить, что следователи практически не используют такую форму, как обобщенное представление, составленное по результатам расследования ряда схожих по фабуле уголовных дел о налоговом преступлении. Между тем, обобщенное представление позволяет глубже проанализировать причины и условия совершения насильственных преступлений и выработать более действенные меры по их предупреждению.

Литература:

1. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н. Преступность как объект управленческого воздействия. Сыктывкар, 1999. С. 49.
2. Загузов Г.В. Информационное обеспечение деятельности налоговых органов // Административное и муниципальное право. 2008. № 4. С. 13–15.
3. Кирилина В.Е. Некоторые проблемы взаимодействия части первой и части второй Налогового кодекса Российской Федерации // Финансовое право. 2005. № 8. С. 27.
4. Прудюс Е.В. Совершенствование финансово-правового регулирования устойчивого развития налоговой системы Российской Федерации. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 94.
5. Российская газета от 16.09.2009. № 173.
6. Саттарова А.А. Актуальные проблемы и перспективы налоговой реформы в Российской Федерации // Финансовое право. 2007. № 4. С. 3.
7. Семенова Н.Ф. Криминологический анализ налоговой преступности в современной России. Нижний Новгород, 2009. С. 5–6.
8. Смирнов М.П. Особенности функций отечественных и зарубежных министерств и ведомств в борьбе с преступностью в сфере экономической деятельности // Вестник Академии налоговой полиции: Выпуск 3. М., 2003. С. 174–179.
9. Тедеев А.А., Парыгина В.А. Спорные вопросы сущности и понятия налогового правоотношения // Адвокат. 2006. № 8. С. 13.
10. Указ Президента РФ от 11.03.2003 № 306 «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1099.

Разграничение предметов ведения между исполнительными органами субъектов Федерации и муниципальными органами в сфере управления отраслью культуры

Казакова Ю.А., аспирант

Поволжская академия государственной службы имени П.А.Столыпина (г. Саратов)

Differentiation of subjects of conducting between executive powers of subjects of Federation and municipal bodies in sphere of management of culture branch

Kazakova Julia Arkadevna, the teacher of chair of administrative law and the state building of Volga region academy of public service of a name of P.A. Stolypin

В статье поднята проблема разграничения предметов ведения между государственными органами субъектов Федерации и местными органами власти в сфере культуры. Проблема состоит в обеспечении взаимосвязи, взаимодействия государственных органов исполнительной власти субъектов и исполнительных органов местного самоуправления, преемственности государственных и муниципальных начал в системе исполнительной власти, единства исполнительной власти, при соблюдении конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: управление, органы исполнительной власти, муниципальные органы, разграничение предметов ведения, субъекты Федерации, сфера культуры.

In article the problem of differentiation of subjects of conducting between state structures of subjects of Federation and local authorities in culture sphere is lifted. The problem consists in maintenance of interrelation, interaction of state structures of executive power of subjects and executive powers of local government, continuity of the state and municipal beginnings in system of executive power, unity of executive power, at observance of the constitutional principle of independence of local government.

Keywords: *management, enforcement authorities, municipal bodies, differentiation of subjects of conducting, subjects of Federation, culture sphere.*

В процессе управления сферой культуры в России принимают участие, как органы государственной власти, так и органы местного самоуправления. В связи с конституционной гарантией местного самоуправления, возникает необходимость разграничения предметов ведения и полномочий между исполнительными органами субъектов Федерации и муниципальными органами. Кроме того, необходимо отметить, что разграничение предметов ведения между государственными органами и местными органами власти, согласно справедливому замечанию И.А. Умновой, «является одним из фундаментальных принципов разделения государственной власти между центром и составными частями в федеративном государстве»¹.

Первоначально основным нормативно правовым актом, регулирующим вопросы разграничения полномочий между государственными органами и органами местного самоуправления, выступали «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612—1)² (далее Основы законодательства о культуре). Но с принятием последующих законов регулирующая функция Основ была неоднократно изменена.

В связи с чем, отметим, что в настоящее время нормы Основ законодательства о культуре в части регулирования полномочия субъектов Федерации и органов местного самоуправления в сфере культуры практически дублируют нормы Федеральных законов от 25.06.2002 № 73-ФЗ

«Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»³, от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁴, от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵. Представляется возможным предположить, что такое дублирование положений является не целесообразным, поскольку конкретные полномочия органов государственной власти должны регулироваться соответствующими отраслевыми Федеральными законами («О библиотечном деле», «Об архивном деле в РФ» и т.д.), а не актами общего характера.

Согласно ст. 39 Основ законодательства о культуре к полномочиям органов государственной власти субъектов относится сохранение, использование и популяризацию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности субъектов Российской Федерации; государственную охрану объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения. Эти же нормы практически дословно дублируются в Законах «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

Помимо указанных, к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации Федеральный Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» относит: принятие законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации в пределах полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации и контроль за их исполнением; разработку и реализацию региональных программ в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия; установление порядка изменения категории историко-культурного значения объектов культурного наследия регионального значения; определение порядка принятия органом государственной власти субъекта Российской Федерации решения о включении (об исключении) объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и т.д.

Необходимо отметить, что из-за отсутствия комплексного законодательства регулирующего вопросы разграничения предметов ведения и полномочий в сфере культуры, наблюдается неоднородность правового регулирования вопросов культуры в разных субъектах Российской Фе-

¹ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 159.

² «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) // «Российская газета», N 248, 17.11.1992.

³ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 30.11.2010, с изм. от 13.12.2010) // «Российская газета», N 116-117, 29.06.2002.

⁴ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ // «Российская газета», № 206, 19.10.1999.

⁵ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.05.2011) // «Российская газета», № 202, 08.10.2003.

дерации, что в свою очередь приводит к нарушению ряда положений Конституции Российской Федерации. Регламентация на федеральном уровне предметов ведения субъектов Федерации в сфере культуры, позволяет устранить подобные противоречия, однако в этом случае нарушается установленный Конституцией РФ принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, вследствие чего субъекты лишаются права исключительного ведения.

Одним из основополагающих принципов местного самоуправления является наличие собственной выделенной компетенции муниципальных органов исполнительной власти. Под компетенцией исполнительного органа местного самоуправления, по мнению А.В. Колесникова, следует понимать «совокупность властных полномочий, осуществляемых самостоятельно и под свою ответственность, по выполнению задач и функций исполнительного органа местного самоуправления, создаваемого в соответствии с законодательством и уставом муниципального образования по предметам ведения муниципального образования, закрепленным в нормативно-правовых актах»¹. Е.Н. Селютина полагает, что «компетенция органов местного самоуправления включает полномочия по решению вопросов местного значения (собственная компетенция) и полномочия, полученные от органов государственной власти (выделенная компетенция)»².

Статья 40 Основ законодательства о культуре регулирует компетенцию органов местного самоуправления, относя к ней: осуществление государственной политики в области культуры на своей территории; формирование местных бюджетов и фондов развития культуры, разработку и принятие местных нормативов финансирования культуры; регулирование в пределах своих полномочий и компетенции отношений собственности в области культуры; создание и ликвидацию местных органов управления в области культуры, определение их структуры и полномочий, назначение руководителей местных органов управления в области культуры; строительство зданий и сооружений муниципальных организаций культуры, обустройство прилегающих к ним территорий; контроль условий аренды зданий, помещений и иных объектов собственности организациями культуры.

В результате административной реформы был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы

федеративных отношений и в том числе вопросы разграничения полномочий. Прежде всего это Федеральный Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который, однако, претерпел в дальнейшем значительные изменения в связи с изменением экономических и политических обстоятельств.

С момента принятия в 2003 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» было закреплено новое разграничение полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

В 2004 г. Федеральным законом № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ (далее — Закон N 122-ФЗ) были внесены значительные изменения в отраслевые федеральные законы, отражающие новое распределение полномочий.

Итогом нормотворческой деятельности по разграничению предметов ведения стало увеличение по сравнению с предшествующим законодательством полномочий в сфере культуры органов государственной власти субъектов РФ; ряд полномочий по управлению вопросами культуры, в том числе вопросами собственности, был передан органам местного самоуправления. В целом же указанное разграничение «позволило очертить четкий круг ответственности, которую несли органы государственной власти разного уровня»⁴.

Несмотря на значительную законодательную деятельность в сфере разграничения полномочий между органами государственной власти субъектов и местными органами власти в настоящее время остается ряд нерешенных проблем, в частности, связанных с вопросами собственности.

Так, например, напомним, что одной новелл законодательства о разграничении полномочий между Федерацией и субъектами в сфере сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия является пе-

¹ Колесников А.В. Правовой статус исполнительных органов местного самоуправления / Под ред. Н.М. Кониной. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. С. 122.

² Селютина Е.Н. Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовой и политический аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2003. С. 19.

³ Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»//СЗ РФ. 2004. N 35. Ст. 3607.

⁴ Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века: Дис. ... д.ю.н. М., 2002. С. 192.

редача субъектам Российской Федерации и муниципалитетам почти всех федеральных полномочий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия федерального значения. Необходимо отметить, что ранее субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления запрещалось осуществлять деятельность по охране и реставрации памятников истории и культуры федерального значения, а также иметь в собственности памятники культуры федерального значения.

В результате субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления получили возможность иметь в своей собственности объекты культурного наследия федерального значения, финансировать ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия, находящихся в собственности Федерации, а также осуществлять государственную охрану объектов культурного наследия любой категории значимости.

Кроме того законодателем были устранены все препятствия по реализации субъектами Российской Федерации своих и переданных федеральных полномочий в сфере культурного наследия. Однако необходимо сказать, что в нормативно-правовых актах и не нашло закрепление право Российской Федерации финансировать за счет средств федерального бюджета работы по сохранению объектов культурного наследия, не находящихся в собственности Российской Федерации. В связи с этим можно говорить об отсутствии законных оснований для финансирования из федерального бюджета реставрационных работ на памятниках истории и культуры, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации, муниципалитетов, в собственности религиозных организаций, физических и юридических лиц.

Кроме того, необходимо отметить, что часть вопросов местного значения не может решаться органами местного самоуправления в отрыве от государственных органов, так как их решение связано с реализацией конституционных прав населения либо с осуществлением государственной социальной политики. В свою очередь в ведении местного самоуправления могут находиться также передаваемые законом отдельные государственные полномочия. Поэтому, представляется возможным внедрение в практику заключение публично-правовых муниципальных договоров, в такой форме могут быть оформлены отношения органов государственной власти субъекта Федерации и органов местного самоуправления.

Наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями возможно в двух формах — передача и делегирование¹. Принимая решения о передаче государственных полномочий, необходимо разрешить ряд законотворческих и организационных задач. К законотворческим задачам относятся: проведение ревизии

законодательства, содержащего нормы муниципального права, и приведение этих норм в согласование друг с другом; внесение изменений в федеральное законодательство, используя точные юридические термины при определении компетенции местного самоуправления; в необходимых случаях уточнение полномочий по отдельным предметам ведения в отраслевом законодательстве (частично это сделано в законодательстве по вопросам образования и здравоохранения); более детальное определение полномочий органов местного самоуправления в сферах, относящихся к ведению органов государственной власти (культура, здравоохранение, образование, культура, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды), в законодательстве субъектов Российской Федерации; подготовка органами государственной власти субъектов Российской Федерации методических рекомендаций с перечнем полномочий, которые не могут принимать на себя муниципальные образования; проведение разграничения предметов ведения между муниципальными образованиями в том случае, когда в границах одного муниципального образования находятся другие муниципальные образования.

Среди организационных задач при передаче государственных полномочий органам местного самоуправления особое значение имеют: учет не только организационных и финансовых факторов, но и удобства для населения при получении услуг власти; принятие решения по каждому муниципальному образованию отдельно либо по группам однородных по возможностям муниципальных образований; передача государственных полномочий не конкретно определенному органу местного самоуправления (например, администрации, главе муниципального образования, комитету, управлению или др.), а муниципальному образованию; передача государственных полномочий одновременно с передачей органам местного самоуправления необходимых материальных и финансовых ресурсов. Кроме того, в бюджете Российской Федерации и субъектов Российской Федерации ежегодно должны предусматриваться средства, выделяемые органам местного самоуправления на исполнение отдельных государственных полномочий².

Таким образом, можем сделать вывод, что, наделение отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления должно осуществляться путем законодательного закрепления с одновременной передачей материальных и финансовых ресурсов, а в бюджете Российской Федерации и субъектов Российской Федерации ежегодно должны предусматриваться средства, выделяемые муниципальным органам на исполнение отдельных государственных полномочий.

В заключение отметим, что состояние нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы разграничения

¹ Селютина Е.Н. Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовая и политическая аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2003. С. 19.

² Савранская О.Л. Проблемы разграничения компетенции и определение объема полномочий муниципальных образований. 2003. С. 23.

компетенций государственных и местных органов исполнительной власти в сфере культуры, не соответствует насущным проблемам отрасли. Она нуждается в серьезных изменениях. Это касается как принятия новых законов, так и корректировки проекта Закона «О культуре в Рос-

сийской Федерации», обсуждаемого в Государственной Думе РФ. При этом координирующую роль, в решении проблем уточнения полномочий в сфере культуры, должны занять Федеральные органы власти посредством усиления вертикали управления.

Литература:

1. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) // «Российская газета», N 248, 17.11.1992.
2. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 30.11.2010, с изм. от 13.12.2010) // «Российская газета», N 116–117, 29.06.2002,
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ // «Российская газета», № 206, 19.10.1999.
4. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.05.2011) // «Российская газета», № 202, 08.10.2003.
5. Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. N 35. Ст. 3607.
6. Колесников А.В. Правовой статус исполнительных органов местного самоуправления / Под ред. Н.М. Кониной. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. С. 122.
7. Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века: Дис. ... д.ю.н. М., 2002. С. 192.
8. Селютин Е.Н. Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовой и политический аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2003. С. 18.
9. Савранская О.Л. Проблемы разграничения компетенции и определение объема полномочий муниципальных образований. 2003. С. 23.
10. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 159.

К вопросу об административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации

Карпеня К.С., аспирант
Белгородский государственный университет

В современных условиях движения России к правовому государству принципиально важным представляется вопрос об установлении гармоничного соотношения, выражающегося, прежде всего, во взаимодействии общества и государства. При этом следует признать, что налаживание доверительных взаимоотношений невозможно без учета такого регулятора, оказывающего существенное влияние на сознание граждан, как наличие действенного механизма привлечения к ответственности государственных служащих. По данным проведенного в январе этого года опроса произвол властей занимает пятое место по показателю в рейтинге опасений сограждан и состав-

ляет 18 % опрошенных респондентов [14]. Интересно также, что 51 % россиян считает необходимым поставить власть под контроль общества [15]. Думается, что действенный гражданский контроль невозможно представить без двух сопутствующих ему условий: высокого уровня прозрачности деятельности властных структур и законодательно предусмотренных неотвратимых мер ответственности чиновников за нарушение прав и законов. Согласно российскому законодательству государственные служащие могут привлекаться к следующим видам ответственности: дисциплинарной, административной, уголовной, материальной и гражданско-правовой. Думается,

что в свете проводимой в нашей стране административной реформы проблема применения мер именно административной ответственности к управленцам представляет особый научный интерес и заслуживает должного внимания.

На федеральном уровне рассматриваемый вид ответственности довольно четко обоснован в ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Данной нормой предусмотрено привлечение *должностного лица* к административной ответственности за совершение им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей. Целесообразно отметить, что под должностным лицом в указанном нормативном правовом акте следует понимать лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, *а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах*, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях России [7]. Таким образом, возможно сделать вывод о том, что под определенную в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ дефиницию должностного лица прямо подпадают государственные служащие. Кроме того по смыслу п. «к» ч. 1 ст. 72 действующей Конституции административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов [1]. На региональном уровне административная ответственность должностных лиц предусмотрена в соответствующих нормативных правовых актах. Однако не следует забывать, что в случаях возникновения противоречий между федеральным законом и иным актом, изданным в нашей стране приоритет принадлежит федеральному закону, но, к сожалению, данное конституционная норма не всегда должным образом находит свое отражение в законах субъектов Федерации [1]. При этом не во всех нормативных правовых актах об административных правонарушениях, принятых на региональном уровне, закреплено само понятие должностного лица, хотя предусмотрены надлежащие составы административных правонарушений. В некоторых региональных законах (например, Ростовской, Нижегородской, Новосибирской, Саратовской, Костромской областей) данная дефиниция отсутствует, что на наш взгляд является недоработкой законодателя, в других же либо закреплена прямая отсылка к ст. 2.4 КоАП РФ (Закон Тверской области об административных правонарушениях) либо дублируется определение содержащееся в ней (Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях) [8; 9; 10; 11; 12; 13].

По мнению Ю.Н. Старилова можно выделить как минимум четыре важнейших условия, при которых для

должностных лиц может наступать административная ответственность: 1) совершение действий, содержащих прямое нарушение общеобязательных административных правил или правил поведения; 2) издание приказов (распоряжений) и указаний, которые нарушают положения установленных общеобязательных правил, т.е. не соответствуют им; 3) невыполнение принадлежащих им обязанностей по осуществлению контроля над исполнением подчиненными лицами установленных в нормативных правовых актах общеобязательных правил поведения или административных процедур; 4) соблюдение установленных правил входит в круг должностных обязанностей и фиксируется в соответствующих должностных инструкциях. Помимо этого профессор отмечает, что в отдельных случаях правонарушение может содержать одновременно признаки как дисциплинарного, так и административного проступка и влечет соответственно два вида ответственности [4, 85].

К сожалению, приходится констатировать, что зачастую государственные служащие пытаются ограничиться лишь мерами дисциплинарного взыскания (замечанием, выговором, предупреждением о неполном должностном соответствии). Для лучшего понимания причин такого предпочтения не лишним будет провести грань, отличающую дисциплинарную ответственность в государственном управлении от административной-правовой. Заметим, что меры служебно-правовой ответственности в отличие от административных (карательных санкций) обладают лишь превентивно-воспитательным воздействием, что позволяет обозначить в качестве основной цели их применения — обеспечение дисциплины в государственном управлении. В то время как за совершение административного правонарушения на государственного служащего представляется возможным наложение штрафа, как доминирующего вида административного взыскания. Помимо этого применение мер дисциплинарной ответственности к управленцам, как правило, осуществляется в порядке служебной соподчиненности, что не исключает потенциальной возможности его ограничения узковедомственными интересами. Административная ответственность, напротив, в этом плане более объективна, поскольку применяется внешними по отношению к правонарушителю специально уполномоченными органами и должностными лицами (например, инспекциями, должностными лицами контрольно-надзорных органов). Также имеет смысл отметить, что законодатель предусматривает лишь приобщение всех материалов свидетельствующих о применении дисциплинарного взыскания к личному делу государственного служащего, исключая какую либо фиксацию (за исключением увольнения) совершения им данного деяния в трудовой книжке [2]. Тогда как привлечение к административной ответственности хотя и не влечет за собой судимости, но сам факт совершения правонарушения предполагает должное его отражение в виде конкретных результатов осуществления правоприменительной юрис-

дикционной деятельности органом, привлекающим управленца. В качестве одного из критериев различий можно рассматривать наличие возможности снятия с государственного служащего, не утратившего силу по истечению года со дня его применения, дисциплинарного взыскания, но это не предусмотрено в отношении случаев назначения на него административного наказания. Принимая во внимание вышеизложенное можно сделать вывод о том, что привлечение к административной ответственности ведет к наступлению более серьезных фактических последствий для управленца, что объясняет приоритетность применения в государственном управлении санкций дисциплинарно-правового характера.

В этой связи особый интерес представляет высказанное в последнем Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию положение о необходимости законодательного введения ответственности должностных лиц за нарушение сроков оказания государственных услуг, а также за несоблюдение процедур, предусмотренных соответствующими административными регламентами [3]. В декабре минувшего года в Москве прошла конференция Минэкономразвития с Всемирным банком, по итогам которой в своем докладе министр экономического развития Э.С. Набиуллина сообщила, что подготовлен соответствующий законопроект, предусматривающий право заявителя подать жалобу на чиновника его начальнику в случае нарушения порядка и сроков предоставления государственной услуги. Если претензия будет удовлетворена, начальник обязан направить соответствующую информацию в прокуратуру и чиновник будет привлечен к административной ответственности (штраф от 3 до 5 тысяч рублей). Также отклонение признанной в судебном порядке обоснованной претензии влечет наложение штрафных санкций, как на самого чиновника, так и на его начальника в размере от 10 до 30 тысяч рублей [5, 9]. Думается, не лишним будет дополнить ответственность государственных служащих, закрепленную в соответствующих административных регламентах мерами административного взыскания в виде штрафа. Поскольку управленец должен осознавать вероятность понесения им материального убытка в случае нарушения прав граждан на качественное предоставление государственных услуг. Во взаимосвязи с вышеизложенным необходимо обратить внимание еще на один положительный момент, имеющий непосредственное отношение к вопросу повышения эффективности деятельности должностных лиц в сфере обеспечения прав граждан. В конце мая этого года Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект предполагающий применение штрафных санкций к государственным служащим за нарушение порядка рассмотрения обращений сограждан (от 5 до 10 тысяч рублей) [6]. Заметим, например, что в ст. 2.1. Областного закона Ростовской области «Об административных правонарушениях», еще до принятия федерального нормативного правового акта, предусмотрено наложение административного штрафа в

размере от 500 до 2000 рублей за нарушение порядка и сроков рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных органов Ростовской области, государственных учреждений Ростовской области и государственных унитарных предприятий Ростовской области, выборными должностными лицами местного самоуправления, должностными лицами органов местного самоуправления, муниципальных учреждений и муниципальных унитарных предприятий [8]. Остается отметить, что в любом случае по факту принятия соответствующего закона на федеральном уровне содержание вышеприведенной нормы регионального законодательства подлежит корректировке. Целесообразность принятия данного нормативного правового акта обусловлена необходимостью конкатенировать применяемые в данном случае меры дисциплинарного взыскания административной ответственностью. Но для того чтобы штрафные санкции рассматривались гражданами в качестве результативного вида административного наказания необходимо как можно максимально упростить процедуру подачи жалобы заявителем. Здесь немаловажное значение имеет вопрос о достоверном, своевременном, всестороннем информировании сограждан о возможных способах привлечения государственного служащего к ответственности с последующим наложением на него административного взыскания. Гражданин, сталкиваясь с нарушениями его прав со стороны управленца, должен быть оперативно проинформирован прямо на месте о наличии у него возможности подать жалобу, а также о порядке и сроках ее рассмотрения. Помимо этого согражданам в органах государственной власти должны предоставляться достоверные сведения касательно составов правонарушений, совершаемых государственными служащими, за которые предусмотрено наложение административного взыскания в виде штрафа.

Результаты исследования наводят на мысль о том, что не возникает сомнений в целесообразности административной ответственности должностных лиц, неправомерные действия (бездействие) которых посягают на охраняемые государством публично-правовые интересы. Но в настоящее время в России существует острая необходимость законодательного закрепления персонализированных мер административного взыскания в отношении государственного служащего, нарушающего права граждан. Неосведомленность сограждан о фактах привлечения к дисциплинарной ответственности управленцев, в силу ее ведомственного характера, не только подрывает авторитет власти, но и оказывает негативное воздействие на сознание людей, порождая тем самым недоверие ко всем институтам гражданского общества. Возможно, принятие закона улучшит ситуацию, о чем можно будет говорить по прошествии времени, но только в том случае если каждый отдельный гражданин нашей страны будет сознательно обладать желанием восстановить нарушенные в результате неправомерных действий (бездействия) государственных служащих права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ и от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) / Российская газета. — 1993, 25 декабря; 2009, 21 января // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 07.07.2004) / «Собрание законодательства РФ», 02.08.2004, N 31, ст. 3215.
3. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию / Российской Федерации Российская газета Федеральный выпуск № 5350 от 1 декабря 2010 г.
4. Старилов Ю.Н. Курс общего административного права. С77 В 3 т.Т. II: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2002. — 600 с.
5. Снижать административные барьеры, повышать доступность государственных услуг / Научно-политический журнал Государственная служба № 1 (69) январь-февраль 2011.
6. Штрафной дар. Чиновник заплатит за нерадивость / Российская газета Столичный выпуск № 5492 от 1 июня 2011 г.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ / Информационно-правовая база данных «Консультант-плюс» [электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru/popular/koap/#info>
8. Областной закон Ростовской области «Об административных правонарушениях» от 25.10.02 № 273-ЗС / Официальный портал Администрации Ростовской области [электронный ресурс] // <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=77767>.
9. Кодекс Нижегородской области «Об административных правонарушениях» от 20.05.2003 № 34-З (ред. от 25.12.2008) / Информационно-правовая база данных «Консультант-плюс» [электронный ресурс] // www.consultant.ru.
10. Закон «Об административных правонарушениях» в Новосибирской области Принят постановлением Новосибирского областного Совета депутатов от 30.01.2003 № 99-ОСД в ред. Законов Новосибирской области от 12.03.2004 № 170-ОЗ, от 14.06.2005 № 297-ОЗ, от 09.12.2005 № 350-ОЗ, от 15.05.2006 № 11-ОЗ, от 14.04.2007 № 94-ОЗ, от 15.10.2007 № 152-ОЗ, от 15.12.2007 № 170-ОЗ, от 07.02.2008 № 204-ОЗ, от 12.03.2009 № 310-ОЗ, от 02.07.2009 № 368-ОЗ, от 30.11.2009 № 414-ОЗ, от 27.04.2010 № 482-ОЗ, от 27.04.2010 № 483-ОЗ, от 04.02.2011 № 40-ОЗ, от 02.03.2011 № 48-ОЗ, от 01.04.2011 № 55-ОЗ, от 02.06.2011 № 74-ОЗ, с изм., внесенными решением Новосибирского областного суда от 26.08.2009 № 3—96/2009) / Информационно-правовая база данных «Консультант-плюс» [электронный ресурс] // www.consultant.ru.
11. Закон Саратовской области «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области» от 22.07.2009 № 104-ЗСО / Сайт Энгельсского муниципального района Саратовской области [электронный ресурс] // <http://www.engels-city.ru/pravkdn/4008-zkdn>
12. Закон Костромской области «Об административных правонарушениях» от 21.07.2008 N 352—4-ЗКО / Портал Костромской области [электронный ресурс] // http://kostroma.news-city.info/docs/sistemsw/dok_iegytb.htm
13. Закон Тверской области «Об административных правонарушениях» от 14.07. 2003 г. N 46-ЗО / Тверская область Управление Государственная административно-техническая инспекция [электронный ресурс] // http://www.ati.tver.ru/TGS/ati/ati.nsf/pages/ati_norm_reg_46zo.html
14. Чего опасаются россияне? / Аналитический центр Юрия Левады Пресс-выпуск от 31.01.2011. [электронный ресурс] // <http://www.levada.ru/press/2011013100.html>
15. О взаимоотношениях власти и общества / Аналитический центр Юрия Левады Пресс-выпуск от 14.01.2011. [электронный ресурс] // <http://www.levada.ru/press/2011011401.html>

Актуальные вопросы разработки методики расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)

Плахотнюк Ю.И., аспирант

Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

На сегодняшний день проблема борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений является весьма актуальной. О сложности борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений показывает контраст в соотношении общего количества зарегистрированных преступлений и количества осужденных лиц по ст. 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»). В Сибирском федеральном округе борьба с данным видом преступлений не является адекватной состоянию подростковой преступности. Как отмечается Координационным совещанием руководителей правоохранительных органов Иркутской области, правоохранительными органами, органами системы профилактики, а также органами исполнительной власти не приняты соответствующие меры по предупреждению преступности несовершеннолетних.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления составляет в год в среднем около 32% среди преступлений против семьи и несовершеннолетних. Большинство — это вовлечение несовершеннолетних в совершение различного рода хищений, в основном краж, на их долю выпадает около 70% преступлений. Чаще в совершение преступлений вовлекаются несовершеннолетние мужского пола — 92%, женского — 8% [5, с. 4]. Меры, принимаемые по повышению эффективности борьбы с данным видом преступлений на государственном уровне свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения криминальных ситуаций, в которых оказываются несовершеннолетние для того, чтобы вскрыть не только причины и условия, способствующие их совершению, но и разработать достаточно адекватные меры по их устранению. Для этого необходима разработка научных методов ведения следствия, которые могут найти свое место в криминалистической методике предварительного расследования и судебного разбирательства (следствия) вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. На сегодняшний день таких методик мало. Среди них необходимо выделить работы Ю.П. Гармаева, И.А. Макаренко, А.И. Долговой, Г.М. Миньковского и других [3, с. 127]. Большую помощь следствию оказывают различного рода методические рекомендации, разрабатываемые Управлением по делам несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры РФ, Научно-исследовательским институтом проблем укрепления законности и правопорядка, обзоры и информационные письма, методические памятки Прокуратур краев и областей о результатах обобщения прокурорско-следственной и судебной практики по уголовным делам о вов-

лечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность, в которых отражаются положительный опыт и просчеты следствия. Изучение этих источников получения информации о том, как совершаются и как расследуются данные преступления, может послужить теоретической и практической основой в построении методики их предупреждения, раскрытия и расследования. Существуют некоторые моменты в данной проблеме:

1. Криминалистическая методика расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления относится к частной методике. Она базируется на общих положениях и принципах криминалистической методики расследования любых преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ. В этом плане она выполняет прогностическую функцию науки криминалистики, так как ее общие рекомендации по расследованию будут адаптированы в целом к тем способам и составам преступлений, которые законодатель может принять в будущем. Разумеется, этих общих рекомендаций будет недостаточно, так как действующие составы преступлений, так и вновь введенные отличаются и будут отличаться друг от друга способами и механизмами следообразования, специфическими следственными ситуациями предварительного и судебного следствия. Поэтому необходима разработка такой частной методики расследования, которая бы полностью отвечала потребностям практики.

2. В качестве основания классификации методики расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления лежит вид преступления (ст. 150 УК), поэтому ее следует называть видовой. Если в основе ее дальнейшей классификации будет положен еще и криминалистический критерий, чаще — способы и механизмы преступлений, личность виновного, жертвы, то такую методику следует называть внутривидовой.

3. Методика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений может быть полно- и неполноструктурной (усеченной). Цель полной, видовой методики расследования — разработка на основе познания закономерностей целостного движения уголовно-значимой информации и доказательств по делу методических рекомендаций, начиная от проверки поступивших заявлений, сообщений с признаками данного преступления до постановления по уголовному делу обвинительного приговора. Иначе говоря, ее составными частями являются методики предварительной проверки материалов, предварительного следствия и судебного разбирательства (следствия). Такая методика должна быть базовой, основной. Формирование (разработка) неполной методики раскрытия

данных преступлений преследует иные цели. Ее цель — разработка методических, узловых рекомендаций, имеющих важное этапное значение для расследования. Ими могут быть такие частные методики расследования: предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях; первоначального этапа расследования; установления алиби, инсценировок и др. [2, с. 444].

Особенности методики расследования данного вида преступления варьируют в зависимости от того, достиг ли подросток возраста уголовной ответственности и совершил ли он конкретно уголовно наказуемое деяние, в совершение которого был вовлечен. В последнем случае все следственные действия с ним должны проводиться с учетом требований Уголовно-процессуального кодекса в части гарантий его права на защиту как подозреваемого [4, с. 566]. Преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, возбуждается и расследуется, как правило, в рамках уже возбужденного уголовного дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетним в группе со взрослым соучастником. Часто при расследовании данной категории дел органами предварительного расследования предпочтение отдается основным составам преступления, в то время как сбор доказательств виновности взрослых лиц в совершении преступлений, предусмотренных вышеуказанной статьей уголовного закона, сводится к минимуму. Это вызывает определенные трудности в получении и закреплении доказательств, в частности связанных с проведением судебных экспертиз (судебно-медицинских и психиатрических). В зависимости от следственной ситуации судебно-психологическую экспертизу необходимо назначить на предмет установления индивидуальных психологических особенностей личности подростка, его ролевое значение в группе лиц, оценить степень его интеллектуального развития, охарактеризовать эмоциональную и волевые сферы. В совокупности с другими материалами дела выводы психологической экспертизы могут позволить с достоверностью установить его истинную роль в исследовании того или иного события. Так, установив факты физического насилия в отношении несовершеннолетнего на завершающем этапе расследования, не всегда имеется возможность их фиксации средствами судебно-медицинской экспертизы, особенно в том случае, когда подросток, на которого было оказано физическое воздействие, не обращался за помощью в медицинское учреждение. Таким образом, утрачивается возможность проведения по делу судебно-медицинской экспертизы и, соответственно, исчезает одно из наиболее важных доказательств оказанного физического воздействия на подростка при вовлечении его в совершение преступления. Отсутствие документального подтверждения факта насилия является распространенной ошибкой в деятельности правоохранительных органов. По этой причине органам предварительного расследования следует рекомендовать уже на первоначальном этапе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в соучастии со взрослыми лицами,

выяснять роль взрослых соучастников, характер взаимоотношений с несовершеннолетними, имело ли место вовлечение подростков в совершение преступления. При установлении фактов физического насилия необходимо незамедлительно назначать судебно-медицинскую экспертизу. Действуя в рамках возбужденного уголовного дела, следователь должен прилагать много усилий, чтобы обнаружить необходимые документы о причинении вреда здоровью несовершеннолетнего. При этом стремление органов предварительного следствия в осуществлении уголовного преследования вовлечателя не должно противоречить смыслу ч. 2 ст. 6 УПК РФ, устанавливающей обязанность органов государственного уголовного преследования одинаково стремиться как к установлению виновного, так и к освобождению от уголовной ответственности невиновного. В этой связи при назначении судебно-медицинской экспертизы живого лица надо иметь в виду, что у несовершеннолетних могут быть различные телесные повреждения и не связанные с событием преступления, хотя потерпевшие могут утверждать, что они есть результат именно действий виновного при вовлечении их в совершение преступления [1, с. 104]. Следователю необходимо поставить перед экспертом вопросы о давности возникновения повреждения и механизме причинения травмы. К числу наиболее сложных видов экспертиз по указанной категории дел относятся судебно-психологическая и судебно-психиатрическая экспертизы. Они должны назначаться не только в отношении виновных лиц, но и свидетелей и потерпевших, когда возникают сомнения в их способности адекватно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела. У работников органов предварительного следствия наибольшие сложности возникают при определении вида экспертизы, формулировании вопросов, выносимых на разрешение эксперта, а также при оценке выводов заключения эксперта. При назначении судебно-психологической экспертизы следственным органам необходимо поставить на разрешение экспертов вопросы, связанные с возможным наличием у несовершеннолетнего признаков поведения, не связанных с психическими заболеваниями, отставанием в психическом развитии и в чем конкретно это выражается. Основной задачей судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам, связанным с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, является определение психического состояния несовершеннолетних свидетелей и потерпевших и заключение о способности их правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, имеющие значение для дела. Доказательственная информация о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления может быть получена из анализа данных следственного осмотра. Например: следы, изъятые с места происшествия, их расположение и локализация могут свидетельствовать о более активной роли взрослого, что в совокупности с иными доказательствами может быть положено в основу его обвинения по ст. 150 УК РФ. Такие же данные могут

быть получены и в результате освидетельствования, либо цели производства этого следственного действия достаточно широки (ч. 1 ст. 179 УК РФ). При производстве такого следственного действия, как предъявление для опознания взрослого лица, необходимо учитывать возможность предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Порой следователи сетуют на отсутствие и непригодность помещений для проведения этого вида предъявления для опознания. Представляется, что в этих случаях просто нужен следующий подход. К примеру, это следственное действие вполне возможно произвести при расположении опозна-

ющего вместе с понятиями в салоне автомашины с тонированными стеклами [4, с. 568].

Дела о преступлениях против семьи и несовершеннолетних относительно редкое явление в следственной практике. Такую практику нельзя оправдать дефицитом времени во время проведения расследования, сложностью доказывания и т.п. Качественные изменения криминальной ситуации в стране, проблемы практики выявления и расследования преступлений требуют от криминалистов особого внимания к вопросам совершенствования методик расследования, в части конкретных методик по расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Литература:

1. Виноградов И.В. Судебные экспертизы. М., 1980.
2. Гавло В.К. Общие положения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений. Криминалистика: Учеб. / Под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. М.: Юрид. литература. 2004.
3. Гуковский Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбира-тельство дел о преступ-лениях несовершеннолетних. М.: Юрид. литература. 1974.
4. Мозяков В.В. Руководство для следователей. М.: Экзамен, 2005.
5. Нарожная О.В. Особенности квалификации преступлений в отношении семьи и несовершеннолетних детей по действующему законодательству Российской Федерации. // Российский следователь. 2008. № 20. — С. 3–9.

Объект и предмет договора страхования финансовых рисков при покупке и строительстве жилья

Ромашова Т.В., ст.преподаватель

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Ухтинский филиал

Страховые отношения возникают в связи с объектами страхования. Закон об организации страхового дела разделяет объекты страхования по видам: на объекты личного (страхование жизни, страхование от несчастных случаев и болезней, медицинское страхование) и имущественного страхования (страхование имущества, страхование гражданской ответственности, страхование предпринимательских рисков). В обоих случаях объектами страхования являются имущественные интересы, которые могут быть подвержены денежной оценке.

Применительно к договору имущественного страхования существенными являются условия об объекте страхования — определенном имуществе или имущественном интересе [1, с. 246].

Объектом страхования имущества выступают имущественные интересы, вытекающие из владения, пользования или распоряжения имуществом. Эти интересы могут вытекать не только из вещных отношений собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, но и из обязательственных отношений, возникающих из аренды, найма, безвозмездного пользования, хранения, подряда, а также из таких обязательственных

отношений, которые по своей природе близки к вещным, — залога, ипотеки.

Ст. 4 Закона об организации страхового дела вводит понятие объекта страхования, отождествляя его со страховым интересом. Подчеркнуто, что объект страхования — страховой интерес — должен существовать как в имущественном, так и в личном страховании. Здесь же объект страхования служит классифицирующим признаком для разделения всех возможных видов страхования на три группы — личное страхование, имущественное страхование, страхование ответственности. Однако классификация на две группы, данная в ст. 927 ГК РФ, — имущественное и личное страхование — представляется более правильной [2, с 267].

Представляется необходимым более полное рассмотрение объекта страхования имущества по общему правилу и определению объекта страхования по договору страхования финансовых рисков при покупке и строительстве жилья.

Действительно, определение «интерес, связанный с владением, пользованием, распоряжением имуществом» является не вполне точным. Возникает, в част-

ности, вопрос: должно ли имущество, о котором здесь идет речь, уже существовать при заключении договора страхования, или интерес в отношении не полученного еще дохода также относится к объектам имущественного страхования? Также не вполне ясно, относится ли к объектам имущественного страхования в смысле ст. 4 Закона об организации страхового дела интерес в отношении не произведенных еще расходов, которые должны быть произведены. ГК РФ отвечает на эти вопросы вполне определенно: объектом имущественного страхования является любой интерес, связанный с возможными убытками лица, в пользу которого заключен договор (ст. 929 ГК РФ) [2, с. 268–269]. Тем самым классификация видов страхования на две большие группы — личное или имущественное — производится по признаку наличия или отсутствия материальных убытков.

Имущественные интересы, составляющие объекты страхования, всегда должны быть правомерными. Не допускается страхование противоправных интересов, а также интересов, страхование которых запрещено законом: убытков от участия в играх, лотереях, пари, страхование расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников (ст. 928 ГК РФ). В случае включения подобных условий в договор, они будут являться ничтожными (п. 4 ст. 928 ГК РФ), более того, поскольку эти объекты будут опосредовать предмет договора — страховую услугу, ничтожным следует признать весь договор страхования. Исходя из судебной практики, интерес собственника в сохранении имущества не может быть квалифицирован как противоправный исключительно на основании того, что застрахованное имущество в момент заключения договора страхования находилось на территории России с нарушением таможенных правил [3, п. 5].

Под имущественными интересами юридических и физических лиц понимается их заинтересованность в сохранении, восстановлении или замене материальных, нематериальных ценностей (благ), обеспечивающих необходимый (ожидаемый) уровень существования и развития, а также в наличии денежных средств для этих целей в случае причинения им вреда вследствие неблагоприятных событий или необходимого увеличения доходов физического лица для поддержания необходимого уровня жизни либо покрытия дополнительных, важных единоразовых расходов.

Такое же смешение допускается в отношении понятий «имущество» и «имущественный интерес». То есть вопреки логике и мировой практике страхования и страховых отношений признаются не только имущественные интересы страхователя (застрахованного лица, выгодоприобретателя), предметом которых являются конкретные материальные и нематериальные ценности, но и сами материальные ценности, то есть имущество.

В ст. 4 Закона об организации страхового дела объектом страхования любого вида назван интерес. В ст. 942 ГК РФ объектом имущественного страхования названы

«имущество или иной имущественный интерес». Текст ст. 942 ГК РФ сформулирован так, что в отношении имущества не совсем ясно, считает ли законодатель объектом страхования само имущество или вызываемый им интерес или же законодатель полагает, что само имущество также можно рассматривать как один из видов интересов. Заметим, что в ст. 930 ГК говорится не об имуществе, а об интересе в сохранении имущества, который должен существовать для того, чтобы договор страхования был действительным. Таким образом, сопоставление норм ст. 4 Закона об организации страхового дела и норм различных статей ГК РФ оставляет открытым вопрос об объекте страхования при страховании имущества — является ли в этом случае объектом страхования само имущество или интерес в его сохранении?

Вокруг этого вопроса было много споров еще в XIX в., но в настоящее время доктрина считает, что объектом страхования в любом случае является интерес [4, с. 272]. Логика рассуждений следующая: если бы объектом страхования (т.е. защиты) являлось само имущество, то страховщик при утрате или повреждении имущества обязан был бы его восстановить и лишь с согласия страхователя мог бы не восстанавливать имущество, а возместить страхователю убытки в денежной форме. Однако законодательство всех стран, в том числе и современное отечественное законодательство (ст. 929 ГК РФ) требует, чтобы страховщик возместил убытки в денежной форме, и лишь в качестве отступного может восстановить поврежденное имущество в натуре [2, с. 283].

В отечественном законодательстве факт наличия страхового интереса для всех видов страхования признается путем позитивного указания в нормативном акте. В частности, в ГК РФ признано существование страхового интереса в пяти больших группах страховых отношений: имущества (ст. 930 ГК РФ), ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ), ответственности по договору (ст. 932 ГК РФ), предпринимательского риска (ст. 933 ГК РФ), личного страхования (ст. 934 ГК РФ). Наличие интереса в отношениях перестрахования признано ст. 967 ГК РФ [5].

Отсутствие в договоре страхования точного перечня застрахованного имущества само по себе не может служить основанием для признания договора недействительным или незаключенным. В данном случае речь идет о генеральном полисе, который оформляет идентичные операции по страхованию, по страхованию однородного имущества на сходных условиях (ст. 941 ГК РФ), т.е. своеобразное страхование товаров в обороте.

Приведем пример из судебной практики.

Страховщик обратился в арбитражный суд с иском о признании незаключенным договора страхования имущества, ссылаясь на то, что сторонами не было достигнуто соглашение об определенном имуществе, являющемся объектом страхования. Как установил суд, договор между сторонами заключен посредством выдачи страхователю полиса. Страхователем выступала организация,

оказывающая услуги по ремонту оргтехники. В заявлении страхователя и полисе застрахованное имущество определено как оргтехника, принадлежащая третьим лицам и сданная ими согласно квитанциям в ремонт в мастерскую, расположенную по указанному адресу. В договоре были предусмотрены общая стоимость застрахованного имущества и максимальная страховая сумма по договору. Стороны согласовали родовые признаки, общую стоимость и местонахождение имущества. Совокупность этих признаков позволяет четко отграничить застрахованное имущество от незастрахованного и индивидуализировать его в момент наступления страхового случая. По условиям предпринимательской деятельности страхователя идентифицировать принятую им в ремонт оргтехнику иначе невозможно. Поэтому отсутствие в договоре перечня конкретного имущества не может служить основанием для признания договора незаключенным, поскольку его условие об имуществе, являющемся объектом страхования, имеет достаточную степень определенности, позволяющую при наступлении страхового случая установить, что страховой случай произошел именно с тем имуществом, которое было застраховано [3, п. 15].

С объектами страхования как имущественными интересами тесно связано понятие страхового интереса, которым должен обладать страхователь, выгодоприобретатель, застрахованное лицо.

Законодательство (в том числе и современное отечественное) не дает нормативного определения понятия «страховой интерес». Континентальная доктрина, тем не менее, выработала несколько похожих друг на друга определений, которые приведены в посвященной этому вопросу статье проф. В.И.Серебровского [6, с. 18]. Их общий смысл — страховой интерес существует, если обстоятельства, в которых находится заинтересованное лицо, могут причинить ему вред. Иными словами, страховой интерес рассматривается как оборотная сторона вреда до его применения, поскольку страхование и есть защита от вреда.

Страховой интерес присущ любой форме страхования и любому его виду (такой точки зрения придерживаются В.Е. Идельсон, Ю.Б. Фогельсон, М.Е. Мартемьянова, Р. Тузова, В.С. Белых) [7, с. 29; 2, с. 21; 8, с. 139–140; 9, с. 65, 69].

Хотя встречаются и другие мнения на этот счет. Так, по мнению О.Н. Садикова, страховой интерес выделяется только в имущественном страховании [10, с. 500].

В ст. 928 и 930 ГК РФ показано, что представление о страховом интересе только как о возможном вреде затрудняет применение соответствующих норм. Наоборот, представление об интересе как о возможной пользе облегчает их применение.

Таким образом, лицо следует считать заинтересованным в отношении имущества или нематериального блага, если оно своим поведением может извлекать пользу из того, что это имущество или благо находится в неизменном состоянии. Под вредом же следует понимать такое изменение обстоятельств, которое уменьшает воз-

можности извлекать пользу. Значит, конструкция «интерес», которая отражала бы как возможный вред, так и возможную пользу, должна включать в себя: 1) лицо, 2) имущество или нематериальное благо, 3) фактически возможное поведение этого лица, 4) пользу, извлекаемую в результате этого поведения из того, что имущество или благо находится в неизменном состоянии, 5) возможное изменение обстоятельств, уменьшающее возможности извлекать пользу [2, с. 177].

В современном отечественном законодательстве факт наличия страхового интереса для всех видов страхования признается путем позитивного указания в нормативном акте.

ГК РФ оставляет открытым перечень отношений, в которых признается существование страхового интереса. В ст. 929 ГК РФ, где перечислены интересы, страхуемые по договору имущественного страхования, этому перечислению предшествует оговорка «в частности», т.е. допускается имущественное страхование и иных интересов.

Точно так же, как объект страхования, страховой интерес всегда должен быть правомерным и иметь конкретный характер, выражающийся в его связи с определенным лицом. Участником страхового отношения на стороне страхователя может быть исключительно лицо, обладающее имущественным интересом (страховой интересант).

Для наличия страхового интереса необходимо, чтобы лицо, в пользу которого осуществляется страхование, имело какие-либо права в отношении застрахованного имущества или несло связанные с ним обязанности.

Как отмечает судебная практика, интерес в сохранении имущества имеется у его собственника и в том случае, когда обязанность нести расходы по замене утраченного или восстановлению поврежденного имущества возлагается на другое лицо, например на арендатора. Собственник как лицо, обладающее наиболее полным абсолютным правом на принадлежащее ему имущество, всегда имеет основанный на законе интерес в его сохранении [3, п. 3].

Однако страховой интерес не во всех случаях тождественен понятию риска случайной гибели имущества, установленного ст. 211 ГК РФ, и обязанности по несению расходов по замене или восстановлению поврежденного имущества.

Использование термина «объект страхования» не означает, что подлежащий страхованию интерес существует объективно и независимо от участников отношений. Очень часто для обозначения объекта страхования (интереса) используют термин «риск», хотя это и неправильно [2, с. 184]. Говорят: страховщик застраховал риск или принял риск в страхование, передал его в перестрахование, говорят о распределении рисков и т.д. Из-за такого словоупотребления возникло представление о том, что объект страхования существует независимо от участников отношений, и участники могут передавать его друг другу и принимать его друг от друга. Иными словами, существует

точка зрения, что страховой интерес ведет себя как оборотоспособный объект гражданских прав и может участвовать в обороте. В качестве обоснования такого взгляда приводят также и ст. 960 ГК РФ, в соответствии с которой при переходе прав на имущество договор страхования не прекращает своего действия [2, с. 191].

Однако такое понимание ошибочно. Интерес не является объектом гражданских прав. Формально просто потому, что исчерпывающий перечень этих объектов приведен в ст. 128 ГК РФ. Фактически же потому, что интерес неразрывно связан с заинтересованным лицом и с обстоятельствами, в которых это лицо находится. При изменении заинтересованного лица изменяются обстоятельства, изменяется и интерес. Это отчетливо видно на примере страхования ответственности за причинение вреда. Размер ответственности, которая может быть возложена по ст. 1079 ГК РФ, зависит от личности владельца, например, она зависит от его имущественного положения (п. 3 ст. 1083 ГК РФ). Соответственно, страховой интерес при страховании ответственности за причинение вреда будет разным у разных лиц, причинивших вред.

По одному из споров суд признал, что договор страхования имущества может быть заключен в пользу лица, имеющего в сохранении этого имущества интерес, основанный на договоре безвозмездного пользования имуществом. Как указал суд, ссудополучатель заинтересован в сохранении имущества для себя. Такой интерес состоит в выгоде, которую ссудополучатель имеет от предотвращения убытков, которые он несет в случае невозможности использовать застрахованное имущество. Этот интерес ссудополучателя позволяет допустить возможность страхования им имущества в свою пользу и основан на договоре ссуды, заключенном с его собственником [3, п. 4].

Иногда связывают интерес с имущественными правами заинтересованного лица, более того, говорят о самом интересе как об имущественном праве, т.е. как об объекте гражданских прав [2, с. 202].

Часто строительный подрядчик страхует имущество незавершенного строительства в свою пользу. Имущество незавершенного строительства является объектом недвижимости, и права на него подлежат регистрации (ст. 25 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»). На практике имущество незавершенного строительства регистрируется только после прекращения подрядных работ [11, п. 16], когда требуется его продать, сдать в аренду и т.д. Таким образом, у строительного подрядчика нет никаких вещных прав на имущество незавершенного строительства. Нет у него и обязательственных прав на него. Однако в этом случае он несет риск утраты или повреждения имущества до его приемки заказчиком (п. 1 ст. 741 ГК РФ) и, следовательно, в соответствии со ст. 929, 930 ГК РФ имеет интерес в сохранении имущества и может застраховать его в свою пользу.

В приведенном выше примере подрядчик, не обладая ни вещными, ни обязательственными правами на иму-

щество, имеет в отношении него обязанности перед заказчиком.

Мысль о том, что интерес может быть связан не только с правами, но и с обязанностями заинтересованного лица, также встречается в практике. В одном из судебных решений, касающихся страхования имущества, указано: «Для наличия страхового интереса необходимо, чтобы лицо ... имело какие-либо права в отношении застрахованного имущества или несло связанные с ним обязанности» [12]. Это утверждение верно для договоров страхования имущества. Однако в общем случае оно неверно. Как показывает следующий пример, у страхователя может не быть в отношении определенного имущества ни прав, ни обязанностей, но при этом может существовать страховой интерес. Это относится к страхованию упущенной выгоды от изменения условий деятельности предпринимателя по не зависящим от него причинам. В подп. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ признается наличие здесь страхового интереса предпринимателя, но никаких прав и обязанностей в отношении денег, не полученных из-за изменения экономической конъюнктуры, у предпринимателя, естественно, нет [2, с. 205].

Страховой интерес может быть основан на отношениях собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, обязательствах аренды, найма, ссуды, залога, отношениях из причинения вреда, на отношениях по осуществлению предпринимательской деятельности, а также на защите наиболее ценных нематериальных благ — жизни и здоровья.

Страховой интерес может быть одновременно как у страхователя, так и у выгодоприобретателя, причем он может различаться. Например, у залогодателя (являющегося в договоре страхования страхователем) и залогодержателя (являющегося в договоре страхования выгодоприобретателем): в случае если риск случайной гибели несет залогодатель, наличие страхового интереса у страхователя очевидно. Залогодержатель также заинтересован в сохранении имущества, т.к. в противном случае лишается обеспечения — объекта залога, из которого он может в последующем при нарушении обеспечиваемого обязательства удовлетворить свой интерес [13, с. 57].

В ст. 929 ГК РФ сформулирован предмет договора страхования, который следует отличать от объекта страхования. Объектом страхования является страховой интерес, предметом же договора страхования — обязательство страховщика уплатить определенную сумму денег при наступлении определенного события, т.е. предметом договора страхования является денежное обязательство. Это обязательство называют страховым, так как наличие в договоре именно этого обязательства обеспечивает страховую защиту [14, с. 396].

Должником по страховому обязательству является страховщик, а кредитором — страхователь.

Следует также отметить, что при заключении договора это обязательство не является денежным, но при наступлении страхового случая становится обычным денежным обязательством.

Состав страховых убытков следует определять по аналогии с п. 2 ст. 15 ГК РФ:

- утрата или повреждение имущества при страховом случае;
- расходы, которые произведены или должны быть произведены для ликвидации вреда, причиненного страховым случаем застрахованному лицу;
- неполученные доходы, которые были бы получены при обычных условиях гражданского оборота, если бы страховой случай не наступил (упущенная выгода).

Страхование на случай утраты или повреждения имущества носит название «страхование имущества».

Страхование на случай расходов, которые производятся или должны производиться для устранения причиненного вреда, и на случай неполучения ожидаемых доходов называется страхованием финансовых рисков. Однако это название не применяется в отношении страхования на случай возникновения правовой обязанности произвести расходы. Оно выделено в специальный вид страхования ответственности.

Практика показывает, что при всем разнообразии видов интересов, которые страхуются по договорам имущественного страхования, практически любой из них может быть представлен как комбинация интересов, относящихся к одному из трех больших классов:

- страхование имущества на случай его утраты или повреждения;
- страхование ответственности на случай возникновения правовой обязанности произвести расходы;
- страхование финансовых рисков, включая упущенную выгоду, на случай непредвиденных расходов или неполучения ожидаемых доходов. Иногда страхование упущенной выгоды выделяется в отдельный класс [14, с. 398–399].

Анализ правил и договоров страхования финансовых рисков различных страховых компаний показал, что в большинстве случаев страховщики под объектом страхования подразумевают имущественные интересы страхователя, связанные с риском его убытков в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом — должником страхователя своих обязательств по передаче соответствующего объекта, например долевого строительства, страхователю.

Определяя предмет договора страхования, необходимо упомянуть, что ни ГК РФ, ни Закон об организации страхового дела не используют термин «предмет страхования». Речь идет только о его объектах, под которыми понимаются имущественные интересы (п. 1 ст. 942 ГК РФ). Предметом договора страхования является особого рода возможное оказание услуги, которую страховщик оказывает страхователю в пределах страховой суммы, а страхователь обязуется ее оплатить.

Условие о предмете договора страхования обеспечивает индивидуализацию конкретного договора. В договоре имущественного страхования указанное условие может принимать самый различный вид даже тогда, когда объ-

ектом служит имущество. Разумеется, чаще всего в договоре имущественного страхования используются для конкретизации предмета такие показатели, как количество, а иногда и качество. Приведенная конкретизация предмета договора перечисленными критериями не ограничивается.

Исследование правил страхования финансовых рисков, применяемых такими страховыми компаниями, как Росгосстрах, МСК-стандарт и других, показало, что в качестве предмета страхования финансовых рисков рассматривается страховой риск, связанный с выплатой страхового возмещения при наступлении страхового случая.

Страховщик обязуется компенсировать в пределах страховой суммы убытки страхователя в виде реального ущерба, причиненного страхователю неисполнением (ненадлежащим исполнением) договорных обязательств контрагентом страхователя, выразившемся в невыполнении предварительно оплаченных обязательств по контракту вследствие стихийных бедствий, произошедших во время и в месте исполнения контрагентом обязательств по контракту и приведших к утрате или повреждению имущества и банкротства контрагента, определенного вступлением в законную силу решения суда о признании контрагента банкротом.

Столь сложная конструкция, не ясна не только простым обывателям, коими являются страхователи, но также и судебным и контролирующим органам.

Для оценки размеров страховых рисков в договорах страхования имущества особую роль играет определение его стоимости, поскольку именно от нее в значительной мере зависит размер возможных убытков страхователя при наступлении страхового случая, а значит, тем самым и обязанности, которую придется исполнить страховщику. ГК РФ предусмотрел право страховщика в договоре страхования имущества производить осмотр страхуемого имущества самому, а если это необходимо, то назначить экспертизу. Защищая интересы страхователя, ГК РФ (п. 3 ст. 945) содержит указание на то, что оценка страхуемого имущества, которая исходила от страховщика, не является обязательной для страхователя, который не лишен права доказывать иное. Риск, присущий соответствующим видам страхования, определяется в законах, подзаконных актах либо в стандартных правилах страхования. Там же нередко перечисляются события, которые заведомо не признаются страховым риском. Так, например, в Правилах страхования финансовых рисков, используемых одной из страховых компаний, в качестве страховых рисков указываются потеря или недополучение доходов вследствие стихийного бедствия, пожара, взрыва газа, аварии отопительной, водопроводной, противопожарной и канализационной систем, банкротства, непредвиденных расходов, судебных расходов (издержек). Вместе с тем в этих же Правилах специально оговорено, что страхованием не охватываются последствия военных действий, террористических актов, радиоактивного заражения, введения моратория и других исчерпывающим образом обозначенных в Правилах событий.

В разработанных той же страховой компанией Правилах страхования имущества предприятий в качестве страховых рисков указаны гибель (утрата) или повреждение имущества вследствие наступления таких событий, как пожар, удар молнии, столкновение или падение на застрахованное имущество пилотируемых летательных аппаратов, их частей или груза, перевозимого на этих объектах, взрыв паровых котлов, газопроводов, аппаратов и других аналогичных устройств, взрывчатых веществ и газа, употребляемого для бытовых и промышленных целей. Исключенными из действия договора в этих же Правилах оказались риски, выражающиеся в гибели, повреждении или пропаже застрахованного имущества в результате воздействия на него огнем или теплом с целью обработки, переработки или в других целях, а также гибели, повреждении или пропаже имущества, с помощью которого или в котором огонь или тепло специально создаются и (или) которое специально предназначено для разведения, поддержания, распространения и передачи огня и тепла.

Принятые сторонами на страхование по конкретному договору риски составляют в совокупности бордеро, определяющее пределы обязанностей страховщика. Риск, который имели в виду стороны, и прежде всего страховщик, в момент заключения договора, может впоследствии измениться. Особенность страховых отношений находит свое выражение в том, что применительно к ним действие принципа *pacta sunt servanda*, выражающего начало «неизменности договора», определенным образом ограничивается. Соответственно установлено, в частности, что во время действия договора имущественного страхования страхователь или иное лицо, являющееся выгодоприобретателем, обязаны незамедлительно сообщать страховщику о ставших им известными значительных изменениях в тех обстоятельствах, о которых страхователь поставил в известность страховщика при заключении договора. При этом речь идет об изменениях, которые могут существенно повлиять на увеличение страхового риска. Ст. 959 ГК РФ не раскрывает смысла самого понятия «значительные изменения». Она ограничивается указанием на то, что, во всяком случае, к такого рода изменениям относятся те, которые оговорены в договоре страхования (страховом полисе) и в переданных страхователю правилах страхования. Указанная норма не исключает для страховщика права ссылаться и на иные изменения, если только ему удастся доказать их значительность.

Страховым случаем по договору страхования имущества в пользу его собственника является любая утрата или повреждение имущества, так как любая утрата или повреждение имущества причиняет его собственнику убытки. Страховым случаем по договору страхования имущества, заключенного в пользу лица, не являющегося его собственником, но имеющего интерес в его сохранении, является не любое повреждение имущества, а лишь такое, которое причиняет убытки лицу, в пользу которого заключен договор. При этом возникновение ответственности за утрату или повреждение имущества не

относится к убыткам, на случай которых производится страхование имущества.

Практика долевого строительства показывает, что фактически никто из его участников — инвесторов не защищен от таких досадных недоразумений, как несвоевременная сдача дома в эксплуатацию, банкротство застройщика, продажа одного и того же жилья нескольким покупателям и т.д. Так **ОАО страховая компания «Русский мир»**, предлагая страховую защиту инвестиций участников долевого строительства [15], под объектом страхования рассматривает имущественные интересы страхователя — дольщика, связанные с потерей страхователем инвестиций в результате страхового события при осуществлении страхователем капитальных вложений (затрат) на новое строительство (долевое участие в строительстве нового дома).

Страховым событием, на случай наступления которого производится страхование рассматриваемого вида, относится неполучение в собственность объекта недвижимости или невозврат контрагентом — застройщиком вложенных страхователем в инвестиционный проект денежных средств по истечении оговоренного в договоре страхования срока, отсчитываемого от планируемой контрагентом даты исполнения своих обязательств перед страхователем по договору долевого строительства в результате следующих юридических фактов, имевших место в период действия договора страхования:

а) банкротство застройщика или генерального инвестора, участников строительства (инвестиционного проекта);

б) неисполнение (ненадлежащее исполнение) партнерами, подрядчиками, поставщиками, основными участниками строительства своих обязательств при осуществлении строительства («двойные» продажи, несоблюдение сроков выполнения проекта и строительных работ, поставки оборудования и материалов, сдачи в эксплуатацию объектов инвестирования в связи со стихийными бедствиями, остановкой производства, банкротством и т.п.);

в) длительная остановка производства (работ, услуг) или сокращение объема производства на строительном объекте в результате аварии, пожара, взрыва, стихийных бедствий;

г) гибель или повреждение зданий, сооружений, оборудования, основных фондов, других материальных ценностей, являющихся объектами инвестиций вследствие аварии, пожара, взрыва, стихийных бедствий;

д) противоправные действия третьих лиц (мошенничество, преступная халатность должностных лиц — участников строительства, подделка ценных бумаг, банковских и бухгалтерских документов и т.п.).

Основные выводы:

— учитывая, что под объектом имущественного страхования подразумевается имущество или иной имущественный интерес (ст. 942 ГК РФ), объектом страхования по договору страхования финансовых рисков при покупке

и строительстве жилья будут выступать финансовые средства, вкладываемые в приобретение жилья, интерес в сохранении которых имеет приобретатель недвижимости (жилья);

— под страховым интересом в страховании финансовых рисков при покупке и строительстве жилья следует понимать заинтересованность владельца финансовых ресурсов, вкладываемых в приобретение жилья в их сохранности и восстановлении при наступлении страхового события;

— предметом договора страхования финансовых рисков при покупке и строительстве жилья понимается защита финансовых ресурсов, вкладываемых в приобретение жилья путем покупки или строительства (участия в строительстве многоквартирного дома) от конкретного случая (страхового случая), при наступлении которого (при наступлении страхового события) страховщик обязан произвести страховую выплату. В связи с данным общим определением предмета договора страхования финансовых

рисков при покупке и строительстве жилья, его (предмет) можно конкретизировать и рассматривать как: 1) защиту финансовых ресурсов юридических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, направляемых на приобретение жилья путем покупки или строительства для использования в некоммерческих целях; 2) защиту финансовых средств граждан, направляемых на приобретение жилья с целью благоустройства или улучшения жилищных условий.

Таким образом, такой новый вид страхования как страхование финансовых рисков при покупке и строительстве жилья, вносит свою специфику в определение предмета и объекта страхования, которая должна учитываться при заключении договора страхования по данному виду, поэтому при разработке типовых правил страхования финансовых рисков, страховая компания должна четко определять объект страхования и предмет страхования финансовых рисков при покупке и строительстве жилья для исключения разночтений и ограничения спорных ситуаций.

Литература:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Книга 3. М.: «Статут», 2002.
2. Фогельсон Ю.Б. Комментарий к страховому законодательству (постатейный). М.: «Юрист», 2002.
3. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования. (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28 ноября 2003 г. № 75) // Вестник ВАС РФ. № 1. 2004.
4. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: «Статут», 1999.
5. Кабанцева Н.Г., Ларионова В.А. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
6. Серебровский В.И. Страховой интерес в Гражданском кодексе // Серебровский В.И. Избранные труды. М., 1997.
7. Идельсон В.Е. Договор страхования по русскому праву. Харьков, 1904.
8. Гражданское право: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. В 2 т. Том II. Полутом 2. М.: «БЕК», 2002.
9. Белых В.С., Кривошеев И.В. Страховое право. М.: «Норма», 2004.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Садиков О.Н. М.: «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М-НОРМА», 2004.
11. Постановление Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.
12. Постановление Федерального арбитражного суда Московской области по делу № КГ-А40/40—01 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
13. Сокол П.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Т.Е.Абовой, А.Ю.Кабалкина. М.: «Юрайт», 2006.
15. <http://www.rusworld.ru/3/65/0/>

Сущность права на свободу слова

Эктумаев А.Б., ассистент
Пермский государственный университет

Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 29 гарантирует каждому свободу слова. Данная конституционная норма рассматривается в качестве осно-

вания конституционного права на свободу слова.

Статья 29 Конституции РФ является одной из наиболее сложных для анализа. Помимо свободы слова данная

статья содержит целый ряд нормативных положений, которые теснейшим образом связаны со свободой слова, а именно: гарантия свободы мысли (часть 1), запрет пропаганды и агитации определенной направленности (часть 2), запрет принуждать человека выражать свои мнения или отказываться от них (часть 3), право на свободу информации (часть 4), а также гарантия свободы массовой информации и запрет цензуры (часть 5).

Вместе с тем, Конституция РФ ни в статье 29, ни в иных статьях не содержит положений, раскрывающих сущность или содержание свободы слова, а также соотношение данного права с иными, перечисленными выше положениями статьи 29. В системе российского законодательства отсутствуют нормативные акты, в которых содержалась бы непосредственная конкретизация исследуемого конституционного права.

В отечественной литературе, как представляется, вопросу о сущности отношений по реализации свободы слова уделяется недостаточно внимания. Большинство имеющихся определений по существу представляют собой лишь смысловую модификацию конституционного текста статьи 29.

Так, например, Г.А. Алхутова определяет свободу слова, как гарантированную государством «...возможность беспрепятственно выражать свои мнения и убеждения по самым различным вопросам общественного, государственного, иного характера посредством устного или печатного слова на собраниях, митингах, другими средствами» [2, с. 30].

Е.А. Лукашева выделяет в праве на свободу слова три структурных элемента: во-первых, свободу каждого человека публично выражать свои мысли, идеи и суждения и распространять их любым законным способом, во-вторых, свободу печати и других средств массовой информации и, в-третьих, право на получение информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей права граждан, т.е. на свободу доступа к источникам информации [20, с. 155].

По мнению М.В. Баглая, свобода слова предполагает «право говорить все, что угодно», а также охватывает сумму «убеждений, мнений, идей, выраженных как устно, так и печатно в произведениях изобразительного искусства, научных исследованиях, художественной литературе и музыке... все то, что выражает мысль человека, его устремления и надежды» [3, с. 222].

В учебнике Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина свобода слова определяется в качестве права человека делать свои мысли, убеждения и мнения общественным достоянием [11, с. 223].

В Большом юридическом словаре под редакцией А.Я. Сухарева свобода слова определена как «возможность публично (устно, письменно, с использованием СМИ) выражать свое мнение (мысли)» [5].

По нашему мнению, необходимо признать, что, несмотря на развитие информационных и коммуникационных технологий, происходящее особенно активно в

течение последних десятилетий, а также развитие соответствующих отраслей знания, приведенные определения демонстрируют один и тот же неизменный подход. Аналогичные концепции, в основе которых лежит свобода мнения, предлагались еще советский период.

Так, В.Л. Поляков отмечал, что «...посредством слова, высказанного и распространенного в устной и печатной форме, материализуются, получают внешнее выражение мнения, суждения личности». В понятие свободы слова автор включал также свободу слова, произнесенного по радио и телевидению, т.к. в основе этих прав, по мнению автора, «высказанное в той или иной форме мнение» [18, с. 24].

Аналогичным образом, в работах Л.Д. Воеводина, встречалась точка зрения о том, что права свободы слова и свободы печати являются по существу конкретизацией более общей свободы, а именно — свободы мнений [7, с. 34].

Принимая за основу свободы слова свободу мнения, исследователи предлагали соответствующие определения. В частности, например, А.И. Денисов определял право на свободу слова в качестве «права советских граждан высказывать и отстаивать в устной или письменной форме свое мнение по тем или другим вопросам». По мнению, Ф.А. Хоменок свобода слова означает «предоставление... возможности для выражения устно и письменно своих мнений, суждений и убеждений по любым вопросам». С точки зрения Н.И. Титова свобода слова есть право неограниченно высказывать, обсуждать, разъяснять и распространять «свои мысли, суждения и убеждения всеми гражданами СССР по всем вопросам хозяйственного, общественно-политического и государственного характера» [18, с. 65].

Исследователи в качестве дополнительного критерия указывали публичный характер высказываний. Например, В.Л. Поляков подчеркивал, что «свобода слова — не всякое мнение, а мнение, высказанное публично, т.е. ставшее достоянием других людей» [18, с. 67]. Однако данное уточнение не является в нашем понимании принципиальным.

Таким образом, отождествление свободы слова и свободы мнений является наиболее распространенной и общепризнанной точкой зрения.

С другой стороны, возвращаясь к современным авторам, необходимо указать, что в качестве противоположного полюса представлены позиции, в которых свобода слова определяется максимально широко, что фактически не позволяет отграничить реализацию свободы слова от сферы действия иных конституционных прав.

Так, например, М.Я. Муратов понимает под свободой слова «возможность человека самостоятельно выбирать вид и меру своего речевого поведения — иметь и высказывать собственные мысли, мнения и убеждения (распространять их письменно или устно, в полном объеме или частично, по любым вопросам и на любую тему, если это не создает угрозу правоохраняемым ценностям)» [16, с. 26].

Вероятно, руководствуясь понятием «речевое поведение» автор относит к специфическим проявлениям этой свободы такие правопритязания, как право каждого при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему обвинения, а также право на вступление в брак со свободным и полного согласия вступающих в брак.

Заметим, что факт *произнесения* формулы согласия при вступлении в брак, не предполагает нарушения права свободы слова в том случае, если в момент заключения брака человек будет лишен возможности воспользоваться речью для выражения своего согласия (несогласия). Несмотря на то, что юридическое значение при вступлении в брак имеет именно вербальное действие, как представляется, заключение брака без согласия одного из супругов является покусением на его достоинство, а не на свободу высказываний.

Очевидно, что в основе точки зрения автора лежит буквальное толкование части 1 статьи 29 Конституции РФ, в которой говорится о свободе *слова*. Такой подход позволяет рассматривать в качестве реализации права на свободу слова любое речевое (вербальное) поведение, в форме письменной или устной речи и, тем самым, необоснованно расширить сферу действия данного права. Это не только лишает право на свободу слова объекта защиты, но и не позволяет выявить его сущность.

Следует обратить внимание еще на один момент. В определении свободы слова М.Я. Муратов включает также свободу высказывать собственное мнение. Применительно к праву на вступление в брак лишь по собственному согласию автор, в частности, отмечает, что «согласие на брак — не что иное, как мнение по специфическому вопросу, определяющему выбор супруга и возможность создания семьи» [16, с. 75]. Следовательно, тезис о том, что свобода слова защищает право высказывать собственное мнение при вступлении в брак, не является результатом авторского широкого толкования свободы слова. Этот вывод можно в равной степени рассматривать как логическое продолжение любого из представленных выше определений свободы слова, в основе которых лежит понятие «мнение» («убеждение»).

Таким образом, традиционное отождествление свободы слова со свободой высказывания или распространения мнений, убеждений и идей затрудняет четкую идентификацию соответствующих отношений и сущности конституционного права на свободу слова.

Проблема выявления сущности свободы слова обусловлена также другими обстоятельствами. Социальная действительность предлагает такое разнообразие человеческого поведения, что с помощью существующих определений свободы слова зачастую очень сложно, если вообще возможно, установить, будут ли те или иные действия субъектов защищаться правом на свободу слова.

Те общественные отношения, которые в период становления общепризнанных прав человека (в эпоху Про-

свещения) могли быть исчерпывающе определены как распространение мнений или идей посредством публичных речей или печати, в XX веке приобрели иные формы, многие из которых с большим трудом можно редуцировать к перечисленным определениям.

Речь идет, о том, как по мере технического развития появлялись фотография, радио, кино и телевидение, затем сотовая связь и Интернет. В качестве ответной реакции можно рассматривать появление в конституционных текстах конкретизирующих положений о свободе кино, радио и телевидения, а также о свободе распространять сообщения устно, письменно, путем изображений, другими способами и даже о свободе выражения чувств [13, с. 56]. Можно с уверенностью утверждать, что подобного пестрого и неоднородного изложения в конституционных текстах не имеет никакое другое право (свобода). Такой путь можно определить как экстенсивный, свидетельствующий об отсутствии определенности в вопросе о сущности свободы слова.

В Конституции Российской Федерации также содержится несколько взаимосвязанных норм, относящихся к свободе слова: гарантия свободы слова (часть 1 статьи 29), гарантия свободы информации (часть 4 статьи 29) и гарантия свободы массовой информации (часть 5 статьи 29). Однако по вопросу содержания и, что особенно важно, соотношения данных нормативных положений в литературе отсутствует единство мнений, а практика Конституционного Суда РФ остается противоречивой.

Заметим также, что Европейский суд по правам человека предлагает такие толкования права на свободу слова, которые не «вписываются» в традиционный российский понятийный аппарат в сфере свободы слова и с трудом могут быть соотнесены с соответствующими конституционными нормами. Так, например, в своих правовых позициях Суд утверждает, что статья 10 (свобода слова) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») применима в том числе к легкой музыке, транслируемой по кабелю [21, с. 674], что статья 10 защищает не только сущность выражаемых идей, но и способ их выражения [21, с. 631] и др.

Таким образом, представляется, что в науке российского конституционного права существует актуальная необходимость выработать новое понимание сущности свободы слова, которое бы позволило решить заявленные проблемы, соответствовало бы международным тенденциям и обладало потенциалом воспринять стремительные изменения в информационно-коммуникационной сфере.

По нашему мнению, найти отправную точку для исследования несложно. Несмотря на появление новых средств передачи и распространения информации сущность свободы слова на протяжении всей истории своего существования остается неизменной. Так, если свобода слова в самом общем виде определяется, как возможность высказываться, распространять мнения, суждения или идеи, то, очевидно, что центральными категориями для анализа интересующих нас общественных отношений будут тесно

связанные между собой понятия «коммуникация» и «информация».

Проблемы, связанные с определением информации и коммуникации, являются для современной науки в равной степени актуальными и предельно сложными. Как отмечается в литературе, на сегодняшний день теория коммуникации не представляет собой область согласованного научного знания, а отдельных теорий коммуникации насчитывается около двухсот сорока [4]. По мнению ученых, при изучении коммуникации возможно построение разного рода моделей, т.к. процессы коммуникации в человеческой цивилизации являются ключевыми. Та или иная модель будет зависеть от поставленных исследователем задач [19, с. 159]. То же самое можно сказать и о проблемах исследования информации.

Таким образом, в рассмотрении заявленных вопросов выделим лишь наиболее важные аспекты с точки зрения настоящего исследования и сформируем необходимый в дальнейшем понятийный аппарат.

Само слово «информация» происходит от латинского «*information*», что означает «разъяснение» или «осведомленность». Невозможно привести какое-либо исчерпывающее определение информации. В зависимости от области знания, в которой проводилось исследование, информация получила множество определений. Каждое из этих определений раскрывает ту или иную грань этого явления: информация — обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему (Н. Винер); информация — отрицание энтропии (Л. Бриллюэн); информация — передача разнообразия (У.Р. Эшби); информация — оригинальность, новизна; информация — мера сложности структур (А. Моль) и т.д. [1, с. 47].

Основы современного понимания информации были заложены Клодом Шенноном в работе «Математическая теория связи» [22, с. 243–333]. Под информацией Шеннон понимал только те передаваемые сообщения, которые уменьшают неопределенность у получателя информации. Таким образом, информация измеряется разностью энтропий системы до и после получения информации, а сама информация выступает как мера отношения и взаимосвязи между системами, явлениями и процессами.

В том же году увидела свет работа другого ученого — Норберта Винера. В книге «Кибернетика, или связь и управление в животном и машине» (1948) Винер определяет информацию как обозначение содержания, полученного из внешнего мира, в процессе приспособления к нему органов чувств [6]. Сфера исследования — управление и связь. Соответственно, закономерно и данное определение. В этом определении Винера, как отмечают исследователи, акцент сделан на моменте активного обмена со средой, поэтому сама информация предстает в виде «информации воздействия» или «взаимодействия» [7]. Однако для нас наиболее важно подчеркнуть тот факт, что оба исследователя единодушно понимали информацию как что-то фундаментальное, как особую категорию, соответственно, нередацируемую к другим категориям. В

этом смысле наиболее яркую характеристику информации дает Винер: «Информация есть информация, а не материя или энергия» [6, с. 208].

Таким образом, поскольку информация — будучи еще одним первичным понятием, наряду с материей или энергией — не может быть исчерпывающе определена, ограничимся описанием процессов ее передачи и получения [10, с. 6–12].

Передача информации представляет собой особый вид взаимодействия, сущность которого в том, что на основе комбинации фундаментальных физических взаимодействий происходит взаимодействие более высокого порядка. Таким образом, для передачи информации необходимо воспользоваться некоторым физическим процессом. Такой физический процесс называется *сигналом* (звуковые колебания, электромагнитные колебания и пр.).

Посредством сигнала информация передается в виде *сообщения (сообщений)*, которое, как правило, представляет собой совокупность знаков [14, с. 4] (в некоторых случаях сообщением может являться собственно сигнал как физический процесс).

Следует обратить внимание на принципиальную необходимость различать информацию и сообщение. Сообщение — еще не есть информация. Информация содержится в сообщении, которое существует в какой-либо форме — акустической, оптической (визуальной), аудиовизуальной форме (например: текст телеграммы, речь, газетная статья, роман, музыкальное произведение, произведение изобразительного искусства, кинофильм, телепрограмма, театральная постановка и т.д.).

Таким образом, для того, чтобы быть доставленной адресату информация должна обрести форму сообщения. Такую форму ей придает передающий субъект и, пользуясь каким-либо физическим процессом (сигналом), отправляет сообщение адресату, который получает сообщение благодаря воздействию сигнала на его органы чувств. В ряде случаев сигналы для передачи сообщений могут быть сформированы с использованием специальных технических средств (например, радиосигнал, который появляется в результате использования комбинации устройств «микрофон — радиопередатчик — передающая антенна») — такие сигналы непосредственно недоступны для человеческого восприятия и требуют дополнительной обработки. В дальнейшем понятие «сигнал» будет использоваться только для таких случаев.

Следовательно, необходимо говорить о процессах *интерпретации*, а также *кодирования/декодирования*, как об атрибутах информационных взаимодействий. Информация появляется лишь после того, как получатель сообщения интерпретировал его, т.е. расшифровал сообщение для понимания, а в необходимых случаях декодировал перед этим полученный сигнал с помощью специальных технических средств (радиоприемник, телеприемник, телефон и пр.).

Здесь следует согласиться с теми исследователями, которые, руководствуясь определением Винера, утверждают,

что информация — это «информация воздействия» (или «взаимодействия»), что она не является автономным образованием, неким субстанциональным началом, которое существует помимо опыта и что она не может быть независимой от какого-либо субъекта (носителя) [8]. Это означает, что невозможно представить себе существование «чистой информации» или информации «как таковой», т.к. информация всегда «о чем-то», а сам факт ее существования фиксируется лишь тогда, когда она «у кого-то».

Далее. Для определения коммуникации обратимся к исследованиям Г.Г. Почепцова. Сущность коммуникации в его работе «Теория коммуникации» определяется как «передача значений между двумя разными автономными системами, которыми являются два человека». Как отмечает ученый, такое понимание обусловлено тем, что «...исторически коммуникацией было именно это: принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существенен переход от говорения Одного к действиям Другого» [19, с. 15].

Однако наибольший теоретический и методологический интерес для нашего исследования представляет концепция коммуникации немецкого социолога Никласа Лумана. В теории Лумана коммуникация выступает в качестве единственной подлинно-социальной операцией и являет собой триединство информации, сообщения и понимания (понимания или непонимания сообщения и его информации) [15, с. 114–125]. Ни один из этих компонентов не существует лишь для себя самого и все они производят коммуникацию лишь вместе, будучи в «круговой взаимной предпосылке» и, следовательно, нет никакой информации вне коммуникации, нет никаких сообщений вне коммуникации, нет никакого понимания вне коммуникации. В своей концепции Н. Луман различает коммуникацию и восприятие. В его трактовке восприятие остается исключительно психическим событием без коммуникативного существования. Коммуникация осуществляется лишь в том случае, если понято различие сообщения и информации. В акте понимания коммуникация схватывает различие между информационной ценностью ее содержания и причинами, по которым сообщается содержание [15, с. 114–125].

Важный вывод — принципиальная «несводимость» коммуникации к простой передаче информации между людьми. Н. Луман акцентирует тот факт, что «понимание никогда не есть голое дублирование сообщения в ином сознании» [15, с. 114–125]. Этот момент подчеркивает А.В. Поляков: «Воспринимая текст в ходе общения, интерпретирующий его партнер осуществляет встречное порождение текста. Эффект диалога совпадает в семиосоциопсихологической трактовке с представлением о смысловом контакте и/или о режиме (условии) коммуникации, связанном с направленностью и порядком коммуникативно-познавательных действий. Именно этот режим отличает коммуникативные процессы от процессов информационно-поточного характера...» [17, с. 84].

Классическая модель, описывающая структуру коммуникационного процесса получила название по именам

ее создателей и известна как схема Шеннона-Уивера [9, с. 87]. Эта несложная модель имеет во многом «технический» характер и описывает коммуникацию как линейный односторонний процесс, однако для понимания основ коммуникативной деятельности в рамках нашего исследования обращение к данной модели следует признать достаточным. В упрощенном варианте схему можно представить следующим образом:

исходная информация — отправитель — отправляемое сообщение — сигнал/канал связи/шум — получатель — полученное сообщение — конечная информация.

На основе изложенного сформулируем основной тезис: сущностью конституционного права на свободу слова является гарантия коммуникационной свободы индивидов. Данная гарантия направлена на защиту от вторжения в сферу реализации той человеческой свободы, суть которой — в свободе общаться, вступать в коммуникацию с другими людьми, передавать друг другу сведения, идеи, мысли, чувства и пр. Именно свободная коммуникация является той конституционно охраняемой ценностью, что располагается за нормативным текстом «каждому гарантируется свобода... слова» в части 1 статьи 29 Конституции РФ.

Такое понимание сущности свободы слова означает следующее.

Во-первых, право на свободу слова гарантирует свободу придавать информации (любому семантическому содержанию) форму сообщения (вербального, невербального, визуального, акустического, аудиовизуального и пр.) и свободу передавать или распространять это сообщение, в том числе используя доступные способы создания сигнала и доступные каналы связи для его передачи. Здесь необходимо уточнить, что сообщение выступает в качестве своеобразной единицы коммуникативного обмена (семантической единицы, единицы смысла), поэтому нельзя в качестве сообщения рассматривать, например, отдельное произнесенное (написанное) слово вне предложения или всего контекста. Также следует заметить, что свобода формы не заканчивается выбором какой-либо одной формы. Например, в рамках вербальной коммуникации существует свобода выбирать язык общения, а также свобода использования норм такого языка.

Во-вторых, очевидно, что свобода слова без гарантированной возможности получать и расшифровывать передаваемые сообщения, а также в необходимых случаях декодировать сигналы с помощью специальных технических средств — остается неполной и необеспеченной. Следовательно, конституционное право на свободу слова должно также гарантировать защиту всех соответствующих этапов коммуникативной деятельности.

В-третьих, свобода слова обеспечивает свободу от вмешательства в функционирование каналов связи. Без такой гарантии свобода передавать и принимать сообщения, отправлять и получать сигналы становится весьма уязвимой.

Литература:

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.
2. Алхутова Г.А. Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2002.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М., 2004.
4. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции: учебное пособие для студентов вузов. М., 2005.
5. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. — М.: ИНФРА-М, 2007.
6. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.
7. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.
8. Войниканис Е.А. Информация. Собственность. Интернет: традиция и новеллы в современном праве / Е.А. Войниканис, М.В. Якушев. М.: Волтерс Клувер, 2004.
9. Герасимова С.А. Культурология и теория коммуникации: элементарный курс: учеб. пособие. М., 2007.
10. Гуров И.П. Основы теории информации и передачи сигналов. ВНУ-Санкт-Петербург, 2000.
11. Козлова Е.И., О.Е. Кутафин. Конституционное право России: учебник. М., 1999.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства РФ. 1998. №20. Ст. 2143.
13. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1./ под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001.
14. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
15. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. №3.
16. Муратов М.Я. Право на свободу слова: история и современность: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2003.
17. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права: Проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования: дисс. ...д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
18. Поляков В.Л. Конституционное право советских граждан на свободу слова/ под ред. проф. И.Е. Фарбера. — Саратов: Изд-во Саратовского Ун-та.
19. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. М., 2001.
20. Права человека. Учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2003.
21. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. СПб., 2004.
22. Шеннон К. Математическая теория связи / К. Шеннон Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.

ИСТОРИЯ

Кирияк Степанович Черканов как исследователь истории быстринских эвенов

Кириллова А.И., аспирант

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

Современные модернизационные процессы и глобализация культуры и экономической жизни, создание так называемой всеобщей системы ценностей и появление всемирных общественных и экономических организаций, охватывающих как наиболее развитые, так и страны третьего мира, обусловили повышение интереса к локальным этническим группам, их образу жизни и наследию. Одной из таких групп являются быстринские эвены, проживающие в Камчатском крае. Они не являются автохтонным камчатским этносом, поэтому долгое время не выделялись в отдельную этническую группу. Несмотря на это, быстринские эвены прочно влились в этническую картину полуострова. Данная группа эвенского этноса проживает в Быстринском районе Камчатского края. Основная масса эвенского населения сосредоточена в селах Эссо (районный центр) и Анавгай, однако часть обитает на «рыбалках», некартографированных поселениях, где они ведут традиционный образ жизни, занимаясь преимущественно рыбной ловлей и рыбопереработкой.

История быстринских эвенов как особой общности эвенского этноса изучена недостаточно. На данный момент не издано научных монографий, посвященных данной группе. Детальное изучение их образа жизни началось в 1960-х годах. [см. подробнее 2, 4] Историю появления эвенов на Камчатке в XIX веке и дальнейшего развития, изменение образа жизни под влиянием социалистических преобразований и обособление от основной ветви этноса (в том числе формирование особых, присущих только данной группе, черт материальной и духовной культуры) исследовали как ученые-представители Академии наук, так и местные краеведы.

Видным деятелем культуры и исследователем истории быстринских эвенов был Кирияк Степанович Черканов (1935–1989). Сам он был эвеном по национальности и родился в Быстринском районе Камчатской области. В сфере его научных интересов была история появления эвенов на Камчатке, их образ жизни, кроме того он записывал, перерабатывал и переводил с эвенского сказки народов Севера, а также сочинял сам. Родился он в селе Анавгай в семье эвенов-оленьеводов. Окончил среднюю школу в селе Эссо. В 1953–1959 годах учился в Хабаровском педагогическом институте (сначала очно, а затем заочно) на историческом факультете. [6, с. 3] Таким об-

разом, имея историческое образование, он стал представителем эвенской интеллигенции и первым исследователем коренной национальности, изучавшим историю быстринских эвенов.

Вся трудовая жизнь и исследования Кирияка Степановича связаны с Быстринским районом. В 1956 году он перевелся на заочную форму обучения и устроился на работу в Красную Ярангу совхоза «Анавгайский», где и работал с 1957 по 1986 год. Помимо этого он был внештатным корреспондентом районной газеты «Новая жизнь», публиковал статьи как на русском, так и камчатском диалекте эвенского языка. В 1986–1989 годах трудился в этнографическом музее Быстринского района.

Все эти годы Кирияк Степанович активно изучал историю и культуру своего этноса. Работая в табунах, он записывал воспоминания старожилов об установлении советской власти в Быстринском районе, о школьном строительстве и первых учителях и т.п. Свои суждения о различных исторических процессах и полученную информацию он заносил в многочисленные записные книжки, которые остались неопубликованными и хранятся в его семье. В ходе этнографической экспедиции Камчатского государственного педагогического университета (на сегодняшний день Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга) 2005 года часть их была представлена исследователям. Эти материалы были использованы при реализации проекта научно — исследовательского института региональных гуманитарных проблем Международного центра традиционных культур народов Камчатки — «История села Анавгай (эвенский язык и культура)». Таким образом, часть уникальных данных, собранных К.С.Черкановым, была вовлечена в научный оборот. Особо ценными для историков являются воспоминания старожилов о начале социалистического строительства в Быстринском районе в 1920-х годах и влиянии его на образ жизни эвенов. Как пишет в своих записных книжках К.С.Черканов, Советы Быстринского района изначально были сформированы эвенами, они занимали в них ведущие позиции; быстринцы активно включались в состав новых органов местной власти, принимали участие в социалистическом переустройстве района. [5] Однако, на современном этапе развития исторической науки к некоторым выводам историков, живших и работавших в советские годы, следует подходить критически.

Так, основываясь на активном участии эвенков в социальных преобразованиях и марксистско-ленинской теории, К.С. Черканов приходит к выводу, что «советская власть для кочевников не была чем-то искусственно привнесенным, а фактом их собственной жизни. И это доказательство вечно живого желания достичь лучшего, чем вчерашнее, прошлое» [5]

Основной целью исследований Кирьяка Степановича была подготовка книги по истории быстринских эвенков. Он составил план книги «История эвенков», в который были включены следующие разделы: происхождение и развитие эвенковского языка, расселение эвенков в I-XIX веках, появление эвенков на Камчатке, досоветский период жизни эвенков (он называет их самоназванием *орочи*), становление советской власти. [7, с. 5] Особую ценность для исследователей представляют сведения К.С. Черканова о контактах с коряками и ительменами в XIX веке, а также о школьном образовании в 1916–1926 годах и создании эвенковской письменности в 1930-е годы. Так, по данным К.С. Черканова в 1916 году у *орочей* (самоназвание эвенков, *прим.автора*) был учитель русского языка [5], но официально учебного заведения не существовало. По этой причине в 1918 году кочевой районный комитет *орочей* принял решение: «о необходимости «походной инородческой школы». Для этого «кочующие представляют помещение-юрту». Многие эвенки закончили после курса обучения в тигильской школе. И многие так успешно, что потом сами могли обучать других». [5] По сведениям К.С. Черканова первыми учителями в школе были Солодилов Григорий Трифонович и Андрей Петрович Адуканов. Обучение русскому языку в ламутских кочевьях уже к 1922 году дало определенные результаты, и, по воспоминаниям С.Бергмана (участника Шведской экспедиции 1920–1922 годов), многие эвенки говорили на нем довольно бегло. [см. подробнее 1] Ценные сведения исследователь собрал и по эвенковской топонимике, он последил этимологию названий географических объектов, начиная от озера Байкал вплоть до реки Амур, выделил названия с эвенковскими корнями, перевел их на русский язык и составил таблицу названий.

Помимо исторических исследований Кирьяк Степанович был известным собирателем эвенковского и корякского фольклора. Во время работы в Красной Яранге, путешествуя с концертами и беседами по табунам, К.С. Черканов записывал песни, поговорки и сказки. С 1986 года он регулярно публиковал эти сказки в местной газете Быстринского района «Новая жизнь», в том числе в «Айдит» (с эвенковского «согласие», *прим.автора*), приложении к газете на эвенковском языке. В 1988 году был выпущен сборник сказок К.С. Черканова «Эведы Немкан» (Сказки Севера) на эвенковском языке. Сам Кирьяк Степанович был удостоен премии в области литературы им. Г.Г. Поротова посмертно. Его дети передали премию в размере 500 рублей в фонд развития районной библиотеки. [6, с.3] В 2006 году был издан еще один сборник сказок, собранных и обработанных К.С. Черкановым и его дочерью О.К. Черкановой.

[8] В работе находилась книга рассказов, которая, к сожалению, не была закончена.

В память о выдающемся сыне эвенковского народа на территории Быстринского района проводятся Черкановские Чтения, в рамках которых заслушиваются доклады по истории и культуре Быстринского района и эвенков-быстринцев. Мероприятия в честь памяти К.С. Черканова проводятся с 2005 года и уже успели стать традиционными для жителей Быстринского района: заместитель главы Быстринского районного муниципального образования Б.А. Логунов предложил сделать Черкановские Чтения ежегодными. [3, с. 2] На сегодняшний день они проводятся ежегодно при районной библиотеке: помимо подготовки докладов по истории и культуре быстринских эвенков в их рамках проводятся выставки тематической литературы, фотографий и рисунков, учащиеся школы и воспитанники детских садов готовят постановки традиционных сказок и легенд. На Черкановских чтениях проходят презентации книг и рукописей о духовной и материальной культуре, традиционном образе жизни быстринских эвенков, подготовленных исследователями Быстринского района. Обычно мероприятие приурочено ко дню района, который отмечается 12 августа.

Помимо научно-практических мероприятий в память об известном земляке эвенки проводят и культурные мероприятия. Так, 7 августа 2005 года на этнокультурном стойбище «Мэнэдек» (село Анавгай) проводился праздник эвенковского фольклора «Живительная вода» в честь 70-летия со дня рождения Кирьяка Степановича. В его рамках проводился литературный час (для местных авторов) и конкурс эссе, открытый урок эвенковского языка. [7, с. 19]

Библиотекой села Анавгай на правах рукописи составлен сборник материалов «Камчатские эвенки», в котором опубликованы статьи К.С. Черканова, материалы его записных книжек, а также план и некоторые материалы исследования «История эвенков», которое осталось незавершенным. В сборник включены статьи, посвященные памяти Кирьяка Степановича.

Энциклопедически образованный, человек с пытливым умом, кропотливый исследователь, Кирьяк Степанович Черканов более известен среди эвенков и жителей Камчатки как фольклорист и литератор, однако не менее важна его роль и как первого историка-эвенка, изучавшего быстринцев. Вклад его в изучение и популяризацию исторического знания среди эвенковского и корякского населения Быстринского района весьма значителен: во время работы в Красной Яранге он проводил беседы о появлении эвенков на полуострове и утверждении советской власти. Кроме того, Кирьяк Степанович привил любовь к истории своего народа собственным детям, его дочери О.К. Черканова и Д.К. Кучеренко активно изучают записи отца, систематизируют их и участвуют в возрождении традиционных праздников и промыслов быстринских эвенков. Воспоминания старожил, собранные К.С. Черкановым, являются весьма ценными для современных краеведов,

так как на сегодняшний день не осталось живых очевидцев становления советской власти в районе в 1920-х годах. Благодаря их письменной фиксации в записных книжках, эти данные могут быть доступны исследователям.

Литература:

1. Бергман Стен, По дикой Камчатке, Петропавловск-Камчатский, 2000, 163 с
2. Гурвич И.С. Эвены Камчатской области//Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. Труды Института Этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия, том LVI. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960, 213стр., с. 63—91
3. Кичигина З. В честь юбилея писателя-земляка//Новая жизнь № 23 (6 июня 2005), с.2
4. Кузаков К.Г. Заметки об эвенах-быстринцах// Краеведческие записки. Вып.1, Дальневосточное издательство, Петропавловск-Камчатский, 1968,134стр., с. 63—75
5. Материалы этнографической экспедиции в с. Анавгай 13—21 марта 2005г
6. Сычева Н.П. Памяти К.С.Черканова (вступительная статья к сборнику)// Черканов К.С. Камчатские эвены, с. Анавгай, 2006, 35 стр. (на правах рукописи)
7. Черканов К.С. Камчатские эвены, с. Анавгай, 2006, 35 стр. (на правах рукописи)
8. Черканов К.С. Эвенские сказки, Петропавловск-Камчатский, 2006, 46 стр.

К вопросу о сортименте выращиваемого винограда в античный период на Азиатском Боспоре

Степанченко А.П., аспирант
Кубанский государственный университет

On the varieties of grapes cultivated in ancient times on the Asian Bosphorus

Stepanchenko Anastasia P.
Kuban State University, postgraduate student

В статье рассмотрены некоторые вопросы сортимента виноградных лоз культивируемых в античный период на Азиатском Боспоре.

Ключевые слова: виноградарство, сорта винограда, Азиатский Боспор.

The article deals with some issues assortment of vines cultivated in ancient times on the Asian Bosphorus.

Key words: wine, grapes, Asian Bosphorus.

Среди растений, обеспечивавших наших древних предков пищей, виноградная лоза выделялась своей потребностью к многолетнему возделыванию её с целью выращивания плодов, пригодных для приготовления вина.

Виноградная лоза — многолетняя лиана — одно из древнейших культурных растений. Относится к семейству виноградовых (Vitaceae Lindl., или Ampelideae Kunth.), которое состоит из 11 родов, объединяющих более 600 видов, произрастающих в диком состоянии почти во всех странах умеренной, теплой и тропической полосы. Наиболее известен род *Vitis*, который и является собственно виноградной лозой. [1. с. 14—15]

Виноградарство, как одна из отраслей хозяйства населения Северо-Западного Кавказа возникло достаточно давно, история его развития насчитывает несколько тысячелетий. [2. с. 115; с. 5—6; с. 67; с. 42—43.] Благоприятные для роста виноградной лозы мягкий климат, разнообразие экспозиций и почвы на обломках горных пород,

позволили жителям нашего региона успешно заниматься культивированием винограда.

По мнению ряда исследователей, с древнейших времен на Кавказе и Черноморском побережье существовало два совершенно разных, не связанных между собой источника появления этой культуры. [3. с. 115; с. 5—6; с. 67; с. 42—43.]

Один из них отождествляется с возникновением на Боспоре греческих колоний в к. VII-VI вв. до н.э. Факт культивирования указанной сельскохозяйственной культуры подтвержден раскопками многих виноделен и сельских усадеб. В культурных слоях датированных VI-V вв. до н.э. Фанагории, Гермонассы, Горгиппии и др. было найдено большое количество косточек винограда. [4. с. 115; с. 5—6; с. 67; с. 42—43.] В этой связи не случайной является находка садово-виноградарского ножа в Патрее в хозяйственной яме VI в. до н.э. [5. рис. 30] О том, что виноградарство существовало и позднее свидетельствует находка

в Горгииппии, широкого железного ножа для срезки кистей винограда в городском доме № 29, погибшем в середине III в. до н.э. Такими широкими ножами виноградары пользовались в IV-III вв. до н.э. [6.с. 22]

На Боспоре виноградарство развивалось главным образом в прибрежной полосе, в сельских усадьбах. О его большой роли говорит распространение культа Диониса. На боспорских монетах, чеканенных в Фанагории и Горгииппии, встречаются изображения этого божества или его атрибутов. [7. с. 12]

Вторую культуру считают местной аборигенной условно названной абхазо-адыгской. [8.с. 8]. Сорта черноморского побережья и прилегающих мест имели грозди плотные, среднего или меньшего размера, ягоды круглые небольшие, очень сочные с невысокой или средней способностью к сахаронакоплению. Положительными качествами этих сортов являлись обилие гроздей на каждом кусте, то есть высокая урожайность, сильный рост кустов, приспособленность к местным условиям, легкая и обильная отдача сока при переработке. [9.]

И если, по мнению ученых — ампилографов местная древняя виноградная лоза (*Vitis silvestris* Gmel.), сохранилась и до сих пор встречается на Кавказе [10., с. 8.] то, культуры винограда, использовавшиеся в винодельческих целях греками в античный период на Боспоре, давно исчезли, оставив после себя определенное количество археологических следов. Но справедливости ради необходимо отметить, что появление виноградной лозы средиземноморского типа на территории Северного Причерноморья можно с высокой степенью датировать, а возникновение местных аборигенных сортов и способа лианной его культуры точному датированию не поддается.

Остатки винодельческих хозяйств не могут дать нам полной информации о сортовом составе возделываемого на Боспоре винограда в античный период. Резонно предположить, что греческих переселенцы завозили из метрополии в осваиваемые районы Северного Причерноморья саженцы известных и привычных сортов. Этот виноград, по мнению Пелях, в новых, более суровых климатических условиях изменялся, взаимно опылялся с местными виноградными лозами. Возможно, так возникали и закреплялись в культуре путём вегетативного размножения новые сорта. [11., с. 58—59.]

Греческие письменные свидетельства, на которые мы могли бы ориентироваться, в вопросе ассортимента лоз малоинформативны и отрывисты. В отдельных сохранившихся источниках имеются сведения о культуре различных сортов винограда, о видах работ на виноградниках, оптимальных сроках их проведения. К сожалению, труды наиболее цитируемого древними авторами Демокрита в отношении культивируемых древнегреческими виноградарями лоз до нас не дошли. В трудах Ксенофонта содержатся сведения только о культуре и истории винограда, но названия сортов не указываются. [12., с. 58—59.] Аристотель ввел в сельскохозяйственную науку исследовательский метод, и именно ему принадлежит первое упо-

минание о существовании бессемянных сортов винограда. [13., с. 58—59.] Древнегреческий писатель натуралист Теофраст в своем труде «О растениях» излагает методы посадки виноградной лозы, прививки и другие приемы обработки винограда. [14.с. 109]

Известно, что к середине I в. до н.э. Боспорское царство попадает в сферу римского влияния. [15.с. 59.] Поэтому нельзя исключать этого влияния на сортимент выращиваемых виноградных лоз на Азиатском Боспоре на рубеже нашей эры. Унаследовав от греков культуру виноградарства и виноделия, Древний Рим продолжил её распространение, как на территории самой империи, так и за её пределами. И на наш взгляд является примечательным то факт, что колонизацию римляне проводили под знаком виноградной лозы, служившим командным жезлом центурионов. Следует отдать должное и римской письменной традиции, дающей нам более полную картину сортимента виноградных лоз в античный период.

Знаменитые трактаты, точнее сказать практические руководства по сельскому хозяйству, Катона, Варрона, Колумеллы, Плиния, и др. на наш взгляд представляют значительный исторический интерес. Эти древние литературные источники позволяют изучить не только технику древнеримской агрокультуры, касающуюся вопросов античного виноградарства, но и интересующие нас названия культивируемых виноградных лоз. Если учесть, что при составлении своих трудов каждый из них пользовался не только собственным опытом, но произведениями других авторов агрономической литературы античного Рима, то этот список можно было бы значительно расширить. [16]

Наличие литературы данной тематики свидетельствует о внимании, которым пользовались в античном Риме проблемы виноградарства и как следствия виноделия.

В трудах Марка Порция Катона «Земледелие» и Луция Юния Модерата Колумеллы «О сельском хозяйстве», перечисляются сорта винограда используемого в винодельческих хозяйствах древней Италии времен III в. до н.э. — I в. н.э.:

1. «...мелкий и крупный аминейский виноград,
2. «благородные близнецы»,
3. мелкий золотистый,
4. мургентийский,
5. апициев
6. луканский. [17.с. 14]

Резонно предположить, что автор приводит названия наиболее лучших сортов винограда, так как в его работе, помимо вышеуказанных упоминаются т.н. смешанные сорта, на описании которых он подробно не останавливается.

Колумелла приводит более богатый сортимент, указывая сорта винограда явно греческого происхождения.

«Лучше всего сажать сорта скороспелые и твердокожие, затем пурпурный виноград, «коровье вымя» (*bumasti*), «пальчики» (*dactyli*), а также Родосский, ливийский и красный. Засаживать виноградник следует такими сортами, которые могут зарекомендовать себя не только приятным

вкусом, но также и видом; таков виноград вечный (*stephanita*), трехфутовик (*tripedanea*), унциевый (*unciaia*), айвовый (*cydonia*), а также такими, гроздь которых можно сохранять на зиму, сложив их в какую-нибудь посудину, так например, *vepusula*, и нумизанский, пригодность которого в этом отношении была недавно испытана. : [18.с. 210]

Таким образом, следует констатировать, что сортовой состав винограда культивировавшегося на Азиатском

Боспоре в античный период нам доподлинно неизвестен. И лишь современные и более ранние удачные опыты по акклиматизации и выращиванию на Таманском полуострове чистых итальянских сортов винограда [19], позволяют нам сделать предположение, что возможно частично сорта, упоминаемые в трактатах Марка Порция Катона и Луция Юния Модерата Колумеллы выращивались в винодельческих хозяйствах на Боспоре

Литература:

1. Негруль А.М., Виноградарство. М. 1959 С. 14–15.
2. Альтман М.С. Техника виноделия в Древней Греции // Известия Академии материальной культуры. 1935.с. 115; Мержаниан А.С., Виноградарство. 1939.с 5–6,., Стрежелецкий С.Ф., Клery Херсонеса Таврического. 1961. Вып. 9. с. 67, Кинк Х.А., Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху 1970.с. 42–43.
3. Там же.
4. Блаватский В.Д., Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953; Гайдукевич В.Ф., Виноделие на Боспоре.//МИА. М., 1958. Вып.85; Алексеева Е.М., Виноделие Горгииппии// БС, № 6. 1995; Кругликова И.Т., Сельское хозяйство Боспора. М. 1975.
5. Петерс Б.Г. Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 г.//ВДИ, №3,1988. рис. 30
6. Алексеева Е.М. Виноделие Горгииппии// БС, № 6. 1995.
7. Винокуров Н.И., Акклиматизация и начальный этап развития виноградарства в Северном Причерноморье. БИ. Вып.1. 2000.
8. Фисенко Ю.Ф., Фисенко В.Н., Коваленко Ф.А. Виноделие Кубани. Краснодар, 1979.
9. Негруль А.М., 1959.
10. Трошин Л.П. Ампелография и селекция винограда. 1999. — 138 с. :
11. Пелях М.А. История виноградарства и виноделия Молдавии. 1970. с. 58–59.
12. Ксенофонт Воспоминания о Сократе. / Пер., ст. и комм. С.И. Соболевского 1993. 384 стр..
13. Аристотель Экономика./Пер. и прим. Г.А.Тароняна. // Вестник древней истории. 1969. № 3.
14. Теофраст. О растениях. (IX 13–17). // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов.
15. Античные государства Северного Причерноморья. 1984.с. 59
16. Плиний перечисляет 146 римских и 327 чужеземных писателя, сочинения, которых он использовал при составлении своей «*Historia naturalis*».
17. Катон Земледелие./Пер. и комм. М.Е. Сергеев. 1950. с.14.
18. Колумелла Сельское хозяйство. Кн. 11. Перевод, вступительная статья и комментарии Л.В.Болтинской//Вопросы всеобщей истории. Красноярск, 1971.. с. 210
19. С 2006 г. в агрофирме «Южная», (Темрюкский район) известны успешные попытки акклиматизации и выращивания чистых итальянских сортов винограда «Сира», «Анчалотта», «Санджовезе».

Топографо-статистические материалы, как источник по истории Южного Зауралья конца XVIII – первая половина XIX века

Тарасов Д.А., соискатель
Курганский государственный университет

В истории комплексного изучения отдельных районов особое место должно уделяться всестороннему изучению источников.

Данное исследование посвящено изучению комплекса топографических и статистических источников по истории Южного Зауралья в период с 1782 года по 1861 год. Эти хронологические рамки не являются необычными для Зауралья. Нижняя граница соответствует администра-

тивно-территориальному делению времени Екатерины II, после которого Южное Зауралье было разделено между тремя губерниями: Пермской, Тобольской и Оренбургской, причем на исследуемой нами территории находилось лишь два уездных города: Курган и Шадринск. В результате этого количество источников по территориям не совпадает не по количеству, не по качеству, не по составу документов.

Изучение Сибири методом анкетирования началось еще в 1724 году по распоряжению Петра I. В 1734 году в Санкт-Петербург пришли ответы на вопросы Татищева В.Н. В 1734—1742 г.г. были разосланы «вопросные пункты для сочинения ведомостей» о городах и уездах Сибири Г.Ф. Миллером. В 1759 г. была разослана анкета М.В. Ломоносова. Необходимость отвечать на запросы центра заставляет местных чиновников собирать материалы более тщательно и быть в курсе всех изменений, чтобы в любой момент можно было подготовить затребованный отчет, в котором часто стояли вопросы по истории, экономике, географии и населению уезда.

После получения ряда удачных топографо-статистических обозрений в Центральной России в 1784 г. Сенат утвердил анкету для составления подобных описаний по всей стране в целом и с 1784 года начинается составление описаний уездов и губерний с учетом их нового территориального деления. Позднее подобные анкеты рассылало Вольное экономическое общество, Императорское Русское Географическое общество, определенные материалы собирали Министерство государственных имуществ, военные ведомства, сельскохозяйственные общества и др.

Работа по созданию вышеназванных описаний по анкетам 1784 года началась почти сразу, но часть из них сгорела в 1788 г. в Тобольске, в результате чего составление описания Тобольского наместничества задержалось до 1790 г. Ныне оно хранится в Российском Государственном военно-историческом архиве. Немного раньше было составлено и «Описание Пермского наместничества», хранящееся там же. Нам эти документы интересны тем, что в них содержится описание Курганского и Шадринского уезда.

Эти описания были опубликованы ранее Колесниковым А.Д. — Курганского, в составе «Описания Тобольского наместничества» и Кондрашенковым А.Д. в приложении к первой части «Крестьяне Зауралья в XVI-XVIII веках» [1].

Рядом с этими описаниями следует поставить «Объяснение о Куртамышском дистрикте» составленное в 1781 г. секунд-майором Чернаковым, хранящееся в РГАДА. Целиком оно нигде не опубликовано, но упоминание о нем с небольшими выдержками встречается в монографии Тарасова Ю.М. и работах Павлуцких Г.Г. [2].

Дальнейшим развитием подобных исследований стали: «Краткое историческое топографическое описание городов Тобольской губернии с показанием в оных жителей по исчислению учиненному по первое сентября 1801 года», а в 1804 году по программе Вольного экономического общества пермский историк и краевед Попов Н.С. выпускает двухтомное издание «Хозяйственное описание Пермской губернии.» В этом труде приведены энциклопедические знания хозяйственной жизни края, в том числе и Шадринского уезда. Причем, эта работа неоднократно переиздавалась [3].

К подобным работам можно отнести статью Черняховского, опубликованную в Журнале Министерства Внут-

ренних дел: «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии». Через несколько лет в этом же издании вышла статья А. Третьякова «Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении.» В 1859 году вышел в свет «Пермский сборник» со статьей Шадринского священника Т. Успенского «Очерк юго-западной половины Шадринского уезда». Полнее об этом можно найти в работе Пундани В.В. [4].

Среди неопубликованных источников представляет серьезный интерес «Экономические примечания по Шадринскому уезду», составленные после VIII ревизии, и находящиеся в РГАДА [5].

Одним из последних, наиболее обобщающих источников являются «Записки о Шадринском уезде Пермской губернии», опубликованные А. Серафимовым в «Ученых записках», издаваемых Казанским университетом. Записка составлена по общему плану. Часть из вышеперечисленного уже опубликована в альманахах «Шадринская старина» [6].

Отдельной группой необходимо выделить «Военно-статистические обозрения» Курганского, Шадринского и Пермского уездов, составленные офицерами генерального штаба, содержащие богатый материал по статистике, динамике численности населения, информации о вероисповедании, ценах, экономике, посевных площадях [7].

В процессе заселения и освоения Южного Зауралья крестьянство оседало на удобных землях, большей частью по берегам рек и озер, распаивая наиболее плодородные почвы, черноземы. Заливные луга использовались как покосы, выгоны, пастбища. Леса перешли в общинники и нередко нещадно вырубались. Наличие больших свободных площадей позволяло крестьянам превышать установленную 15 десятинную земельную пропорцию на мужскую душу. Крестьяне вступали во владение землей, официально принадлежащей казне, а позднее контролируемой Министерством государственных имуществ чаще всего «явочным» или «захватным» способом. Система самовольного занятия земли получила распространение еще в XVII веке и продолжала существовать до середины XIX века. Однако уже в 80 годах XVIII века администрация сделала попытку подчинить государственному регулированию земельные отношения и само землепользование в Сибири. Указом Сената от 13 февраля 1783 года полагалось установить должности уездных землемеров, в обязанности которых входило составление карт уезда и доставка их в межевую экспедицию губернии [8].

В топографических описаниях, составленных уездными землемерами, имеются данные о природных условиях, географическом положении, численном и этническом составе населения, полезных ископаемых, экономике и топографии. В описании Курганского округа сообщается, что его длина с запада на восток составляет 165 верст, а ширина с севера на юг 168 верст, причем всей земли «с угодьями примерно 21852 кв. верста, а межевания не было» [9].

Эти данные взяты из описания составленного в 1784 году и сгоревшего в 1788 году, но по требованию Генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместничества Волкова А.А. составленного в 1789 году заново. В описании Шадринского уезда не содержится даже примерная его площадь, а только данные о ширине в 84 версты и длине в 145 верст да подсчитано количество земли под селениями. Материалы по Куртамышскому уезду, составленные в 1781 году секунд-майором Чернаковым под названием «Объяснения о Куртамышском дистрикте», не содержат даже этих скудных сведений, поскольку «межевания здесь не было вообще» [10].

Во времена царствования Павла I была сделана попытка впервые осуществить централизованное переселение в Сибирь 10000 человек, которая провалилась. Одной из основных причин несчастий переселенцев было отсутствие сведений и карт сибирских земель. Во избежание подобных ошибок по указанию Александра I с 1804 года в Сибири начала работать губернская канцелярия по проведению межевания и приведению земель в известность:

- 1) Для находящихся там ныне казенных поселян.
- 2) Для скотоводства и звериной ловли ясашных и кочующих народов.
- 3) Для водворения будущих казенных поселенцев.
- 4) Для всякого рода казенных заведений.

Для выполнения этих указаний на землях Тобольской губернии совместно с землемерами работали и чиновники губернского правления, выяснявшие причины недоимочности крестьянских хозяйств. Однако, по мнению Асоновой А.Ф., работа землемеров и чиновников Тобольской губернии по составлению точной съемки сибирских земель, начатая в 1804 году, свелась в конечном счете к разбирательству земельных тяжб между волостями и селениями.

В ходе работ было обмежевано 222932 дес. земли.

Землемеры решали споры между Курганскими и Оренбургскими крестьянами, проживавшими по разным берегам реки Тобол. Из-за неправильного межевания конфликты между Каминскими и Ялымскими крестьянами продолжались более 40 лет и нередко доводили до кровопролития. Жители станицы Звериноголовской в 1805 году по решению этой же межевой комиссии увеличили свои владения до 77027 дес., из-за которых также последовали земельные споры. На эти земли претендовали крестьяне — омские, курганские, челябинские.

Спорная земля, побывав у всех претендентов по очереди, в 1840 году была отрезана в казенную дачу для будущих переселенцев, а крестьяне получили положенные 15 десятинные нормы [11].

Кроме земельных споров в Южном Зауралье межевая комиссия рассматривала вопросы о «вымежеывании» земель дарованных «Императором за заслуги перед Родиной» или просто за беспорочную службу, таким как отставной капитан Давыдов, коллежский ассессор Деграве и др. В 1809 году был обмежеван выгон для города Кургана по двух верстной пропорции в присутствии выборных от

крестьянства, которые следили за справедливостью межевых работ, соблюдая письменную клятву [12].

Материалы Тобольского губернского управления земледелия и государственных имуществ по Курганскому округу, начиная со дня его основания в 1802 году по 1915 год, находятся в ГАКО, в фонде 245, 2341 дело, там же хранится 1051 дело Курганско-Ялуторовской поземельно-устроительной партии, созданной в 1811 году в фонде 166.

Еще 188 дел по землеустроительным работам находятся в Шадринском филиале ГАКО, фонды 583 и 6.

В 1822 г. Сперанским был поставлен вопрос о приблизительной съемке наиболее заселенной части Сибири, куда входило и Южное Зауралье, но работы были приостановлены «до того, как позволят приступить к этому финансы» [13, с. 40].

В 1831 г. вопрос о межевании этих земель вновь был поставлен на повестку дня, чему способствовала организация Министерства государственных имуществ. Сибирский Комитет пришел к выводу, что межевание является важнейшим делом «для Западной Сибири, особенно нужно для наделения крестьянина законною пропорцией земли, для сбережения лесов, для поселения ссыльных и для переселения крестьян из внутренних губерний» [14, с. 41].

В течение нескольких лет создавались топографические карты уездов Тобольской губернии с указанием границ сел и деревень, а также удобных и неудобных земель для занятий сельским хозяйством или промыслами, затем землемеры приступили к задаче по приведению в известность окружной черты. Была составлена карта «Тобольской губернии Курганского округа участков земель для наделения государственных крестьян старожилов и на излишние земли переселения из малоземельных губерний». Кроме того была составлена «Отчетная карта обозрению произведенному начальником межевания казенных земель в Сибири полковником Будбергом по съемкам 1839—1843 гг., равно и пространство снятого до прибытия его к должности. Карта Курганского округа составлена на основании годовых съемочных отчетов. Отдельными участками на карте выделены: церковные земли, городской выгон, земли частных владельцев (Антонова, Черкасова, Павлуцкого, Давыдовых, Деграве, Калугина, Блохина, Каллета) и государственные оброчные статьи [15, с. 41].

Генеральное межевание в Курганском округе готовило большие участки свободных земель для переселенцев из малоземельных губерний, которые начали поступать большими партиями сразу же после обмежевания дач, предназначенных для них. Всего для переселенцев в округе было подготовлено около 40 участков земель с картами и планами. В основном это были земли в южных волостях округа только в Каменской даче были подготовлены 16 из 17 обмежеванных участков для переселенцев.

Кроме межевых книг и полевых журналов в отчетах землемеров встречаются «Топографо-статистические описания» отдельных волостей, в которых содержатся ма-

териалы по составу населения, хозяйственной жизни, состоянию климата, почв, растительного и животного мира, путей сообщения, а в некоторых даже нравов и обычаев жителей. На основании этих первичных документов составлялись уездные отчеты.

Интересны документы с крестьянскими отзывами о результатах межевания. Изучение крестьянских приговоров позволяет оценить результаты межевания с позиций крестьянских общин. Большинство общин соглашались с новыми границами наделов и решением территориальных споров, но встречались и несогласные с изменениями и требовавшие новых пересмотров границ [16].

Поземельные конфликты между местной администрацией и крестьянскими общинами находят отражение в делах по разбору земельных споров. Преобладание этих дел характерно для начального этапа межевания. Эти документы предоставляют возможность ознакомиться с функциями и персоналиями правительственного аппарата и администрации, установить их взаимоотношения и взаимозависимость.

Для следующего этапа в развитии межевания характерны документы по выделению предприимчивым крестьянам сверх положенной нормы земель за счет общин, освоенных своим трудом. В этих делах содержатся сведения о взаимоотношениях внутри общин. Такими примерами могут служить дела по выделению участков под мельницы, салотопни и мыловарни. В массовом количестве эти дела встречаются после 1855 года. Община ставила условие: фиксированная плата за помол, хорошее состояние водоспусков, переправ и содержание территории в чистоте [17].

Важнейшей чертой межевых документов является их содержательность, большая информативность, что делает их незаменимыми при исследовании поземельных отношений в Сибири.

Таким образом, сохранившиеся документы межевых комиссий — полевые журналы, отчеты, присяги, решения крестьянских сходов, прошения, рапорта, карты, схемы, описания позволяют исследовать скрытые ранее страницы истории Южного Зауралья.

Литература:

1. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 9—20; 115—125; Кондрашенков А.Д. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Челябинск, 1968. С. 142—156.
2. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М. 1984; Исторический обзор Курганского округа Тобольской губернии в 30—50 г.г. XIX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган. Вып. 2. 1991. С. 28—40.
3. Краткое историческое топографическое описание городов Тобольской губернии с показанием в оных жителей по исчислению, учиненному по 1 сентября 1801 года; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1—2. Пермь, 1804. Ч. 3. СПб., 1813.
4. Пундани В.В. Историография истории государственных крестьян Тобольской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. // Историография рабочего класса Урала периода капитализма. Свердловск, 1979. С. 63—67.
5. РГАДА, Ф. 1355, ОП. 1, Д. 1136, 1137.
6. Шадринская старина. Шадринск, 1993. С. 10—22.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч. 1, 2., Т. 17. Ч. 1—3. СПб., 1852.
8. Павлуцких Г.Г. Обзор работы межевых комитетов в Курганском округе в 1782—1861 г.г. // Земля Курганская. Прошлое и настоящее. Вып. 3. Курган, 1992. С. 61.
9. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 580, 1981.
10. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1981.
11. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019, 1772.
12. Асонова А.Ф. из истории правительственного межевания Западной Сибири (1804—1843) // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1970. С. 131.
13. Дуров А. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 40.
14. Там же. С. 41.
15. Там же. С. 41; Асонова А.Ф. Указ. соч. С. 135; ГАКО, Ф. 245, ОП. 2, Д. 38 б, 25 а.
16. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 632, 633, 983.
17. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Изучение психического темпа у детей, имеющих травматический опыт

Жанцан Нямаа, аспирант

Московский педагогический государственный университет»

Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор В.Д. Шадриков

Данная работа посвящена изучению особенностей психического темпа у детей, имеющих травматический опыт. Обследованы 96 младших школьников в возрасте от 7 до 8 лет и проведено сравнение психического темпа у детей, не имеющих травматического опыта, и испытывавших физическое насилие. Результаты исследования показали, что физическое насилие негативно влияет на психический темп детей: у детей, подвергшихся физическому насилию, снижается подвижность нервных клеток, что характеризуется либо их пассивным состоянием, либо истощением. Это проявляется быстро наступающей утомляемостью и изменением индекса психического темпа при интеллектуальной нагрузке.

Ключевые слова: посттравматический стресс, физическое насилие, психический темп.

За последние 15 лет резко возросло не только количество природных и техногенных катастроф, локальных войн, террористических актов, но и количество негативных социальных явлений, в частности, число смертности и преступности, развода семьи, физического и сексуального насилия и т.д. В связи с этим проблема воздействия внешних стрессоров на психику человека приобретает особую значимость во многих областях знаний, в том числе и в психологии.

Одним из широко распространенных внешних стрессоров является физическое насилие, выходящее за рамки обычного человеческого переживания. По разным данным, в Европе от 10 до 72 % мальчиков и от 12 до 56 % девочек испытывают физическое насилие до 16 возраста, в то время как в Азии жестокому обращению с ребенком подвергается от 5 до 87 % детей до 16 лет [1; 3; 7].

Несмотря на то, что современные ученые в области психологии посттравматического стресса проводят широкие исследования в разных контингентах испытуемых, переживших физическое насилие, большинство исследований, проведенных ими, ограничено, в основном, выявлением и изучением признаков посттравматического стресса, вызванного физическим насилием [4; 5; 6]. Кроме того, в работах, проведенных на детской выборке, почти не затрагивается проблема индивидуально-психологических особенностей у ребенка, переживших физическое насилие.

Изучение воздействий физического насилия на формирование индивидуально-психологических особенностей у ребенка, в частности, изучение воздействий физического насилия на психический темп, имеет большое значение не только для анализа влияния физического насилия на его психику, но и для расширения мира его внутренней жизни и восстановления его утраченного самоотношения. На российской и монгольской выборках

младшего школьного возраста данная проблема до сих пор практически не изучена.

В связи с этим было проведено нами исследование, целью которого является выяснение воздействий посттравматического стресса, вызванного физическим насилием, на психический темп детей младшего школьного возраста. В исследовании приняли участие 96 первоклассников, обучающихся в ГОУ СО «Средняя общеобразовательная школа № 14» ЗАО г. Москвы.

Экспериментальная работа была проведена в 2 этапах. На первом этапе с помощью полуструктурированного интервью для выявления признаков посттравматического стресса у детей [2] мы разделили всех детей на две части: дети, не имеющие травматического опыта (контрольная группа), и дети, пережившие физическое насилие (экспериментальная группа). В контрольную группу вошли 25 испытуемых, а в экспериментальную группу — 71 испытуемых.

На втором этапе был изучен психический темп у детей из контрольной и экспериментальной групп по тесту Горбова-Шульте.

По исследованиям, отыскание чисел на таблицах Шульте-Горбова наиболее успешно выполнялись испытуемыми, не имеющими травматического опыта. Это выражается в времени, потраченных ими на отыскание чисел на каждой таблице: испытуемые потратили, в среднем, 68,5 сек. на отыскание чисел на I таблице, а — 64,2 сек. на II таблице, — 66,7 сек. на III таблице, — 60,1 сек. на IV таблице. Полученные данные показывают, что дети контрольной группы потратили примерно одинаковое время на отыскание чисел на каждой таблице. Кроме того, у этих детей, по нашим качественным анализам, не наблюдалось увеличение времени, затрачиваемого на отыскание чисел на последних таблицах (см. рисунок 1).

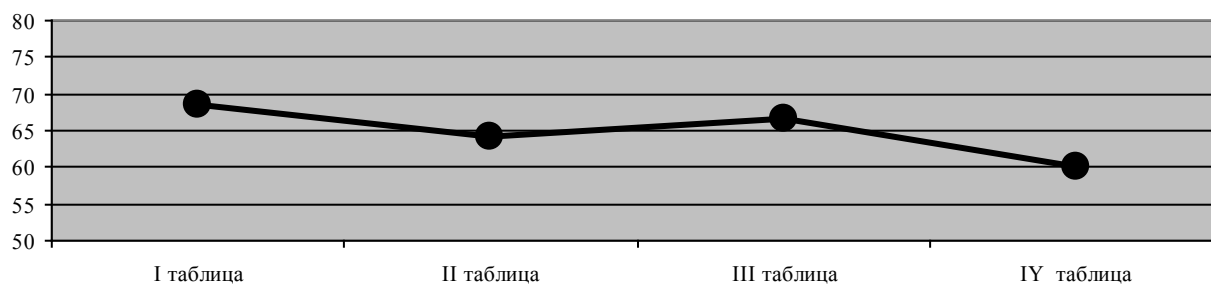

Рис. 1. Средние показатели психического темпа контрольной группы (в секундах) (n=25)

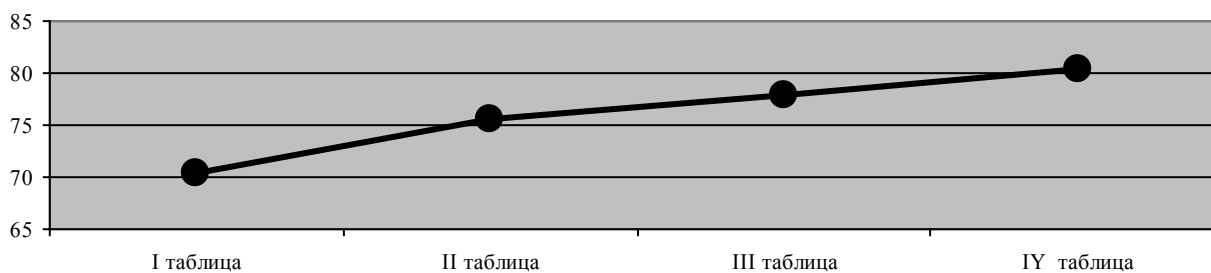

Рис. 2. Средние значения психического темпа у детей, переживших физическое насилие (в секундах) (n=71)

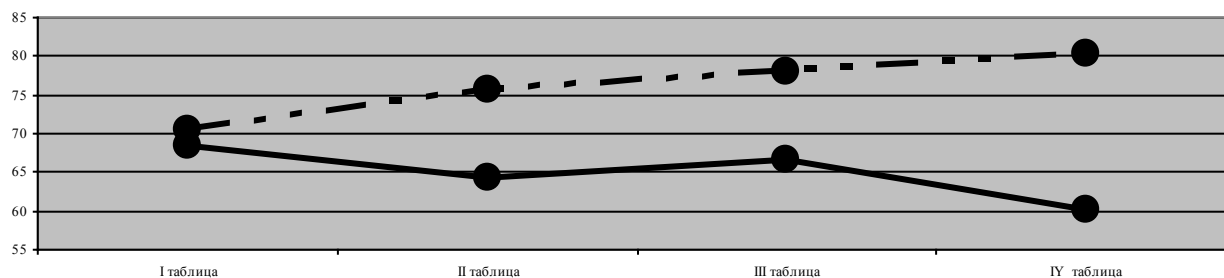

Рис. 3. Сравнение среднегрупповых значений психического темпа у детей контрольной и экспериментальной групп (в секундах) (n=96)

Таким образом, психический темп у детей, не имеющих травматического опыта, определяемый на основе учета потраченного времени на отыскание чисел на каждой таблице, равномерен, неинтертен.

А теперь рассмотрим результаты исследования детей экспериментальной группы. У испытуемых данной группы, по нашим анализам, обнаружена астеническая форма психического темпа: они потратили, в среднем, 70,4 сек. на отыскание чисел на I таблице, а — 75,6 сек. на II таблице, — 77,9 сек. на III таблице, — 80,3 сек. на IV таблице (см. рисунок 2).

Из всех таблиц эти дети потратили меньше времени на отыскание чисел на I таблице, а больше времени — на IV таблице. По сравнению с результатами I и II таблиц, дети, имеющие травматический опыт, вызванный физическим насилием, потратили больше времени на отыскание чисел на III и IV таблицах.

Астенический темп психической деятельности у детей, испытывавших физическое насилие, выражающий при отыскании чисел на таблицах, на наш взгляд, тесно связан с кратковременным состоянием охранительного тормо-

жения в их корковых клетках зрительного анализатора, возникающим у них в результате длительного истощающего влияния физического насилия, сопровождающего такие сильные негативные эмоции, как чувство беспомощности, ужас и т.д.

Таким образом, вышеизложенные результаты, полученные в экспериментальной группе, позволили сделать вывод, что психический темп у детей, переживших физическое насилие, выходящее за рамки обычного человеческого переживания, и сопровождающее интенсивные негативные эмоции, носит неравномерный, астенический характер.

Для выяснения достоверности полученных результатов мы сравнивали результаты исследования, полученные в контрольной и экспериментальной группах. Данные сравнительного анализа отражены на рисунке 3.

Представленные данные на рисунке 3 показывают, что между средними показателями по тесту Шульте-Горбова психического темпа у детей контрольной и экспериментальной групп статистические достоверные различия обнаружены по результатам II ($t=2,76$ при $P=0,01$), III

($t=2,88$ при $P=0,05$) и IV таблиц ($t=2,57$ при $P=0,01$). Дети из экспериментальной группы, по сравнению с детьми из контрольной группы, потратили больше времени на отыскание чисел на II, III и IV таблицах. Повышение времени, затрагиваемых на отыскание чисел на указанных трех таблицах, свидетельствует истощающие влияния физического насилия, на темп психической деятельности у

детей, имеющих травматический опыт, вызванный физическим насилием.

Таким образом, проведенные наши исследования показали, что психический темп у детей, переживших физическое насилие, выходящее за пределы обычного человеческого переживания, носит астенический и замедлительный характер.

Литература:

1. Мягмар О. Приспособление индивида. Улан-Батор: Изд-во «Мунхийн усэг», 2000, стр. 3–17.
2. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009, 304 стр.
3. Doctor R.M., Shiromoto F.N. The Encyclopedia of Trauma and Traumatic Stress Disorders. New York: «Pacts on File», 2009, pp. 52–96.
4. Fisher G., Riedesser P. Lehrbuch der Psychotraumatologie. 4. Auflage. München: «Reinhardt», 2009, S. 114–138.
5. Ford J.D. Posttraumatic Stress Disorder: Scientific and Professional Dimensions. Burlington, MA: «Academic Press», 2009, pp. 23–79.
6. Gender and PTSD. Ed. by R. Kimerling, P. Ouimette, J. Wolfe. New York: «Guilford Press», 2002, pp. 61–158.
7. Psychotraumatia: Primärärztliche Versorgung des seelisch erschütterten Patienten. Hrsg: L. Reddemann. Köln: «Deutscher Ärzte-Verlag», 2006, S. 7–40.

Особенности эмоциональных реакций подростков с компьютерной игровой зависимостью

Забелина Д.Е., психолог

МУ социальной службы для молодежи «Подростково-молодежный клуб Советского района г. Тулы»

Представлены результаты исследования связи между компьютерной игровой зависимостью и спецификой проявления эмоциональных реакций в подростковом возрасте. Доказано, что у подростков с компьютерной игровой зависимостью повышенный уровень агрессивности, тревожности и сниженный фон настроения, по сравнению с их здоровыми сверстниками. Выявлена взаимосвязь между компьютерной игровой зависимостью и спецификой проявления эмоциональных реакций в подростковом возрасте.

Ключевые слова: компьютерная игровая зависимость, агрессивность, тревожность, фон настроения.

Вопросы сохранения здоровья подрастающего поколения всегда волновали исследователей. Развитие индустрии электронных и компьютерных игр ставит перед психологией множество вопросов о том, какое влияние они оказывают на развитие ребенка, можно ли эту деятельность назвать игрой, в каком отношении она стоит к традиционной сюжетно-ролевой игре. Последнее время исследователи все чаще обращаются к этой сфере в связи с резким скачком в развитии технологий, которые качественно изменили компьютерную игру. Игры, которые исследователями оцениваются как содержащие сцены насилия, проявления агрессии и жестокости, как правило, занимают первые строчки в списках рейтингов наиболее популярных игр среди подростков. Необходимость изучения компьютерной игровой зависимости и эмоциональных реакций в подростковом возрасте, обусловлена тем, что этот период является своеобразным переломным моментом в развитии эмоционально-волевой сферы и увлечение компьютером может способс-

твовать как дальнейшему прогрессу в становлении личности, так и формированию пассивной зависимости от компьютера, тормозящей ее развитие, сказывающейся на эмоциональных реакциях подростков. Исследователями доказано, что именно психологически благополучный человек, человек, имеющий сформированные представления о своих особенностях, принимающий себя и других, берущий ответственность за свои поступки на себя, имеющий жизненные цели и способный их реализовать — наиболее адаптирован к жизни в социуме.

Актуальность нашего исследования определяется на основе выявления противоречий между практическими потребностями общества в здоровом подрастающем поколении людей и недостаточной теоретической и практической разработанностью психологических условий для предупреждения и коррекции формирования игровых зависимостей у подростков.

В современных условиях перехода к постиндустриальному, информационному обществу резко повыша-

ется значимость сохранения и укрепления физического и психического здоровья подрастающего поколения. В зарубежной и отечественной педагогической и психологической литературе целый ряд исследований посвящен проблеме формирования и развития различных видов зависимого поведения (С.Н. Буранов, А.Е. Войскунский, Л.А. Журавлева, М.С. Иванов, М.Коллинз, О.М. Овчинников, А. Фернхейм, Л.К. Фортова, В.Н. Чернышова, К. Янг и другие).

Подростковый возраст с его бурными нейроэндокринными сдвигами с давних пор считается фактором, способствующим развитию девиантного, зависимого поведения. Под аддиктивным поведением понимается вид нарушения адаптации в подростковом возрасте, который характеризуется злоупотреблением психоактивными веществами без признаков физической зависимости в сочетании с другими нарушениями поведения [5]. Развитие аддиктивных потребностей, как правило, начинается именно в подростковом возрасте и впоследствии принимает у многих людей устойчивые формы. В подростковом возрасте, в период полового созревания, поведение в значительной степени определяется характерными для этого периода жизни реакциями *эмансипации, группирования со сверстниками, увлечения (хобби), имитации, а также формирующимся сексуальным влечением* [7]. Именно эти реакции могут оказаться факторами, способствующими возникновению аддикций, в том числе и компьютерной игровой зависимости.

Изучение проблемы предпочтения компьютерных игр связано с широкой распространенностью игр и превращением их в основную форму досуга детей и подростков. В исследовании В. Гриффита было выделено два типа мотивов, заставляющих детей и подростков вновь и вновь обращаться к компьютерной игре [1]. Игроки с первым типом играют ради удовольствия от самой игры и ради результата, удовлетворения мотива достижения, возможного соперничества с другими игроками. При этом типе мотивации игра сочетается с другими видами деятельности, ребенок нормально общается с окружающими, а к компьютерной игре обращается во время отдыха, досуга. Для игроков со вторым типом мотивации игра становится формой эскапизма. Именно этот тип привыкания к игре и уход в реальность игры привлекает внимание не только психологов, но и психиатров. Причиной такого увлечения компьютерными играми может стать неспособность ребенка справляться с проблемами повседневной жизни, учебной, сложные отношения с родителями, сверстниками — в таких случаях игра является формой реакции на стресс, способом ухода от действительности, выражением ощущения беспомощности. Компьютерная игра для такого ребенка становится основным времяпрепровождением, он теряет интерес к другим занятиям. Такой ребенок требует внимания взрослого, возможно помощи психолога.

Наиболее широко исследуемой сферой влияния компьютерных игр на ребенка является выраженная агрессивность содержания многих игр (А. Андерсон и Д.

Бушмен, С. Шапкин, И. Бурлаков, К. Бютнер, Ф. Скотт). Эта проблема вызывает беспокойство и у родителей. В теоретических подходах можно выделить две противоречивых точки зрения — теория социального научения утверждает, что игры содержащие модели агрессивного поведения влияют на враждебность ребенка, что подобные модели будут воспроизводиться им в реальности. Согласно же психоаналитическим теориям, наоборот, компьютерные игры дают возможность отреагировать вытесняемые ребенком агрессивные импульсы, выразить чувства гнева, злости, проявление которых не одобряется окружающими. В этом случае игра может иметь эффект катарсиса, быть средством «самотерапии» для ребенка.

Михаил Иванов указывает на негативные аспекты влияния стратегических компьютерных игр на развитие личности и делает попытку вскрыть механизмы возникновения болезненного пристрастия к такого рода играм [3].

Вениамин Гудимов предлагает эскиз модели воздействия компьютерной игры на психику игрока, при этом указывает на следующие важные свойства компьютерной игровой реальности: 1) обратимость хода событий; 2) возможность выбрать уровень сложности и вытекающая отсюда предсказуемость игры; 3) внетелесность (игровая реальность почти полностью вытесняет телесные моменты зрелищными); 4) заданность игровой миссии (сюжета) [6]. Рассуждая о компьютерной зависимости, автор указывает на то, что игра сама по себе не может стать причиной болезненного пристрастия, скорее, она является «тестом на психическое здоровье» [6].

Как пишет М. Иванов, существует два основных психологических механизма образования зависимости от ролевых компьютерных игр: потребность в уходе от реальности и в принятии роли другого [2]. Они всегда работают одновременно, но один из них может превосходить другой по силе влияния на формирование зависимости. Оба механизма основаны на процессе компенсации негативных жизненных переживаний, а следовательно, есть основания предположить, что они не будут работать, если человек полностью удовлетворен своей жизнью, не имеет психологических проблем и считает свою жизнь счастливой и продуктивной.

Основная цель нашего исследования: доказать, что существует взаимосвязь между компьютерной игровой зависимостью и спецификой проявления эмоциональных реакций в подростковом возрасте.

В соответствии с целью сформулированы следующие **задачи** исследования: 1) разработать и апробировать диагностическую серию, которая помогала бы определить группы подростков, имеющих игровую компьютерную зависимость и не имеющих таковой; 2) выявить особенности проявлений эмоциональных реакций у подростков, имеющих игровую компьютерную зависимость и не имеющих таковой; 3) на основе экспериментальных результатов определить значимые различия в эмоциональных реакциях подростков, имеющих игровую компьютерную зависимость и не имеющих таковой.

Объектом нашего исследования были эмоциональные реакции подростков с компьютерной игровой зависимостью, а **предметом** — особенности показателей и форм агрессии, тревожности и настроения у подростков, имеющих игровую компьютерную зависимость и у подростков, не имеющих игровую компьютерную зависимость.

Общую гипотезу нашего исследования мы сформулировали следующим образом: существуют различия в эмоциональных реакциях (повышенный уровень агрессивности и тревожности, сниженный фон настроения) у подростков, имеющих игровую компьютерную зависимость и у подростков, не имеющих игровой компьютерной зависимости.

Мы использовали следующие **методики**: 1) авторская модификация теста на интернет — зависимость К. Янг, применяемый в адаптации В.А. Буровой (тест на компьютерную игровую зависимость); 2) методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А.К. Осницкого); 3) тест САН; 4) методика «Несуществующее животное»; 5) шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера (адаптация Ханина).

Обсуждение результатов. По результатам пилотажного исследования нами было сформировано три группы испытуемых, а именно: «зависимые», «пограничные» и «здоровые» подростки, учащиеся 9-х и 10-х классов.

Были изучены особенности агрессивности в подростковом возрасте с помощью методики диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки и методики «Несуществующее животное», и получены следующие результаты. У подростков с компьютерной игровой зависимостью доминирующими формами агрессии является косвенная агрессия, негативизм и агрессивность. У подростков, относящихся к пограничной группе, доминирует косвенная агрессия и агрессивность. У подростков, не имеющих компьютерной игровой зависимости, доминирует чувство вины, которое выступает фактором, сдерживающим агрессивные проявления. По шкалам косвенная агрессия (t -критерий-3,49), раздражительность (t -критерий-2,35), негативизм (t -критерий-2,3), обида (t -критерий-2,35) и агрессивность (t -критерий-2,35) статистический анализ данных выявил различия между группой «зависимых» и «здоровых» подростков. Что может свидетельствовать о наличии специфики в формах и показателях агрессии у подростков с компьютерной игровой зависимостью (можно говорить о повышенном уровне агрессивности в данной группе). Это можно объяснить тем, что компьютерные игры все совершеннее имитируют реальность, а неоспоримым приоритетом у современных подростков пользуются агрессивные игры, содержащие сцены насилия. Постоянное наблюдение сцен насилия способствует постепенной утрате эмоциональной восприимчивости к агрессии и к признакам чужой боли. Наблюдатель привыкает к насилию и его последствиям. Как отмечают Гербнер и Грос, пос-

тоянное наблюдение агрессии может изменить индивидуальный образ реальности. Это означает, что люди, часто наблюдающие насилие, склонны ожидать и воспринимать окружающий мир как враждебно настроенный по отношению к ним. В рамках теории социального научения существуют данные, которые свидетельствуют о том, что переживания, вызываемые наблюдением агрессии и насилия (а в компьютерных играх подросток не просто наблюдатель, но и участник агрессивных действий), ведут к возбуждению агрессии, повышению ее уровня. В группе «зависимых» подростков по методике «Несуществующее животное» доминирует тревожность, а в группе «пограничных» — агрессивность и тревожность достигают повышенного уровня. Проведенный статистический анализ данных выявил, что существуют различия между группой «зависимых» и «здоровых» подростков по показателю вербальной агрессии (t -критерий-2,3). Это позволяет говорить о том, что подростки с компьютерной игровой зависимостью более склонны (по сравнению с подростками без зависимости) к выражению негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы).

Полученные нами результаты по тесту САН, позволяют говорить о том, что у подростков с компьютерной игровой зависимостью и группы пограничных подростков диагностируются, заниженные показатели самочувствия, активности и сниженный фон настроения. Это подтверждают данные исследований других авторов — у большинства игровых аддиктов без объективных причин снижен общий фон настроения, когда они находятся вне игры. Статистический анализ данных выявил различия между группой «зависимых» и «здоровых» подростков по показателю настроения (t -критерий-2,81). Выявлены различия по показателям самочувствия, активности и настроения между группой «пограничных» и «здоровых» подростков. Понижение настроения при окончании игры объясняется самими причинами игровой потребности — уход от реальности и принятие роли. Для игрового аддикта реальный мир скучен, неинтересен и полон опасностей, т.к. большинство аддиктов — люди, плохо адаптирующиеся в социуме. Выход из виртуальной реальности болезнен для зависимого подростка — он вновь сталкивается с ненавистной для него реальностью, что и вызывает снижение настроения.

Полученные нами результаты по шкале реактивной и личностной тревожности Спилбергера, выявили, что в группе зависимых подростков завышенные показатели ситуативной и личностной тревожности. Статистический анализ данных выявил различия по показателям ситуативной (t -критерий-3,35) и личностной (t -критерий-3,41) тревожности между группой «зависимых» и группой «здоровых» подростков. К проблеме высокой тревожности у подростков, имеющих компьютерную игровую зависимость, может быть два подхода: высокая тревожность как причина зависимости от компьютерных игр и высокая тревожность как следствие этой зависимости. Наиболее

вероятно предположить, что верно и первое, и второе: являясь одной из причин зависимости, и без того высокая тревожность усиливается под влиянием длительного и регулярного нахождения в виртуальной реальности. Рост уровня тревожности отражает усиление дезадаптации личности, что в целом опровергает представления некоторых исследователей компьютерных игр об их благотворном влиянии на уровень адаптации.

Проведенный нами корреляционный анализ с помощью коэффициента Пирсона выявил следующие взаимосвязи. Корреляционные связи выявлены между компьютерной игровой зависимостью и косвенной агрессией (0,69, при $p < 0,05$). Это можно объяснить тем, что у подростков в эмоциональной сфере еще сохраняется значительная неуверенность относительно выбора форм поведения. Новые чувства уже возникли, но еще не обрели адекватных способов выражения и точек приложения, поэтому имеет место быть косвенная агрессия. Корреляционные связи выявлены между компьютерной игровой зависимостью и раздражительностью (0,72, при $p < 0,01$). Зависимый подросток воспринимает объективную реальность, как настроенную против него и, следовательно, сам готов вспылить при малейшем возбуждении. В группе

«зависимых» подростков обратнопропорциональные статистические связи выявлены между фоном настроения и чувством вины (-0,75, при $p < 0,01$). Настроение у зависимых подростков повышается, когда они находятся в игре. В то же самое время для них характерно вытеснение неприятных мыслей о реальности, о том, что они поступают плохо, приятными ощущениями от удовлетворения потребности в игре, что ведет к уменьшению чувства вины.

Таким образом, можно говорить о том, что у подростков, имеющих патологическое пристрастие к игре на компьютере, существует специфика проявления эмоциональных реакций. Возможность практического использования материалов данного исследования состоит в том, чтобы учитывать полученные результаты в психологическом консультировании подростков и их родителей, а также при разработке психокоррекционных программ. Как указывалось ранее возникновение зависимости в подростковом возрасте может привести к социальной дезадаптации подрастающего члена общества. Результаты данного исследования говорят о необходимости ведения профилактической работы с целью предотвращения возникновения зависимого поведения, организации досуговой занятости подростков и молодежи.

Литература:

1. Гриффит, В. Виртуальный мир рождает реальные болезни [Текст] / В. Гриффит // Финансовые известия. № 183, 1996. — с. 57–73.
2. Иванов, М.С. Влияние ролевых компьютерных игр на формирование психологической зависимости человека от компьютера [Электронный ресурс] // <http://flogiston.ru/projects/articles/gameaddict.shtml>.
3. Иванов, М.С. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека [Электронный ресурс] // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/gameaddict>.
4. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства [Текст] / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2001. — 752 с.
5. Короленко, Ц.П. Семь путей к катастрофе [Текст] / Ц. П. Короленко, Т.А. Донских. — Новосибирск: Наука, 1990. — 321 с.
6. Психология киберигр [Электронный ресурс] // <http://cyberpsy.ru/2011/04/gudimov-v-v-psixologiya-kiberigr/>.
7. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности [Электронный ресурс] // <http://flogiston.ru/articles/netpsy>.

Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности

Калашникова С.А., кандидат психологических наук, доцент

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Понятие «ресурсы» используется в различных исследованиях, связанных с изучением психической реальности. В последние годы широкое распространение в психологии приобрел ресурсный подход, зародившийся в гуманистической психологии, в рамках которой важное место заняло изучение конструктивного начала личности, позволяющего преодолевать трудные жизненные ситуации.

Э. Фромм выделял три психологических категории, обозначаемых как ресурсы человека в преодолении трудных жизненных ситуаций:

— надежда — то, что обеспечивает готовность к встрече с будущим, саморазвитие и видение его перспектив, что способствует жизни и росту;

— рациональная вера — осознание существования множества возможностей и необходимости вовремя эти возможности обнаружить и использовать;

— душевная сила (мужество) — способность сопротивляться попыткам подвергнуть опасности надежду и веру и разрушить их, превратив в голый оптимизм или иррациональную веру, «способность сказать «нет»

тогда, когда весь мир хочет услышать «да» [14].

В современной психологии содержание понятия «ресурсы» разрабатывается в рамках развития теории психологического стресса. В.А. Бодров определяет его следующим образом: «Ресурсы являются теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса» [3, с. 115–116].

К. Муздыбаев определяет ресурсы как средства к существованию, возможности людей и общества; как все то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды; как жизненные ценности, которые образуют реальный потенциал для совладания с неблагоприятными жизненными событиями.

Н.Е. Водопьянова дает следующее определение ресурсов: это «внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям», это «средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией [5, с. 290].

Различают два класса ресурсов: личностные и средовые (иначе, психологические и социальные). Личностные ресурсы (психологические, профессиональные, физические) представляют собой навыки и способности человека, средовые ресурсы отражают доступность личности помощи (инструментальной, моральной, эмоциональной) в социальной среде (со стороны членов семьи, друзей, сослуживцев) и материальное обеспечение жизнедеятельности людей, переживших стресс или находящихся в стрессогенных условиях [4; 11].

В ресурсной концепции стресса С. Хобфолла ресурсы определяются как то, что является значимым для человека и помогает ему адаптироваться в сложных жизненных ситуациях. В рамках ресурсного подхода рассматриваются различные виды ресурсов, как средовых, так и личностных. С. Хобфолл к ресурсам относит: материальные объекты (доход, дом, транспорт, одежда, объектные фетиши) и нематериальные (желания, цели); внешние (социальная поддержка, семья, друзья, работа, социальный статус) и внутренние интраперсональные переменные (самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, система верований и др.); психические и физические состояния; волевые, эмоциональные и энергетические характеристики, которые необходимы (прямо или косвенно) для выживания или сохранения здоровья в трудных жизненных ситуациях либо служат средствами достижения лично значимых целей. Одним из оснований ресурсного подхода является принцип «консервации» ресурсов, который предполагает возможность человека получать, сохранять, восстанавливать, преумножать и перераспреде-

лять ресурсы в соответствии с собственными ценностями. Посредством такого распределения ресурсов человек имеет возможность адаптироваться к вариативному ряду условий жизненной среды. В концепции С. Хобфолла потеря ресурсов рассматривается как первичный механизм, запускающий стрессовые реакции. Когда происходит потеря ресурсов, другие ресурсы выполняют функцию ограничения инструментального, психологического и социального воздействия ситуации. Потеря внутренних и внешних ресурсов влечет за собой потерю субъективного благополучия, переживается как состояние психологического стресса, негативно сказывается на состоянии здоровья личности [12].

А.Г. Маклаков вводит понятие «личностный адаптационный потенциал», которое содержательно раскрывается в рамках концепции адаптации. Автор считает способностью к адаптации как индивидуальным, так и личностным свойством человека, рассматривает его как процесс и как свойство саморегулирующейся системы, состоящее в способности приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям. Психологические характеристики человека, наиболее значимые для регуляции психической деятельности и самого процесса адаптации, составляют его личностный адаптационный потенциал, который включает: нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценку личности, являющуюся основой саморегуляции и влияющую на степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, определяющее чувство собственной значимости; уровень конфликтности личности; опыт социального общения [9].

Очевидным является то, что разные ресурсы играют различную роль в адаптации человека и преодолении трудных жизненных событий. Л.В. Куликов к наиболее изученным личностным ресурсам относит активную мотивацию преодоления, отношение к стрессам как к возможности приобретения личного опыта и возможности личностного роста; силу Я-концепции, самоуважение, самооценку, ощущение собственной значимости, «самодостаточность»; активную жизненную установку; позитивность и рациональность мышления; эмоционально-волевые качества; физические ресурсы — состояние здоровья и отношение к нему как к ценности [6].

Большая часть перечисленных качеств с характеристиками психологически здоровой личности, выделенными И.В. Дубровиной: самодостаточность, интерес человека к жизни, свободу мысли и инициативу, увлеченность какой-либо областью научной и практической деятельности, активность и самостоятельность, ответственность и способность к риску, веру в себя и уважение другого, разборчивость в средствах достижения цели, способность к сильным чувствам и переживаниям, осознание своей индивидуальности и радостное удивление по поводу своеобразия всех окружающих людей, творчество в самых разных сферах жизни и деятельности [13].

Для обозначения базовой индивидуальной характеристики, стержня личности Д.А. Леонтьев водит понятие «личностный потенциал». Эффекты личностного потенциала обозначаются в психологии такими понятиями как воля, сила Эго, внутренняя опора, локус контроля, ориентация на действие и др. [7].

Наиболее точно, по мнению Д.А. Леонтьева, содержанию понятия «личностный потенциал» соответствует введенное С.Мадди (1998) понятие «жизнестойкость» (*hardiness*), которое определяется не как личностное качество, а как система установок и убеждений, в определенной мере поддающихся формированию и развитию, как базовая характеристика личности, которая опосредует воздействие на ее сознание и поведение всевозможных благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, от соматических проблем и заболеваний до социальных условий. Жизнестойкость определяется автором как интегративная характеристика личности, ответственная за успешность преодоления личностью жизненных трудностей. Жизнестойкость («*hardiness*») предполагает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, являясь показателем психического здоровья человека.

В интерпретации С. Мадди жизнестойкость включает три сравнительно автономных компонента:

- вовлеченность в процесс жизни — убежденность в том, что участие в происходящем дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности. В основе вовлеченности лежит уверенность в себе — восприятие человеком своей способности успешно действовать в той или иной ситуации (самоэффективность);

- уверенность в подконтрольности значимых событий своей жизни и готовность их контролировать — убежденность в том, что борьба позволяет влиять на результат происходящего. На уровень контроля влияет стиль мышления (индивидуальный способ объяснения причин происходящих событий);

- принятие вызова жизни — убежденность человека в том, что все происходящие с ним события способствуют его развитию за счет приобретения опыта. Принятие вызова (риска) — это отношение человека к принципиальной возможности изменяться [8].

В отечественных исследованиях также выделяются виды ресурсов человека, содержательно раскрывающие содержание понятия «жизнестойкость». Так, в качестве важных информационных и инструментальных ресурсов человека Л.В.Куликов обозначает: способность контролировать ситуацию; использование методов или способов достижения желаемой цели; способность к адаптации, готовность к самоизменению, интерактивные техники изменения себя и окружающей ситуации, активность по преобразованию ситуации взаимодействия личности и стрессогенной ситуации; способность к когнитивной структуризации и осмыслению ситуации; материальные ресурсы — высокий уровень материального дохода и материальных условий, безопасность жизни, стабильность

оплаты труда, гигиенические факторы жизнедеятельности [6].

Вместе с тем, отмечает Д.А. Леонтьев, все упомянутые понятия, имея прямое отношение к личностному потенциалу, описывают лишь отдельные его грани. Личностный потенциал представляет собой не столько базовые личностные черты и установки, сколько особенности сложной системной организации личности в целом, основанной на сложной схеме опосредствования. Личностный потенциал — интегральная характеристика уровня личностной зрелости, проявляющейся в самодетерминации личности. Одна из специфических форм проявления личностного потенциала — преодоление личностью неблагоприятных условий ее развития посредством задействия самодетерминации на основе личностного потенциала [7].

Я.В. Малыхина указывает на целесообразность выделения личного (принадлежащего индивиду в феноменальном и ноуменальном смысле) превентивного ресурса, а не личностного (принадлежащего индивиду только в феноменальном, социальном смысле). Личный (индивидуальный) превентивный ресурс рассматривается как комплекс способностей индивида, реализация которых позволяет сохранять баланс адаптационно-компенсаторных механизмов. Отлаженная работа данного комплекса обеспечивает психическое, соматическое и социальное благополучие человека и, в соответствии с направленностью личности, создает условия для открытия им своей уникальной идентичности и последующей самореализации [10].

Л.А. Александрова предлагает рассматривать жизнестойкость в контексте совладания с жизненными трудностями как способность личности к трансформации неблагоприятных обстоятельств своего развития, которая лежит в основе совладающего поведения [1].

Е.П. Белинская отмечает, что современные психологические подходы к проблеме преодоления трудных жизненных ситуаций рассматривают совладание как динамический процесс, протекание которого определяется не только характеристиками самой ситуации и личностными особенностями субъекта, но их взаимодействием, которое заключается в формировании комплексной когнитивной оценки, включающей в себя как интерпретацию субъектом ситуации, так и его представления о себе в ней [2]. В данном контексте особое значение приобретает личностный смысл ситуации, когда человек способен воспринимать жизненные трудности как возможности.

В качестве одного из компонентов жизнестойкости Л.А. Александрова определяет личностные ресурсы, выделяемые С. Мадди, которые на уровне реализации обеспечены развитыми стратегиями совладания. В качестве второго компонента обозначается смысл, предопределяющий вектор этой жизнестойкости и жизни человека в целом. Как отдельный компонент жизнестойкости Л.А. Александрова выделяет гуманистическую этику, зада-

ющую критерии выбора смысла, пути его достижения и решения жизненных задач.

Таким образом, несмотря на существующие в психологической науке подходы к пониманию ресурсов и результаты исследований личностных ресурсов, само понятие как психологическая категория представляется недостаточно разработанным. Содержательные характеристики личностных ресурсов необходимо рассматривать как систему. Системный подход открывает возможности исследования психической реальности в системе взаимодействия «человек — жизненная среда» с учетом комплекса детерминант, источником которых является действительность конкретного человека, представленная в содержании реальной деятельности, в самой личности, в переживаемой здесь и сейчас реальности. Взаимодействие человека и жизненной среды происходит в конкретных жизненных ситуациях и является пусковым механизмом для определенных личностных ресурсов. Личностные ресурсы проявляются во взаимодействии человека и жизненной среды как непрерывном процессе пространственно-временного «развертывания» человека, представленного в содер-

жании и направленности деятельности в реальных жизненных ситуациях, обеспечивающего соответствие образа жизни меняющемуся в процессе жизнедеятельности образу мира посредством трансформации ценностно-смысловой подсистемы личности.

Таким образом, личностные ресурсы могут быть представлены как система способностей человека к устранению противоречий личности с жизненной средой, преодоления неблагоприятных жизненных обстоятельств посредством трансформации ценностно-смыслового измерения личности, задающего ее направленность и создающего основу для самореализации. Иначе, личностные ресурсы выступают как системная, интегральная характеристика личности, позволяющая преодолевать трудные жизненные ситуации, актуализирующаяся и проявляющаяся в процессах самодетерминации личности. Актуальным направлением исследования личностных ресурсов является изучение их психологической структуры, механизмов функционирования, динамических характеристик, а также разработка исследовательских методик, адекватных содержанию исследуемой психической реальности.

Литература:

1. Александрова Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире. // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. — 2005. — Т. 51. — №7. — С. 83–84.
2. Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. №1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 18.07.2010 г.).
3. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса. // Психологический журнал. — 2006. — Т. 27. — № 2. — С. 113–122.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: к проблеме его преодоления // Проблемы психологии и эргономики. — Тверь, 2001. — №4. — С. 28–33.
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. — СПб.: Питер, 2009. — 336 с.
6. Куликов Л.В. Психогигиена личности. — СПб., 2004. — 464 с.
7. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации. // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б.С.Братуся, Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
8. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений. // Психологический журнал. — 2005. — Т. 26. — № 6. — С. 87–101.
9. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях. // Психологический журнал. — 2001. — Т.22. — №1. — С. 16–24.
10. Малыхина Я.В. Социально-психологические аспекты системной профилактики «общего девиантного синдрома». Автореферат канд. дис. — СПб.: РПГУ, 2004.
11. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ. // Журнал социологии и социальной антропологии. — Том 1. — 1998. — №2. — С. 100–109.
12. Практикум по психологии здоровья. / Под ред. Г.С.Никифорова. — СПб: Питер, 2005. — 351 с.
13. Практическая психология образования: учеб. пособие. /Под ред. И.В. Дубровиной. — СПб.: Питер, 2004. — 592 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 175 с.

Влияние интернет-сообществ на региональные социальные процессы

Невесенко Е.Д., аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

В наше время Интернет стал неотъемлемой частью жизни общества, благоприятной средой для развития многих социальных процессов, протекающих в реальности. Проблема влияния глобальной компьютерной сети на различные сферы жизни общества сейчас достаточно актуальна и повсеместно обсуждается специалистами различных отраслей знания.

Особый интерес для нас представляет изучение данного вопроса на региональном уровне, т.к. во-первых, число региональных пользователей Сети с каждым годом растет, что способствует расширению регионального интернет-сообщества, а во-вторых, проблема интернет-влияния в региональном аспекте с научной точки зрения мало исследована.

Однако прежде чем говорить о характере и последствиях влияния интернет-сообществ на те или иные региональные социальные процессы, хотелось бы отметить, что под социальными процессами понимаются постоянные состояния или изменения, которые характеризуют жизнедеятельность общества [1, с. 370]. Причину возникновения социальных процессов Я. Щепанский видит в столкновении стремлений индивидов, относящихся к одной и той же социальной группе, удовлетворять аналогичные потребности [2, с. 194].

Несмотря на существующее многообразие, можно выделить некоторые общие черты социальных процессов. Так Н.П. Гуляева в своей статье «Социальный процесс как объект управления» предлагает относить к социальным процессам лишь те серии социальных явлений, которые отвечают следующим критериям:

- 1) сохранение идентичности во времени, позволяющие выделить их из других серий;
- 2) предшествующие явления обуславливают хотя бы частично следующие за ними явления;
- 3) предшествующие явления вызывают однородное положение вещей [3].

Существуют различные классификации социальных процессов, в связи с чем рассмотрим один из предлагаемых вариантов как, по нашему мнению, более универсальный. И так, социальные процессы можно классифицировать

- по общей направленности: процессы функционирования и процессы развития;
- по уровню протекания: локальные, глобальные и т.п.;
- по результатам, последствиям: конструктивные, деструктивные;
- по продолжительности: длительные, кратковременные;
- по сферам распространения: экономические, политические, социально-культурные, духовные и т.п. [3].

Учитывая тематику статьи, мы ограничимся рассмотрением региональных социальных процессов.

Многие исследователи отмечают, что социальные процессы находят свое продолжение в социальной среде Интернет и корректируются посредством интернет-сообществ.

Интернет-сообщество — это стихийно или целенаправленно сложившаяся система постоянных пользователей-соавторов интернет-ресурса, которые в рамках политики данного ресурса осуществляют информационный обмен на установленную тематику, ведущийся на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям, служащий целям поддержания и развития ресурса [4].

Интернет-пользователи могут преследовать разные цели, организуя интернет-сообщество, такие как:

- обсуждение актуальных проблем и возможность влияния на сложившуюся ситуацию;
- концентрация некоторой специфической информации, интересной определенному кругу лиц;
- активизация процессов коммуникации, обмен научной информацией и/или проведение профессиональных консультаций;
- получение дополнительного дохода [5, с. 89].

Базами формирования интернет-сообществ, как правило, являются различные чаты, форумы, блоги, он-лайн дневники, социальные сети и иные интернет-ресурсы, отличающиеся друг от друга своими техническим возможностям и позволяющие пользователям:

- устанавливать и поддерживать связь друг с другом без учета географических ограничений;
- обмениваться сообщениями и данными различного формата (текст, аудио, видео, графика);
- организовывать совместную деятельность, имеющую свое продолжение в реальности (например, организация флэшмобов) и т.д.

Благодаря своим специфическим техническим возможностям и популярности среди населения, Интернет и формируемые на его основе интернет-сообщества за последние десятилетия стали средством влияния (как положительного, так и отрицательного) на социальные процессы, протекающие в стране, в целом, и в регионах, в частности.

Региональные социальные процессы, находящиеся в сфере наших интересов, разделены нами на три основные группы с учетом понимания основных сфер общества, а именно политической, экономической, социальной и духовной сферы.

Исходя из этого, мы выделяем политические, экономические и социально-культурные процессы (являющиеся частью духовной сферы).

1. Политические процессы — это совокупность целенаправленных и повторяющихся действий, затрагивающих политическую сферу общества.

Среди общей массы политических процессов обозначим те из них, которые нам кажутся наиболее подходящими для объяснения механизма взаимодействия социальных процессов и деятельности интернет-сообществ:

Так Интернет способствует оптимизации *процесса коммуникации* между органами государственной власти, органами местного самоуправления и гражданами, проживающими в регионах и, как следствие, решению проблемы, связанной с недостаточной осведомленностью федеральной власти относительно истинного характера протекания тех или иных региональных социальных процессов [6]. Интернет-сообщества стали местом концентрации общественного мнения, формируемого в отношении тех или иных действий представителей власти и проблем, значимых для общества, а также специфической площадкой для проведения дискурсов между политическими деятелями и гражданами страны.

Примером эффективности взаимодействия государственных органов власти и интернет-сообщества стало открытое обсуждение интернет-аудиторией действий городских властей по созданию «потемкинской деревни» в городе Лыткарино в апреле 2011 г. [7], что в итоге способствовало принятию официальных мер, направленных на решение аналогичных проблем в других регионах. В частности, Общественной палатой РФ был запущен интернет-проект под названием **«Родная потемкинская деревня» с целью разоблачения неправомερных действий местных органов власти по сокрытию «существенных недостатков» в подвластных им населенных пунктах с последующим публичным разбирательством** [8].

Рассматриваемые нами в данном случае интернет-сообщества функционируют на базе официальных сайтов государственных органов и политических деятелей (<http://президент.рф/> - сайт президента РФ) или иных (так сказать «политически нейтральных») веб-площадок (сервис он-лайн дневников Livejournal (Живой Журнал), он-лайн сервис для ведения микроблогов Twitter и др.).

Таким образом, появление Интернет-сообщества способствовало:

- включению в информационные потоки большего количества пользователей Сети, в том числе — проживающих в регионах;
- организации информационной открытости власти как на федеральном, так на местном уровне;
- значительному упрощению структуры коммуникации, путем устранения посреднических звеньев в диалоге между представителями органов государственной власти и/или органов местного самоуправления и гражданами, что позволило избежать искажения передаваемой информации и, соответственно, получить более высокие результаты.

2. Экономические процессы — это совокупность целенаправленных и повторяющихся действий, затрагивающих экономическую сферу общества.

Интернет содействовал изменению характера протекания в регионах *процессов экономического развития* путем предоставления новых возможностей ведения бизнеса и формирования рынка интернет-торговли. Рассмотрим некоторые особенности этого влияния с позиции коммерческой организации и с позиции потребителя.

Внедрение информационных технологий оказалось благотворным для деятельности коммерческих организаций различного профиля. В частности, это способствовало оптимизации производственного процесса и получению дополнительных доходов, упрощению схемы информирования и обслуживания клиента и снижению издержек, созданию рабочих мест и увеличению налоговых поступлений, с одной стороны [9]. С другой стороны, Интернет значительно повысил шансы региональных коммерческих организаций выхода на мировой рынок: содействовал установлению деловых отношений с зарубежными фирмами, открыл новые каналы сбыта, привлек зарубежных инвесторов. Как известно, вложение инвестиций само по себе уже позволяет говорить о внедрении новых технологий, дополнительных капиталах, увеличении объема производства и количества производимых товаров, приобретении новых организационных технологий и улучшении менеджмента [10].

Обозначенные для ведения бизнеса перспективы, привели к значительному росту Интернет-торговли. Так, по данным фонда «Общественное мнение», общий оборот рынка Интернет-торговли в марте 2011 года составил порядка 18 млрд. руб., а к концу 2011 года достигнет суммы в 245 млрд. руб.; при этом значительную долю покупателей составят жители российских регионов [11].

Причина активного развития Интернет-торговли объясняется также увеличением числа интернет-пользователей, в том числе, пользователей, проживающих в регионах (доля зарегистрированных в 2010 году региональных пользователей составила около 90 процентов от общего числа [12]).

Торговля в Интернет осуществляется посредством специализированных сайтов — товарных каталогов и интернет-магазинов.

Отметим, что товарные каталоги (и интернет-магазины) представляют собой корпоративные сайты фирм, предлагающих большой ассортимент товаров и характеризуются наличием разветвленной структуры товарных категорий, удобным видом описаний товаров, наличием фотографий и/или презентаций и указанием цен. Основным отличием товарных каталогов от интернет-магазинов является способ заказа товара. В товарных каталогах заказ поступает на электронную почту менеджера компании, где проходит обработку. Интернет-магазины же оснащены специальной функцией заказа и оплаты через Интернет (платежные системы Яндекс.Деньги, WebMoney, банковские карты) [13, с 25].

Согласно данным Фонда «Общественного мнения», наиболее востребованным товаром в интернет-магазинах по итогам 2010 года является бытовая и электронная тех-

ника (21 % всех покупок через Интернет в России), книги (19%) и одежда/обувь (18%)[14].

На базе товарных каталогов и интернет-магазинов формируются интернет-сообщества, как правило, представляющие собой форумы. Однако это могут быть и самостоятельные веб-ресурсы, не привязанные непосредственно к корпоративному сайту. В рамках форума пользователь имеет возможность:

- обсудить с другими членами сообщества вопросы, касающиеся того или иного продукта;
- поделиться своими соображениями относительно его качества, преимуществ и недостатков;
- проинформировать сообщество о нововведениях или законопроектах, связанных с возможностью использования данного товара.

Анализируя специфику функционирования различных интернет-сообществ (в частности, автомобильных форумов) и характер влияния Интернета, мы обратили внимание на некоторые виртуальные социальные процессы, имеющие свое продолжение в реальности. Схематично развитие этих социальных процессов можно представить следующим образом.

1. Обращение пользователя к интернет-сообществу, выбранному на основании собственных социальных предпочтений, и активное участие в его деятельности, с целью удовлетворения определенного ряда социальных потребностей.
2. Активизация в рамках интернет-сообщества массового информационного обмена между пользователями в отношении того или иного товара, его эксплуатации, возможности заказа, транспортировки и доставки по России.
3. Рост востребованности данного товара среди пользователей, проживающих в регионах.
4. Установление связи и прочных деловых отношений между специализированными компаниями и региональными клиентами.
5. Формирование нового сегмента рынка, ввиду массового спроса среди региональных клиентов.
6. . Образование дистрибьюторской сети, открытие специализированных центров в регионах, предлагающих клиентам «ходовой» товар.
7. Формирование собственно региональных рынков.
8. Улучшение экономической ситуации в регионах.

Исходя из этого, отметим, что влияние Интернета и интернет-сообществ на региональные процессы экономического развития в целом благотворно сказывается на благосостоянии общества, способствуя повышению уровня и качества жизни населения.

3. Социально-культурные процессы — это совокупность целенаправленных и повторяющихся действий, затрагивающих духовную сферу общества.

Посредством Интернета жители регионов становятся членами различных интернет-сообществ, функционирующих на базе общего интереса, что позволяет удовлетворять возникающие потребности и открывает определенные возможности.

Прежде чем приступить к рассмотрению последствий влияния интернета и интернет-сообществ на различные социокультурные процессы хотелось бы отметить такое явление как киберсоциализация. Под киберсоциализацией (или «виртуальной компьютерной социализацией») понимается «локальный процесс качественных изменений структуры личности, происходящий в результате социализации человека в киберпространстве Internet-среды, т.е. в процессе использования его ресурсов и коммуникации с «виртуальными агентами социализации», встречающимися человеку в глобальной сети Internet» [15, с. 51–52]. Таким образом, результатом активной деятельности пользователя в сообществе является принятие им ценностей и норм, сформировавшихся и разделяемых всеми членами интернет-сообщества, что, в свою очередь, может влиять на мировоззрения и мироощущения пользователя, его социальное поведение как в виртуальной среде, так и в социальной реальности. К примеру, усвоение системы ценностей маргинальных интернет-сообществ может вылиться в девиантным поведением индивида в физической среде.

Однако влияние интернет-сообществ на характер протекания различных социокультурных процессов может иметь и положительный характер. Так Интернет-сообщества способствуют установлению контактов (дружеских, деловых и т.д.) между представителями различных регионов, городов, стран. В процессе интернет-общения пользователи получают возможность не только вести диалоги друг с другом на общие темы, но и:

- знакомиться с социальными и мировоззренческими особенностями культуры своих собеседников, тем самым расширяя свой кругозор и развивая эрудицию;
- совершенствовать знание иностранного языка (к примеру, интернет-сообщество сайта Study.ru (<http://forum.study.ru/index.php?board=23.0>);
- принимать активное участие в обсуждении и решении значимых для общества проблем (например, в плане помощи бездомным животным (интернет-сообщество «Потеряшка.Орг» (<http://forum.covcheg.spb.su/forum/134-1364-1>));
- получить консультацию профессионала или провести консультацию по тем или иным вопросам на форуме какого-либо профессионального интернет-сообщества (для примера - форум веб-мастеров СПб (<http://spbpro.ru/>)).
- предоставить и/или получить актуальную информацию, касающуюся учебного процесса, спорта, отдыха и т.д. (к примеру, Санкт-Петербургский Студенческий Форум (<http://www.spbstudent.ru/forum/>)).
- удовлетворить различного рода потребности, как например, потребности в общении и познании, потребности в самоуважении и уважении, потребности в одобрении и признании со стороны других людей, потребности в самовыражении и потребность в причастности к социальной группе и участие в совместной деятельности и др.

В общей сложности, участие индивидов в тех или иных Интернет-сообществах оказывает влияние на их уста-

новки и мировоззрения, определяет характер их отношения к тем или иным событиям и предпочтений в выборе способов решения возникающих проблем. С одной стороны, интернет-сообщества способствует росту грамотности (в том числе компьютерной грамотности) и повышению уровня образованности среди населения, расширению кругозора и углублению профессиональных знаний. В конечном счете, вовлечение индивидов в деятельность интернет-сообществ способствует повышению уровня компьютеризации общества в целом. С другой стороны, интернет-сообщества становятся базами для концентрации различных маргинальных элементов, деятельность которых негативно сказывается как на социальной среде Интернет, так и на жизни общества.

Подводя итог, подчеркнем, что специфические технические возможности Интернета и формируемые на его базе интернет-сообщества в той или иной степени оказывают влияние на характер протекания ряда социальных процессов. Рассмотрев серии социальных процессов, затрагивающих региональное социальное пространство, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, Интернет способствует оптимизации процесса коммуникации между органами государственной власти, органами местного самоуправления и гражда-

нами, проживающими в регионах, и решению проблемы, связанной с недостаточной осведомленностью представителей федеральной власти относительно характера протекания тех или иных региональных социальных процессов.

Во-вторых, Интернет содействует изменению характера протекания в регионах процессов экономического развития путем предоставления новых возможностей ведения бизнеса и формирования рынка интернет-торговли, что, в конечном итоге, ведет к росту благосостояния общества.

В-третьих, Интернет влияет на характер развития социокультурных процессов в регионах. Результатом деятельности пользователя в том или ином интернет-сообществе является его киберсоциализация, то есть принятие своими ценностей и норм, присущих сообществу, что сказывается, как на его характере взаимодействия с другими пользователями, так и на поведении в социальной реальности. Таким образом, активная деятельность пользователей в Сети, с одной стороны, способствует росту грамотности (в том числе компьютерной грамотности), повышению уровня компьютеризации среди населения, а с другой стороны — является средством распространения взглядов и убеждений различных маргинальных элементов.

Литература:

1. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. — М.: Норма, 2008—608 с.
2. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии / Ян Щепанский. — Москва : Прогресс, 1969. — 242 с.
3. Гуляева Н.П. Социальный процесс как объект управления: информационный портал Института политической психологии — 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=218&Itemid=3 (дата обращения: 13.07.2011).
4. Шакула Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы: сайт научно-культурологического журнала «RELGA» — 2006 — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 13.03.2011).
5. Невесенко Е.Д. Специфика формирования и функционирования интернет-сообществ: социальные аспекты [Текст] / Е.Д. Невесенко // Молодой ученый. — 2011. — №5. Т.2. — С. 88—92.
6. Даргын-Оол Ч.К. Региональный аспект в исследовании социальных процессов современной России: Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Dargyn-ool/> (дата обращения: 19.06.2011).
7. Медведев проверил «потемкинскую деревню» в Подмоскowie и обещал жителям разобраться с местной мэрией: сайт NEWSru.com — 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/27apr2011/lytkarino2.html> (дата обращения: 19.06.2011).
8. Литвинко А. «Родные потемкинские деревни» разоблачат в интернете: сайт издания «Деловой Петербург» — 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dp.ru/a/2011/06/06/Rodnie_potemkinskie_dere (дата обращения: 19.06.2011).
9. Скъефлэ И. Интернет способствует развитию экономики и повышению благосостояния общества: сайт компании Telenor — 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telenor.ru/ru/news-and-media/news/2009/internet-boosts-economic-growth-and-social-welfare> (дата обращения: 21.06.2011).
10. Грэм Дж. П. Прямые зарубежные инвестиции: сайт компании «Юнит-Консалтинг» — 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unitcon.ru/articles/view_int_article.php?id=309# (дата обращения: 22.06.2011).
11. ФОМ: Оборот рынка Интернет-торговли в 2011 году составит 245 миллиардов рублей: сайт издательства «Открытие системы» — 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osp.ru/news/2011/0426/13007068/> (дата обращения: 22.06.2011).

12. Маркелов Р. Количество интернет-пользователей в России увеличилось до 46,5 миллиона человек: сайт издания «Российская газета» — 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/04/25/site-site-anons.html> (дата обращения: 22.06.2011).
13. Гуров Ф.Н. Продвижение бизнеса в Интернете: все о PR и рекламе в сети/ Гуров Филипп Никитич. — М.: Вершина, 2008—136 с.
14. Капустина Т. Интернет-торговля взорвет регионы: ежедневная интернет-газета ComNews — 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comnews.ru/index.cfm?id=57306> (дата обращения: 22.06.2011).
15. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека в информационном пространстве //Информация и образование: границы коммуникаций INFO'2009: Сборник научных трудов. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009.

Гендерные подходы в психологических теориях и исследованиях

Симоненко А.С., преподаватель, аспирант

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье представлен теоретический анализ гендерной проблематики в психологии.

Ключевые слова: *гендер, гендерный стереотип, полоролевая дифференциация, маскулинность, фемининность.*

В последнее время гендерная проблематика все активнее стала заявлять о себе в различных отраслях научного знания. Влияние социокультурных факторов на сложившуюся систему взаимоотношений полов вызвало новую дефиницию, отражающую это влияние — «гендер».

Введение конструкта «гендер» зафиксировало тот факт, что психологический пол не может быть достаточно адекватным объяснением развития психических качеств и личностных структур, моделей поведения, видов деятельности, социальных ролей, выбора профессий. Существующая социальная и психологическая дифференциация по половому признаку является отражением принятой в данной культуре гендерной системы и поддержанием ее практикой воспитания, внедрением в сознание детей гендерных норм, предписаний и стереотипов.

Гендер — это совокупность биологических, психологических, социальных характеристик, определяющих существующие различия между мужчинами и женщинами.

В современной интерпретации гендер обозначает пол как социальную конструкцию. Предполагается, что почти все традиционно считающееся естественными различия между полами на самом деле являются системой социальных и культурных установок. В основе существующих в обществе гендерных установок и ролей лежат гендерные стереотипы.

Гендерный стереотип — это упрощенный схематизированный эмоционально окрашенный и устойчивый образ мужчин и женщин. Все описываемые гендерные стереотипы можно выделить в три группы:

1 группа — стереотипы маскулинности-фемининности

Маскулинность-фемининность — нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Согласно которым, мужчины доминантны, компетентны, самоуверенны, агрессивны и склонны рассуждать логически.

Женщины покорны и зависимы, эмоциональны, комформны и нежны.

2 группа — стереотипы семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом

Для женщины главными социальными ролями являются семейные (мать, хозяйка), для мужчины — профессиональные. Мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, женщин — по наличию семьи и детей.

3 группа — стереотипы, связанные с содержанием труда

У женщин — это экспрессивная сфера деятельности, где главным является исполнительский и обслуживающий характер труда. Инструментальная сфера — это область деятельности мужчин, где главным является творческий, руководящий, созидательный труд.

Идеал женственности довольно прост: женщина должна быть нежной, красивой, мягкой, ласковой, но в то же время пассивной и зависимой, позволяя мужчине чувствовать себя по отношению к ней сильным, энергичным и преуспевающим. Эти фемининные качества и сегодня высоко ценятся, но в женском самосознании появились также и новые черты. [1] Стереотип маскулинности также изменился. Раньше маскулинность выдвигала на первый план такие качества, как физическая сила. Подавление нежности, функциональное отношение к женщине и одновременно несдержанность в выражении гнева, страсти. Сейчас маскулинность ставит интеллект выше физической силы, допускает и даже требует проявления нежности и душевной тонкости, а также обуздания «грубых» чувств и порывов.

Стереотипы маскулинности/фемининности становятся менее жесткими и полярными. Подобно социальным ролям, далеко не все человеческие качества дифференцируются по полу. Кроме того, идеалы маскулинности и фемининности сегодня, как никогда, противоречивы. Во-

первых, традиционные черты в них переплетаются с современными. Во-вторых, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. В-третьих, и это особенно важно, они отражают не только мужскую, но и женскую точку зрения. [1]

Новые, более совершенные тесты рассматривают маскулинность/фемининность уже не как полюсы одного и того же свойства, а как независимые измерения. Сравнение показателей одного и того же индивида по шкалам маскулинности и фемининности позволяет вычислить степень его психологической андрогинии; андрогинными считаются индивиды, имеющие высокие показатели и по фемининности и по маскулинности, что позволяет им менее жестко придерживаться полоролевых норм, свободнее переходить от традиционно женских занятий к мужским. Понятие психологической андрогинии касается не соматических качеств, а только поведения и установок. Речь идет о независимости, заботливости и способности выполнять специфические мужские, специфические женские и не дифференцируемые по полу функции. В результате вместо простой дихотомии «мужского» и «женского» появилось 4 психологических типа:

- маскулинные мужчины (высокие показатели по маскулинным и низкие по фемининным чертам);
 - фемининные мужчины (много фемининных и мало маскулинных черт);
 - андрогинные мужчины (высокие показатели по обеим шкалам);
 - психологически недифференцируемые мужчины (низкие показатели по обеим шкалам);
- и такие же 4 категории женщин (по типологии представленной Сандрой Бем).

Сравнение этих типов показало, что максимальное соответствие индивида полоролевому стереотипу, то есть высокая маскулинность у мужчин и высокая фемининность у женщин, отнюдь не гарантия психического и социального благополучия. Фемининные женщины часто отличаются повышенной тревожностью и пониженным самоуважением; эти черты даже входят в набор фемининности. Маскулинные мальчики-подростки чувствовали большую уверенность в себе и удовлетворенность своим положением среди сверстников, но после 30 лет эти мужчины оказались более тревожными и менее уверенными в себе и менее способными к лидерству. Фемининные женщины и маскулинные мужчины хуже справляются с деятельностью, не совпадающей с традиционными нормами полоролевой дифференцировки. Дети, поведение которых более всего соответствует требованиям их половой роли, часто отличаются более низким интеллектом и меньшими творческими способностями.

Шкалы маскулинности и фемининности соотносятся, с одной стороны, с индивидуальными свойствами, а с другой — с социальными определениями пола и полоролевыми предписаниями, принятыми в определенной социальной среде. Однако, это совершенно разные явления. Между тем, расхождения в определении набора маскулинных и

фемининных черт или их желательности (нормативности) в значительной мере предопределяют результаты экспериментов.

Ряд исследований показывает, что женщины предпочитают андрогинные свойства фемининным, мужчины же ориентируются на более традиционные нормы полоролевой дифференцировки.

Кроме того, ориентация на андрогинию, то есть выход за пределы жесткой половой дихотомизации, чаще встречается среди более старших людей, в конце юности или у взрослых, тогда как подростки ориентируются преимущественно на полярные образы «мужского» и «женского».

Широкое распространение в научной среде имела биологическая теория полового диморфизма В.А. Геодакяна [2], которая психологами трактовалась как доказательство врожденности и неустранимости всех наблюдаемых половых различий. Суть указанной концепции в общих чертах сводится к тому, что процесс воспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции:

- наследственность (консервативный фактор, который стремится сохранить неизменными у потомства все родительские признаки)
- изменчивость (благодаря которой возникают новые признаки)

Женское начало обеспечивает воспроизводство потомства, передачу характеристик и свойств от поколения к поколению, а мужской пол, как передовой отряд популяции, берет на себя функции столкновения с новыми условиями существования. Поэтому мужской пол более уязвим, а женский обладает большей устойчивостью и жизнестойкостью к нежелательным воздействиям среды. Суть концепция В.А. Геодакяна [2] состоит не в противопоставлении мужского и женского начал как «лучшего» и «худшего», а в их отношениях и взаимодополнительности, позволяющих приблизиться к пониманию половых различий.

Итогом исследования половых различий в западной психологии явилось осознание факта, что наличие психологических различий между людьми разного пола — это не статичный, а процессуальный феномен.

Работы отечественных исследователей, посвященные проблеме психологии половых различий, можно разделить на две группы [3]:

К первой группе относятся те, в которых представлены результаты исследований западных психологов, посвященных половым различиям в рамках одной из сфер личности или по отдельной психологической характеристике (статьи Т.В. Виноградовой, Бендас и др.). В указанных работах представлены результаты многочисленных зарубежных исследований, посвященных половой дифференциации в детском и взрослом возрастах. Особое внимание уделяется исследованиям половых различий в интеллектуальной сфере и сфере поведения. Подробно анализируются факторы половой дифференциации.

Вторая группа работ — это статьи, основанные на результатах собственных эмпирических исследований, посвященных изучению психологических различий между полами (работы М.Ю. Арутюнян, Т.В. Бендас, И.С. Клециной [3,4]. При объяснении выявляемых психологических различий между полами названные авторы принимают во внимание процессы трансформации, происходящие в современном обществе. Социальная ситуация развития детей и взрослых в современных условиях такова, что жесткая полоролевая поляризация социальных функций мужчины и женщины разрушается, происходит ломка культурных стереотипов мужского и женского поведения. Сферы деятельности и общественное производство все меньше подчиняются делению на сугубо женские и мужские (например, появились женщины-военные, женский футбол, женский хоккей, мужчины-домохозяйки). Отечественные авторы, так же как и их зарубежные коллеги, склоняются к точке зрения, что за исключением параметров обусловленных генетической программой созревания организма, большинство наблюдаемых психологических различий между полами детерминировано влиянием социального контекста.

Второе направление развития гендерных исследований в психологии можно определить как исследования женской психологии. Данное направление развивается под влиянием западной фемининистской идеологии и отечественной фемининологии. Представители этого направления разделяют взгляды психологов-фемининисток о том, что женская психология в отличие от мужской является более совершенной. Отечественных психологических работ, выполненных в рамках данного направления, довольно мало (Д.В. Попова, О.В. Митина). Еще одна область, где изучаются психологические особенности женщин специфические и отличные от мужских, — это социологические исследования женщин в сфере предпринимательства и бизнеса. В ряде социологических работ, направленных на анализ поведения женщин в сфере профессиональной деятельности, приводят результаты исследований о более эффективном, чем у мужчин, стиле руководства женщин-менеджеров, об особых социально-психологических качествах женщин-руководителей, о специфике технологий женского менеджмента. (А.Е. Чирикова, Е.С. Гвоздева)

Третье направление гендерных исследований в психологии — это исследования, которые проводятся в рамках социально-конструктивистского направления. Указанное направление развивается учеными-психологами, разделяющими позиции социального конструктивизма. Теоретическим основанием для этих исследований является гендерный подход, который сконцентрирован на том, как специфическое поведение и роли приобретают гендерную окраску, как разделяется труд, символически подчеркивая гендерные различия, и как различные социальные структуры отражают гендерные ценности и преимущества. Гендерный подход в психологии ориентирован на анализ последствий половой дифференциации и иерархичности

(мужское доминирование и женское подчинение) в складывающихся отношениях между мужчинами и женщинами, на возможностях их личностной самореализации в семейной и профессиональной сферах. Наиболее распространенной в рамках гендерного подхода является социально-конструктивистская парадигма, которая задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, «создание гендера» в повседневности, в публичной и приватной сферах, а также способы формирования знания о них. Отечественных психологических работ, выполненных в рамках данного направления, пока мало (М.В. Бураков, Н.К. Радина, Г.В. Турецкая). К социально-конструктивистскому направлению могут быть отнесены работы Н.В. Ходыревой и Е. Ивановой. Дальнейшим шагом в изучении данной проблемы становится осознание необходимости исследования социо-гендерных отношений, пронизывающих все сферы индивидуальной и общественной жизни. Таким образом, высветилась вторая сторона становления индивида в гендерном плане — полоролевая социализация личности, в результате которой усваиваются принятые обществом стандарты гендерной дифференциации.

Проблема гендерной социализации, включающая в себя формирование психологического пола ребенка, психологических половых различий и полоролевой дифференциации, лежащая на стыке наук (социологии, биологии, медицины) — одна из важнейших и актуальнейших проблем психологии. Без нее невозможно разрабатывать методы дифференцированного подхода к воспитанию детей разного пола для формирования у них основ таких качеств, как мужественность и женственность, необходимых им для успешного выполнения в будущем своих функций в семье и обществе. Подготовка молодежи к семейной жизни наряду с формированием нравственного мира предполагает формирование особой системы представлений о себе как о человеке данного пола, включающих специфические для мальчиков и девочек потребности, мотивы, ценностные ориентации, отношения к представителям другого пола и соответствующие этим образам формы поведения. В настоящее время, когда границы между традиционными представлениями мужественности и женственности размыты, ребенку бывает трудно уяснить особенности полоролевого поведения, что может привести к рассогласованию биологического и психологического пола, либо к образованию недифференцированности психологического пола. Данные отклонения чреваты трудностью адаптации таких индивидов в обществе, сложностью установления ими межличностных контактов, в семейных отношениях. Проблемы нарушения гендерной идентификации являются проблемами нарушенной самоидентичности личности. «Самоидентичность — устойчиво переживаемая тождественность собственного «Я» во времени и пространстве. Она предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамичных и противоречивых об-

разов «Я» в единую связанную систему». В соответствии с функциями, которые выполняет самоидентичность принято выделять несколько ее видов: гендерную, нравственно-ценностную, этническую, профессиональную и возрастную. Гендерная идентичность — частный случай личностной самоидентичности, благодаря которой возникает субъективное чувство пола, развиваются модели по-

ведения по маскулинному или фемининному типу и реализуются желания в выборе сексуального партнера.

Именно потому, что гендерная идентификация — это неотъемлемая часть личности, влияющая на глубинные процессы ее формирования, этапы и особенности становления гендерной идентификации стали объектом научного исследования.

Литература:

1. Агеев, В.С. Психологические социальные функции полоролевых стереотипов/ В.С. Агеев//Вопросы психологии. — 1987. — №2. — с. 152—158
2. Геодакян, В.А. Эволюционная теория пола/ В.А. Геодакян //Природа. — 1991. — №8. — с.60—69
3. Клецина, И.С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии./ И.С. Клецина //Вопросы психологии. — 2003. — №4
4. Клецина, И.С. Развитие гендерных исследований в психологии//Общественные науки и современность. — 2002. — №3

Прототипический подход к анализу категории «конфликт»

Смирнова Ю.С., кандидат психологических наук
Белорусский государственный университет (г. Минск)

В статье анализируется проблема конфликтов, рассматривается роль социально-познавательной активности в их возникновении и развитии. Представлены результаты эмпирического исследования смыслового содержания категории «конфликт». Обосновано использование прототипического подхода к пониманию ее организации. Раскрыто содержание прототипа категории «конфликт», анализируются возможные эффекты.

Ключевые слова: конфликт, конфликтное взаимодействие, борьба, сотрудничество, социальное познание, категоризация, прототип.

Конфликты являются неотъемлемым элементом социального взаимодействия, они представлены практически во всех сферах отношений между людьми. Распространенность конфликтов, а также деструктивные последствия, к которым они зачастую приводят, стимулируют научный поиск в данной проблемной области. Согласно современным научным представлениям о конфликтах, они выполняют ряд конструктивных функций, ведя, в конечном счете, к развитию отношений между конфликтующими субъектами. Конфликты являются источником изменений в обществе, способствуют его интеграции, повышению глубины и прочности социальных отношений, поддержанию их стабильности. Социальная и научная задача, таким образом, видится не в том, чтобы не допустить возникновения конфликтов, а в том, чтобы управлять ими, не допуская их деструктивного развития и направляя в конструктивное русло. Однако на уровне обывденного сознания такое рациональное обращение с конфликтами представлено слабо. Для большинства людей конфликты имеют негативную репутацию, ассоциируются с беспорядками и нестабильностью, воспринимаются как исключительно негативное явление, которого нужно избегать любой ценой. Такое понимание конф-

ликтов часто, действительно, ведет к их деструктивному развитию.

Идея детерминированности конфликтного взаимодействия особенностями восприятия и интерпретации сложившейся ситуации ее участниками не является новой [2, 4, 6]. Многочисленные исследования посвящены изучению особенностей восприятия себя и оппонента в конфликте, субъективной интерпретации возникающих разногласий и т.д. В частности, типичным для конфликта является формирование негативного образа оппонента в противоположность позитивному образу самого себя [2]. Оппонент зачастую предстает как враг, который стремится причинить вред. В этом случае субъект будет настроен на конкурентную борьбу и попытается победить противника. Возможности сотрудничества при этом игнорируются. Но именно ориентация на сотрудничество является залогом конструктивного исхода конфликта, его разрешения, при котором обе стороны остаются удовлетворены результатом.

В свете сказанного прогностически ценным нам представляется обращение к анализу когнитивных процессов, их содержания и роли в возникновении и развитии конфликтов. Интерес представляет содержание процесса ка-

тегоризации в конфликтной ситуации. Категория является единицей социально-познавательной активности. Отнеся ситуацию взаимодействия к категории «конфликта», субъект переходит к конфликтному реагированию, направленному на отстаивание своих интересов. Напротив, конфликтное взаимодействие себя не обнаружит, если субъект не относит ситуацию к классу конфликтных. Какие же ситуации, эпизоды взаимодействия «наивный субъект» категоризирует как «конфликт»?

Исследования когнитивных схем продемонстрировали, что центральным убеждением конфликтной схемы является «несовместимость целей различных сторон» [2, с. 61]. Именно наличие противоречивости / несовместимости целей сторон, воспринимаемой как угрожающей благополучию субъекта, является основой определения ситуации в качестве конфликтной [2, с. 173]. Проведенное Н.В. Гришиной исследование признаков конфликта в «естественном категориальном» сознании позволило сделать вывод о том, что «ядро» конфликта для «наивных испытуемых» составляют [2, с. 175]: 1) поведенческие проявления участников ситуации (например, «борется за свой интерес»); 2) противоречие между участниками ситуации (например, «несовместимые позиции»); 3) аффективные проявления участников ситуации (например, «страдают»).

Существуют различные подходы к пониманию организации категорий, одним из которых является прототипический [3, 5, 7]. Согласно этому подходу объекты группируются в категорию не на основании наличия необходимых и достаточных признаков (классический подход), а на основании сходства с прототипом. Последний рассматривается как «наиболее типичный представитель, обладающий максимальным числом признаков, характерных для данной категории» [3, с. 50]. Разнообразие феноменологии конфликта обуславливает преимущество прототипического подхода в сравнении с классическим: отсутствие четких границ категории, наличие примеров конфликтов, различающихся по степени их типичности и т.д.

Прототип выполняет ориентировочную функцию и выступает в качестве ведущего при первичной оценке объекта [7, с. 361], в нашем случае конфликтной ситуации. Сходство ситуации с прототипом конфликта обуславливает выбор в каждом конкретном случае соответствующих способов конфликтного взаимодействия. Будет это диалог, борьба или уход, таким образом, зависит от интерпретации ситуации, а значит от содержания прототипа категории «конфликт».

Целью проведенного нами исследования стало определение смыслового содержания, которым наделяется категория «конфликт», ее прототипический анализ. В опросе приняли участие 118 респондентов в возрасте от 17 до 21 года. 59% — респонденты мужского пола, 41% — женского. Респондентам был предложен синонимический ряд понятия «конфликт». Нужно было оценить по шестибальной системе, в какой степени каждое слово из списка является близким по смыслу слову «конфликт» и обоз-

начает его типичные проявления. В качестве показателя типичности использовались средние значения оценок, данных всеми респондентами. Синонимический ряд был заимствован из методики исследования межличностного восприятия в конфликтной ситуации А.И. Ташевой [6] и включал следующие слова: «диспут», «стычка», «раздор», «перебранка», «столкновение», «распря», «брань», «размолвка», «сражение», «несогласие», «дискуссия», «разлад», «скандал», «неполадки», «борьба», «разногласие», «драка», «ссора», «битва», «нелады», «схватка», «перепалка», «рукопашная», «свалка», «спор», «потасовка». Для определения предпочитаемого стиля конфликтного реагирования использовался тест К. Томаса. Статистическая обработка данных осуществлялась с применением частотного, корреляционного, факторного анализов, теста χ^2 . Были получены следующие результаты.

Наиболее типичными проявлениями конфликта, по мнению респондентов, являются «ссора» (66,1% респондентов высоко оценили степень прототипичности, средняя оценка которой по выборке составила 4,8), «скандал» (64,4%, 4,7), «драка» (62,7%, 4,6). Несложно заметить, что эти варианты являются эмоционально насыщенными и предполагают достаточно бурное внешнее выражение враждебности, включая проявления вербальной и физической агрессии. Как отмечает А.И. Ташева, интерпретация понятия «конфликт» отражает характерные для респондентов конфликты, их причины, степень выраженности и привычные способы разрешения [6]. При таких прототипах конфликта ситуации, в которых оппоненты воспринимают друг друга как партнеров, с которыми можно и нужно договориться, редко попадают в данную категорию. Высокой степенью прототипичности обладают также «сражение», «стычка», «битва», «борьба». На наш взгляд, это лишний раз демонстрирует, что конфликт ассоциируется с войнами и разрушениями.

Респондентам также предлагалось привести свои синонимы, которые не вошли в исходный перечень, но являются хорошими примерами конфликта и обозначают его типичные проявления. Среди таковых респонденты указали «агрессию», «войну», «сечу», «предательство», «ревность», «развод» и некоторые другие. Данные примеры, как несложно заметить, являются эмоционально насыщенными и вновь характеризуют конфликт как отрицательное явление.

Описанная ситуация приводит к тому, что случаи, в которых стороны проявили готовность к сотрудничеству и смогли прийти к согласию мирным путем, не прибегая к агрессии, не рассматриваются как конфликтные. Логичным следствием является негативная оценка конфликта, которому обыденное сознание отказывает в статусе источника позитивных эффектов, а также то, что в конфликте возможности сотрудничества игнорируются.

Наименьшей степенью прототипичности по отношению к конфликту, по оценкам респондентов, обладают «дискуссия» (66,9% респондентов дали низкие оценки, средняя оценка по выборке составила 2,2) и «диспут»

(56%, 2,6), которые предполагают обсуждение спорного вопроса. Действительно, дискуссия и диспут вовсе не обязательно предполагают наличие конфликта. Но у этой медали есть обратная сторона. Ведь наиболее конструктивным является использование переговорных методов управления конфликтами, которые как раз и предполагают обсуждение, диспут, дискуссию. Непрототипичность последних приводит к тому, что, находясь в конфликте, стороны отдают предпочтение стратегии борьбы, а не диалога, поскольку последний не рассматривается как подходящий для конфликта вариант. Выбор стратегии борьбы ведет к эскалации конфликта, деструктивным последствиям, еще больше подкрепляя и так негативную репутацию конфликта в обыденном сознании.

Заметим, однако, что для некоторых респондентов (11,9% и 12,7% соответственно) «диспут» и «дискуссия» обладают высокой степенью прототипичности по отношению к конфликту. Можно предположить, что такая интерпретация конфликтов респондентами станет залогом их конструктивного преодоления в будущем.

Последующая статистическая обработка данных осуществлялась методом главных компонент с Varimax вращением. Было принято решение о выделении пяти компонент (называемых в дальнейшем факторами). Факторы объясняют 60,376% дисперсии.

Фактор 1 «борьба» (собственное значение 4,776; процент объясняемой дисперсии 18,368) образован следующими синонимами слова «конфликт»: «битва» (0,890), «схватка» (0,805), «рукопашная» (0,797), «сражение» (0,787), «борьба» (0,702), «драка» (0,636), «свалка» (0,612), «потасовка» (0,568). В состав фактора вошли синонимы, которые ассоциируются с войной, боевыми столкновениями, побоями, физической агрессией. Степень прототипичности перечисленных синонимов, как уже отмечалось ранее, была оценена респондентами достаточно высоко.

Фактор 2 «диалог» (собственное значение 2,807; процент объясняемой дисперсии 10,797) образован такими синонимами слова «конфликт» как «диспут» (0,821), «дискуссия» (0,749), «спор» (0,717), «разногласие» (0,578), «несогласие» (0,527). Содержание этого фактора указывает на переговорные способы преодоления разногласий. Как уже отмечалось ранее, степень прототипичности данных синонимов была оценена респондентами невысоко. Конфликт слабо ассоциируется с диалогическими способами снятия противоречий.

Фактор 3 «вражда» (собственное значение 2,798; процент объясняемой дисперсии 10,760) образован словами «раздор» (0,764), «распря» (0,719), «перебранка» (0,674), «столкновение» (0,586). Содержание этого фактора составили синонимы, указывающие на проявление враждебности и разногласий, преимущественно вербальные. Следует отметить, что среди названных синонимов есть редко используемые и даже устаревшие слова.

Фактор 4 «отсутствие порядка и согласия» (собственное значение 2,668; процент объясняемой дисперсии

10,263) образован синонимами: «неполадки» (0,814), «нелады» (0,576), «разлад» (0,520), «разногласие» (0,527), «несогласие» (0,495), «размолвка» (0,486). Несложно заметить, что среди синонимов много однокоренных слов, причем все они указывают на отсутствие согласия и порядка (отсюда и название фактора).

Фактор 5 «прототип конфликта» (собственное значение 2,649; процент объясняемой дисперсии 10,188) образован следующими синонимами слова «конфликт»: «ссора» (0,805), «скандал» (0,799), «драка» (0,557), «стычка» (0,535), «перепалка» (0,432). Степень прототипичности составивших содержание этого фактора синонимов была оценена респондентами наиболее высоко, о чем мы уже упоминали ранее. Отсюда и название фактора.

Таким образом, результаты проведенного нами факторного анализа позволили сгруппировать использованные в исследовании синонимы понятия «конфликт» в более емкие категории-факторы: «борьба», «диалог», «вражда», «отсутствие порядка и согласия» и собственно «прототип конфликта».

Как было сказано ранее, интерпретируя ситуацию определенным образом, человек ориентируется в ней, выбирая адекватные восприятию способы взаимодействия. Для определения предпочитаемого стиля конфликтного взаимодействия использовался тест К. Томаса. С его помощью мы определили, насколько респонденты склонны к использованию в конфликте таких способов поведения как «сотрудничество», «компромисс», «конкуренция», «приспособление», «уклонение». Мы предположили, что высокие оценки по шкалам «сотрудничество» и «компромисс» будут сопряжены с высокими оценками по фактору «диалог», а высокие оценки по шкале «конкуренция» — с такими же оценками по факторам «борьба» и «вражда». Для установления связи между содержанием прототипа категории «конфликт» и склонностью прибегать к тому или иному стилю конфликтного взаимодействия мы провели корреляционный анализ. Вопреки ожиданиям, высоких значимых корреляций между названными переменными обнаружено не было. Лишь оценки по фактору 2 «диалог» слабо коррелируют с оценками по шкалам «приспособление» и «конкуренция» ($r = -0,220$, $p = 0,029$ и $r = 0,237$, $p = 0,018$ соответственно). Однако эти значимые корреляционные связи являются слабыми, что не позволяет судить о наличии каких-либо устойчивых закономерностей и указывает на необходимость проведения дальнейших исследований в данной проблемной области. Возможно, ожидаемая нами корреляция обнаружится для способов реагирования не во всех конфликтных ситуациях, а только в тех, которые имеют сходство с прототипом. Однако проверка этой гипотезы требует использования иного метода диагностики особенностей конфликтного взаимодействия субъекта.

Для установления половых различий в распределении признака мы использовали тест χ^2 . Мы сравнили оценки прототипичности различных проявлений конфликта, данные респондентами мужского и женского пола. Ста-

статистически значимых различий обнаружено не было. И мужчины и женщины одинаково оценивают степень прототипичности различных проявлений конфликта.

Таким образом, типичными проявлениями конфликта обыденным сознанием признаются ссора, скандал и драка. Они предполагают бурное внешнее выражение враждебности, включая проявления вербальной и физической агрессии. Конфликт также достаточно прочно ассоциируется с войнами и разрушениями. Дискуссия и диспут, предполагающие обсуждение спорного вопроса, довольно редко рассматриваются как типичные для конфликта. Такая интерпретация понятия «конфликт», с одной стороны, является вполне логичной и понятной, с другой стороны, может привести к предпочтению стратегии борьбы и игнорированию возможностей сотрудничества в конфликте. Как следствие, его деструктивное развитие и отрицательные

последствия, что еще больше подкрепляет уже сформировавшуюся репутацию конфликта как исключительно негативного явления. Образуется замкнутый круг, разорвать который позволит формирование более рационального, грамотного отношения к конфликту. Неслучайно среди важнейших психологических причин конфликтов называют недостаток конфликтологической компетентности [1, с. 61–66]: незнание природы конфликтов, их психологических причин, закономерностей развития, особенностей поведения и общения в конфликтах, безусловно, усугубляет возникающие противоречия, провоцирует их эскалацию, мешает конструктивному преодолению. В свете сказанного развитие конфликтологической компетентности предстает как актуальная социальная задача, к решению которой должны привлекаться специалисты различного профиля.

Литература:

1. Богданов Е.Н. Психология личности в конфликте / Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин. — СПб.: Питер, 2004. — 224 с.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. — СПб.: Питер, 2000. — 464 с.
3. Люсин Д.В. Эмпирический анализ категоризации эмоций / Д.В. Люсин // Вопросы психологии. — 1999. — №2. — С. 50–60.
4. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта / Л.А. Петровская // Психология конфликта / Сост. и общая ред. Н.В. Гришиной. — СПб., 2001. — С. 298–309.
5. Сивуха С.В. Практикум по социальной психологии (социальное познание, эмоции, коммуникация, личность) / С.В. Сивуха. — Минск: ЕГУ, 2002. — 132 с.
6. Ташева А.И. Методика исследования межличностного восприятия в конфликтной ситуации / А.И. Ташева // Методы исследования межличностного восприятия. Спецпрактикум по социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, В.С. Агеева. — М., 1984. — С. 37–43.
7. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию / В.А. Янчук. — Минск: АСАР, 2005. — 768 с.

ПЕДАГОГИКА

Приодоориентированная модель формирования экологического мировоззрения у школьников в процессе преподавания биологии

Артемьев Ю.В., соискатель

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

Конструирование модели экологического воспитания в процессе преподавания биологии требует создания «модельных представлений», т.е. идеальных результатов, к которым желательно прийти в результате осуществления созданной модели экологического воспитания. Это требует отбора и шлифовки используемых форм, средств, придания им дополнительных характеристик, выработанных на основе педагогических исследований в этой области.

Моделирование опирается на ряд педагогических принципов, изложенных в исследовании, которые специфичны для экологического воспитания на уроках биологии, к которым отнесены: непрерывности, системности, преемственности, целенаправленного общения, учета специфики предмета, индивидуальности, оптимальности, субъектности.

В процессе моделирования экологического воспитания на уроках биологии выделим три стадии.

На **первой** — подготовительной, идет процесс психологической подготовки к реализации модели.

На **второй** — происходит непосредственное моделирование системы экологического воспитания:

- определяются цели и задачи, принципы функционирования системы экологического воспитания, формулируются ценностные ориентации, характерные для экологического воспитания;

- намечаются связи элементов данной системы, отношений между собой как внутренних (педагог — школьник) так и внешних связей (педагог и ученый), а также отношений с социальной и природной средой;

- проектируются новые формы, методы и средства воспитательного процесса и организационные направления деятельности учителя;

- выбирается критериальный подход к результативности экологического воспитания (опрос, анкетирование, тестирование, и т.п.) на основе подготовленной модели;

- выделяются ступени построения системы экологического воспитания, которое должно проходить от общего и цельного построения на уровне учреждения к отдельным направлениям деятельности секций и кружков.

Третья стадия — внедрение. Преобразованные в процессе моделирования модельные представления используются для создания прогнозируемой модели воспитания. Происходит апробация использования модели как ин-

струмента для совершенствования системы экологического воспитания в процессе преподавания биологии. При этом следует учитывать, что операции могут быть связаны с принципиальными коррективами не только в содержании и формах работы, возможны существенные организационные изменения отдельных структур учреждения (кружков).

Выстраивая опытно-экспериментальную работу, мы опирались на установленное в педагогике положение о том, что **эффективность экологизации биологического образования в школе может быть обеспечена за счет включения в процессы обучения таких форм и методов, которые ставят школьников в положение исследователей и первооткрывателей**. В этой связи, особой перспективностью выделялись метод мини-проектов и практические работы. Данный метод ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся, органично сочетается с групповым подходом к обучению и направлен на решение какой-то проблемы. Во-вторых, метод мини-проектов обеспечивает постановку проектанта в субъективную позицию в обучении, в авторскую позицию, что лежит в основе экологического воспитания (Рис 1.).

Применение метода мини-проектов возможно в любых классах, как с дидактической, так и с психологической точек зрения.

В качестве ориентировочной основы построения формирующей работы в исследовании разработана прикладная модель структуры экологического воспитания школьника, включающая четыре взаимосвязанных компонента (Таб. 1).

Когнитивный компонент полагает владение экологическими знаниями, экологическим мышлением системного характера, способность оперировать экологическими взаимосвязями и отношениями в познании мира и своего «Я» в нем.

Операциональный компонент означает умения вести экологическую работу, применять экологические знания на практике и в своей повседневной жизни.

Потребностно-мотивационный компонент подразумевает устойчивое стремление к гармоничной жизни с природным миром, желание и потребность в сохранении и сбережении природной среды, стремление к экологической работе.

Таблица 1. Компоненты экологического воспитания

Когнитивный	экологические знания, мышление воображение
Операциональный	умения, навыки и опыт экологической деятельности
Потребностно-мотивационный	потребность в сохранении и сбережении природной среды
Ценностно-смысловой	экологическая направленность

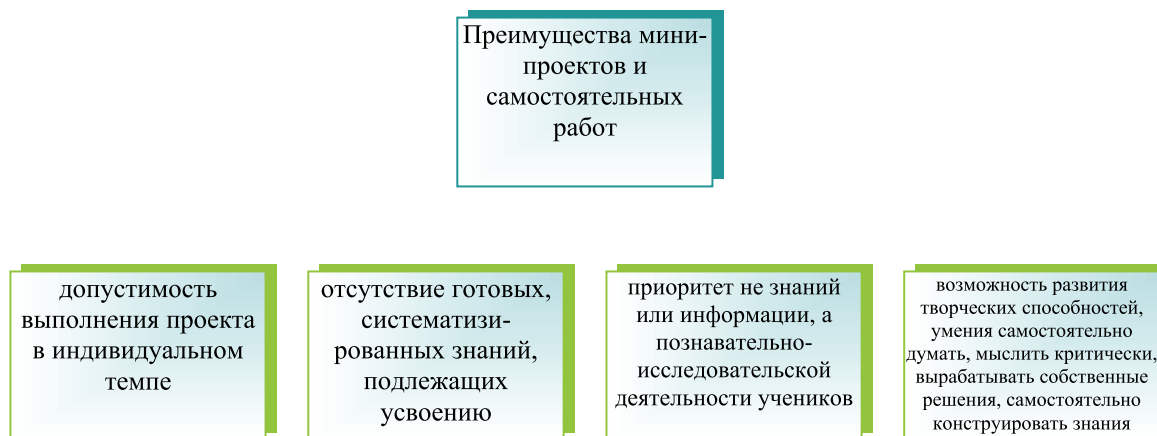

Рис 1. Преимущества метода мини-проектов

Рис 2. Компоненты природоориентированной модели экологического воспитания на уроках биологии

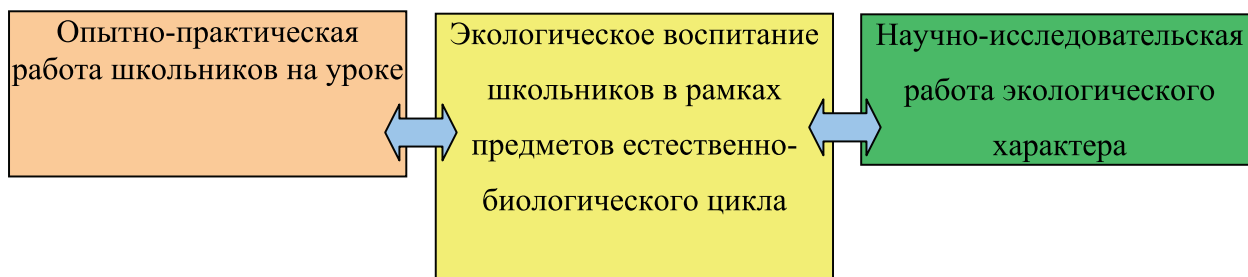

Рис 3. Взаимосвязь направлений деятельности по моделированию среды экологического воспитания школьников

Ценностно-смысловой компонент образует мировоззренческий склад личности, для которой ценность природы, её красота, её сохранение и созидание обретает значение ведущего личностного смысла собственного существования.

В качестве ключевого механизма экологического воспитания школьников в процессе обучения биологии выступал момент соединения экологических знаний с собственным опытом учащихся и постановка их в субъектную позицию в природоориентированной деятельности.

Возможность такого соединения обеспечивалась в работе посредством организации эколого-образовательного процесса в пространстве природоориентированной модели экологического воспитания на уроках биологии (рис. 2).

Моделирование такой среды осуществлялось посредством развертывания трёх направлений деятельности: 1) экологическое воспитание школьников в рамках предметов естественно-биологического цикла, 2) опытно-

практическая работа школьников на уроке, 3) научно-исследовательская работа экологического характера (рис 3).

В целом данные проведенных мониторингов подтвердили предположение об универсальности метода мини-проектов, который способен охватывать своим стимулирующим влиянием ведущие личностные компоненты (когнитивный, операциональный, потребностно-мотивационный, ценностно-смысловый) отвечающие целостному развитию экологического воспитания школьников.

Нестандартные задачи в школьном курсе математики

Давыдова М.Ю., учитель математики высшей категории
МАОУ «Физико-технический лицей №1» (г. Саратов)

Неслучайно известный немецкий ученый-математик Карл Фридрих Гаусс однажды сказал, что «математика — царица наук», которая безраздельно властвует над людьми, формируя их ум. Любой учитель-практик согласится с нами, что если ребенку не дается математика, то он отстает и по всем другим предметам, поэтому в школе одной из первостепенных дисциплин является математика. Главная цель которой — всемерно содействовать развитию познавательных возможностей у учащихся. Не секрет, что обучение математике строится по принципу обучению решению задач. Умение решать задачи — один из основных показателей уровня математического развития, глубины освоения учебного материала, поэтому любой экзамен по математике, любая проверка знаний содержит в качестве основной части подбор задач, следовательно, роль задач в обучении математики невозможно переоценить. Через задачу легко ввести проблемную ситуацию, решая которую ребенок по-новому начинает глядеть на жизнь. Применять математические знания в жизненных ситуациях учат соответствующие практические задачи. (Например: Рыночная цена картофеля, в связи с ненастной погодой, повысилась на 20 %. Через некоторое время цена картофеля на рынке понизилась на 20 %. Когда картофель стоил дешевле: до повышения или после снижения цены и на сколько процентов? или такой вариант: Из 20 кг яблок получается 16 кг яблочного пюре. Сколько пюре получится из 45 кг яблок?). В связи с этим в обучении математики задачам всегда отводилась и отводится решающая, роль. Задачи становятся средством обучения не только предмета, но и самой жизни. Исторически сложилось, что на ранних этапах развития математики решение задач было целью обучения. Ученик должен был заучить образцы и затем подводить под эти образцы решения задач. В основном решались типовые, стандартные задачи, принадлежащие классам алгоритмически разрешимых задач, то есть таких, для которых существует общий метод (алгоритм) решения. Многообразные ситуации, возникающие на математическом и нематематическом материале, приводят нас как к стандартным, так и

нестандартным задачам, алгоритм решения которых либо неизвестен, либо не существует.

В последние десятилетия, в связи с возросшей потребностью общества в творческих людях, способных нетрадиционно решать существующие проблемы, постепенно произошли изменения в обучении математики, которые приводят к необходимости учить детей решению не только стандартных, но и нестандартных задач, которые нельзя отнести к классу алгоритмически разрешимых. Стратегия современного образования стала опираться на реализацию личных планов и предоставление возможностей всем учащимся проявить свой творческий потенциал. Именно благодаря нестандартной задаче это стало возможно, так как возникает потребность в вариативном поиске решения. Разрешив систему специально подобранных задач, ученик знакомится с существенными элементами новых алгоритмов, овладевает новыми техническими элементами.

Итак, как видно из приведённого выше обзора в области образования и обучения математике, задача является основным звеном внутри процесса обучения, а тем более такого, как проблемное и развивающее. Исходя из этого, давайте подробнее остановимся на задачах школьного курса математики, которые условно можно разделить на два основных вида: стандартные и нестандартные.

Большинство школьных задач стандартные, для их решения требуется лишь умение работать «по образцу», то есть знание определенного алгоритма, с помощью которого можно решить данный тип задач. Проблемы, возникающие при решении таких задач, носят чисто технический характер, методика их преодоления хорошо известна — это тренировка, то есть «натаскивание» в решении однотипных упражнений. Практически все школьники легко обучаются решать задачи этого типа. Ребенок быстро привыкает подбирать нужный «шаблон», подставлять нужные числа и производить арифметические вычисления. И, если в учебнике нет подбора задач другого типа, на этом его мыслительный процесс может остановиться, ребенку, как правило, уже и не хочется «напря-

гать» мозги, ему нравится легко справляться с материалом и быть успевающим учеником.

Но не все задачи подгоняются под стандарт, некоторые из них трудно отнести к какому-либо определенному типу. Встречая же задачи другого плана, нестандартные, на математических олимпиадах, конкурсах или на вступительных тестах в вузы, ученики не знают, что делать, объясняя это тем, что «таких задач они в школе не решали».

Что же такое нестандартные задачи? Здесь и далее под нестандартными задачами мы будем подразумевать — задачи, для решения которых не существует готового образца. Нужно известные способы расчетов выстроить именно в том порядке, который и приведет к решению. Систематическое применение задач такого типа способствует умственному развитию и формированию математических представлений у обучающегося.

Как правило, такие задачи вызывают у неподготовленного школьника негатив, нежелание работать, эмоциональное напряжение. Ребята, привыкшие решать только стандартные примеры, как правило, отказываются воспринимать материал, заявляя, что это ненужная информация; а родители, которые привыкли, чтобы у ребенка всегда было выполнено домашнее задание, стремятся ему помочь, решают за него, тем самым неосознанно наносят вред развитию умственных способностей своего любимого чада.

Что может заставить школьника задуматься, начать размышлять над тем или иным математическим заданием, вопросом, задачей, когда эти задания «сложны» для него? Во всяком случае не принуждение? Не всегда могут активизировать мысль ученика и словесные просьбы и убеждения. Основным источником побуждения школьника к умственному труду может послужить интерес. Привлечь внимание детей, вызвать их удивление — это лишь начало возникновения интереса, и добиться этого сравнительно легко. Труднее удержать интерес к математике и сделать его достаточно стойким.

Один из вариантов — это поддерживать интерес различными заданиями, различными способами, приемами решения этих заданий, постепенно воспитывать интерес к самой деятельности, интерес к математике как к науке, который перерастает в интерес к процессу самой мыслительной деятельности, к новым знаниям. Материал, преподносимый учителем, должен быть понятен каждому ученику, иначе он не вызовет желания работать, так как будет лишен для него смысла. Для поддержания стойкого интереса во всяком новом должны быть определенные элементы старого, известного детям. Только при условии установления связи нового со старым возможны проявления сообразительности и догадки. Если ученик догадывается хоть на четверть о решении задания, он будет пытаться найти правильный ответ, если же в его сознании не возникает даже намек на ход решения, то он в лучшем случае обратится к кому-нибудь за помощью, в худшем — спишет готовое решение.

В связи с этим характерной особенностью практики является многообразие и разноплановость, возникающих ситуаций. При этом в случае необходимости математического исследования, в создавшихся ситуациях возникает закономерный вопрос о выборе методов решения или исследования, бывают редкие случаи, когда ученики находят такой оригинальный путь решения, который не был предусмотрен учителем.

Естественно, в рамках учебника для общеобразовательной школы невозможно охватить все многообразие математических примеров, но задача преподавателя хотя бы приоткрыть школьнику дверь в мир математики, намекнуть ему, что за ней скрывается.

В системе же профильного обучения такие задачи для физико-математических классов начинают играть все более значительную роль. Именно, благодаря им, не выходя за рамки школьной программы, становится возможным познакомить учащихся с современными разделами математики, в частности такими, как:

- методы линейного программирования на примере «Задачи коммивояжера» и «Транспортной задачи» с небольшим числом ограничений;
- теории образующих и дискретных групп;
- структурной лингвистики;
- теории конечных автоматов;
- теорией графов и т.д.

Нестандартным задачам принадлежит ключевая роль в развитии у учащихся целостного восприятия истории развития математики и философского аспекта математики. Изучая математику, на уроке следует отметить, что многие исторические задачи, сыгравшие огромную роль в развитии математики, носят так же нетрадиционный характер. Например, знаменитый «парадокс лжеца» (известный более тысячи лет) заложил основу современной алгебры логики (отрицание отрицания); сформулированный ещё в Древнем Египте вопрос о квадратуре круга, решению которому большое внимание уделял Евклид, предопределил понятие иррациональности. Древнегреческая антиномия Зенона «Ахиллес и Черепаха» фактически является философски — поэтическим определением бесконечно-малого и парадокс «кучи» — бесконечно большого.

Итак, задачи, попадающие в выше обозначенный класс, имеют ряд характерных особенностей, в частности таких, как:

- неопределенность математической модели, то есть, не известен математический аппарат, необходимый для поиска решения;
- универсальность, то есть возможность решения задачи не зависимо от возраста.

Ярким примером этому может служить следующая задача [1] (пример: Прогуливаясь как-то с приятелем по Кони-Айленд, я набрел на довольно забавный аттракцион. На полках были расставлены, десять кукол, на каждой из которой было обозначено число очков 25; 27; 3; 12; 6; 15; 9; 30; 21; 19. Требовалось попасть в них небольшими мячиками. Зазывала объяснял: «Бросайте мячик столько раз,

сколько захотите, по центу за каждый бросок и подходите к куклам так близко, как пожелаете. Складывайте очки на сбитых вами куклах, и, как только сумма окажется равной 50, не больше и не меньше, вы получите великолепную сигару с золотым ободком стоимостью 25 центов». Наши деньги кончились прежде, чем мы поняли, как следует играть, и мы заметили, что большинство игравших курило столько же 25-центовых сигар, сколько и мы. Сможете ли вы показать, каким образом нужно играть, чтобы выбить ровно 50 очков?). Эту задачу можно предложить как ученику среднего звена, так учащимся выпускных классов. Анализируя подходы решения, можно сказать, что старшеклассники не всегда находят рациональный метод решения, порой они идут по сложному пути. (Кстати, задача интересна ещё и с литературной точки зрения, текст задачи представлен в форме занимательного юмористического рассказа.).

Другой вариант изложения по сути той же задачи взят из школьного учебника «Математики» Л.Г. Петерсона:

Из набора 25; 27; 3; 12; 6; 15; 9; 30; 21; 19 составьте сумму 50 меньшим числом слагаемых.

Очевидно, что данные задачи не требуют знаний, выходящих за границы начальной школы, но поиск и обоснование решения вызывает заметные затруднения даже у выпускников школы.

Также характерными особенностями нестандартных задач является:

- интеграция, то есть включение в условия задачи данных из различных отраслей знаний;
- комплексность или системность математической модели, то есть использования для решения различных разделов математики.

К этому типу можно отнести задачи по стереометрии, где одновременно используются методы аналитической и проекционной геометрии.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях задача воспринимается учащимися как нестандартная только исходя из условия.

Так, например, известная задача на построение. «На прямой a найти такую точку, чтобы сумма расстояний от двух заданных точек, лежащих по одну сторону от a , до искомой точки была наименьшей».

При изучении темы симметрии данная задача не вызывает у учащихся заметных затруднений, но представленная в другой форме, например, в такой: «Найти место установки понижающего трансформатора для обеспечения питанием двух потребителей от линии электропередачи напряжением 6 кВ , чтобы количество опор и длина провода была минимальной», провоцирует учеников на нерациональный способ решения, заключающийся в составлении целевой функции с последующим ее исследованием на оптимум.

Исходя из перечисленных особенностей задач, можно предложить условную классификацию нестандартных задач, относительно условий.

Формализованные задачи — задачи, в которых задана математическая модель.

Неформализованные задачи — задачи, в которых не задана математическая модель, среди которых можно выделить неформализованные по форме и неформализованные по содержанию.

Пример: неформализованные по форме.

Медведь с базара плюшки нес,
Но на лесной опушке
Он половину плюшки съел
И плюс ещё полплюшки.
Шел, шел, уселся отдохнуть
И под «ку-ку» кукушки,
Вновь половину плюшек съел
И плюс ещё полплюшки.
Стемнело, он ускорил шаг,
Но на крыльце избушки
Он снова пол-остатка съел
И плюс ещё полплюшки.
С пустой кошелкою — увы!
Он в дом вошел уныло.
Хочу, чтоб мне сказали вы:
А сколько плюшек было?

Задачи такого плана, отвлекая ребенка от главного в условии, заставляют учиться отмечать при решении проблемы ненужную информацию.

Неформализованные по содержанию:

Около дома посажены липы и березы, причем их общее количество больше 14. Если увеличить вдвое количество лип, а количество берез увеличить на 18, то берез станет больше, чем лип. Если же увеличить вдвое количество берез, не изменяя количество лип, то лип все равно будет больше, чем берез. Сколько лип и сколько берез было посажено? (или например: Две ракеты летят навстречу друг другу, одна со скоростью 900 миль/час, а другая — со скоростью 2100 миль/час. Их стартовая площадка находится на расстоянии 1817 миль одна от другой. Посчитайте, какое расстояние будет между ракетами за минуту до столкновения. [2].

Как правило, в ходе обучения в школе у учащихся формируется стереотип: «все данные условия должны быть использованы в ходе решения». Хотя характерной чертой практики является многообразие, разнородность, а зачастую, и противоречивость исходной информации, и, как следствие, нестандартные задачи, отражающие действие, могут содержать:

- 1) избыточные данные;
- 2) противоречивые данные;
- 3) недостаточность данных.

То есть, рассматривая условия нестандартных задач, ученик может столкнуться с такими моментами: не все данные в условии нужны для решения или данных не хватает и, вследствие этого, задача не имеет решения, что само по себе необычно для школьника, который привык, что все задачи имеют конкретный ответ. Случается, что данные условия противоречат друг другу, что тоже при-

водит к отсутствию «ответа». А такой ответ как «отсутствие решения» может его обескуражить, поэтому обучающийся должен быть готов к различным вариантам решения. Знакомясь в ходе обучения с нестандартными задачами, ученик развивает логическое мышление и интуицию, что немало важно для жизни.

Примеры нестандартных задач последнее время все чаще встречаются не только в специальной литературе, но и все большее место занимают в традиционных учебниках, в том числе и в учебниках ориентированных на общеобразовательные программы, так как проблема воспитания всесторонне развитой личности — одна из первостепеннейших целей образования.

Сформулированные нестандартные условия обуславливают необходимость нетрадиционных путей их решения, ведь решение нестандартных задач — это сложный процесс, требующий не только знаний фактического материала, но и умения обобщать и систематизировать его. Универсального метода для решения нестандартной задачи пока не существует (хотя имеется литература, в которой описаны методические принципы обучения решению таких задач), так как каждая в какой-то степени

неповторима, а как только вырабатывается какой-то алгоритм при решении, задача перестает быть нестандартной, поэтому для их решения характерно применение метода проб и ошибок. Эти поисковые пробы могут закончиться догадкой, которая представляет собой нахождение пути искомого решения. Однако обобщение опыта работы многих учителей позволяет сформулировать некоторые методические приемы решения нестандартных задач.

Итак, работая над нестандартной задачей целесообразно обратить внимание на такие этапы:

- 1) внимательное изучение условия задачи;
- 2) поиск плана (идеи) решения;
- 3) разделение задачи на подзадачи;
- 4) решение одной задачи несколькими способами;
- 5) критический анализ результата решения.

Последовательное осуществление обучению применять эти этапы при решении задач позволяет добиваться определенных успехов. Обнаружить это возможно, когда учащиеся решают предложенные им новые, ранее не встречавшиеся задачи, совершенно оригинальным способом, не похожим на рассмотренные раньше.

Литература:

1. Лойд С. Математическая мозаика для детей и взрослых. — М.: Рипол, 1995.
2. Гарднер М. Математические головоломки и развлечения. — М.: Мир, 1999.
3. Фридман Л.М., Турецкий Е.Н. Как научиться решать задачи. — М., 1989.
4. Яковлева Е.Л. Психологические условия развития творческого потенциала у детей школьного возраста. Вопросы психологии. — № 5, 1994.
5. Колмогоров А. Н. Математика наука и профессия. — М.: Наука, 1988.
6. Пойа Д. Как решать задачу. — М., 2005.

Педагогический процесс под управлением компьютерной программы

Данилов В.В., специалист по УМР
Московский государственный лингвистический университет

Широкое распространение компьютеров в образовательных учреждениях, произошедшее в середине—конце 80-х годов XX века, создало благоприятные предпосылки для развития компьютерных программ образовательного назначения. Автоматизированные обучающие системы (АОС), до того нередко представляющие собой специализированные программно-аппаратные комплексы, всё больше ограничиваются средствами компьютерных программ. Универсальность IBM-совместимых компьютеров позволяла решать все задачи, поднимаемые перед АОС. Итогом было значительное развитие АОС разных типов.

К середине 90-х годов XX века были выделены такие типы АОС как учебники, справочники, демонстрационные программы, проверяющие программы, моделирующие тренажёры, программы-практикумы [1]. Все они

предоставляли школьному учителю средства для автоматизации отдельных учебных процессов: проверки знаний, объяснения учебного материала, моделирования химическим и физическим процессам. Некоторые из них (электронные учебники) сочетали в себе решение нескольких задач, таких как объяснение учебного материала и последующая проверка его усвоения. Тем не менее, все они являются не более чем средством в руках учителя, который проводит обучение, ни одна из существующих АОС не может заменять учителя или брать на себя его функции ни на короткое, ни на продолжительное время.

В этой связи интересно создание нового типа АОС — компьютерных программ-учителей (КПУ), способных взять на себя управление педагогическим процессом, заменяя в этой роли учителя. При этом КПУ может реализовывать как все его этапы, так и только отдельную их

часть, самостоятельно применяя в недостающих случаях сторонние средства.

Главная задача КПУ — проведение целостных уроков в рамках существующей классно-урочной системы школы. При этом КПУ осуществляет персонифицированное, индивидуальное обучение, самостоятельно распределяя нагрузку по учебному году и уроку, осуществляя текущий и итоговый контроль знаний, обеспечивая освоение учащимися учебной программы в отведённое учебным планом время. При этом на всех этапах обучения (включая объяснение учащимся базовых принципов работы с КПУ, их инструктаж) вмешательство человека-учителя не нужно, что создаёт даже теоретическую возможность функционирование школы без человека-учителя.

Актуальность исследования обеспечивается рядом факторов.

Развитие КПУ позволит педагогике рассмотреть педагогический процесс с принципиально иным субъектом — компьютерной программой, которая более не является средством в руках человека. Дальнейшее развитие этого направления, возможно, позволит создать достойную замену школьному учителю-человеку.

Создание действующей КПУ позволяет уже сегодня подключить её к обучению школьников, обеспечивая вариативность и разносторонность образования и накопление опыта применения КПУ.

Развитие направления КПУ представляет научный интерес благодаря возможности развития представлений о путях и перспективах применения компьютеров в педагогическом процессе, возможности замены человека-учителя на КПУ, рассмотрения вопросов наиболее тесного внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образование, развития представлений о возможности применения компьютера в педагогике.

Применение КПУ может защитить школу от временной или постоянной нехватки педагогических кадров.

КПУ, способные принимать на себя функции учителя на любом этапе учебной программы и вести индивидуальное и групповое обучение в строгом соответствии с учебным планом, могут избавить от риска пропуска отдельных занятий или целых учебных курсов в результате отсутствия преподавателя.

Современное развитие техники позволяет решить проблему не только создания КПУ, но и её применения на любых IBM-совместимых компьютерах, которыми в настоящее время оснащены школы.

Педагогический процесс под управлением КПУ — это процесс обучения, осуществляемый без участия человека-учителя, в котором ведущую роль играет компьютерная программа.

Обучение, как объект управления подчиняется общим принципам управления [2] (схема 1). В ходе педагогического процесса реагирование управляющей системы оказывает влияние на содержание образования и на ход педагогического процесса; основанием для той или иной реакции является сравнение процесса обучения, его результатов и планируемого идеала педагогического процесса.

Очевидно, что роль управляющей системы может брать на себя как человек, так и компьютерная программа. В таком случае схема 1 претерпевает некоторые изменения (схема 2).

В результате передачи управления КПУ планируемый идеальный ход урока выносится из области управляющей системы, т.к. не входит в область функционирования КПУ. Идеальный ход урока закладывается в КПУ человеком, определяющим учебную программу, по которой будет учить КПУ. Сбор статистической информации также более не является субъективным фактором педагогической деятельности и напрямую определяется фактами процесса обучения. В остальном схема остаётся идентичной.

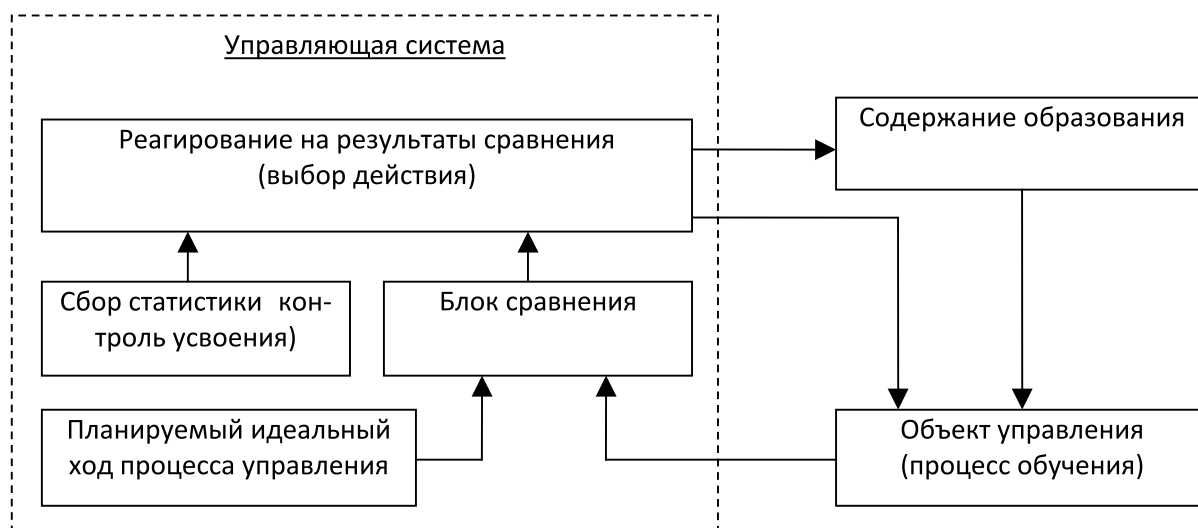

Схема 1. Управление процессом обучения (по Булыгину В.Г. [3])

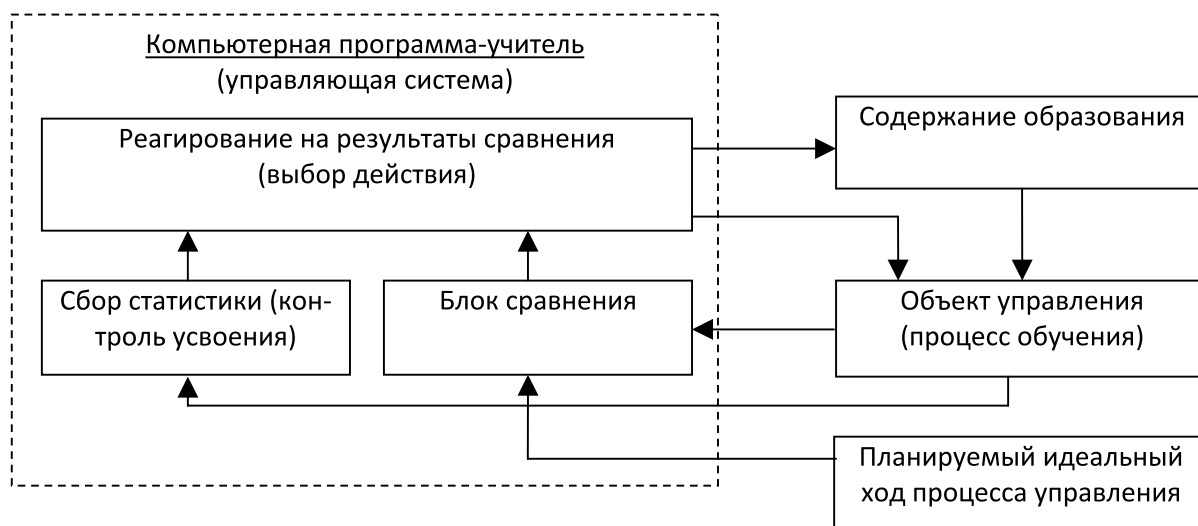

Схема 2. Педагогический процесс под управлением КПУ

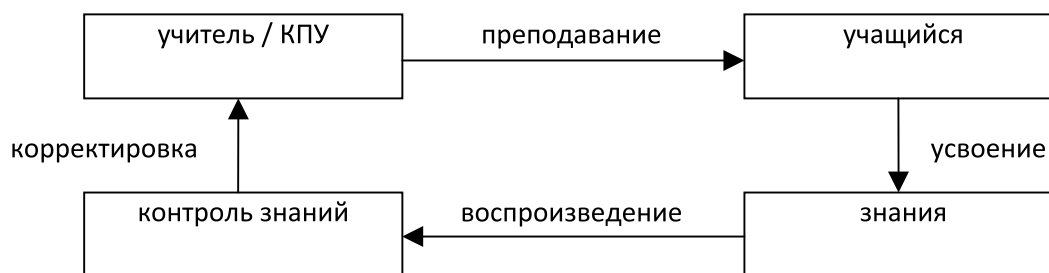

Схема 3. Педагогический процесс под управлением человека-учителя или КПУ

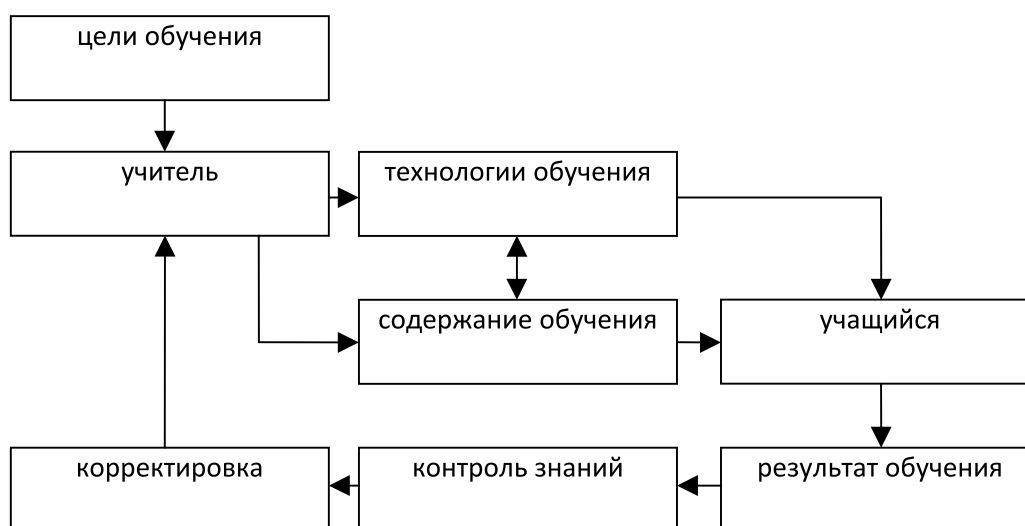

Схема 4. Педагогический процесс под управлением человека-учителя

При передаче управления педагогическим процессом от человека-учителя к КПУ, педагогический процесс претерпевает существенные изменения, т.к. теряет участника, до того определявшего весь ход обучения. Тем не менее, педагогический процесс сохраняет противоречия, закономерности, принципы, цели и задачи в неизменном виде.

В то же время изменения претерпевают взаимоотношения учителя и учащегося, технологический компонент.

Школьный педагогический процесс в простейшем виде представлен на схеме 3. В процессе обучения у учащегося формируются знания, которые он воспроизводит в процессе контроля знаний, проводимом учителем.

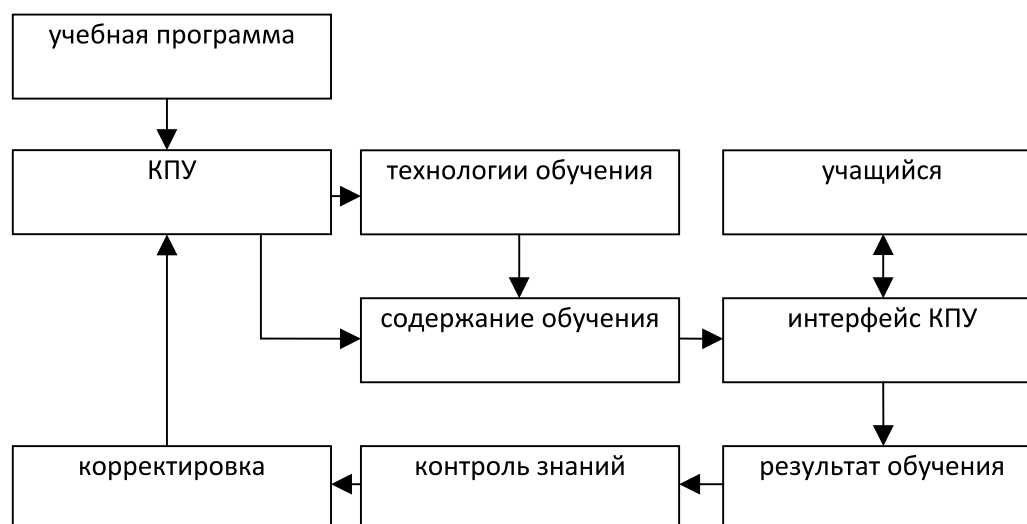

Схема 5. Педагогический процесс под управлением КПУ

По результатам контроля учитель корректирует педагогический процесс. В такой стадии рассмотрения педагогического процесса нет разницы между человеком учителем и КПУ, которые выполняют одинаковые функции выдачи учебного материала, контроля их усвоения и корректировки учебного процесса в зависимости от результатов контроля.

Рассматривая педагогический процесс с большей детализацией (схема 4) можно выделить некоторые различия. Учитель, руководствуясь целями обучения, формирует содержание обучения и выбирает технологии обучения учащегося, наиболее подходящие в данной ситуации; контролируя результат обучения, он корректирует учебный процесс в зависимости от успехов учащегося в освоении учебного материала.

Применение КПУ для управления педагогическим процессом несколько меняет схему связей (схема 5). В рамках управления учебным занятием со стороны КПУ формирующую и направляющую роль играют не цели обучения, а фиксированная учебная программа, жёстко регламентирующая нагрузку и время обучения. Технологии обучения являются неотъемлемым элементом содержательной части обучения, определяемым при формировании учебной программы её создателем.

Взаимодействие КПУ с учащимся происходит средствами интерфейса программы, выступающей самостоятельным структурным элементом педагогического процесса, определяющим внешний вид всего процесса обучения и функциональные возможности КПУ в области аудиовизуальных средств.

Литература:

1. Никитин А.А. Создано обучаемых компьютерных программ в сфере специализированного образования // Информационные технологии в образовании. Новосибирск, 1995. Выпуск 12, с. 4—11.
2. Талызина Н.Ф. Психолого-педагогические основы автоматизации учебного процесса // Психолого-педагогические и психофизиологические проблемы компьютерного обучения. — М., 1985.
3. Булыгин В.Г. Основы автоматизации процесса обучения. — Йошкар-Ола, 2003.

Воспитание патриотизма в детском творческом коллективе

Егорова В.А., учитель русского языка и литературы; Егорова А.М., учитель музыки и МХК

МОУ «Средняя общеобразовательная школа №33 с углубленным изучением отдельных предметов» (г. Верхняя Пышма, Свердловская обл.)

Любые крупные социально-политические изменения в стране ведут к смене ценностных ориентиров, тем самым ставя под удар духовно-нравственное развитие подрастающего поколения. Поэтому ключевой задачей современного российского общего обра-

зования является обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Коллективная творческая деятельность в общеобразовательной школе может стать одним из способов решения этой задачи.

Современный период в российской истории и образовании — время смены ценностных ориентиров. В 90-е годы прошлого столетия в России произошли как важные позитивные перемены, так и негативные явления, неизбежные в период крупных социально-политических изменений. Эти явления оказали отрицательное влияние на общественную нравственность, гражданское самосознание, на отношение людей к обществу, государству, закону и труду, на отношение человека к человеку.

В период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, меняются жизненные приоритеты молодежи, происходит разрушение ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок [4, с. 4].

В российском обществе стал ощущаться недостаток сознательно принимаемых большинством граждан принципов и правил жизни, отсутствует согласие в вопросах корректного и конструктивного социального поведения, выбора жизненных ориентиров [4, с.4–5].

Новая российская общеобразовательная школа становится важнейшим фактором, обеспечивающим социокультурную модернизацию российского общества, поэтому духовно-нравственное развитие личности является одним из главнейших ориентиров современного образования. В «Концепции модернизации российского образования» [8] определены важнейшие задачи воспитания, среди которых — формирование у школьников духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе. «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» стандартов второго поколения дает следующую трактовку этого понятия: «**Духовно-нравственное развитие личности**» — осуществляемое в процессе социализации последовательное расширение и укрепление ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности человека оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношение к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом» [4, с.9].

Патриотизм — чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с её народом. Патриотизм включает чувство гордости за свое Отечество, малую родину, то есть край, республику, город и сельскую местность, где гражданин родился и рос. Патриотизм включает активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству [4, с. 7].

Характеристиками интегративности патриотизма в системе общественных отношений выступают гармоническая и императивная стороны жизни общества. Гармоническая, основанная на любви к своей Родине, ведёт к гармонизации системы «личность — коллектив — общество — государство» в пространстве ценностей, смыслов, идеалов и т.д. Императивная указывает на необходимость следования социокультурным регулятивам и духовным стимулятором [9, с.7].

Основными задачами по патриотическому воспитанию учащихся являются:

1. изучение ближайшего социального окружения ребёнка;
2. осуществление непосредственного наблюдения за направленностью проявлений сознания, поведения, характером поступков, действий и деятельности;
3. создание духовно наполненной, патриотически мотивированной среды жизнедеятельности классного коллектива;
4. стимулирование общественной направленности действий и поступков микрогрупп классного коллектива;
5. вовлечение учащихся в систему коллективных творческих дел патриотической, общественно ценной направленности;
6. организация воспитывающей среды во внеучебной деятельности учеников, вовлечение их в систему дополнительного образования, научно-исследовательскую деятельность, культивация здорового образа жизни;
7. стимулирование мотивационно-ценностного ядра предстоящей профессиональной деятельности воспитанника [9, с. 9–10].

Подростничество — это самый трудный и сложный из всех детских возрастов, представляющий собой период становления личности. Подростковый возраст — это период развития от «детскости» к «взрослости». В возрастной психологической науке этот этап, приблизительно 11–14 лет, характеризуется как крайне противоречивый, даже критический. «Вместе с тем это самый ответственный период, поскольку здесь складываются основы нравственности, формируются социальные установки, отношения к себе, к людям, к обществу» [11]. Именно в этом возрасте происходит усвоение моральных и этических норм, формируется представление о себе, окружающих людях, закладывается фундамент осознанного отношения к делу, активной жизненной позиции. «Основным содержанием общения подростков становится поиск взаимоотношений, взаимной деятельности. Все это направлено на формирование идеала друга, исправление недостатков не только другого, но и самого себя. Идеал подростковых отношений — «всегда вместе, все пополам». Отсюда требование: взаимная откровенность, сопереживание и умение хранить тайну. Все вместе взятое формирует способность ориентироваться на требования сверстников, учитывать их» [3, с. 73].

Жизнедеятельность коллектива для большинства детей — это пространство для развертывания их сегодняшней жизни, для развития их социального опыта и гражданского самосознания. Воспитание патриотизма является основой духовно-нравственного развития учащихся. Поэтому задачей нашего исследования являлось рассмотрение вопросов воспитания у подростков патриотизма через вовлечение учащихся в систему коллективных творческих дел.

Педагогика **коллективного творческого воспитания**, разработанная И.П. Ивановым, — одна из продуктивных методик воспитания в современных условиях.

Воспитательные возможности КТД связаны, прежде всего, с самореализацией каждого участника. Методика коллективной организаторской деятельности дает возможность построения коллектива на принципах коллективного планирования, организации и обсуждения результатов совместной деятельности.

Наследуя и развивая лучшие традиции русской и советской педагогики, Игорь Петрович разработал на теоретическом, практическом и методическом уровнях отношения доверия, уважения, творческого содружества, товарищества, определил условия развития личности в коллективной творческой деятельности.

Основным условием успешного использования КТД является развитие отношений творческого содружества между всеми участниками этого процесса. Обретая радость творчества, дети обретают душевное равновесие. Глубокий эмоциональный контакт, который является непременным атрибутом дружеского взаимодействия (содружества), формирует своеобразный эмоциональный механизм, позволяющий затем не только осуществлять аналогичные контакты, но активно искать их: в эмоциональном восприятии окружающей действительности, в обретении опыта эмоциональных отношений с людьми [2].

Коллективная деятельность «способствует формированию процессов децентрализации ребенка, т.е. способности оказаться в положении другого человека, увидеть ситуацию его глазами» [15, с. 155], развивает способность к сопереживанию, сочувствию, эмпатии. Без развития данных способностей невозможно развитие толерантных отношений между людьми.

Основной идеей КТД является «осознание и самопринятие себя как творца общего дела; определение и развитие подростками своего творческого потенциала, своих способностей и возможностей, особенных личностных черт, а также способностей толерантного взаимодействия в процессе совместного творчества» [12].

Одним из ярких примеров реализации КТД являются «творческие мастерские», в нашем случае это театр-студия детской песни.

Сфера деятельности студии: постановки музыкальных спектаклей, литературно-музыкальных композиций, песенных клипов, музыкальное оформление концертных программ школы и города, участие во всевозможных конкурсах и фестивалях творческой самодеятельности разных уровней (школьный, городской, областной, международный).

Театр-студия детской песни выступает средством формирования личностных качеств, являющихся базовыми для успешного сотрудничества в коллективе. К этим качествам относят следующие:

- *открытость* как проявление активного интереса к другому человеку;
- *организованность* как соблюдение определенного порядка, принятого в коллективе, выполнение обязанностей, взятых на себя с учетом общих интересов и собственных желаний;

- *ответственность* как принятие коллективной цели, добросовестное отношение к делу, обязанность и способность ребенка отвечать за совершенные действия и их последствия;

- *коллективизм* как форма социальной взаимосвязи на основе солидарности, взаимопомощи и объективной требовательности друг к другу, где приоритет отдается коллективным целям по сравнению с целями личными.

В опытно-поисковой работе исследовались 25 подростков. В группу испытуемых вошли учащиеся одного класса, посещающие театр-студию детской песни с 5 по 9 классы (2006–2011 гг.). Педагогическое наблюдение, диагностика, тестирование на каждой стадии исследования дает возможность увидеть эмоциональные проявления учащихся, практические действия воспитанников и их отношения между собой, динамику взаимоотношений в коллективе, уровень формирующегося нравственного деятельно-волевого характера подростков.

«Патриотические чувства, любовь к Родине развиваются у подростков в тесной связи с теми новообразованиями, которые присущи этому возрастному этапу: стремление к героическому, жажда подвига в жизни, потребность в самоутверждении, обретение своего места в коллективе сверстников, признании товарищей, ориентация на требования коллектива и повышение внимания и требовательности к себе, большая социальная активность» [9, с. 105]. Поэтому наибольшая часть репертуара театра-студии детской песни — произведения патриотической тематики. Школьники участвовали в следующих мероприятиях:

- *литературно-музыкальные композиции* («Край родной, навек любимый», посвященная 75-летию Свердловской области; «Памяти павших будьте достойны», посвященная 65-летию Победы советского народа в ВОВ по стихам и песням Высоцкого; «Всю душу выплещу...», посвященная 115-летию со дня рождения С.А. Есенина);

- *школьные и городские концертные программы* (День защитника Отечества, День Победы, День России);

- *смотры-конкурсы и фестивали* («Молодежь за здоровый образ жизни!», конкурсы патриотической и авторской песни);

- *уроки Мужества, встречи* с ветеранами ВОВ и участниками локальных войн;

- *творческие встречи с местным бардом Б. Синицким* — работником градообразующего предприятия.

Диагностика патриотического воспитания на констатирующем и контрольном этапах проводилась по ориентировочной минимальной диагностической программе изучения проявления формирующегося нравственного деятельно-волевого характера подростков [9, с. 114] (рис. 1–11). Данный вид диагностики проводился в сентябре 2006 г. и в мае 2011 г.

По данной методике диагностируются базовые качества, проявляющиеся в основных сферах отношений:

- 1) любовь к своему Отечеству, забота об общем благе;
- 2) любовь к родной природе;

3) бережливость к общественной и чужой собственности;

4) бережливость и экономность в отношении к личной собственности;

5) аккуратность;

6) товарищество, верность в дружбе;

7) доброжелательность;

8) вежливость и культура поведения;

9) забота о своем здоровье;

10) самообладание и сила воли;

11) стремление к самосовершенствованию.

Каждое качество делится на четыре уровня — от нулевого до третьего.

Рассмотрим результаты исследования отдельно по каждому качеству.

1. Любовь к своему Отечеству, забота об общем благе.

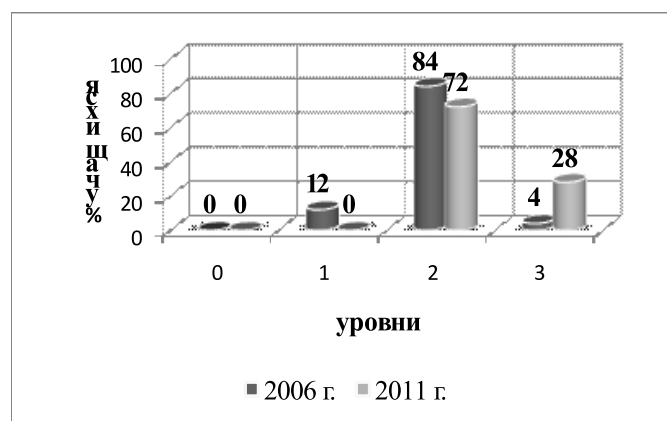

Рис. 1. Динамика результатов диагностики базового качества «Любовь к своему Отечеству, забота об общем благе» за период с 2006 по 2011 гг.

Уровни проявления данного качества:

0 — ученик пренебрежительно относится к отечественной истории и культуре,

1 — мало интересуется историко-культурным прошлым и настоящим своего Отечества,

2 — сам интересуется историей и культурой своего Отечества, но активной позиции не проявляет,

3 — интересуется и гордится историей и культурой своего Отечества, проявляет активную позицию в жизни малого Отечества (села, района, города).

Результаты диагностики 2006 г. дали следующие результаты: наибольший процент учащихся относится ко второму уровню проявления данного качества — 84 %, к первому уровню — 12 %, 4 % школьников имеет третий уровень, нулевой отсутствует.

Результаты диагностики 2011 г.: по-прежнему доминирует второй уровень качества (72 %), но по сравнению с 2006 г. он снизился на 12 %, нулевой и первый уровни отсутствуют, наибольшее количество процентов выявлено у 3 уровня — 24 %.

2. Любовь к родной природе.

Уровни проявления данного качества:

0 — проявляет разрушительные отношения к природе,

1 — сам не проявляет бережного отношения к природе, участвует в деятельности по охране природы «за компанию»,

2 — любит и бережет природу, принимает участие в природоохранной работе,

3 — любит и бережет природу, организует природоохранную деятельность.

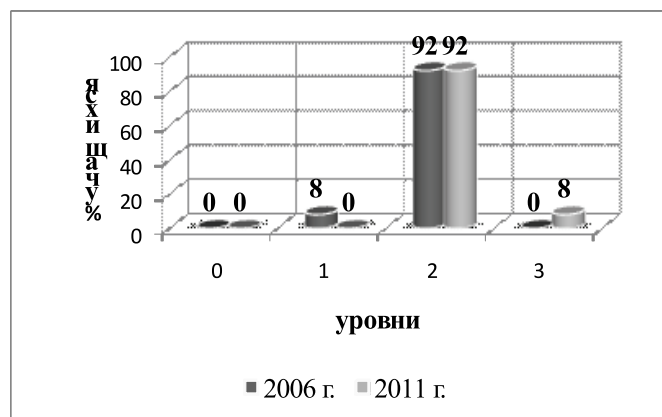

Рис. 2. Динамика результатов диагностики базового качества «Любовь к родной природе» за период с 2006 по 2011 гг.

Результаты диагностики по данному критерию выявили, что к 2011 г. году первый уровень исчезает совсем, имеющийся в 2006 г. у 8 % учащихся, зато появляется отсутствующий ранее третий уровень, к нему относится 8 % учащихся, второй уровень остается неизменным — 92 %.

3. Бережливость в отношении к общественной и чужой собственности.

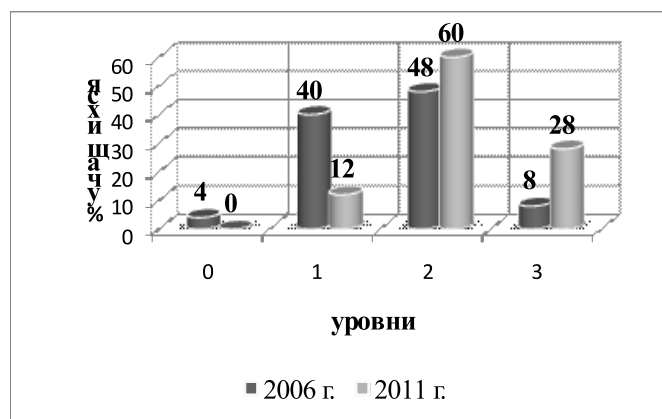

Рис. 3. Динамика результатов диагностики базового качества «Бережливость в отношении к общественной и чужой собственности» за период с 2006 по 2011 гг.

Уровни проявления данного качества:

0 — не бережлив, ущерб чужому и общественному

имуществу возмещает после настоятельных требований,

1 — проявляет бережливость при наличии внимания и контроля со стороны старших или товарищей,

2 — сам бережлив, но не побуждает к этому других,

3 — уважает чужую собственность, бережет школьное имущество, побуждает к этому других.

Динамика результатов диагностики этого качества весьма существенна, она наблюдается на всех четырех уровнях: нулевой уровень снижается на 8 %, первый уровень падает с 40 % до 12 %, второй уровень возрастает на 12 %, а третий уровень увеличивается на 20 %.

4. Бережливость и экономность в отношении к личной собственности.

Уровни проявления данного качества:

0 — расточителен,

1 — требует контроля и побуждает к бережливому отношению к личным вещам и денежным средствам,

2 — бережет сам личные вещи, экономит денежные средства, но безразличен к расточительности других,

3 — бережет личные вещи и экономит денежные средства, предупреждает расточительность товарищей.

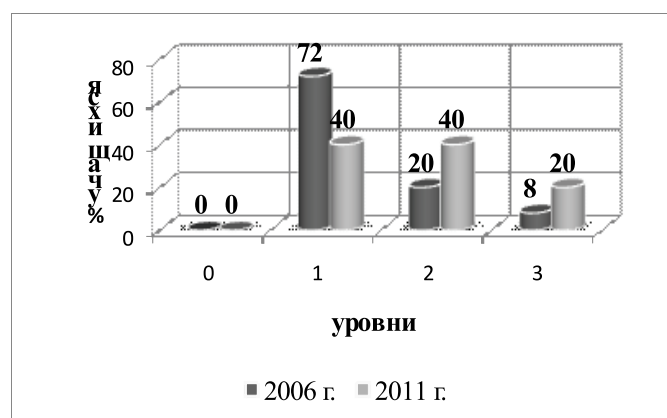

Рис. 4. Динамика результатов диагностики базового качества «Бережливость и экономность в отношении к личной собственности» за период с 2006 по 2011 гг.

На начальном этапе (2006 г.) исследования этот вид базового качества имел следующие показатели: нулевой уровень — 0 %, первый — 72 %, второй — 20 %, третий — 8 %.

На заключительном этапе исследования мы получили следующие результаты: нулевой уровень — 0 %, первый — 40 %, второй — 40 %, а третий — 20 % школьников.

Это качество, как и предыдущее, имеет значимую положительную динамику результатов диагностики: нулевой уровень остается стабильным — 0 % учащихся, первый уровень снижается на 32 %, второй уровень возрастает на 20 %, а третий с 8 % поднимается до 20 %.

5. Аккуратность.

Уровни проявления данного качества:

0 — неряшлив,

1 — требует напоминания о необходимости поддерживать чистоту и порядок,

2 — сам аккуратен, но безразличен к неряшливости других,

3 — аккуратен, поддерживает чистоту и порядок в школе и дома, осуждает неряшливость.

В период с 2006 по 2011 гг. данное качество имеет следующую динамику результатов диагностики: нулевой уровень с 4 % падает до 0 %, первый уровень снизился в два раза, второй уровень уменьшился с 80 % до 72 %, а третий поднялся с 8 % до 24 %.

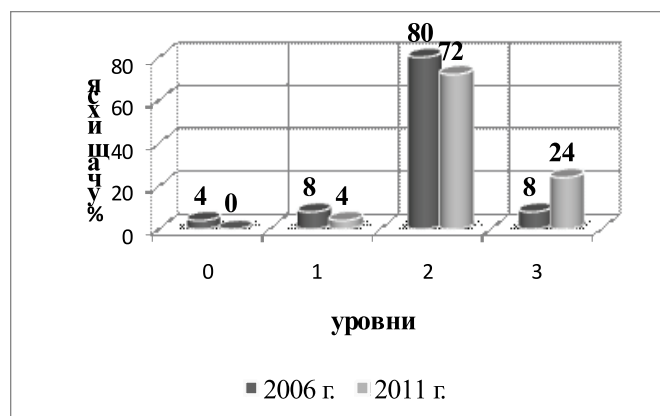

Рис. 5. Динамика результатов диагностики базового качества «Аккуратность» за период с 2006 по 2011 гг.

6. Товарищество, верность в дружбе.

Уровни проявления данного качества:

0 — эгоистичен,

1 — не всегда уважает интересы товарищей, иногда проявляет эгоизм,

2 — верен в дружбе, отзывается на просьбы,

3 — верен в дружбе, охотно сам помогает товарищам в их нуждах и добрых делах.

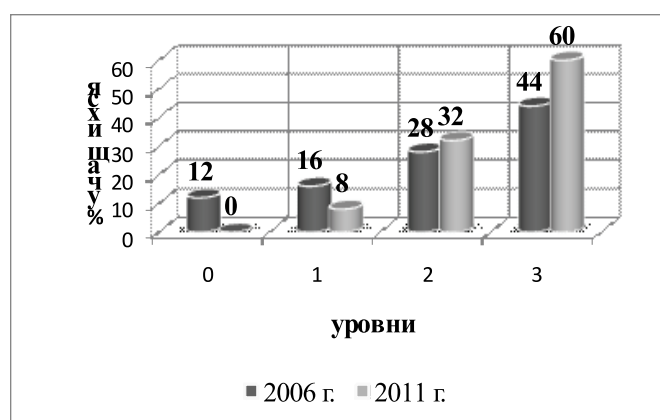

Рис. 6. Динамика результатов диагностики базового качества «Товарищество, верность в дружбе» за период с 2006 по 2011 гг.

«Товарищество, верность в дружбе» — еще одно базовое качество программы изучения проявления формирующегося нравственного деятельно-волевого

характера подростков, выделяющееся своей высокой положительной динамикой результатов диагностики. К 2011 году нулевой уровень с 12 % снижается до 0 %; первый уровень становится меньше в 2 раза, он опускается до 8 %; второй уровень увеличивает свой показатель на 4 %; третий возрастает с 44 % до 60 %.

7. Доброжелательность.

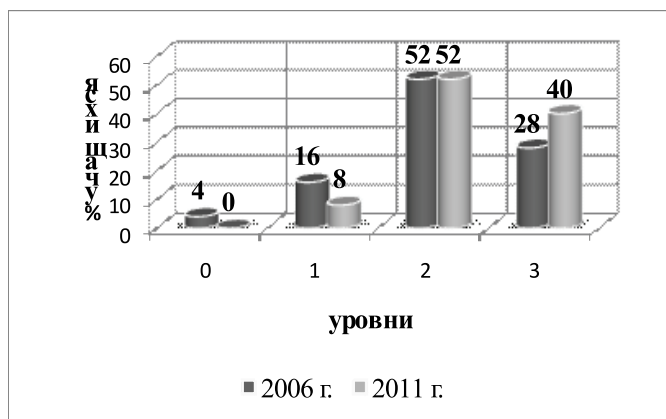

Рис. 7. Динамика результатов диагностики базового качества «Доброжелательность» за период с 2006 по 2011 гг.

Уровни проявления данного качества:

0 — недобрый, драчливый,

1 — сам не осуждает грубость и насилие, делает это лишь «за компанию»,

2 — сам добрый и отзывчивый, помогает людям в трудные минуты, но не организует добрых дел.

3 — добрый, заботливый, сам охотно помогает малышам и престарелым, организует добрые дела, осуждает зло и насилие.

Результаты диагностики 2006 г. показали: учащихся, имеющих нулевой уровень, — 4 %, первый — 16 %, второй — 52 %, третий — 28 %.

Результаты диагностики 2011 г. следующие: нулевой уровень — 0 %, первый — 8 %, второй — 52 %, третий — 40 %.

Динамика результатов диагностики такова: нулевой уровень снизился на 4 %, первый уровень — на 8 %, второй уровень стабильно держится на 52 %, а третий уровень достиг 44 % вместо бывших 28 %.

8. Вежливость и культура поведения.

Уровни проявления данного качества:

0 — бестактный,

1 — не всегда сам проявляет уважение и культуру поведения, требует контроля,

2 — вежлив, уважителен по отношению к старшим товарищам,

3 — вежлив, соблюдает такт, уважает старших товарищей, поддерживает культуру поведения в общении с товарищами.

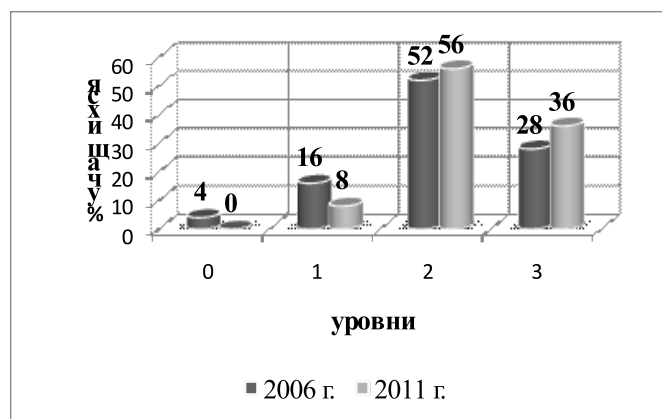

Рис. 8. Динамика результатов диагностики базового качества «Вежливость и культура поведения» за период с 2006 по 2011 гг.

Динамика результатов диагностики базового качества «Вежливость и культура поведения» имеет следующие показатели: нулевой уровень с 4 % снижается до 0 %; первый уровень уменьшается вдвое; второй уровень поднимается с 52 % до 56 %, третий уровень повышается на 8 %.

9. Забота о своем здоровье.

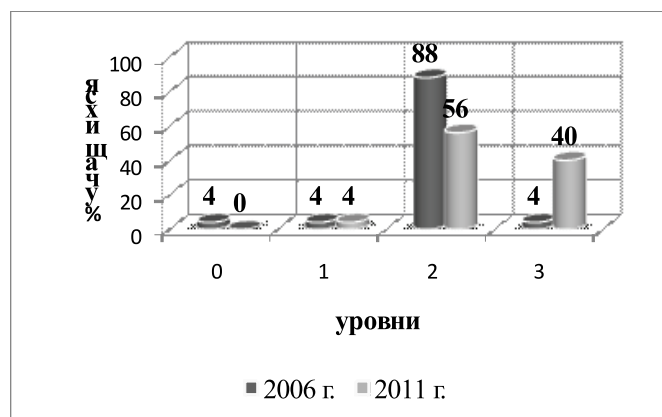

Рис. 9. Динамика результатов диагностики базового качества «Забота о своем здоровье» за период с 2006 по 2011 гг.

Уровни проявления данного качества:

0 — имеет вредные привычки и не реагирует на требования других,

1 — имеет вредные привычки, требует контроля со стороны взрослых и товарищей,

2 — бережет свое здоровье, но безразличен к курению и другим вредным привычкам своих товарищей,

3 — понимает общественную и личную ценность здоровья, сохраняет и укрепляет его, заботится о здоровом образе жизни других.

Результаты диагностики данного качества на начало исследования были выявлены следующие показатели: нулевой, первый и третий уровни имеют по 4 % учащихся, второй уровень — 88 %.

Результаты диагностики на конец исследования показали: нулевой уровень отсутствует, первый уровень остался на прежней позиции, то есть 4 %, второй уровень опустился до 56 %, а третий уровень поднялся с 4 % до 40 %, то есть увеличился в 10 раз.

Положительная динамика существенно проявилась на последних двух уровнях: второй уровень имеет разницу в 32 %, а третий — в 36 %.

10. Самообладание и сила воли.

Уровни проявления данного качества:

0 — безволен, подчиняется воле других,

1 — не всегда проявляет волю в добрых поступках, требует поддержки,

2 — сам проявляет волю, но безразличен к безволию своих товарищей,

3 — проявляет самообладание и силу воли в добрых поступках, побуждает к этому других.

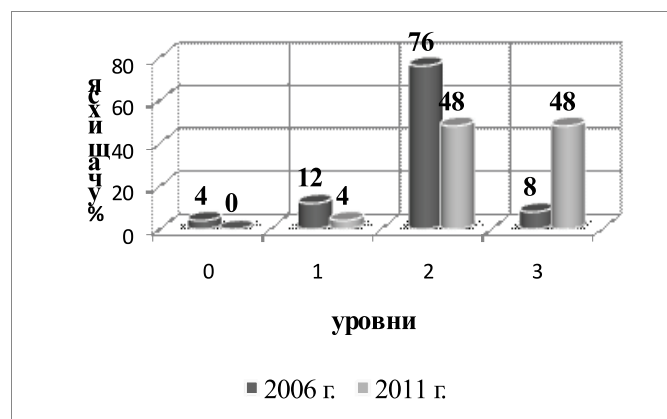

Рис. 10. Динамика результатов диагностики базового качества «Самообладание и сила воли» за период с 2006 по 2011 гг.

Результаты диагностики 2006 г. следующие: нулевой уровень имеет 4 % учеников, первый уровень — 12 %, второй уровень — 76 %, третий уровень — 8 %.

В 2011 г. различия в результатах диагностики были статистически значимыми: нулевой уровень отсутствует, первый уровень имеет 4 %, второй — 48 %, третий — 48 %.

Динамика результатов диагностики базового качества «Самообладание и сила воли» за период с 2006 по 2011 гг. такова: нулевой уровень снизился на 4 %, первый уровень с 12 % опускается до 4 %, второй — с 76 % до 48 %, третий уровень поднимается на 40 %.

Литература:

1. URL:http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/TOLERANTNOST.html.
2. Аванесян И.Д. Творчество и воспитание. — СПб.: КАРО, 2004. — 160 с.
3. Белкин А.С. Педагогика детства (Основы возрастной педагогики). — Екатеринбург: «Сократ», 1995. — с.152.
4. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. — М.: «Просвещение», 2010. — 23 с.

11. Стремление к самосовершенствованию.

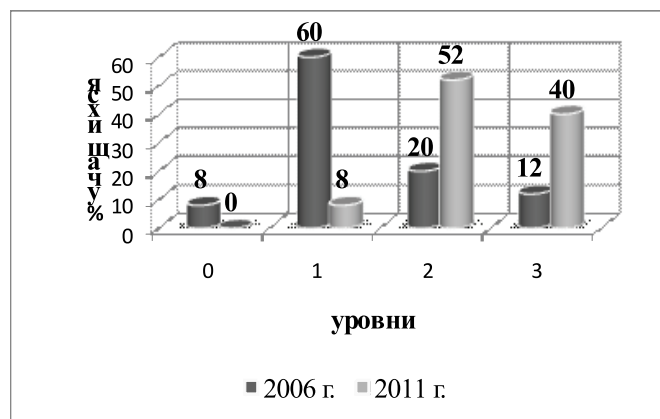

Рис. 11. Динамика результатов диагностики базового качества «Стремление к совершенствованию» за период с 2006 по 2011 гг.

Уровни проявления данного качества:

0 — не стремится к самосовершенствованию,

1 — сам не обращает внимания на свои слабые стороны, нуждается в поддержке,

2 — стремится к самосовершенствованию,

3 — знает свои сильные и слабые стороны, стремится к совершенствованию себя и других.

Результаты диагностики за 2006 г. показали: нулевой уровень имеет 8 % учащихся, первый уровень — 60 %, второй уровень — 20 %, третий — 12 %.

Результаты диагностики за 2011 г. следующие: нулевой уровень имеет 0 %, первый уровень — 8 %, второй уровень — 52 %, третий — 40 %.

Динамика результатов диагностики базового качества «Стремление к совершенствованию» за период с 2006 по 2011 гг. имеет неоднородные показатели: нулевой уровень снизился на 8 %, первый уровень — на 52 %, второй уровень поднялся на 32 %, третий увеличился на 28 %.

Результаты опытно-поисковой работы по патриотическому воспитанию подростков в детском творческом коллективе позволили сделать следующий вывод: воспитательные возможности КДТ могут быть эффективно направлены на формирование у учащихся патриотизма.

Важно, чтобы молодые люди усвоили, что их личное благополучие, их социальный статус, достижения в различных сферах деятельности взаимосвязаны с готовностью к служению Отечеству — тому коллективу, обществу и государству, в котором они живут.

5. Декларация принципов толерантности [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.tolz.ru/library/?id=41>.
6. Диагностика социальной эмпатии / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. - С.21-23
7. Изюрова О.С. Вокальный эстрадный ансамбль как форма развития толерантного отношения подростков-воспитанников детского дома к сверстникам: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук: (13.00.02) /О.С. Изюрова. — Екатеринбург, 2009.
8. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ksu.ru/news/base/concept.htm>.
9. Настольная книга по патриотическому воспитанию школьников. Методическое пособие для школьных администраторов, учителей, классных руководителей, педагогов дополнительного образования / авт.-сост. А.Н. Выршиков, М.Б. Кусмарцев, А.П. Пашкович. — М.: Глобус, 2007. — 330 с.
10. Некрасова Л.М. Театральная культура // Программы дополнительного образования. — М.: «Просвещение», 2006. — 240 с.
11. Немов Р. Психология [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/nemov2/04.php.
12. Погодина А.А. Программа по формированию толерантности у подростков в рамках классного коллектива [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ypk.yspu.yar.ru/tolerance/3-7.htm>.
13. Пономарева В. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-26866/>.
14. Практикум по возрастной психологии :Учебн. пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. — СПб.: Речь, 2008. — 688 с.
15. Трофимова Е.Д. Музыкально-театральная деятельность в становлении эмоционально-нравственного мира ребенка // Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Музыкальное образование детей и юношества: проблемы и поиски». — Екатеринбург, 12-13 апреля 2007. — 268 с

Метод проектов на занятиях по высшей математике в контексте компетентностного подхода

Кострова Ю.С., ассистент, соискатель

Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева

Глобальные изменения во всех сферах жизни общества выдвигают новые требования к современному высшему образованию. Востребованными становятся специалисты, не просто владеющие необходимым набором профессиональных знаний и умений, но и способные эти знания применять для решения конкретных жизненных задач. Современное общество нуждается в людях нравственных и предприимчивых, способных системно мыслить и действовать, принимать важные решения и нести за них ответственность, умеющих работать в команде и стремящихся к самообразованию [3]. Эти потребности нашли свое отражение в Концепции модернизации российского образования, Национальной доктрине образования РФ до 2025 года, Приоритетных направлениях развития образования в РФ, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. В данных документах представлена целевая основа государственной политики в области образования — переход от знаниевой парадигмы к компетентностному подходу.

Как известно, стержнем образовательной системы является математическое образование. Значение математической науки во всем мире возрастает с каждым годом.

Математические методы проникают в экономику, юриспруденцию, социологию, психологию и т.д. Уровень математического образования определяет успешность во всех сферах деятельности. Вместе с тем, отмечается резкое снижение уровня математической подготовки учащихся. Владение математической культурой студентов — выпускников вузов не отвечает требованиям, предъявляемым к профессиональной подготовке специалистов. Негативное отношение к данной «сухой» науке складывается у учащихся еще в начальной школе, что ведет к нежеланию и дальше учить трудный предмет и, как следствие, низкому уровню математической подготовки. Данные проблемы спровоцировали поиск метода обучения, способного изменить эмоционально-чувственное отношение к математике и активизировать деятельность студентов по овладению математической культурой. Метода призванного научить учиться. Одним из таких методов является метод проектов, на который, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, делает ставку государство.

Метод проектов возник во второй половине XIX века в трудах американских педагогов Дж. Дьюи, У. Килпатрика,

Е. Коллинга. Сущность и ценность данного метода раскрыл У. Килпатрик. По его словам, проект — это действие, совершаемое от всего сердца [2]. Метод проектов был направлен на активную творческую деятельность, в соответствии с потребностями и интересами самого ребенка, способствовал саморазвитию личности. Пользовавшийся все возрастающей популярностью в Америке и Европе, в России метод проектов просуществовал недолго. Первые попытки практической реализации метода проектов осуществлялись небольшой группой советских ученых под руководством С.Т. Шацкого в 1905 году. А в 1931 году постановлением ЦК ВКП (б) он был запрещен вследствие резкого снижения уровня образования. Это было ожидаемо и обусловлено рядом причин: отсутствием компетентных в области проектного обучения педагогов, технологии организации проектного обучения, системности и взаимосвязи проектов. Главным же отличием от американского и европейского вариантов реализации метода проектов была трудовая, общественно-полезная направленность проектов, не учитывающая интересы самого ребенка. Таким образом, нарушался главный принцип проектного обучения — «идущая от сердца» деятельность.

Идеи метода проектов со временем претерпели определенные изменения — появились преподаватели владеющие теорией и практикой проектной деятельности, педагогические разработки по внедрению метода проектов в образовательный процесс. Однако он не утратил своей основы — развитие навыков и умений учащихся осуществлять самостоятельную активно-познавательную деятельность в соответствии с личностно-значимыми мотивами. В настоящее время метод проектов приобрел широкое распространение и эффективно используется на всех ступенях школьного и высшего образования. В 2001 году в России при поддержке Министерства Образования РФ начала работу благотворительная программа профессионального развития Intel® «Обучение для будущего». Целью программы является обучение учителей и студентов педагогических вузов использованию новых информационных и педагогических технологий в проектной работе «с целью развития у учащихся ключевых компетентностей, основанных на ценностях, знаниях и умениях, необходимых человеку в 21 веке» [4]. Несмотря на это, теоретико-методологические обоснования и механизмы реализации метода проектов еще недостаточно исследованы в рамках новой образовательной парадигмы. Основными проблемами являются: отождествление метода проектов с проблемным обучением; «подмена» метода проектов докладами, рефератами, внеклассными мероприятиями; реализация проектного обучения во внеурочное время; заострение внимания на содержательной стороне проекта.

Позволяя развивать творческие способности, активность, самостоятельность, креативность, гибкость мышления, метод проектов, как нельзя лучше, отвечает целям математического образования. Важнейшие из них — овладение математическими знаниями и методами; интеллектуальное, культурное, творческое, духовное развитие

и нравственное воспитание. Реализация метода проектов на занятиях повышает эмоциональный тонус студентов, помогает им раскрепоститься, свободно высказывать свою точку зрения, раскрыться творчески, активизирует познавательную деятельность. Меняются функции учащегося и преподавателя. Студент получает больше самостоятельности, а преподаватель из транслятора знаний превращается в консультанта. На занятии возникает деятельностная среда, позволяющая студентам максимально раскрыть свой интеллектуальный и творческий потенциал. Проекты по математике учат студентов не просто применять имеющиеся у них знания, а самостоятельно приобретать новые, необходимые для решения поставленных задач.

Анализ педагогического опыта О.Ф. Рожневой, Т.П. Теплых, В.Я. Тисецкой, О.В. Чураковой и др. позволяет сделать вывод о том, что преподавателя математики в данном методе привлекает:

- 1) возможность заинтересовать студентов высшей математикой;
- 2) формирование в процессе работы над проектом основ системного мышления и системной деятельности;
- 3) развитие у студентов творческих способностей, креативности;
- 4) формирование целеустремленности, настойчивости, способности ориентироваться в нестандартных ситуациях;
- 5) формирование коммуникативности, способности к сотрудничеству;
- 6) формирование способностей к анализу, конструированию и прогнозированию;
- 7) возможностью продемонстрировать взаимосвязь изучаемых математических объектов, понятий, явлений с будущей профессией.

Анализ педагогической теории и практики (И.К. Баталина, М.В. Игнатьев и др.) показывает, что математика — дисциплина, в рамках которой применить метод проектов наиболее сложно [1]. Это связано со стереотипным представлением о математике, как о системе правил, теорем и формул, где только следование известным алгоритмам приведет к искомому результату. Но, именно метод проектов позволяет решить данную проблему, главное — правильно организовать подготовительную работу со студентами. От ее осуществления зависит успешность дальнейшей проектной деятельности. Необходимо познакомить студентов с задачами нестандартного характера, демонстрирующими непригодность шаблонов и алгоритмов для их решения, провоцирующих учащихся на вариативность, нелинейность мышления, творческий подход. В рамках обычных занятий организовывать упражнения, направленные на формирование знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления проектной деятельности. Познакомить студентов с методом проектов, видами проектов, этапами работы над проектом, критериями оценки проектной деятельности, продемонстрировать готовые проекты. Важно вовлечь в проектную деятельность всех студентов, независимо от уровня их ма-

тематической подготовки. Подготовив студентов в проектной деятельности, преподаватель должен определить в рамках каких разделов математики будет целесообразно реализовывать метод проектов. Проекты должны образовывать целостную систему, демонстрировать преемственность изучаемого материала, усложняться от проекта к проекту. Отбирая учебный материал для проектов, необходимо учитывать его связь с профессиональной деятельностью студентов. Важно расширить теоретический материал по математике, наполнив его культурологическим и аксиологическим содержанием.

В соответствии с программой курса высшей математики был разработан и реализован на практике комплекс проектов. В проектном обучении принимали участие студенты-экономисты 1-го курса. Порядок проведения проектов регулировался тематическим планированием по высшей математике для студентов экономических специальностей.

Первым проектом стала математическая газета по теме «Производная и интеграл». Предварительный опрос студентов показал, что чаще всего за время обучения в школе они сталкивались с оформлением газет к праздникам или по предметам. В этой связи, мы посчитали, что целесообразно начинать проектное обучение, опираясь, на знакомый для учащихся вид деятельности. Целями проекта было: 1) овладение знаниями и умениями по теме «Производная и дифференциал»; 2) формирование восприятия процесса дифференцирования, как важного элемента будущей профессиональной деятельности; 3) формирование представлений о ценности математики в системе бытия; 4) развитие навыков работы с информацией; 5) развитие навыков проектной деятельности.

В процессе выполнения проекта студенты не только освоили новый материал, но и увидели область применения полученных знаний. Благодаря колонкам газеты, посвященным профессиональным задачам, опросам специалистов в области экономики студенты — будущие экономисты наглядно, на конкретных примерах получили ответ на вопрос: «Зачем нам эти производные?». Колонка газеты, содержащая интересные истории о производной, посвященные ей шутки позволила с другой, «несерьезной» стороны взглянуть на «неинтересную» и «скучную» математику. Впоследствии, колонки газеты, выполненные на листах ватмана, украсили кабинет высшей математики. Это благоприятно повлияло на студентов, послужив стимулом для дальнейшей проектной деятельности.

Освоение темы «Приложения производной» произошло в рамках следующего проекта — «Фирма». Целями проекта было: 1) освоение теоретического материала и формирование навыков применения производной для решения экономических задач; 2) формирование представлений об области применения и месте производной в будущей профессии; 3) развитие способностей к постановке цели, поиску путей ее достижения, планированию своей деятельности; развитие организаторских способностей, способность к сотрудничеству и взаимодействию. Студентам предлагалось придумать свою фирму (предпри-

ятие), производящее какой-либо продукт, разработать необходимые атрибуты (название, логотип, реклама, модель продукции и т.п.), выявить показатели, влияющие на объемы производства и реализации данной продукции. На основании математического исследования определить потенциал предприятия.

На изучение темы «Комплексные числа» по программе отводится только 2 академических часа, в течение которых студентам предстоит освоить довольно обширный объем информации. В итоге студенты не усваивают данный материал, приобретая лишь поверхностное представление о комплексных числах. С целью систематизации большого объема информации, его большей доступности для понимания был реализован проект «Шпаргалка». Целями проекта было: 1) овладение теоретическими сведениями и практическими навыками оперирования с комплексными числами; 2) формирование умений ставить цель и планировать деятельность по ее достижению, развитие чувства ответственности за принимаемые решения; 3) развитие способности к анализу, синтезу, абстрагированию, системному мышлению, творческому самовыражению. Студентам предлагалось изготовить «шпаргалку», посвященную комплексным числам. Так как «шпаргалка» должна иметь компактные размеры, то студенты, изготавливая ее, научились работать с большими объемами информации, выделять наиболее важную информацию, отделять главное от второстепенного. Кроме того, данный проект способствовал развитию креативности, позволил раскрыть творческий потенциал, повысить интерес к предмету.

Заключительный проект — «Сборник профессиональных задач» был осуществлен в рамках изучения интегрального исчисления. Традиционно в школе, а затем и вузе практическое приложение интеграла иллюстрируется только вычислением площадей различных фигур и нахождением объемов некоторых геометрических тел. Неудивительно, что студенты экономических, биологических и др. специальностей не имеют представлений о приложениях интеграла связанных с выбранной специальностью. В то время как интегральное исчисление имеет широкое применение для моделирования и исследования процессов, происходящих в экономике, биологии, физике, истории и других областях знаний. Целями проекта было: 1) овладение теоретической базой и навыками интегрирования; 2) развитие восприятия процесса интегрирования, как необходимого элемента будущей профессиональной деятельности; 3) формирования умений практической реализации теоретических сведений при решении задач профессионального характера; 4) развитие познавательной активности, умения свободно ориентироваться в информационном пространстве.

Работа над каждым новым проектом наблюдалась положительная динамика в усвоении учебного материала. Контрольные и самостоятельные работы, коллоквиумы продемонстрировали значительную разницу в математической подготовке студентов, занимавшихся по методу

проектов и традиционной методике. В первом случае результаты оказались значительно выше. Помимо овладения системой устойчивых знаний дифференциального и интегрального исчисления и навыками их практического, студенты научились самостоятельно приобретать эти знания, опираясь на внутреннюю мотивацию. С каждым проектом менялись роли преподавателя и студента в образовательном процессе. Преподаватель становился консультантом, предоставляя возможность студентам проявлять творчество и самостоятельность. Произошел

переход от принятия студентами целей и задач проекта, совместного планирования этапов выполнения проекта к самостоятельному их определению, планированию работы, методов и форм ее осуществления.

Таким образом, в результате проектного обучения студенты становятся активными субъектами своего образования. Вышесказанное свидетельствует о том, что метод проектов позволяет не только осуществить эффективное овладение математическими знаниями и умениями, но и способствует развитию компетентностных специалистов.

Литература:

1. Баталина И. К, Игнатьев М.В. Метод проектов в математике и развитие нестандартного мышления у детей. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ito.edu.ru/2006/Samara/II/II-0-2.html>
2. Килпатрик У.Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. — Л.: Брокгауз — Ефрон, 1925. — 43 с.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Официальные документы в образовании. — 2002. — № 4. — С. 3—31.
4. Программа Intel® «Обучение для будущего». — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.iteach.ru/abo/>

Тренинг как инструмент развития навыков и умений у курсантов военных институтов

Ланчук И.А., адъютант, капитан 3 ранга
Санкт-Петербургский военно-морской институт

Современная ситуация характеризуется осознанием высокой значимости не просто человеческого ресурса, а грамотно действующего человека для планирования и эффективного выполнения поставленных задач. Развитие современной армии, вынужденной реагировать на вызовы времени, возможно только при условии высокой компетентности всего личного состава, и офицеров в частности.

Главными целями военно-морских учебных заведений сегодня являются формирование личности офицера, его общей и военно-профессиональной культуры; выработка умения анализировать и прогнозировать ход общественных процессов в военном деле, в их диалектическом единстве; воспитание у курсантов чувства долга, чести, достоинства офицера ВМФ, любви к Родине и флоту. Современные условия службы требуют умения прогнозировать социальные процессы в воинских коллективах, наличия собственных устойчивых моральных и нравственных убеждений, общей и политической культуры. Офицер обязан знать и предвидеть развитие событий по исполняемой должности. Его действия должны носить прогностический характер, предполагающий наличие профессиональных знаний, приобретаемых в учебном заведении или самостоятельно.

Проблемам обучения и воспитания офицеров, особенно молодых, уделяется достаточное внимание. О мо-

лодых специалистах, о том, каким должен быть выпускник военно-морского института и каким он нужен флоту в среде корабельных офицеров, флагманских соединений, объединений и флотов, а также среди преподавателей военно-морских учебных заведений давно ведется дискуссия. К слушателям и курсантам военных вузов стали предъявляться новые, более высокие требования. Для успешного выполнения служебных обязанностей каждый из них должен обладать качествами командира, технического специалиста и грамотного руководителя. Преобладающими недостатками в подготовке многих молодых офицеров по-прежнему остаются:

- растерянность и неуверенность в сложной обстановке;
- недостаточная требовательность к себе и к своим подчиненным;
- необходимость постоянного контроля со стороны командования;
- отсутствие инициативы в выполнении служебных обязанностей;
- неразвитое трудолюбие;
- невыдержанность;
- низкая исполнительность;
- отсутствие чувства ответственности за порученное дело;
- слабое знание своей специальности.

Эти недостатки приведены в порядке их преобладания. Из систематизированных сведений видно, что основные недостатки молодых офицеров проявляются как следствие слабой воли, низкой ответственности за порученное дело, а также отсутствия достаточных навыков решения повседневных вопросов.

Формирование умений и навыков — один из приоритетов образования, предопределяющий успешность всего последующего обучения. Известно, что умения и навыки без проработки усвоенных теоретических знаний на деле сами по себе не сформируются. При регулярном выполнении каких-либо действий в начале неуверенные действия со временем преобразуются в отработанные навыки работы. [2, с.1.]

Серьезнейший пробел в практической подготовке курсантов, обостряющийся ежегодно для тех, кто приступает к заключительному этапу обучения в институте — недостаточное количество корабельной практики. Эффективность в формировании навыков и умений в последние десятилетия совершенно однозначно доказал такой метод обучения как практический тренинг. Тренинги активно используются в зарубежных и российских организациях и позволяют сотрудникам за короткое время освоить новые навыки и применить полученные знания.

Тренинг — групповой активный метод обучения, построенный (полностью или в значительной мере) на моделировании профессиональной деятельности участников тренинга и направленный на получение ими успешных практических умений и навыков, необходимых им в практической работе. Исходя из сказанного, одним из вариантов выхода из положения, создавшегося в военном образовании видится организация на практических занятиях, так называемых тренингов по решению задач, возникающих ежедневно на корабельной службе и повседневной профессиональной деятельности. Тренинги призваны решать следующие задачи:

Инструментальная: формирование определенных навыков и умений;

Гностическая: формирование знаний и развитие мышления курсантов;

Социально-психологическая: развитие коммуникативных и командных навыков.

Для повышения эффективности тренинга его алгоритм должен отвечать определенным требованиям:

Тренинг должен соответствовать целям обучения;

Тренинг должен затрагивать практическую повседневную или чрезвычайную ситуацию, возникающую на корабле или в части;

Необходим определенный уровень теоретической подготовки курсантов, соответствующий тематике тренинга;

Приветствуется нестандартное мышление для решения задач, при условии соответствия средств целям и предписаниям руководящих документов;

Преподаватель должен выступать не только в роли руководителя, но и как корректор и консультант в процессе развития сценария тренинга.

Тренинг состоит из нескольких этапов:

1. Подготовительный. На данном этапе преподаватель:

а) определяет содержание и основную задачу тренинга, это может быть выработка командных навыков, навыков принятия решений в экстренных ситуациях, умение разрешать конфликты с личным составом и т.п.;

б) формирует параметры ситуации. Место действия, погодные условия (при необходимости), состояние корабля, личного состава, вооружения и др.;

в) самостоятельно решает задачу, опираясь на свой личный опыт и руководящие документы. Фиксирует алгоритмы действий, решения и приказы, обеспечивающие оптимальное решение задачи, продумывает предполагаемые ответы и реплики;

г) информирует курсантов о планируемом тренинге и рекомендует учебный материал и литературу для подготовки.

2) Непосредственная организация тренинга. Преподаватель проводит инструктаж с курсантами, сообщает правила и условия, в которые поставлен корабль и личный состав, распределяет роли.

3) Проведение тренинга, в результате которого должна быть решена поставленная задача; В ходе тренинга один из курсантов может выполнять роль секретаря, фиксируя принятые курсантами решения, приказы и т.п. Преподавателю предпочтительно не вмешиваться в ход процесса, позволив курсантам полностью самостоятельно решать поставленные задачи.

4) Подведение итогов. Анализ хода и результатов тренинга как самими участниками, так и преподавателем.

Следует отметить, что в тренингах используется не только игровой метод как таковой. В процессе можно применять групповую и индивидуальную работу, совместное обсуждение, проводить тестирование и опрос, создавать ролевые ситуации. Иными словами, тренинг органично сочетает и позволяет использовать различные методы — анкетирования, социометрии, «мозгового штурма» и др.

Исходя из методов, целей и особенностей тренингов, соответствующие потребностям военно-морских учебных заведений можно разделить на следующие разновидности:

— *имитационные*, используются в профессиональном обучении при формировании определенных профессиональных навыков.

— *сюжетно-ролевые*. В их основе лежит конкретная ситуация — повседневная, чрезвычайная или иная. Занятие в этом случае напоминает постановку, где каждый курсант выполняет определенную роль. Это тренинги творческие, в которых сюжет — форма интеллектуальной деятельности, поэтому в данном случае большое значение играет профессиональная подготовка участников и детальная разработка сценария.

Положительные моменты в применении тренингов:

— Как правило, участники испытывают удовольствие, есть высокая мотивация, эмоциональная насыщенность процесса обучения;

— Происходит подготовка к профессиональной деятельности, формируются знания-умения, т.е. курсанты учатся применять свои знания;

— Итоговое обсуждение способствует закреплению знаний;

— Оперативная связь (внешняя и внутренняя).

Отрицательные стороны:

— Высокая трудоёмкость подготовки к занятию (для преподавателя);

— Большая напряженность для преподавателя, так как он сосредоточен на непрерывном творческом поиске.

Тренинг предусматривает достижение как учебных, так и воспитательных целей коллективного характера на основе знакомства с реальной организацией службы на корабле, воинской части и т.п.

Ожидаемая эффективность:

1) познавательная: в процессе тренинга курсанты знакомятся с диалектическими методами исследования вопроса (проблемы), организацией воинского коллектива, функциями своей «должности» на личном примере;

2) воспитательная: в процессе тренинга формируется сознание принадлежности ее участников к воинскому

коллективу; сообщается степень участия каждого из них в работе; ощущается взаимосвязь участников при решении общих задач; коллективно обсуждаются все вопросы, что формирует критичность, сдержанность, уважение к мнению других, внимательность к товарищам по службе;

3) развивающая: в ходе тренинга развиваются логическое мышление, способность к поиску ответов на поставленные вопросы, речь, командные навыки, навыки управленческой деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что основной акцент в тренинге ставится не на освоении теоретического материала, а на получении практических навыков, необходимых для осуществления повседневной деятельности. В процессе обучения тренинг целесообразно использовать как вспомогательный элемент, дополнение к теоретическому материалу и, очевидно, тренинг не может выступать в качестве основного метода обучения. О результатах применения обучающих тренингов в целом свидетельствуют многочисленные исследования отечественных специалистов, которые отмечают, что эта технология позволяет повысить эффективность обучения в среднем в 3 раза. [4 с. 2]

Литература:

1. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. РГУ, 1983—115 с.
2. Общеучебные умения и навыки как объекты оценивания в новых стандартах образования. Нинель ЧУТКО, к.п.н., профессор кафедры коррекционно-развивающего образования Педагогической академии последипломного образования Московской обл.
3. Генике Е.А. Дидактическая диагностика деятельности учителя // lerner.edu3000.ru/genike.htm
4. Современные психолого-педагогические технологии обучения. Чернова Елена Николаевна

Предложения по определению квалификации преподавателя военного учебного заведения

Ланчук И.А., адъюнкт, капитан
Санкт-Петербургский военно-морской институт

Оценка уровня квалификации преподавателя военного учебного заведения, может стать значимой частью процесса подготовки квалифицированных специалистов.

В перспективе — это важный этап профессиональной жизни, который обеспечивает повышение качества деятельности за счет получения внешней оценки и самооценки деятельности, осмысления достигнутого и проектирования дальнейших шагов повышения квалификации и профессионального развития офицера.

Современная ситуация характеризуется осознанием высокой значимости не просто человеческого ресурса, а грамотно действующего человека для планирования и эффективного выполнения поставленных задач. Развитие современной армии, вынужденной реагировать на вызовы времени, возможно только при условии высокой компетентности всего личного состава, и офицеров в частности.

Профессиональная квалификация преподавателя военного учебного заведения непосредственно влияет на качество выпускаемых военным училищем специалистов

и является комплексным образованием, включающим в себя теоретическую подготовку, знания, навыки, умения, профессиональный опыт, мотивацию, личностные качества и другие профессиональные характеристики.

Проверка знаний проводится в целях подтверждения соответствия подготовки офицеров должностям на основе оценки их профессиональной деятельности и установления соответствия уровня квалификации требованиям, предъявляемым к преподавателям военного учебного заведения.

Основными задачами проверки являются:

- стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня квалификации офицеров, их личностного профессионального роста.
- повышение эффективности и качества самоподготовки;
- выявление перспектив использования потенциальных возможностей;
- определение необходимости повышения уровня подготовки по тем или иным направлениям;

Таким образом, можно сказать, что проверка знаний имеет два ключевых назначения:

1. Оценка уровня квалификации преподавателя для установления соответствия требованиям занимаемой должности

2. Стимулирование целенаправленного повышения уровня квалификации преподавателя.

Оценка уровня квалификации требует наличия достаточно ясных критериев и показателей различных уровней подготовленности.

Стимулированию целенаправленного повышения квалификации офицеров способствует анализ практической деятельности, позволяющий ответить на следующие вопросы: «За счет чего достигнуты (или не достигнуты) запланированные результаты обучения? Какие задачи и как решались для достижения данных результатов? Какие компетентности требуют дальнейшего совершенствования?» и др.

Проведение оценки профессиональных качеств в процессе проверки предполагает, прежде всего, анализ качества решения различных функциональных задач аттестуемым. Поскольку успешность решения соответствующих функциональных задач определяется компетентностью офицера, именно компетентность является важнейшим элементом оценки в процессе аттестации.

Проверка взаимосвязей выделенных педагогических компетенций и общего показателя успешности повседневной деятельности показала, что все компетенции связаны между собой системой прямых значимых связей и с общим показателем успешности практической деятельности на высоком уровне достоверности. Выявленные закономерности носят устойчивый характер, что свидетельствует о надежности и валидности разработанной методики оценки уровня квалификации преподавателей военных учебных заведений.

Предлагаемая статья содержит описание исходных позиций для оценки уровня квалификации: базовых принципов, практической деятельности и профессиональных качеств, положенных в основу анализа (самоанализа) уровня квалификации, а также способы выявления уровня квалификации для установления соответствия занимаемой должности.

В совокупности принципы должны задавать требования к научно-методической обоснованности методики, обеспечению четкой организации, процедуры с использованием разработанной методики, обеспечению

объективного отношения в ходе проверки.

Условно все принципы можно разбить на две группы:

1. Научно-методические;
2. Организационные.

Принцип деятельного подхода требует реализации разностороннего подхода к оценке деятельности в процессе аттестации.

Принцип критериальной ясности предполагает четкое определение содержания и предмета оценивания. В качестве критериев для оценки уровня квалификации выступают базовые компетенции, которые определяют успешность решения основных функциональных задач повседневной службы: компетентность в области личностных качеств; компетентность в целеполагании; компетентность в мотивировании обучающихся; компетентность в разработке программы педагогической деятельности и принятии педагогических решений; компетентность в области информационной основы деятельности; компетентность в организации педагогической деятельности (умение устанавливать субъект-субъектные отношения, умение организовать учебную (воспитательную) деятельность, умение реализовать педагогическое оценивание).

Оценка уровня квалификации, проведенная на основе разработанных критериев, позволит увидеть зоны развития для каждого из аттестуемых офицеров и разработать индивидуальную программу профессионального развития.

Принцип профессионализма и независимости деятельности экспертов предполагает высокий уровень квалификации экспертов и независимость их действий. Состав аттестационной комиссии и экспертных групп формируется таким образом, чтобы была исключена возможность конфликта интересов.

Под **компетентностью**, в данной статье понимается системное проявление знаний, умений, способностей и личностных качеств, позволяющих успешно решать функциональные задачи, составляющие сущность профессиональной деятельности.

Требования к компетентности преподавателя военного учебного заведения определяются функциональными задачами, которые он реализует в своей деятельности. Профессиональный стандарт включает систему требований к компетентности офицера, определяющих в своей целостности готовность к реализации педагогической деятельности и определяющих успешность ее выполнения.

Квалификация может быть описана как совокупность шести основных компетентностей:

1. Компетентность в области личностных качеств.
2. Компетентность в постановке целей и задач деятельности.
3. Компетентность в мотивировании курсантов на осуществление учебной деятельности.
4. Компетентность в разработке программы деятельности и принятии решений.
5. Компетентность в обеспечении информационной основы преподавательской деятельности.

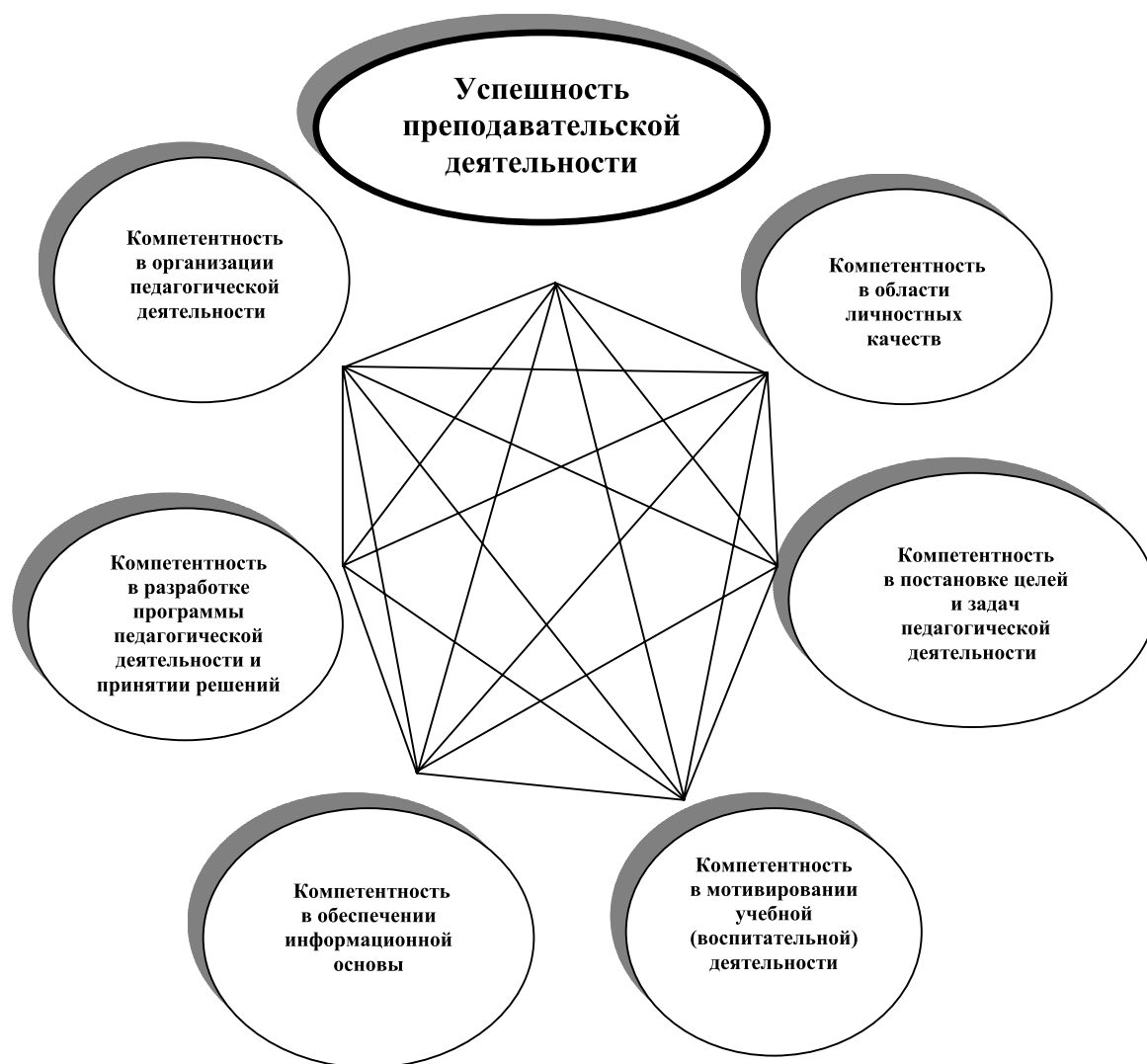

Рис. 1. Взаимосвязь базовых компетенций с успешностью повседневной деятельности военного преподавателя

6. Компетентность в организации повседневной деятельности.

Применение системно-деятельностного подхода позволяет нам ответить на вопрос о содержании (предмете) оценки в процессе аттестации. Иными словами, становится понятным, что в процессе анализа практической деятельности важно ответить на вопросы о том, как преподаватель осуществляет целеполагание, мотивирует курсантов, разрабатывает программы и принимает педагогические и управленческие решения, организует деятельность, обеспечивает ее информационное наполнение.

Проверка взаимосвязей выделенных компетенций и общего показателя успешности педагогической деятельности показала (см. рис. 1), что все компетенции связаны между собой системой прямых связей, значимых на высоком уровне достоверности. Они также связаны с общим показателем успешности педагогической деятельности.

Для обеспечения выполнения указанных принципов и достижения целесообразно проверку разделить на несколько этапов: подготовительный этап, непосредственную проверку и принятие решения.

Подготовительный этап включает в себя: ознакомление офицера с подготовленным представлением, представление непосредственного командира (начальника) в аттестационную комиссию по желанию аттестуемого может быть дополнено сведениями, характеризующими его деятельность.

Следующий этап — письменное квалификационное испытание может проводиться выездной комиссией с целью обеспечения более комфортных условий для аттестуемых. Оно может быть проведено по итогам курсов повышения квалификации при условии, что испытание будут проводить представители независимой экспертной группы, созданной в воинской части (военном учебном заведении) для проведения аттестации.

Заключительный этап проверки — принятие решения о соответствии занимаемой должности аттестационной комиссией. Оформление принятого решения протоколом, занесение принятого решения в аттестационный лист офицера. Комиссия принимает одно из следующих решений:

- соответствует занимаемой должности
- не соответствует занимаемой должности

Аттестационная комиссия в случае необходимости заносит в аттестационный лист преподавателя рекомендации по совершенствованию профессиональной деятельности, о необходимости повышения его квалификации с указанием специализации и другие рекомендации.

Проведение аттестации на соответствие занимаемой должности — это один из механизмов управления качеством образования. На основе результатов испытания проводится оценка уровня квалификации преподавателя и при необходимости вырабатываются рекомендации по дальнейшему профессиональному развитию. Для успешной реализации указанных целей важно выполнить ряд условий:

1. Задание для проведения квалификационного испытания должно быть связанным с содержанием выполняемой аттестуемым деятельности. При разработке (корректировке) заданий важно помнить, что они должны затрагивать различные компетенции офицера в соответствии с его должностными обязанностями.

2. Задания не должны дублировать квалификационные испытания, которые используются для оценки уровня квалификации выпускников военных учебных заведений.

3. Важно помнить, что задания, включенные в квалификационные испытания на соответствие занимаемой должности и критерии их оценки, должны быть ориентированы на необходимый минимум, а не максимум.

Речь идет о соответствии занимаемой должности. В результате испытания необходимо выяснить, может ли преподаватель занимать должность и при необходимости дать конкретные предложения по дальнейшему повышению его квалификации.

4. Подготовка к прохождению квалификационных испытаний должна способствовать профессиональному развитию офицера, качеству решения основных функциональных задач повседневной деятельности. Задания должны учитывать актуальные задачи, которые стоят перед системой высшего военного образования.

Решение педагогических ситуаций требует от преподавателя проявления педагогической компетентности: знаний, умений, личностных качеств. При проведении квалификационного испытания с целью подтверждения соответствия занимаемой должности преподавателю предлагается решить три ситуации. Выбор ситуаций для квалификационного испытания проводится случайным образом из имеющегося банка ситуаций.

При оценке результатов учитывается конструктивность и обоснованность предложенного способа разрешения сложившейся ситуации: умение оперативно сориентироваться в ситуации и причинах ее возникновения; умение выбрать обоснованный ориентир для выстраивания собственного поведения, умение поставить и реализовать цели и задачи в различных, даже неожиданных ситуациях; умение выработать и реализовать способ эффективного воздействия для разрешения сложившейся ситуации; умение предвидеть результаты воздействия. За

предложенный Вами вариант по каждой из ситуаций Вы можете получить от «0» до «3» баллов:

0 баллов — вариант ответа отсутствует или предложенный вариант является деструктивным. Предлагается такой вариант решения, при котором проявляющиеся трудности и проблемы (нарушение дисциплины, асоциальность, противодействие, конфликтность и т.д.) усилятся. Предложенный вариант может свидетельствовать о попустительстве и равнодушии к происходящему. В ответе может проявиться негативное отношение к выполнению своих обязанностей.

1 балл — приведен вариант разрешения ситуации нейтрального типа, это возможный, но не конструктивный вариант реагирования. Ситуация не станет хуже, но и не улучшится. Результат будет минимальным. Ответ не имеет обоснования или приведенное обоснование является не существенным. Решение направлено на то, чтобы «здесь и теперь» ситуация выглядела беспроблемной.

2 балла — предложенный вариант реагирования направлен на достижение положительного эффекта. В предлагаемом решении демонстрируется понимающее отношение к своим обязанностям, учитываются условия проблемной ситуации. Однако предложенное описание не содержит достаточного обоснования, возможных причин возникновения ситуации, последствий выбранного способа воздействия и др.

3 балла — дан конструктивный вариант реагирования и приведено его качественное обоснование. Обоснование включает анализ ситуации, изложение возможных причин ее возникновения, постановку целей и задач; описание возможных ответных реакций и других участников инцидента, предвидение результатов воздействия.

За выполнение трех заданий преподаватель может получить от 0 до 9 баллов.

Для получения положительного заключения о соответствии занимаемой должности достаточно набрать 4 балла. Подсчет общего количества баллов осуществляется методом сложения количества баллов, полученных за решение каждой из трех ситуаций по формуле:

$$ПС = А + В + С$$

Где ПС — показатель соответствия занимаемой должности,

А — оценка за решение первой ситуации,

В — оценка за решение второй ситуации,

С — оценка за решение третьей ситуации.

Комиссия принимает одно из следующих решений:

· Соответствует занимаемой должности — в том случае, если преподаватель набрал 4 и более балла.

· Не соответствует занимаемой должности — если преподаватель набрал менее 4-х баллов.

При проведении экспертной оценки профессиональной деятельности преподавателя, прежде всего, важно ответить на вопросы о том, по каким параметрам осуществляется оценка каждой из выделенных в соответствии с профессиональным стандартом компетенций. Для удобства проведения экспертной оценки в процессе аттестации па-

параметры структурированы по показателям, характеризующим каждую из педагогических компетенций.

Подготовка экспертного заключения предполагает проведение качественного и количественного анализа результатов экспертной оценки и самооценки педагогической компетентности.

Показатель уровня профессиональной квалификации преподавателя определяется как среднеарифметическое значение по шести базовым компетенциям:

$$ПК = \sum (Xi ЛК(э) + Xi ПЦ(э) + Xi МД(э) + Xi ИОД(э) + Xi ПД(э) + Xi ОУД(э)) / 6$$

Где: ПК — показатель уровня квалификации;

1. Компетентность в области личностных качеств;
2. Компетентность в постановке целей и задач педагогической деятельности;
3. Компетентность в области мотивации учебной деятельности;
4. Компетентность в области обеспечения информационной основы деятельности;
5. Компетентность в разработке программы и принятии педагогических решений;
6. Компетентность в области организации учебной деятельности.

Экспертная оценка:

Xi — среднее значение по каждой из шести компетенций

ЛК (э) — Экспертная оценка компетентности в области личностных качеств.

ПЦ (э) — Экспертная оценка компетентности в области постановки целей и задач педагогической деятельности.

МД (э) — Экспертная оценка компетентности в области мотивации учебной деятельности.

ИОД (э) — Экспертная оценка компетентности в области обеспечения информационной основы деятельности.

ПД (э) — Экспертная оценка компетентности в области разработки программы деятельности и принятия педагогических решений.

ОУД (э) — Экспертная оценка компетентности в области организации учебной деятельности.

На основе проведенного анализа составляется экспертное заключение, которое представляется в аттестационную комиссию для принятия решения по определению уровня его квалификации. По тем моментам, которые вызвали затруднения у офицера (преподавателя) при разрешении педагогических ситуаций (постановка педагогических целей и задач, построение взаимоотношений с обучающимися, выбор методов воздействия, оценка возможного эффекта и отдаленных последствий и др.), ему предлагается повысить квалификацию (самоподготовка, обучение на курсах, специальных семинарах и т.п.).

Участие Вологодского губернского земства в развитии Вологодской мужской классической гимназии

Пазгалова Е.С., аспирант
Вологодский государственный педагогический университет

Главное народное училище было открыто в Вологде в 1786 году. В 1804 году училище было преобразовано в губернскую гимназию [13, с. 1]. Гимназия располагалась на Плац-парадной площади, ныне улица Галкинская, 1. До 1932 года в Вологодской мужской гимназии было четыре класса, потом семь, в 1871 году был введен приготовительный класс, а в 1873 — восьмой класс. В гимназии преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, латинский, греческий, немецкий и французский языки, математика, физика, логика, история, география, чистописание, статистика, философия, юриспруденция. Кроме того воспитанников обучали рисованию, музыке, пению, танцам, военной выправке и маршировке [6, с. 42].

Несмотря на то, что Вологодская классическая гимназия традиционно существовала на средства, выделяемые из государственного казначейства, сбора платы за обучение, процентов с пожертвованных капиталов и пожертвования разных обществ и лиц, вклад в ее развитие

внесенный Вологодским губернским земством был также достаточно значительным. Суммы, выплачиваемые земством на развитие гимназии за разные годы, отражены в таблице 1.

Вологодская классическая гимназия была достаточно востребованным учебным заведением, за один десяток лет количество ее воспитанников значительно возросло. Например, в 1872/73 учебном году в ней обучался 271 учащийся, в 1879/80—264, в 1881/82—296. Среди обучающихся юношей многие принадлежали «к недостаточным в имущественном отношении классам», не имели возможности приобрести вещи первой необходимости [10, с. 6]. Поэтому 27 января 1885 года было учреждено Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Вологодской гимназии. Председателем Общества был избран директор гимназии Л.И. Исполатов. Вологодское губернское земство приняло самое активное участие в его деятельности, выделяя на обеспечение нуждающихся учеников суммы сначала в 50, а позже в 100 руб. ежегодно.

Таблица 1. Суммы, выплачиваемые Вологодским губернским земством на поддержание деятельности мужской гимназии за разные годы

Суммы/ Года	1889	1890	1892	1894	1895	1897	1899	1900	1902	1903	1911	1913	1915	1916
Общество вспомоществования	50	50	50	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Стипендии	95	95	700	700	700	700	1200	1200	1200	1200	1500	1500	1500	1500
Общежитие	-	-	-	-	1000	5000	1000	1000	1000	1000				
Расширение корпуса здания гимназии	-	-	-	-	-	-	25000	-	-	-	-	-	-	-

За этот вклад в его деятельность земство получило статус почетного члена Общества.

Помимо поддержки бедных учеников мужской гимназии, Вологодское губернское земство перечисляло крупные суммы на выплату стипендии лучшим учащимся. Например, в 1890/91 учебном году земство предоставило стипендию в «память выздоровления наследника цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора» в размере 5 % от суммы 1900 рублей, что составляло 95 руб. [5, л. 60]. В 1892/93 учебном году помимо стипендии в 95 руб. губернское земство выделило семь стипендий по 100 руб. каждая, «в ознаменование серебряной свадьбы Их Императорских Величеств» [12, с. 24]. В 1911 года размер стипендии еще больше увеличился и составил 1500 руб. в совокупности. Стипендии выплачивались в «память 25-ти летия бракосочетания Императора Александра III» семи учащимся по 100 руб. каждая, «в память бракосочетания Императора Николая II» пяти учащимся по 100 руб., «в память выздоровления Императора Николая II троем учащимся по 100 руб. [1, с. 121–122].

В 1824–1864 годах при Вологодской мужской гимназии существовал пансион [6, с. 42]. Но после его упразднения снова возникла потребность в устройстве пансиона. В 1894 году при мужской гимназии было учреждено общежитие на средства почетного попечителя гимназии А.А. Йозефовича без всякой субсидии со стороны земских учреждений губернии и казны. В связи с этим обстоятельством, губернским собранием на сессии 2 февраля 1895 года было принято решение перечислить на содержание общежития ежегодную субсидию от губернского земства, в размере 1000 руб., в продолжении десяти лет. Также Министерством народного просвещения была ассигнована сумма в 23 000 руб. на пристройку нового крыла к зданию гимназии и назначено ежегодное пособие из казны на содержание общежития. В 1897 году директор гимназии снова подал прошение об отпуске средств на поддержание ученического интерната при гимназии 10 000 руб. на безвозвратной основе, указывая на значительное количество воспитанников гимназии живущих в нем. Губернское собрание постановило: выдать пособие на содержание общежития при гимназии 5 000 руб. из запасного капитала и вносить эту сумму в смету по 1000 руб. в год, начиная с 1897 года [4, с. 143–145].

В 1899 году директор Вологодской гимназии ходатайствовал в губернскую управу о необходимости расширения корпуса гимназии. Он указал на тот факт, значительное увеличение количества учащихся за последние годы порождает переполнение классных помещений. В связи с этим директор ходатайствовал у губернского собрания о назначении единовременного пособия в размере 25 000 руб. на постройку дополнительного здания и для проектируемых к открытию I–IV параллельных классов гимназии [2, с. 256–259]. Вологодское губернское собрание на очередном заседании 30 января 1899 года постановило: отпустить из запасного капитала сумму 25 000 руб. безвозвратно на постройку дополнительного здания и третьего этажа гимназии, только в том случае, если Министерство народного просвещения также отпустит необходимую сумму в половинном размере и так же безвозвратно. Министерство народного просвещения уведомило губернское собрание, что если земство ассигнует на предположенную к мужской гимназии постройку параллельных классов 25 000 руб., то Министерство выделит эту же сумму в ссуду с рассрочкой ее возврата на 25 лет. Губернское собрание на заседании 3 февраля 1899 года постановило: ассигновать безвозвратно на пристройку параллельных классов сумму в 25 000 руб. из запасного капитала [4, с. 147–148].

15 ноября 1903 года была открыта последняя параллель при V классе гимназии при поддержке Министерства народного просвещения, которое разрешило один год не уплачивать 1000 руб. на погашение долга в 25 000 руб., а использовать эти средства на содержание параллельного отделения при V классе. Так как подобная временная мера не могла полностью решить проблему с финансированием параллельного класса, то педагогический совет гимназии решил обратиться за помощью к Вологодскому губернскому земскому собранию с просьбой об ассигновании денежной субсидии на содержание параллельного отделения при V классе в размере 1740 руб. [3, с. 404–409]. Но земским губернским собранием ходатайство гимназии было отклонено.

В отчете за 1879/80 учебный год отмечалось, что ученики, обладающие голосами, составляли церковный хор, участвующий при богослужении в домово́й церкви гимназии. Репетиции хора проводились два раза в неделю

под руководством ученика VIII класса Алексина Александра [8, с. 6]. В репертуар хора входили церковные песни и духовная музыка. В 1884/85 учебном году в гимназии были назначены специальные уроки для обучения учащихся церковному пению. Руководителем хора являлся бывший регент семинарского и архиерейского хоров, помощник классных наставников Ростиславин [10, с. 9]. Репетиции хора певчих в количестве 30 человек проходили шесть раз в неделю. Хор принимал участие в двух музыкально-вокальных вечерах, походивших в гимназии 25 ноября 1890 года и 17 февраля 1891 года и в других торжественных случаях. Выступления хора всегда пользовались большой популярностью и успехом, вызывая полное одобрение публики [11, с. 16].

Оркестровая музыка была введена в гимназии по распоряжению министра народного просвещения с 1889/90 учебного года. Занятия учеников музыкой проводились под руководством учителя Павла Юлиановича Гефле. Уроки музыки проходили два дня в неделю, с разделением учеников на два отделения — старшее и младшее. Из учеников старшего отделения были составлены два оркестра: бальный (струнный) и военный (духовой). Возможность составить два таких оркестра появилась из-за того, что многие из учеников старшего отделения играли на двух инструментах, что лучше всего подтверждает их успехи. Всего учеников занимавшихся музыкой в 1890/91 учебном году было 47 [11, с. 17].

Помимо обучения пению и музыке, учащимся гимназии преподавалась гимнастика. Их обучением занимался капитан Кременецкий. В 1890/91 учебном году в рамках данной дисциплины для воспитанников гимназии были проведены три военно-гимнастические прогулки. Они проходили в сопровождении хора и оркестра и были направлены на посещение учениками имения исправника г. Васильева, имения помещика Набалова «Ковырино» и деревни «Семенково». Целью данных прогулок было приучить воспитанников к походным движениям и научить проходить значительные пространства без усталости [11, с. 19–20].

В фундаментальной библиотеке гимназии к 1 января 1882 года состояло 2458 книг, из них в отделе учебников 127 книг, в ученической — 601 книга. В физическом кабинете состояло 277 инструментов и приборов, в кабинете естественных наук 1411 предметов [9, с. 21–22].

Вологодскую мужскую классическую гимназию только в период времени с 1850 по 1899 годы окончило 563 выпускника, а за весь период ее существования, воспитанников успешно закончивших ее несоизмеримо больше. Среди них много известных деятелей культуры и науки: писатели В.А. Гиляровский, П.В. Засодимский, В.И. Красов, Ф.П. Савинов, художники И.И. Варакин, Н.П. Дмитриевский, искусствовед И.В. Евдокимов, ученые-химики С.С. Перов, А.Е. Фаворский, И.И. Черняев, математик А.Н. Коркин, общественный деятель Х.С. Леденцов, историк-краевед А.Е. Мерцалов, педагог Н.Ф. Бунаков [6, с. 42]. Последний, кроме того, работал в гимназии классным наставником в приготовительном классе [7, с. 4].

Таким образом, Вологодское губернское земство активно участвовало в развитии Вологодской мужской классической гимназии, перечисляя денежные средства на выплату стипендии лучшим учащимся, помогая неимущим воспитанникам приобретать одежду и обувь, финансируя устройство и содержание общежития, строительство дополнительного здания и третьего этажа гимназии. В результате подобных мер поддержки мужская гимназия состоялась как одно из старейших средних учебных заведений на северо-западе России, в котором существовали хор и два оркестра, в рамках гимнастической подготовки учащихся проходили военно-гимнастические прогулки. Выпускниками гимназии являлись многие известные представители науки и искусства, прославившие своими делами имя гимназии и ее педагогический коллектив. Но период учебной и творческой активности учителей и учащихся гимназии пришелся на вторую половину XIX — начало XX веков. Поэтому помощь оказанная гимназии со стороны губернского земства имела, на наш взгляд, важнейшее значение для ее скорейшего творческого развития и процветания.

Литература:

1. Вологодское губернское земское собрание. Доклады Вологодскому Губернскому Земскому Собранию третьей очередной сессии XIV трехлетия Вологодской Губернской Земской Управы по Народному Образованию и выписки из журналов заседаний Собрания. — Вологда: Типография Губернского Правления, 1912. — 140 с.
2. Вологодское губернское земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, второй очередной сессии, десятого трехлетия. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1899. — 813 с.
3. Вологодское губернское земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, первой очередной сессии XII трехлетия. Доклады Вологодской Губернской Земской Управы и приложения к ним. — Вологда: Типо-литография Шахова и Клыкова, 1904. — 895 с.
4. Вологодское губернское земское собрание. Систематический сборник постановлений Вологодского Губернского Земского Собрания за 1870—1901 гг.: [в 2 т.]. Т. II: (V. Народное образование. — VI. Народное здравие. — VII. Ветеринария. — VIII. Общественное призрение и благотворительность). — Москва: Товарищество типографии Владимир Чичерин, 1905. — 922 с.
5. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 657. Л. 43–60.

6. Коновалов Ф.Я. Вологда XII — начало XX века: краеведческий словарь/ Ф.Я. Коновалов, Л.С. Панов, Н.В. Уваров. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1993. — 298 с.
7. Отчет о состоянии Вологодской гимназии за 1872/73 год. — Вологда: Печатано в типографии Губерн. Правл., 1874. — 34 с.
8. Отчет о состоянии Вологодской гимназии за 1879—80 учебный год. — Вологда: Печат. в типогр. Волог. Губ. Прав., 1880. — 40 с.
9. Отчет о состоянии Вологодской гимназии за 1881—82 учебный год/сост. А.О. Знаменским. — Вологда: Печатано в типографии Вологодского Губернского Правления, 1882. — 42 с.
10. Отчет о состоянии Вологодской гимназии за 1884/85 учебный год/сост. А.О. Знаменским. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1885. — 56 с.
11. Отчет о состоянии Вологодской гимназии за 1890—91 учебный год/сост. В.И. Тузовым. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1891. — 51 с.
12. Отчет о состоянии Вологодской гимназии за 1892—93 учебный год/сост. В.И. Тузовым. — Вологда: Печатано в Типо-Литографии И.И. Соколова, 56, 7 с.
13. Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии, 1786—1886 г., с приложением списка лиц, служивших и служащих в гимназии, и учеников, окончивших в ней курс с 1850—1886 год. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1886. — 40 с.

Влияние Вологодского губернского земства на развитие Мариинской женской гимназии

Пазгалова Е.С., аспирант

Вологодский государственный педагогический университет

Вологодская Мариинская женская гимназия являлась средним общеобразовательным учебным заведением для девушек. Основой для будущей гимназии служил частный женский пансион Генриетты Дозе, существовавший с 1834 года. В 1858 году он был преобразован в перворазрядное училище для девиц. В 1860 году для училища приобретается трехэтажное каменное здание на улице Большой Благовещенской (ныне — здание Вологодского педагогического колледжа, ул. Батюшкова, 2). 11 мая 1862 года Вологодское женское училище получило новое название — Вологодская Мариинская женская гимназия [12, с. 1]. Гимназия содержалась на суммы сбора платы за обучение, средства, поступавшие из государственного казначейства, губернского и уездных земств и городских обществ. В 1870—1880-х годах основными источниками финансирования гимназии являлись пособия от земства и казны, а в начале XX века — плата за обучение [14, с. 570]. Гимназисткам преподавали Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, математику, физику, географию, педагогику, русскую и всеобщую историю, рисование, чистописание, пение, рукоделие. В гимназии функционировали 7 основных и 8-й дополнительный класс, при 5, 6, 7 классах действовали параллельные отделения; при гимназии существовали домовая церковь и общежитие [15; с. 192]. По окончании гимназии выпускницы получали звание домашней учительницы или домашней наставницы [13, с. 41].

Деятельность Вологодского губернского земства всегда была направлена на поддержку и помощь жен-

ской гимназии, так как основные средства на ее содержание предоставлялись губернским земством и служили «единственным подспорьем к дальнейшему существованию заведения» [1, с. 157]. На очередном заседании собрания 9 марта 1870 года было принято решение о передаче в распоряжении гимназии остаточных сумм от содержания закрывающихся землемерно-таксаторских классов в количестве 1559 руб. 25 коп. и о ежегодном назначении на содержание гимназии по 2 000 руб., остающихся от их закрытия. Помимо этого собрание назначило 500 руб. на открытие при женской гимназии педагогических курсов, ссылаясь на сплошную безграмотность женского населения Вологодской губернии [6, с. 151].

В 1875 году по ходатайству директора Вологодской гимназии об увеличении земской субсидии на поддержание женской гимназии, в связи с увеличением в ней курса преподавания, собрание постановило: прибавить еще 500 руб. к сумме 2 000 руб., выплачиваемой губернским земством на содержание гимназии. В 1880 году губернским собранием было удовлетворено ходатайство попечительного совета женской гимназии о выдаче 7 000 руб. на расширение помещения гимназии [1, с. 72]. В 1881 году в связи с увеличением расхода на содержание расширенного помещения гимназии, губернское собрание ассигновало из сумм губернского земского сбора Мариинской женской гимназии 3 000 руб. [6, с. 152]. Но ходатайство члена попечительного совета гимназии В.Н. Саблина об увеличении пособия гимназии от губернского

деления при VII классе в связи с увеличением числа учащихся в нем воспитанниц в добавление к уже существующим параллельным отделениям при IV, V и VI классах, содержащихся при помощи Министерства народного просвещения. Но губернская земская управа отказала попечительному совету в оказании помощи, мотивируя решение закрытием параллели при четвертом классе в связи с открытием в городе новой женской прогимназии [4, с. 275–277]. Только 4 февраля 1902 года губернским земским собранием было принято решение о содержании пятого параллельного класса гимназии и о выдаче пособия в размере 1370 руб.

В 1902 году попечительный совет Мариинской гимназии по истечении срока в десять лет снова ходатайствовал о назначении субсидии на общежитие, в связи с тем, что количество воспитанниц проживающих в нем за данный период возросло с 8 до 63 учениц. Но губернская управа указала совету на значительный остаток от сумм, оставшихся от прошлого 1901/02 учебного года (758 руб. 43 коп), позволяющий содержать троих бесплатных пансионеров общежития, а остальные вносили плату за свое содержание. На этом основании в субсидии на общежитие попечительному совету гимназии было отказано [4, с. 449].

Помимо стипендий, выплачиваемых губернским земством, некоторые воспитанницы гимназии еще были освобождены от платы за обучение как дети служащих или служивших в Министерстве народного просвещения или

в счет оплаты 10 % от количества обучающихся в гимназии лиц. Например, в 1886 году освобождена от оплаты за обучение была 81 ученица, в 1888 году — 54, в 1889 году — 56 [7, 8, 9].

В библиотеке гимназии в 1890 году стояло 553 книги на сумму 1588 руб. 25 коп., в кабинетах физических приборов и снарядов — 106, предметов естественной истории — 490, глобусов и географических карт — 54, других учебных пособий — 253 [2; с. 174].

Таким образом, влияние Вологодского губернского земства на развитие Мариинской женской гимназии заключалось в перечислении средств на ее содержание, ремонте старого здания гимназии и строительства нового, содержании общежития и выплате стипендий лучшим ученицам, участии в деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученицам гимназии, предоставлении ссуд. Так как основная финансовая помощь получалась гимназией из двух источников: государственного казначейства и губернского земства, то ведущая роль при этом доставалась именно земству, которому приходилось иногда в ней отказывать по причине недостатка средств или необоснованности предъявляемых попечительным советом гимназии требований. Но в целом, губернное земство оказывало положительное влияние на развитие женской гимназии, и, благодаря своей деятельности, подняло уровень женского образования в губернии на должную высоту.

Литература:

1. Вологодское Вологодское губернное земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, второй очередной сессии, четвертого трехлетия. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1881. — 520 с.
2. Вологодское губернное земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, второй очередной сессии, седьмого трехлетия. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1890. — 571 с.
3. Вологодское губернное земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, второй очередной сессии, восьмого трехлетия. — Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1893. — 863 с.
4. Вологодское губернное земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, третьей очередной сессии XI трехлетия. Доклады Вологодской Губернской Земской Управы и приложения к ним. — Вологда: Типо-литография Шахова и Клыкова, 1903. — 1088 с.
5. Вологодское губернное земское собрание. Журналы Вологодского Губернского Земского Собрания, первой очередной сессии XV трехлетия. — Вологда: Типография Губернского Правления, 1913. — 1090 с.
6. Вологодское губернное земское собрание. Систематический сборник постановлений Вологодского Губернского Земского Собрания за 1870–1901 гг.: [в 2 т.]. Т. I: (I. Организация земских учреждений. II. Финансы земства. III. Земские повинности. IV. Народное продовольствие). — Москва: Типо-литография В. Рихтер, 1904. — 1118 с.
7. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 453. Л. 71.
8. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 531. Л. 39.
9. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 573. Л. 8.
10. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 657. Л. 76.
11. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 696. Л. 100.
12. Историко-статистический обзор учебных заведений Вологодской губернии. Вологодская Мариинская женская гимназия// Вологодские губернские ведомости. — 1881. — № 48. — С. 1.
13. Коновалов Ф.Я. Вологда XII — начало XX века: краеведческий словарь/ Ф.Я. Коновалов, Л.С. Панов, Н.В. Уваров. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1993. — 298 с.

14. Макеева И.А. Первые женские средние учебные заведения в Вологодской губернии/ И.А. Макеева// Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2. — Вологда: Русь, 1997. — С. 562—575.
15. Нагибина О.В. Развитие среднего образования на северо-западе России во второй половине XIX — начале XX веков: дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук/ О.В. Нагибина. — Вологда: [б. и.], 2006. — 220 с.
16. Торжество закладки и освящения нового здания Вологодской Мариинской женской гимназии. — Вологда: Типография А.В. Гудкова-Белякова, 1898. — 23 с.
17. Х.П. Деятельность Вологодского Губернского земства по народному образованию/ Х.П. // Вологжанин: литературно-научный сборник/ авт. С.А. Дилакторский, Н.А. Иваницкий, А.А. Карелин [и др.]. — Вологда: Типография А.В. Гудкова-Белякова, 1895. — С. 141—160.

Теоретико-методологические подходы к формированию готовности подростков к межкультурному общению

Севостьянова Т.И., преподаватель
Челябинский государственный университет

Актуальна в современной педагогике проблема формирования готовности подростков к межкультурному общению. Следует отметить, что опираясь на проведённый теоретический анализ, мы будем рассматривать *готовность подростков к межкультурному общению как их способность успешно осуществлять взаимодействие партнёров по общению, принадлежащих к разным культурам и языкам, осознающих тот факт, что каждый из них является «другим» и понимающих некую «чужеродность», «инаковость» партнёров по общению.*

Формирование готовности подростков к межкультурному общению — сложный процесс, и невозможно рассматривать его с точки зрения одного теоретико-методологического подхода, существующего в педагогической теории и практике. Поэтому нами были определены: системный, культурологический, антропологический и деятельностный подходы. Охарактеризуем данные подходы.

Системный подход представлен исследованиями А.Н. Аверьянова [1], Б.Г. Афанасьева [14], В.П. Беспалько [8], И.В. Блауберга [11], Н.В. Кузьминой [14], Г.Н. Серикова [18], Э.Г. Юдина [21] и др.

Э.Г. Юдин под системным подходом понимает способ научного исследования и практического освоения сложноорганизованных объектов, при котором на первое место становится не анализ составных частей объекта как таковых, а его характеристика как определённого целого, раскрытие механизмов, обеспечивающих целостность объекта [21, с. 203].

Н.В. Кузьмина под педагогической системой понимает множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчинённых целям воспитания, образования и обучения подрастающих поколений [14, с. 10].

Использование системного подхода в нашем исследовании позволяет рассмотреть:

- процесс формирования готовности подростков к межкультурному общению во внеурочной воспитательной

работе как сложную педагогическую систему, представленную единством взаимосвязанных и относительно устойчивых элементов, исследование этой системы подразумевает изучение её структурных компонентов, связей и отношений;

- систему формирования готовности подростков к межкультурному общению как подсистему внеурочной воспитательной работы, что позволяет разнообразить коммуникативную деятельность подростков, объединить усилия педагогов для реализации цели и задач по подготовке подростков к межкультурному общению;

- понятие «готовность подростков к межкультурному общению» в аспекте его системных характеристик.

При этом системный подход обеспечивает всестороннее изучение проблемы на всех этапах его исследования.

Велико значение *культурологического подхода* при формировании готовности подростков к межкультурному общению. В.Л. Бенин правомерно считает, что культурологический подход в науке рассматривается как методологическая основа образования, ориентированного на человека [7].

В.Л. Бенин [7], Н.Б. Крылова [13], К. Роджерс, Дж. Фрейберг [17] и др. сторонники культурологического подхода считают центральной фигурой образования, его главным действующим субъектом — учащегося. Они считают, что ученик, осмысливая мир культуры, картину мира, адаптируется к действиям и поведению окружающих, и «опытным путём», «между делом» осваивают культурные нормы и ценности. Н.Б. Крылова отмечает, что ученику «...нужны естественные для него действия, в которых он сам экспериментирует и ищет, пробует и контролирует, находит и реконструирует» [13, С.16].

Педагог, воспитатель в такой системе взаимоотношений признаётся как равноправный партнёр по совместным занятиям, как доброжелательный организатор поддержки (фасилитации) подростка в рамках его про-

блем. В своей деятельности фасилитатор реализует понимание подростка, принятие его, одобрение, доверие, свой открытый личностный интерес к нему. К. Роджерс и Ж.Д. Фрейберг поясняют: «Фасилитатор создаёт психологический климат, в котором ученик может принять на себя ответственность и контроль» [17, С.41].

Применительно к нашему исследованию важно, что в ряде исследований М.М. Бахтина [5], Н.А. Бердяева [6], В.С. Библера [9] и др. представлено феноменологическое понимание культуры как миссии всеобщего человеческого общения.

Использование культурологического подхода позволяет:

- содействовать осознанию подростками своей культурной идентичности при принятии базовых ценностей мировой культуры;
- рассматривать подростка — как субъекта, способного к культурному саморазвитию;
- создать каждому подростку условия для творческого овладения знаниями, умениями и личностными качествами, необходимыми для осуществления межкультурного общения.

Антропологический подход (Ш.А. Амонашвили [3], Б.М. Бим-Бад [12], Е.Н. Степанов, Л.М. Лузина [19], К.Д. Ушинский [20] и др.) развивается в рамках педагогической антропологии, заявляя себя как направление современной педагогики, интегрирующее знание о ребёнке как целостном существе, полноценном представителе вида *Homo sapiens*, полноправном участнике воспитательного процесса. Антропологический подход широко применяется в «гуманистической педагогике», «рефлексивной педагогике», «педагогике ненасилия».

Воспитание с позиций педагогической антропологии рассматривается как естественный процесс, отвечающий природе человека, как развитие индивидуальных способностей, задатки которых присущи ему от рождения. В основе этого развития лежит важнейшая духовная потребность человека — потребность в воспитании. Поэтому ребёнок всегда чувствителен к воспитательному взаимодействию с взрослым, а достаточно воспитанный подросток уже способен испытывать потребность в саморазвитии, самовоспитании.

Литература:

1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
2. Ананьев Б.Г. О человеке как объекте и субъекте воспитания. М.: Педагогика, 1980. 288 с.
3. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Изд-во Ш. Амонашвили, 1995. 495 с.
4. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. 342 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 414 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. (Статьи, письма Н.А. Бердяева) // Новый мир. 1990. № 1. С. 207–232.
7. Бенин В.Л. Культура и образование. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет, 2000. 129 с.
8. Беспалько В.П. Основы теории педагогических систем. Воронеж, 1977. 304 с.
9. Библиер В.С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в XXI веке. М.: Политиздат. 1991. 412 с.

Использование антропологического подхода при формировании готовности подростков к межкультурному общению позволяет:

- учитывать возрастные особенности и чувствительные предпосылки психического развития, духовный и творческий потенциал, потребности и склонности к самореализации современных подростков в поликультурном мире;
- создать условия для стимулирования и развития процессов самопознания, самореализации, самовоспитания и самоутверждения подростков как основы межкультурного общения;
- использовать природосообразные, ненасильственные методы воспитания.

Деятельностный подход (Б.Г. Ананьев [2], А.Н. Леонтьев [15], А.В. Петровский [16], и др.) опирается на положение о том, что деятельность является одним из определяющих условий формирования и развития личности.

Реализация на практике деятельностного подхода предполагает включение подростков в разнообразные виды деятельности, имеющие потенциальные возможности по активизации и переводу подростков в позицию субъектов деятельности, в том числе социальной, в условиях современного поликультурного мира, субъектов познания, труда и общения.

Использование деятельностного подхода при формировании готовности подростков к межкультурному общению ориентирует на:

- использование в воспитательном процессе различных видов межкультурной деятельности (познавательно-исследовательской, проблемно-ценностного общения, социально-значимой добровольной деятельности, культурно-досуговой);
- развитие у подростков осознанной регуляции деятельности, связанной с межкультурным общением (выбор цели, планирование, программирование, самоанализ и коррекция результатов деятельности).

Таким образом, совокупность культурологического, антропологического и деятельностного подходов позволит разработать и обосновать *дидактическое обеспечение* формирования готовности подростков к межкультурному общению.

10. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
11. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука. 1973. 270 с.
12. Бим-Бад Б.М. Очерки по истории и теории педагогики. М.: Изд-во УРАО. 2003. 272 с.
13. Крылова Н.Б. Культурология образования. М.: Народное образование. 2000. 272 с.
14. Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования. Л.: ЛГУ. 1970. 114 с.
15. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. М.: Педагогика. Т. 1. С. 392.
16. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: ИПЛ. 1982. 254 с.
17. Роджерс К., Фрейберг ДЖ. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. 527 с.
18. Сериков Г.Н. Образование: аспекты системного отражения. Курган: Зауралье. 1997. 464 с.
19. Степанов Е.Н., Лузина Л.М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. ТЦ Сфера, 2008. 224 с.
20. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Изд-во ФАИР-ПРЕСС, 2004. — 576 с.
21. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. — М.: Наука, 1978. — 391 с.

Роль интерактивного дизайна в процессе подготовки специалиста социально-культурной сферы

Селиванов И.Ю., аспирант

Московский государственный университет культуры и искусств

В современной системе управления происходит масштабная модернизация, меняются не только принципы и инструментарий, но и отношение к менеджменту как основе обозначенной системы, а не как к очередной ее функции.

Управление в сфере культуры, наряду с производственным, или отраслевым менеджментом занимает особое место.

Сегодня происходит активное внедрение интерактивных технологий управления учреждением культуры, которое уже апробировано в США, Японии и некоторых Европейских странах.

Эти страны имеют не только научную, и производственную базы, но и специалистов готовых решать инновационные производственные задачи. Так, например в послании президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному собранию от 13 ноября 2009 г. отмечалось, что в контексте проблем внедрения инноваций в сферы науки, культуры и образования, достаточно важна подготовка современных специалистов, умеющих качественно работать с информацией и принимать решения основываясь на точном, межсистемном анализе.

Использование интерактивных технологий для управления учреждениями культуры — это новое направление в области социокультурного менеджмента. Мы считаем, что его необходимо развивать, учитывая наработки зарубежных специалистов.

Для этого есть следующие основания. Во-первых, интерактивные технологии инновационны и универсальны, поскольку их основной функцией является интеграция, которая также доминирует в сфере культуры.

Во-вторых, интерактивные технологии могут быть использованы для более качественного и эффективного управления учреждениями культуры, с целью создания новых культурных продуктов и услуг, в которых нуждается все современное культурное пространство.

Кроме этого, мы полагаем, что освоение навыков работы с интерактивными технологиями необходимо менеджеру социально-культурной деятельности, чтобы он знал как спроектировать информационную модель учреждения культуры, определить внутрисистемные связи, классифицировать различные межгрупповые зависимости, а также внедрить в учреждение культуры современные онлайн-новые средства связи, для усовершенствования процесса передачи информации.

Ведь, именно с помощью современных интерактивных технологий возможно создание информационной модели учреждения культуры. Управление ей позволит менеджеру СКД включаться в интеграционный процесс, в результате чего расширятся его информационные возможности. А, эти возможности позволят ему выйти на качественно новый уровень управления информацией.

Заметим, что эффективное управление информацией способствует не только развитию производственного процесса учреждения, что выражается в создании новых культурных продуктов и услуг, но и совершенствованию профессиональных качеств менеджера СКД, в том числе развитию интерактивности в системе управления учреждением культуры.

Процесс развития интерактивности менеджера СКД напрямую зависит от процесса освоения интерактивных технологий и умения использовать данные технологии в работе.

Необходимо отметить, что в наши дни информационная интеграция становится главной функцией в процессе интерактивного управления учреждениями культуры. Данную интерактивность можно охарактеризовать, как процесс способствующий развитию системы управления учреждением культуры, а также определяющий будущий вектор подготовки специалистов социально-культурной деятельности.

Интерактивное управление учреждением культуры способствует полиактивности менеджера СКД, что создает условия для полифункциональности. При этом менеджер СКД способен значительно быстрее и эффективнее работать с необходимой информацией и применять межсистемный анализ для эффективного управления учреждением культуры.

Означенный нами межсистемный анализ относится к разряду современных методов управления применяемых в современном информационном менеджменте во всем мире.

Специалистам владеющим методом межсистемного анализа необходимо помнить, что для эффективного управления инновациями, трансфертом инновационных технологий между различными организациями, отраслями и сферами деятельности принципиально важной является адекватная организация процесса мониторинга современных технологий, обзора и анализа информации о внешних исследованиях и разработках [1].

Необходимо отметить, что наиболее ярко использование межсистемного анализа проявляется в процессе трейдинга (торговля валютой и ценными бумагами) на мировых биржах.

Нам данный опыт представляется достаточно важным в контексте инновационного экономического развития России, в том числе социокультурной деятельности, существование которой детерминирована современной парадигмой информационного общества.

На сегодняшний день, межсистемный анализ является неотъемлемой частью интерактивных технологий управления.

Но главной особенностью интерактивных технологий управления является то, что их можно использовать для создания информационного дизайна учреждения культуры, формирования его общей архитектуры.

С их помощью строится единая информационная система учреждения культуры, для этого менеджером СКД могут быть использованы такие современные компьютерные программы как «БП Вин» и «Персональный разум». Применение любой из них, позволит менеджеру СКД решить две главные задачи в построении общего архитектурного дизайна информационной системы учреждения культуры.

Во-первых, идентифицировать ресурсную базу учреждения культуры. Во-вторых, получить контроль над персоналом за счет создания единой, интерактивной организграммы учреждения культуры.

В процессе проектирования информационной системы учреждения культуры, у менеджера СКД форми-

руются определенные управленческие навыки по работе с единым информационным капиталом учреждения культуры.

Согласно нашей практической деятельности, связанной с разработкой и внедрением информационных систем управления учреждением культуры, мы пришли к заключению, что к информационному капиталу логично отнести все имущественные и неимущественные ресурсы учреждения, в том числе сотрудников, которые могут быть «информационно обработаны» (когда собрана вся информация о них), и задействованы в качестве информационной единицы в едином информационном процессе учреждения.

Из подобных единиц складывается информационный капитал современного учреждения культуры. Знание принципов формирования информационного капитала, умение рассчитать информационный капитал учреждения, позволит менеджеру СКД реально оценить его ресурсную мощь, определить место на рынке и просчитать способы развития учреждения в будущем. Это может быть как создание новых культурных продуктов и услуг, так и приобретение новых технологий.

В этой связи, особенное значение приобретает информационная организграмма учреждения культуры — это виртуальное, электронное отображение информационного капитала учреждения культуры.

В организграмму вносятся данные по имуществу учреждения, финансам, количеству сотрудников, также она способна отражать информационные связи между отделами, людьми, обеспечивать непрерывную, межгрупповую коммуникацию.

Современный специалист — управленец в социокультурной сфере, должен не просто знать принципы построения информационной системы учреждения культуры с помощью интерактивных технологий, но и владеть реальными навыками построения такой системы.

Умение использовать интерактивные технологии, строить с их помощью информационную организграмму учреждения культуры, позволит менеджеру СКД контролировать рабочий процесс, поможет сконцентрироваться над созданием нового продукта, а также добиться автоматизации многих процессов.

Мы полагаем, что профессиональная подготовка менеджера социально-культурной деятельности, кроме существующих основ, должна базироваться на его обучении работе с интерактивными технологиями.

В учебном процессе важно учитывать два существенных аспекта. Во-первых, менеджера СКД необходимо обучать технологиям создания информационной системы учреждения культуры и построения организграммы.

Во-вторых, менеджер СКД должен знать основные принципы работы с современными онлайн-системами, а так же современными средствами связи.

В процессе подготовки менеджера социально-культурной деятельности особое место логично отводить схематическому моделированию.

Подчеркнем, что метод схематического моделирования является одним из самых востребованных в современных информационных организациях, а специалист, владеющий этим методом, способен четко определить входящие и исходящие информационные потоки, скоординировать основные функции и бизнес-процессы.

Все это приводит к оптимизации и нормированию производственного процесса, позволяет построить логический аппарат управления учреждением.

Умение построить органиграмму также является важной составляющей, определяющей конкурентоспособность специалиста.

Нам представляется, что в XXI веке все крупные предприятия перейдут на информационную систему управления построенную на основе электронной органиграммы. Без знания основных принципов построения подобных систем и умения работать с ними невозможно представить будущего специалиста сферы управления, а тем более социально-культурной сферы.

Этим, на наш взгляд, обусловлена необходимость включения в учебную программу вузов культуры и искусств дисциплины: «Интерактивный дизайн».

На основе использованных нами материалов, мы пришли к ряду выводов.

Литература:

1. Абрамешин, А.Е. и др. Инновационный менеджмент /А.Е. Абрамешин, Т.П. Воронина, О.П. Молчанова, Е.А. Тихонова, Ю.В. Шленов. — М.: Вита-Пресс, 2001. — 110 с.
2. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации /Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. - СПб.: Питер, 2004.
3. Сумина Т.Н. Информационные ресурсы: проблемы взаимодействия теории и практики-М. Библиографическое дело 2002.

К вопросу о рисунке по памяти, представлению и воображению

Спирина М.В., кандидат педагогических наук, ст. преподаватель
Российский государственный социальный университет

Работа по памяти, представлению и воображению предполагает работу определенного типа мышления и восприятия. Эти процессы рассматривали в своих научных трудах известные ученые, такие как И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, Д.Н. Узнадзе, А.В. Брушлинский, И.С. Якиманская, Б.М. Теплов и др. В процессе психического отображения новых, наиболее существенных свойств и отношений окружающей действительности мышление играет особую роль.

«Мышление — это всегда искание и открытие существенно нового. Уже маленький ребенок, по мере формирования у него элементарных видов мыслительной деятельности, начинает открывать новое в окружающей действительности», — пишет А.В. Брушлинский [1, с. 38]. По мнению ученого, открываемое в процессе мышления

Во-первых, в современной системе управления стремительно развиваются интерактивные технологии управления. Их необходимо использовать и в социокультурной сфере для улучшения качества работы учреждений культуры.

Во-вторых, интерактивные технологии интегрируются в социокультурный менеджмент, устанавливая новый способ взаимодействия между традиционной научной школой менеджмента и социокультурной сферой.

В-третьих, менеджмент в развитых зарубежных странах активно развивается благодаря внедрению современных интерактивных технологий, базирующихся на самом современном программном обеспечении.

На наш взгляд, необходимость использования интерактивных технологий в процессе профессиональной подготовки менеджера социально-культурной деятельности связана с новой парадигмой развития социокультурной сферы, которая развивается за счет единого информационного пространства. Оно формирует новые правила рыночных отношений и спроса на продукты и услуги современной социокультурной сферы.

Это и многое другое, а также важность интерактивного дизайна необходимо учитывать при подготовке будущих специалистов социокультурной сферы.

новое является таковым по отношению лишь к предшествующим стадиям мышления и вообще всей жизни данного индивида. Таким образом, мыслит не мышление само по себе, а человек как субъект, обладающий мышлением и непрерывно обновляющий, развивающий свой жизненный опыт. Так осуществляется сложная взаимосвязь между новым и старым. Мышление хотя бы в минимальной степени всегда является в той или иной мере продуктивным, творческим, самостоятельным. Вообще ученые выделяют две основные разновидности мыслительной деятельности, мышления: репродуктивное, продуктивное (творческое).

Репродуктивное мышление это то, с помощью которого человек легко решает задачи давно и хорошо ему знакомого типа или вида. Другими словами репродук-

тивное мышление это просто память (а не собственно мышление). Что касается «продуктивного, творческого» мышления, то, по мнению Брушлинского, мышление по сути и по определению всегда является таковым, хотя в различной степени. Что же касается процесса познания нового в объекте, то оно было бы невозможно без включения его в многообразные связи. «В частности, один и тот же познаваемый объект — отражательная деятельность головного мозга — в разных системах связей и отношений выступает и как нервная деятельность, определяемая физиологическими закономерностями, и как психическая деятельность, определяемая психологическими закономерностями», — пишет ученый [1, с. 118].

Следует отметить факт касающийся рисунка по памяти и представлению, то заучивание или запоминание исследуется психологами в качестве специальной учебной деятельности человека в ходе взаимодействия индивида с объектом памяти, например, в ходе общения учеников с учителями, в зависимости от того насколько равномерно ученик работал в течение года, и т.д. С точки зрения физиологического исследования тот же процесс выступает уже в другом качестве — как определенная система воздействующих на мозг раздражителей. Психическая деятельность и то, что И.П. Павлов называл высшей нервной деятельностью, это одно и то же явление, предметно одна и та же реальность [3, с. 112].

Что касается типологии мышления, то при ее построении, виды различаются попарно, как противоположные друг другу по тем или иным признакам. Одно из традиционных различий мышления по типам основано на содержании используемых средств — наглядных и вербальных. Известно, что для полноценной мыслительной работы одним людям необходимо видеть или представлять предметы (так, например, художник рисует с натуры), а другие предпочитают оперировать отвлеченными знаковыми понятиями (рисунок по представлению и воображению). Этим можно объяснить тот факт, что некоторым людям бывают труднодоступны даже простые задачи, представленные в знаковой форме, а другим нелегко даются задачи, требующие оперирования наглядными образами.

Еще одна классификация типов мышления делит его на два типа — научно-теоретическое и эмпирическое. В эмпирическом мышлении отдельная вещь предстает как «самостоятельная реальность», а в теоретическом — как способ проявлений другой вещи внутри некоторого целого. В отличие от эмпирического теоретическое мышление оперирует собственно понятиями. «Иметь понятие о том или ином предмете — это значит уметь мысленно воспроизводить его содержание. Действие по построению и преобразованию мысленного предмета составляет процесс его понимания и объяснения, раскрытия сущности», — пишет в своей работе «Типы мышления и учебная деятельность» Гончаров В.С. [2, с. 19]

В работе будущему художнику, дизайнеру, проектировщику или художнику-педагогу необходимы такие качества как развитое творческое мышление, богатый запас

пластических наблюдений, прочные навыки уверенного и свободного рисования, умение сочинять и импровизировать. Эти качества приобретаются в результате систематического рисования по памяти, представлению и воображению. Без этих важных качеств невозможна успешная работа над заданиями по тематическому рисунку, композиции, поскольку композиционный эскиз, картина или проект не составляются механически из этюдов и набросков и, как правило, не повторяют их. Основополагающими моментами в данном случае являются мастерство художника, хорошая память, воображение, а также его наблюдения и знания, приобретенные при работе с натуры.

Рисунок по представлению и по воображению помогает сохранить в картине логическое совмещение предметов, в то время как ограничение себя только работой с натуры может внести в нее элемент «сочинительства» что часто приводит к потере общего впечатления, даже общего замысла работы. Художнику, в сознании и воображении которого накоплен достаточный материал, наблюдений и жизненным опытом, нет необходимости зарисовывать знакомые детали. Некоторые детали сохраняются в его памяти и, в случае необходимости, получают свое воплощение.

Опыт известных мастеров изобразительного искусства показывает, что систематические упражнения в рисовании по памяти генерируют способность сохранять впечатления от живой природы и воспроизводить их до подробностей в нужной для художника интерпретации. Так, в картине Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» комната, в которой происходит допрос написана художником по памяти. По свидетельству историков, Н.Н. Ге видел интерьер комнаты всего один раз. Такие примеры не единичны в творческой практике. Произведения мастеров свидетельствуют о большой наблюдательности и хорошей зрительной памяти художников, создававших по воображению и по представлению достаточно правдивые образы собирательного характера.

В истории развития изобразительного искусства четко определились две линии в подходе к натуре. Например, в Голландии и Фландрии были специалисты отдельных жанров, вплоть до натюрморта, один из них известный художник Снейдерс. Узкая специализация позволяла работать без натуры, хотя в основе выработанных ими технических навыков и приемов, как известно, лежало наблюдение и изучение натуры. Характерным примером специалиста одного жанра в русском искусстве был художник маринист Айвазовский, который овладел жанром настолько, что писал картины от себя, не выходя из мастерской. Художник, много и упорно работающий в области одного жанра, в такой мере осваивает мастерство, что с легкостью пишет сюжет или целую картину.

Умение рисовать по памяти обеспечивается также знанием перспективы, пластической анатомии, основ цветоведения. Эти дисциплины в подготовке студентов, связанных с творческими специальностями должны быть

обязательными, тесно взаимосвязанными с учебно-творческой деятельностью по рисунку, живописи, композиции.

Программа подготовки учащихся ВУЗов к рисованию по памяти включает различные задания, упражнения. Чаще всего практикуется повторение по памяти некоторых программных заданий. Количество часов отведенных на повторение рекомендовано значительно меньше, чем на выполнение этюда с натуры. Обычно дается установка на то, чтобы при повторении задания по памяти художник стремился передать обобщенное впечатление от натуры за счет опускания подробностей. Однако отказ от изображения в этюде деталей часто приводит к неоправданным упрощениям.

Повторение программных заданий по памяти, проводится обычно сразу же после их завершения, в конце занятия. При таком систематическом и четком подходе учащиеся часто пытаются восстановить в памяти и скопировать только что выполненный с натуры этюд или зарисовку. Во избежание копирования своего этюда можно повторять задания по представлению, с другой точки зрения, в другом ракурсе или через занятие. Тогда студент действительно будет больше опираться на память натуры и умение запоминать и передавать ее особенности, характер, пропорции, движение. Такие упражнения полезно проводить непосредственно после завершения задания с натуры.

Умение рисовать по памяти важно и потому, что художник не всегда располагает временем и соответствующими условиями, чтобы написать этюд с натуры. В окружающей действительности бывают такие явления, события, которые писать с натуры весьма трудно или просто невозможно: быстротечные процессы труда, движущийся транспорт, эффекты освещения и т.д. Наблюдая, художник должен запоминать все это.

Молодому художнику трудно добиться сходства даже при рисовании с натуры, а при рисовании по памяти — это еще сложнее.

Зрительная память развита у всех на разном уровне. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения профессиональной принадлежности, более развиты эти качества у людей, чьи профессии связаны с процессами зрительного восприятия и запоминания увиденной информации.

«Величайшей загадкой» назвал А.Н. Бенуа то обстоятельство, что «люди не видят и даже тогда... когда все ясно, как день».

Если проанализировать учебный процесс, то обычно натурные постановки выполняются в течение 12–18 часов. Рисуя, студенты наблюдают и изучают натуру, пропорции, форму, движение, цветовые соотношения. Как показали многочисленные эксперименты и наблюдения, после завершения задания, выполнить эту же постановку по памяти значительно труднее, чем рисовать с натуры.

Тренировка и развитие наблюдательности, зрительной памяти — это не самоцель. Умение наблюдать и запоминать увиденное, необходимо связывать с активной учебно-творческой деятельностью по рисунку, живописи, композиции. Академическая и творческая работа учащихся должна дополняться регулярными упражнениями по памяти, представлению и воображению как длительного, так и кратковременного характера (это могут быть этюды, наброски, эскизы, педагогическое рисование, в зависимости от направления подготовки студентов).

Развитие способностей, связанных с рисованием по представлению и воображению должна предшествовать систематической углубленной работе с натуры, так как они понимаются как единый взаимодополняющий процесс. Чем больше начинающий изучает натуру, тем глубже становятся знания и представления о ней. Чтобы свободно и уверенно рисовать «от себя» (сложные объекты, например, фигуру человека), надо систематически с натуры и по памяти выполнять этюды и зарисовки людей разных профессий и возраста, в различных ракурсах и перспективных сокращениях, позах, движении, во взаимодействии с окружающей средой. Для более точного и правильного рисунка необходимо углубленно изучать пластическую анатомию и рисовать анатомические гипсовые модели, детали, обращать внимание на анатомическую сторону при выполнении академических заданий по рисунку и живописи.

Постоянная работа с натуры, заинтересованное наблюдение и изучение жизни, пополнение своих знаний и представлений о ней позволяют художнику свободно и каждый раз по-новому воплощать свой творческий замысел.

Литература:

1. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. — М., Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института; МОДЭК, 2003. — 407 с.
2. Гончаров В.С. Типы мышления и учебная деятельность. — Свердловск: СГПИ, 1988. — 72 с.
3. Павлов И.П. Полное собрание сочинений., т.3, кн.2, Изд-во АН СССР, М.-Л., 1951.

Влияние конкурсов педагогического мастерства на развитие творческого потенциала личности учителя географии

Стеклёнова С.Ю., учитель географии
МОУ «СОШ» (р.п. Духовницкое, Саратовская обл.)

Быстрота происходящих в обществе изменений связана с высоким уровнем инновационных процессов в различных социально-экономических сферах, в том числе и в образовании. Создание новшества неразрывно связано с интеллектуальным совершенствованием личности учителя. На мой взгляд, необходимо постоянно расширять собственные творческие знания, упражнять свой ум, выдержку, быть готовым к постоянному профессиональному росту. Как бы ни был профессионально подготовлен учитель, он просто обязан постоянно совершенствовать свои личностные качества, повышать профессиональный уровень.

В новых условиях развития образования остро встают задачи развития высококравственной, социально зрелой, творчески активной личности педагога. От его профессионализма, компетентности зависит не только успешное обучение учащихся в школе, но и успешность в жизни.

Для того чтобы повысить свой творческий уровень, уровень компетентности, необходимо не только увеличить объём получаемой информации, количество используемых форм и методов работы, но и создать вокруг себя такие условия, которые будут систематически побуждать к самоанализу, саморазвитию. Конкурсы профессионального мастерства, открытые уроки, выступления с докладами и сообщениями на заседаниях педагогических сообществ и методического объединения учителей, творческие отчёты и защиты индивидуальных программ, участия в экспертных комиссиях, туристических слётах, рожают уверенность в собственных силах и ведут вперёд. Участия в разнообразных мероприятиях требует мобилизации внутренних ресурсов, точного расчёта времени, огромного психологического напряжения. Кому посчастливилось пережить и радость побед и горечи неудачи, содержание понятия «конкурс» имеет совершенно иной смысл. На мой взгляд, участие в конкурсах представляется как праздник общения профессионального и личностного роста. Конкурсы открывают новые таланты, создают плодотворную почву для формирования творческого потенциала и роста коллег. Всё творчески!

Конкурсы профессионального мастерства становятся предметом научных исследований и характеризуются с различных позиций, чрезвычайно важных для развития образования. Конкурсы являются эффективным средством творческой самореализации педагогов в профессиональной деятельности и позволяют каждому из них наметить свою траекторию профессионального саморазвития в соответствии с профессиональными и личностными запросами. Само включение в конкурс способствует ещё большему развитию активности учителя

в профессии. Конкурсная ситуация в полной мере осуществляет запрос на сущностные силы педагога. Деятельность педагога многогранна, в ней всегда есть место творчеству. Соответственно и сам учитель должен быть личностью творческой. Цели, потребности, мотивы, интересы являются частью творческой самореализации педагога. Победитель конкурсов — это личность, на мой взгляд, склонная к парадоксальным и нестандартным решениям. Невозможно стать победителем высокого уровня, имея только знания в определённой предметной области. Я считаю, что необходим и широкий кругозор, способность рассуждать на темы, логическое мышление, способность воспринимать и анализировать гигантский поток информации, и стремление к преодолению трудностей. Успех творческой деятельности педагога во многом зависит от умения управлять собственным эмоциональным состоянием и вызывать адекватное состояние у учащихся.

Профессиональный рост учителя невозможен без самообразовательной потребности. Для современного учителя очень важно никогда останавливаться на достигнутом, а обязательно идти вперёд, ведь труд учителя — это великолепный источник для безграничного творчества.

Конкурсы профессионального мастерства пропагандируют передовой педагогический опыт, развивают готовность педагогов к реализации индивидуального подхода в педагогической деятельности, а главное — поощряют профессиональную активность и педагогическое творчество. Содержание и организацию педагогического труда можно правильно оценить, лишь определив уровень творческого отношения педагога к своей деятельности, который отражает степень реализации им своих возможностей при достижении поставленных целей. Именно поэтому творческий характер педагогической деятельности является важнейшей её объективной характеристикой. Педагогическая деятельность является по своей природе творческой. Творчество обуславливается потенциалом личности педагога, сформированным на основе накопленного им социального опыта, новых идей, умений и навыков, позволяющих находить и применять оригинальные решения, новаторские формы и методы. Только эрудированный и имеющий социальную подготовку педагог способен найти новые, оригинальные пути и способы решения проблемы путём творческого воображения и мысленного эксперимента. В сфере личности педагогическое творчество проявляется как самореализация педагога на основе осознания себя творческой индивидуальностью, как определение индивидуальных путей своего профес-

сионального роста и построения программы самосовершенствования.

Потребность в самореализации занимает ведущее место в ряду высших потребностей человека. Таким образом, конкурсы профессионального мастерства стабильно остаются эффективной формой повышения профессионального мастерства педагогических работников и являются средством творческой самореализации педагогов. На мой взгляд, конкурсы позволяют проявить основные характеристики компетентности педагогов:

- владение современными педагогическими технологиями;
- творчество в профессиональной сфере;
- способность к системному действию в педагогической ситуации.

Творческая самореализация педагогов — процесс непрерывный и потенциально бесконечный. Проблемами развития творческого потенциала педагогов изучались в работах Е.И. Огарёва, В.А. Кан-Калика, Н.Д. Никандрова и др.

Учитель никогда не творит наедине с собой, а всегда в соавторстве с учениками. Мне очень понравились варианты сотворчества, предложенные В.А. Кан-Каликом и Н.В. Никандровым. По мнению авторов, в конкурсных материалах могут быть отражены различные варианты сотворчества учителя с учащимися: учитель не соотносит свой творческий процесс с деятельностью учащихся, творит для себя и от себя (педагог — «премьер»); учитель соотносит свой творческий процесс с деятельностью класса, управляет общим творческим процессом (педагог — «дирижёр»); учитель учитывает нюансы деятельности отдельных учащихся (педагог — «зеркало»); учитель создаёт общую концепцию урока, учитывает особенности отдельных учеников, обеспечивает им индивидуальное самовыражение и творческое сотрудничество (педагог — «режиссёр»)[3]. Я думаю, что личностно-ориентированный подход соответствует последнему варианту сотворчества, на который равняется современное образование. Личностно-ориентированный подход к учащимся в учебно-воспитательном процессе является ключевым направлением всех прогрессивных педагогических технологий. Он объединяет и воплощает следующие воспитательные идеи и принципы: сотрудничества, взаимопонимания, тактичности, объективности.

Учительское счастье складывается из ученических побед и от того, как работает учитель, зависит судьба ученика, будет ли он успешен, реализует ли он себя в современном мире. Творческое отношение к организации деятельности учащихся, ориентированное на развитие личности каждого, создаёт благоприятные условия для успешной работы и самореализации. Само включение в конкурсы способствует ещё большему развитию активности учителя в профессии, а ученика в учёбе. Творчество начинается тогда, когда появляется интерес к деятельности. Поэтому, участие в конкурсах просто необходимо для творческой самореализации как педа-

Фото автора. Изучение ландшафта у горной реки

гога в профессиональной деятельности, так и ученика в школьной жизни.

Мои ученики проявляют активность и включаются в конкурсные движения по географии. Например, радуют конкурсы: «Географический марафон» и «Географическое пополнение», проводимой газетой «География», международные игра «Русский Медвежонок». Высокая степень развития творческой активности педагога будет являться важнейшим условием формирования творческой активности личности современных школьников. Успехи моих учеников вселяют в меня оптимизм. Вдохновляет и всероссийские конкурсы для педагогов — «Путешествие учителя», «Учитель года».

Одним из главных факторов познавательного интереса является любовь к преподаваемому предмету. Работая учителем географии, мне очень часто приходилось проводить и участвовать в различных туристических слётах по географическому ориентированию, изучению животного и растительного мира различных территории, описанию ландшафтов местности. Очень важно, чтобы педагог был в курсе новых исследований, открытий и гипотез, видел ближние и дальние перспективы преподаваемой науки.

Чтобы конкурсная работа ладилась, необходимо анализировать педагогическую ситуацию, проектировать результат в соответствии с исходными данными, устойчиво удерживать профессиональную позицию, уметь управлять

своим эмоциональным состоянием и всегда быть оптимистом. Нам педагогам известно, что результаты деятельности учителя воплощаются в знаниях, умениях, навыках, формах деятельности и поведении учащихся и первоначально оцениваются весьма частично и относительно.

Литература:

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. — М.: Республика, 1989. — 190 с.
2. Каменская Е.Н. Педагогика. Конспект лекций. — Ростов н/Д.: Феникс, 2007. — 192 с.
3. Кан-Калик В.А., Никандров Н.Д. Педагогическое творчество. М.: Магистр, 1999. — 200 с.
4. Подунов Л.С. Слагаемые мастерства педагога. — М.: ДОСААФ, 1990. — 96 с.
5. Симонов В.М. Педагогика. Краткий курс лекций. Волгоград: Учитель, 1998. — 84 с.
6. Честных Ю.Н. Открыть человека. — М.: Просвещение, 1991. — 208 с.

Конкурс также ориентирует учителя на ожидание объективной оценки представленных материалов.

Добиться высоких результатов может каждый. Главное творчество и постоянное совершенствование своей работы.

Студент как субъект формирования опыта творческой деятельности

Тлегенова Т.Е., соискатель
Оренбургский государственный университет

В современной психологии и педагогике понятие «субъект» рассматривается в основном в двух значениях: как субъект деятельности и как субъект жизни. Каждый человек для того чтобы состояться как личность, должен стать субъектом своего жизненного пути. «Подлинным субъектом жизни становится та личность, которая способна организовать свой жизненный путь как целое, сохранив на протяжении времени и обстоятельств свои важнейшие потребности, которые не удалось реализовать в настоящем, направляя всю свою жизнь на достижение главных ценностей, на решение задач самовыражения» [1, с. 76]. Внутренняя организация субъекта включает в себя такие структуры, которые обеспечивают возможность человеку реализовать себя как полного творца, организатора и распорядителя собственной жизнедеятельности: побуждения, ориентации, планирование, организацию и направленность деятельности, механизмы ее регуляции и способы осуществления и т.д.

Философская трактовка понятия «субъект» связана с представлением о субъекте как об идеальной структуре, высшем уровне развития, источнике активности, творчества [9, с. 12].

В самом полном и широком смысле слова субъект — это «все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство. Субъект — это человек, люди на высшем (для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности» [5, с. 30].

Анализ педагогических исследований (В.В. Краевский, В.В. Сериков, Г.И. Щукина) показывает, что понятие «субъект» употребляется для обозначения проявления способности человека к самодетерминации своего бытия и целенаправленной активности. Субъекта фор-

мирования опыта творческой деятельности характеризует внутренняя независимость от внешнего мира, активность, деятельное начало, самостоятельность в выборе целей и способов поведения, преобразовательное отношение к внутреннему и внешнему миру, способность к рефлексии.

Рассмотрим подробнее личностные характеристики субъекта, которые позволяют активно на них опираться в практике формирования опыта творческой деятельности студента.

Деятельное начало каждого субъекта

Известно положение, что основой превращения человека из объекта в субъект является деятельность, в которой реализуются те или иные социальные функции человека. Именно «в процессе деятельности человек утверждает свою жизнь, удовлетворяет и развивает свои материальные и духовные потребности» [6, с. 181].

Для нас важна концепция деятельности С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, которые понимали деятельность не как замкнутую в себе сущность, а как проявление субъекта. Категория деятельности существенна как деятельность самого субъекта-деятеля, организующего и выстраивающего ее соответственно собственным целям и мотивам. Деятельность рассматривается С.Л. Рубинштейном в процессе ее становления и совершенствования: на разных этапах усложнения жизненного пути деятельность принимает новые формы и перестраивается.

В нашем исследовании особое внимание уделяется учебной деятельности, которая «вскрывает в материале внутренние и существенные отношения» [12, с. 166]. Она предполагает или определяет собственные преобразования в материале, или получение готовых связей между внешним и внутренним, явлением и сущностью, следс-

твием и причиной, выделенных другими, что широко практикуется в традиционной педагогике. В творческом контексте учебной деятельности преподаватель «привносит в содержание образования свое эмоционально-ценностное отношение, находит во фрагменте культуры свои мысли и, обращаясь к личности студента, создает предпосылки для построения живого знания: способствует вопрошающей деятельности студентов, стимулирует их к актуализации собственного опыта, создает условия для его перестройки и коррекции, организует совместную деятельность по осмыслению содержания образования» [10, с. 147].

Активность

Для студента как субъекта опыта творческой деятельности в первую очередь необходима его активность. Подлинная активность проявляется в деятельности определенного качества — осознанной, свободной, эмоционально переживаемой личностью, порождаемой внутренними, сущностными побуждениями, собственными потребностями и интересами человека. По мере взросления человека всё большее место занимает процесс саморазвития личности, и больший удельный вес принадлежит внутренним силам, через которые действуют внешние факторы. Специфичность саморазвития, самоорганизации субъекта заключается в том, что в процессе становления, развития человека активность, возникающая в ответ на воздействие окружающей среды, сменяется собственной активностью по поиску того, что представляет смысл для его жизнедеятельности.

Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов активности. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, субъект формируется лишь тогда, «когда со стороны субъекта есть акт творческой самодетельности». Необходимо отметить, что реализация субъекта происходит только при наличии соответствующей социальной среды» [8, с. 78]. Субъект при этом проявляет свои сущностные характеристики: субъектные — способность активно реагировать в новых условиях ситуации и субъективные — реагировать определенным образом. Причем, как отмечает Б.Г. Ананьев, высшей интеграцией субъективных свойств человека является творчество [2, с. 127].

Самостоятельность

Важнейшей характеристикой субъекта является самостоятельность. «Самостоятельность субъекта... включает более существенную способность самостоятельно, сознательно ставить перед собой те или иные задачи, цели, определять направления своей деятельности» [8, с. 637]. Подлинная самостоятельность предполагает сознательную мотивацию и обоснованность действий. Неподверженность чужим мнениям является подлинным проявлением самостоятельности. Активность является необходимым условием, внешним признаком появления и развития самостоятельности, а самостоятельность служит формой реализации активности, результатом ее воспитания.

Рефлексия

Под рефлексией в современной философско-методологической и психологической литературе понимаются мыслительные процессы особого рода, отличительный признак которых — направленность на осознание системы собственных действий и их содержательных оснований. При такой трактовке рефлексии создание с ее помощью принципиально нового в культуре оказывается невозможным, а сама рефлексия перестает отличаться от акта осознания. Нам близко определение, данное П.И. Пидкасистым: рефлексия — новое качество личности, система, в составе которой интроспекция, самокритика и желание стать лучше, избавиться от недостатков предшествующего воспитания [7, с. 112]. Такого рода «рефлексивное самопроектирование признано обеспечить создание новых способов поведения, общения и деятельности, а также смысловых перспектив реализации потенций личности в творчестве» [11, с. 21].

Рефлексивная деятельность позволяет студенту осознать свою индивидуальность, уникальность и предназначение, которые «высвечиваются» из анализа его предметной деятельности и ее продуктов, поскольку студент проявляет себя в тех приоритетных для него областях бытия и способах деятельности, которые присущи его индивидуальности.

Для более успешного формирования опыта творческой деятельности студента мы изучили особенности студенческого возраста.

Как правило, в студенческом возрасте происходит быстрое развитие интеллектуальных функций, структурирование интеллекта, формирование мышления, профессиональных знаний и умений, личностных качеств, обеспечивающих активное включение учащегося в профессиональную деятельность на определенной ступени образовательного процесса.

Основными характеристиками студента в качестве субъекта образовательного процесса являются:

- осознание и принятие целевых установок педагогического процесса;
- обладание ключевыми компетенциями;
- овладение приемами самостоятельной учебной деятельности;
- стремление к достижению высоких результатов успеваемости;
- сознательное развитие рефлексивности творческого мышления;
- ориентация на разностороннее саморазвитие, самосовершенствование, самоорганизацию, саморегуляцию личности; целенаправленное профессиональное самообразование и самовоспитание;
- стремление к свободному владению профессиональными навыками;
- проектирование перспективы роста и самоутверждения;
- оптимистическое преодоление естественных трудностей процесса обучения и приобщения к профессии;

- стремление к творческой реализации личностных проектов;
- активная позиция в выборе разнообразных социальных ролей [3, с. 113].

Студенты начинают осознавать возможности самовоздействия и самопреобразования в соответствии со своими потребностями. Это проявляется в активной позиции субъекта, способности самостоятельно, творчески осуществлять свою деятельность и осознанно управлять ею, брать на себя ответственность за результаты своих действий и поступков. Для этого возраста характерна чувствительность к инновациям, повышенный социальный оптимизм, интенсивность «поиска себя» [4, с. 61].

Согласно схеме периодизации возрастов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.В. Эльконина, именно в молодости, когда складываются способности к свободному мышлению — и самостоятельности, творческая деятельность, становится реальной личностной потребностью, именно студенческий возраст наиболее благоприятен для стимулирования, педагогического сопровождения творческой деятельности студента, его личностно-профессионального становления.

Таким образом, студенческий возраст — это благоприятный период для самостоятельного формирования опыта творческой деятельности студента, перевода его в субъектную позицию. Субъектом называется студент, проявляющий активность в учебной деятельности, умеющий ставить цели, взаимодействовать с преподавателями и другими студентами, менять способы и действия в зависимости от ситуации, принимать решения и нести от-

ветственность. Стать субъектом формирования опыта творческой деятельности — значит обладать развитыми личностными качествами, активно осваивать способы и механизмы его формирования, быть способным самостоятельно применять ранее усвоенные знания, навыки и умения в новой ситуации, выдвигать идеи, гипотезы, и готовым к преобразованию и совершенствованию себя в постоянно меняющейся среде. Процесс формирования опыта творческой деятельности одновременно является процессом становления личности, поскольку субъект в своих деяниях, в своей творческой деятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них создается и определяется.

Студент — это самостоятельная, саморазвивающаяся личность, характеризующаяся следующими изменениями:

- академической мобильностью;
- ростом ответственности и социальной зрелостью;
- способностью мыслить по новому, критически, вырабатывать и защищать собственную точку зрения.

Итак, рассмотренные личностные характеристики субъекта, а также особенности студенческого возраста позволяют говорить о том, что прогресс в разных областях научного знания во многом связан с деятельностью молодежи, усвоенные студентами знания, навыки, умения не только реализуются, но и получают свое дальнейшее развитие и творческое совершенствование. Именно в молодости человек наиболее способен к творчеству, к формулированию эвристических гипотез, максимально работоспособен и инициативен, а значит, может являться субъектом формирования опыта творческой деятельности.

Литература:

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования личности). — М.: МПСИ / Воронеж: МОДЭК, 1999. — 224 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. М.: Наука, 2000. — 350 с.
3. Анненкова Н.В. Основные характеристики студента как субъекта образовательного процесса / Анненкова Н.В. // Проблемы психологии и педагогики, 2008. — № 4. — С. 111–113
4. Астахова В.И. Студент XXI века: его сущностные черты и характерные особенности / Астахова В.И. // Alma Mater, 2010. — № 8. — С. 60–63.
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999. — С. 30–41.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. — М.: Педагогика, 1993. — С. 94–231.
7. Пидкасистый П.И. Организация деятельности учащихся на уроке / П.И. Пидкасистый, Б.И. Коротяев. М.: Знание, 1985. — 184 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии — СПб: Издательство «Питер», 2000—712 с.
9. Сайко Э.В. Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. — 445 с.
10. Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования: Курс лекций : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Ю.В. Сенько. М.: Академия, 2000. — 240 с.
11. Степанов С.Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций / С.Ю. Степанов. М.: Наука, 2000. — 174 с.
12. Терегулов Ф.Ш. Теоретическая педагогика : учеб. пособие / Ф.Ш. Терегулов. Уфа : Восточный университет, 2004. — 332 с.

Оценка эффективности реализации программы методического сопровождения деятельности профессорско-преподавательского состава вуза в современных условиях

Тюлина О.А., декан экономического факультета
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

В статье дана оценка эффективности реализации модели методического сопровождения деятельности профессорско-преподавательского состава вуза. Автором представлены результаты формирующего эксперимента по внедрению модели методического сопровождения деятельности работников высшей школы, а также сформулированы основные направления изучения и детализации инновационного методического сопровождения деятельности ППС в условиях перехода на уровневую систему образования.

Ключевые слова: модель методического сопровождения деятельности, формирующий эксперимент, педагогические методики, анкетирование, уровневая система образования, образовательные стандарты (ФГОС ВПО)

The article assesses the effectiveness of implementation of the model methodical support of the faculty of the university. The author presents the results of the formative experiment to introduce a model of methodical support of the activities of employees of higher education, as well as the main directions of study and detailing the innovative methodological support of the PPP during the transition to the tiered system of education

Keywords: a model of methodological support, formative experiment, teaching methods, survey, tier system of education, educational standards (FSES HVE)

В 2010 году в Санкт-Петербургском имени В.Б. Бобкова филиале Российской таможенной академии с учетом опыта зарубежных коллег и опыта ведущих вузов России была предложена и реализована модель методического сопровождения деятельности профессорско-преподавательского состава (ППС), которая обеспечит эффективный переход на уровневую систему высшего профессионального образования [7, с. 12].

Создание модели методического сопровождения проводилось поэтапно. Основные формы работы с ППС в процессе методического сопровождения были выбраны с учетом предложений преподавателей, выявленных в процессе констатирующего эксперимента, а также с учетом тех форм, которые рассматриваются как наиболее эффективные для инновационного обучения: информационные встречи, обучающие семинары (очно или в формате вебинаров), выездные семинары по обмену опытом, тренинговый формат (навыковый тренинг), рабочие группы, круглые столы, конференции [3, с. 6].

Разработанная модель методического сопровождения включала в себя компоненты, направленные на рассмотрение и овладение как общими, так и более частными вопросами, касающимися уровневой системы обучения, а именно проходило обучение по следующим темам: «Специфика обучения по болонской системе», «Специфика федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения (ФГО ВПО-3)», «Система зачётных единиц (ECTS)», «Критерии оценки качества образования», «Содействие развитию академической мобильности студентов и преподавателей вузов», «Компетенции специалиста и их формирование в процессе обучения в

вузе», «Роль ППС в болонской системе обучения», «Педагогика и психология высшей школы», «Инновационные формы обучения», «Специфика модульной системы обучения», «Структура модульной системы обучения», «Информационные ресурсы учебного назначения», «Тестология», «Толерантность и образовательная среда». Раз в квартал проводились круглые столы по обмену опытом «Достижения и трудности внедрения болонской системы обучения». На секционных заседаниях разбирались вопросы трудностей и достижений реализации болонской системы обучения, анализировались причины возникновения трудностей и возможности их преодоления [1, с. 48–53].

Для оценки эффективности реализации программы методического сопровождения деятельности ППС был проведен формирующий эксперимент. В эксперименте участвовал профессорско-преподавательский состав вуза в количестве 25 человек. Формирующий эксперимент проходил в форме сравнительного исследования. Для проведения формирующего эксперимента были использованы следующие методы: анкетирование, психологические опросные методы, проективные методы [6, с. 23–24].

Анкетирование как наиболее распространенная форма письменного опроса и методическое средство для получения информации на основе вербальной коммуникации, представляет собой набор вопросов, каждый из которых логически связан с центральной задачей исследования [2, с. 19]. Для достижения целей эксперимента была разработана авторская анкета, посвященная анализу существующей ситуации, отношению ППС к реализации стандартов ФГОС ВПО третьего поколения, удовлетво-

ренности имеющимся методическим сопровождением и переподготовки ППС, их личной готовности к включению в этот процесс. В анкете данного констатирующего эксперимента использовались как открытые, так и закрытые вопросы.

Психологические опросные методы были направлены на изучение мотивационной системы ППС и самоактуализации их личности. Были использованы методики: «Мотивация педагогической деятельности» и «Самоактуализационный тест» Л.Я.Гозман, М.В.Кроз и К.А.Латинской [4, с. 24–25].

Проективные методы были направлены на изучение отношения ППС к себе и к различным аспектам профессиональной деятельности в новых условиях. Проективные методы благодаря нивелированию социальной желательности и действия психологических защит позволяют максимально полно выяснить необходимую информацию. Были использованы «Личностный дифференциал» Ч.Озгуда и методика «Незаконченные предложения» (модификация) [5, 15–28].

Для обработки эмпирических данных использовались качественные и количественные методы обработки данных (метод первичных статистик и t-критерия Стьюдента для независимых выборок) [9, с. 45].

Рассмотрим основные результаты.

На основе анкетирования было выявлено, что произошло кардинальное изменение степени выраженности педагогической, психологической и методической готовности ППС проведенного сопровождения: этот уровень стал соответствовать высокому и выше среднего, что говорит о большой степени уверенности и осознанности в написании рабочих программ учебных дисциплин в соответствии с ФГОС ВПО третьего поколения.

Например, ППС до и после сопровождения просили оценить по десятибалльной шкале (1 — минимально, 10 — максимально) их готовность участвовать в реализации болонской системы в настоящий момент. Педагогическая готовность связана с владением конкретными инновационными методами работы со студентами в новых условиях обучения. После реализации программы преподаватели ощущают себя подготовленными к работе со студентами (диапазон ответов от 6 до 10 баллов) и владеющими необходимыми приемами работы (таблица 1).

Произошло изменение отношения к болонской системе обучения. 42 % стали позитивно относиться к новой системе (до сопровождения процент таких преподавателей составлял 26 %) (таблица 2)

Никто из преподавателей не придерживается позиции полного антагонизма. Хотя, по-прежнему, примерно половине ППС трудно определить для себя необходимость перехода на болонскую систему обучения, что это является вполне закономерным, так как оправданность изменений будет возможно в полной мере понять только по прошествии нескольких лет.

Изменилось отношение к видению возможности реализовать себя в современных изменяющихся условиях.

75 % опрошенных считают, что такие возможности есть. Это кардинально отличается от картины до реализации программы методического сопровождения (таблица 3).

Возможность реализовывать себя во многом связана с видением позитивных перспектив и ощущением наличия собственных (личных) ресурсов для реализации тех или иных проектов. Это один из эффектов проведенного сопровождения.

Для изучения различий в мотивации до и после проведения методического сопровождения использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок для анализа данных, полученных с помощью методики «Мотивация педагогической деятельности». Достоверные значения по параметру «внешняя отрицательная мотивация» получены на 5 %-м уровне значимости (таблица 4).

После проведения методического сопровождения у ППС достоверно снизился уровень внешней отрицательной мотивации и, как следствие, произошло изменение всего мотивационного комплекса с неоптимального на оптимальный. Активность ППС стала мотивирована содержанием педагогической деятельности, стремлением достичь в ней определенных позитивных результатов, что связано с повышением уровня удовлетворенности ППС своей профессией [8, с. 62–65].

Для изучения специфики самореализации личности ППС до и после проведения методического сопровождения использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок для анализа данных, полученных с помощью методики «Самоактуализационный тест». В таблице 5 указаны только те параметры, по которым получены достоверные различия на 5 %-м уровне значимости.

После проведения программы методического сопровождения у ППС достоверно более высокими стали показатели компетентности во времени (переживание происходящего во всей полноте и готовность решать возникающие вопросы и жить в «настоящем»), показатели самоуважения (повысилась оценка своих умений и навыков), контактности (субъект-субъектного взаимодействия) и креативности (стала более выраженной творческая направленность личности). Данные результаты можно рассматривать как раскрытие личностного потенциала и самореализацию преподавателей в болонской системе образования, что стало возможным благодаря реализованной программе методического сопровождения.

По методике «Личностный дифференциал», заполненной до и после реализации программы сопровождения получены достоверные различия на 5 %-м уровне значимости, представленные в таблице 6.

После методик сопровождения у ППС достоверно более высокими стали показатели «Оценка» и «Сила», а также отдельные составляющие характеристик. У ППС повысилась оценка личностных качеств (произошло повышение самоуважения и удовлетворенности собой) и

Таблица 1. Педагогическая готовность ППС к работе (владение инновационными методами обучения) в соответствии с новыми требованиями болонской системой обучения

Готовность в баллах	% ответов до реализации программы	% ответов после реализации программы
1	0	0
2	0	0
3	5	0
4	10	0
5	20	0
6	30	9
7	19	16
8	10	34
9	6	26
10	0	15

Таблица 2. Отношение к переходу на болонскую систему обучения

Варианты ответов:	% ответов до реализации программы	% ответов после реализации программы
Абсолютно согласен, понимаю и принимаю необходимость перехода	3	12
Скорее согласен и вижу отдельные плюсы болонской системы	13	30
Трудно сказать	54	48
Скорее не согласен и вижу отдельные минусы болонской системы	19	10
Абсолютно не согласен и переход на новую систему обучения считаю неправильным	11	0

Таблица 3. Оценка возможности самореализации ППС в профессиональной деятельности

Варианты ответов:	% ответов до реализации программы	% ответов после реализации программы
Есть возможность полной самореализации на работе	6	20
Скорее есть возможность самореализации на работе	26	55
Трудно сказать	36	20
Скорее нет возможности самореализации на работе	21	5
Нет возможности самореализации на работе	11	0

Таблица 4. Достоверные различия в мотивации ППС до и после участия в программе сопровождения

	Mean	Mean			Std.Dev.	Std.Dev.
Шкалы теста	До	после	t-value	p	до	после
Внутренняя мотивация	3	4,6	1,79701		1,457038	0,101844
Внешняя положительная мотивация	3,6	4,5	1,79701		0,457038	0,401844
Внешняя отрицательная мотивация	4,2	2,1	2,19551	0,03	0,647107	1,258736

Таблица 5. Достоверные различия по уровню самореализации ППС до и после участия в программе сопровождения

	Mean	Mean			Std.Dev.	Std.Dev.
Шкалы Самоактуализационного теста	до	после	t-value	p	Group 1	Group 2
Шкала компетентности во времени	7,6	12,681818	1,97746	0,04	2,739506	2,101844
Шкала самоуважения	8,5	11,849674	1,79701	0,04	2,457038	2,784669
Шкала контактности	10,25	16,181818	2,84465	0,03	1,647107	1,294756
Шкала креативности	5,57	10,967496	2,19551	0,03	1,793760	1,258736

Таблица 6. Достоверные различия по методике «Личностный дифференциал», заполненной до и после реализации программы

	Mean	Mean			Std.Dev.	Std.Dev.
Характеристики	до	После	t-value	p	До	После
Обаятельный/Непривлекательный	0,4	1,91	4,126316	0,0003	1,242118	0,288675
Сильный/Слабый	0,4	1,75	1,77639	0,04	1,686836	1,658312
Добрый/Эгоистичный	0,13	2	4,419461	0,0001	1,302013	0,738549
Независимый/Зависимый	-0,86	0,9	2,48452	0,02	1,175139	1,61433
Справедливый/Несправедливый	1,26	2,5	3,759883	0,0009	0,96115	0,6742
Уверенный/Неуверенный	0,5	2,1	3,783656	0,0003	1,362524	0,463575
Честный/Неискренний	1	2,25	3,586096	0,001	1	0,753778
Оценка	5,2	15,1	12,86262	0,0001	1,934647	2,081666
Сила	6,3	14,9	11,53567	0,004	1,556438	2,563595

повысилось чувство уверенности в себе (возникло ощущение возрастающей независимости, склонности рассчитывать в основном на собственные силы в трудных ситуациях). Данные результаты исследования можно рассматривать как преодоление состояния беспомощности и бессилия, которое наблюдалось у ППС в ситуации введения болонской системы обучения, нахождения своего места в новой системе обучения, реализации своего потенциала.

В эксперименте была использована модификация методики «Незаконченные предложения» применительно к оценке методического сопровождения деятельности ППС. Были выделены следующие категории: отношение к Болонскому процессу (предложение: «Болонский процесс для меня — это...»), взаимодействие с коллегами (предложения: «Считаю, что большинство моих коллег...», «Отношения с коллегами по работе...»), отношение к работе (предложения: «Больше всего в моей работе...», «Будущие перспективы на работе кажутся мне...»). Наиболее показательные результаты представлены в таблицах 7, 8.

До проведения методик основные категории ответов ППС связаны с негативным отношением и непониманием сущности Болонского процесса, чувством беспомощности перед его реализацией. После проведения обучения акцент ответов преподавателей сместился на категорию

«прогрессивно, но трудоемко», «интересно, но не просто», «прогрессивно и интересно», тем самым отношение к болонской системе обучения изменилось с резко негативного на более осознанное и позитивное.

Произошло смещение фокуса внимания с формальной составляющей преподаваемого предмета («Я читаю курсы по...» 20 % — до, 0 % — после) на педагогические процессы. В ответах отражено осознание необходимости использования педагогических технологий и методик в работе со студентами («Мне интересно работать со студентами, искать новые формы и подходы, видеть, как студенты начинают разбираться в материале» 0 % — до, 20 % — после). После проведения обучения ППС более отчетливо видит трудности, главная из которых неготовность студентов к обучению по болонской системе. В настоящий момент это объективная оценка положения вещей, отмечаемая многими экспертами.

После проведения методического сопровождения у ППС изменилось отношение к Болонскому процессу, изменились отношения с коллегами в коллективе и отношение к работе в целом. Основной вектор изменения отношений характеризуется переориентацией с негативного на позитивное, с формального на заинтересованное, с эмоционально загруженного на осознанное. Произошла оптимизация взаимоотношений в коллективе, основой взаимодействия стало деловое партнерство с ориентацией

Таблица 7. Категория «Отношение к Болонскому процессу»

Варианты ответов до и после сопровождения в предложении «Болонский процесс для меня – это ...»	До	После
Что-то непонятное и ненужное, модель, которая совершенно не подходит для России	15%	0%
Очень энергозатратно (лишняя нагрузка, необходимость дополнительной работы, часы по которой не учитываются)	40%	15%
Очень трудно реализовать в условиях российской действительности	35%	10%
Это непросто, но интересно, так как в этом процессе есть перспективы и новые возможности	0%	20%
Прогрессивно, но очень трудно (новые возможности, которые трудно реализовать сейчас в России: не готовы студенты, нелегко при четырехлетнем обучении предоставить возможность для профильной и практической подготовки)	10%	25%
Интересно и прогрессивно. Возможность самореализации	0%	10%

Таблица 8. Категория «Отношение к работе»

Варианты ответов до и после сопровождения в предложении «Больше всего в моей работе ...»	До	После
Я читаю курсы по ...	20%	0%
Я занимаюсь написанием новых программ учебных дисциплин, практик, отчетов, различных документов	30%	15%
Мне не нравится, что мало платят, что высокая нагрузка, что много дел, которые я не обязан делать	35%	10%
Огорчает, что студенты не готовы к принятию личной ответственности за свою учебу, им трудно зарабатывать баллы в течении года	10%	20%
Нравится, что работа творческая, живая, дает возможность доносить ценную информацию, доставляет удовольствие. Мне нравится моя работа	5%	15%
Мне интересно работать со студентами, искать новые формы и подходы, видеть, как студенты начинают разбираться в материале	0%	20%
Мне нравится, что у меня есть достижения и результаты	0%	20%

на обмен опытом, на поддержку при решении актуальных вопросов. Появилось позитивное видение будущих перспектив [10, с. 29–30].

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что обоснована, разработана и апробирована эффективная модель методического сопровождения деятельности ППС в условиях перехода на уровневую систему высшего профессионального образования. Полученные результаты исследования связаны с возможностью применения разработанного и обоснованного методического сопровождения в практике конкретного образовательного учреждения. Разработанные в ходе исследования модели и формы методического сопровождения могут быть востребованы в деятельности и других образовательных учреждений.

Несомненно, проблема инновационного методического сопровождения деятельности требует дальнейшего изучения и детализации [11, с. 48]. Ее актуальность определяется потребностью общества в грамотной подготовке профессорско-преподавательского состава для перехода

на уровневую систему высшего профессионального образования.

Дальнейшее развитие темы может быть продолжено в следующих направлениях:

- более глубокая проработка теоретических оснований построения инновационной модели методического сопровождения деятельности ППС в условиях перехода на уровневую систему обучения;

- проведение констатирующего и формирующего эксперимента на другой площадке (например, в другом регионе, другом профиле вуза и т.д.);

- теоретическое изучение и эмпирическое обоснование личностных факторов ППС, способствующих и препятствующих эффективному переходу на уровневую систему высшего профессионального образования;

- теоретическое изучение и эмпирическое обоснование возможностей воздействия на психологические аспекты (мотивацию) преподавателя вуза в процессе методического сопровождения его профессиональной деятельности.

Литература:

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерности и методы. М.: Высшая школа, 1980, 115 с.
2. Бадмаев Б.Ц. Психология и методика ускоренного обучения. М.: Владос-Пресс. 2002. С. 73.
3. Батракова И.С., Бордовский В.А. Развитие профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава в условиях реформирования высшего образования. «Человек и образование», 2009, № 3.
4. Блохин Н.В. Технология модульного открытого обучения в системе модернизации образования //Н.В.Блохин. Психологическое сопровождение процессов модернизации образования и профессионализации кадров: Материалы международного симпозиума. Часть 1. 2002. С. 24–25.
5. Бойцова Е., Дроздов В. Модульно-рейтинговая система на базе тестовых технологий //Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 26–30.
6. Буланова-Топоркова М.В., Духанова А.В., Столяренко Л.Д. и др. Педагогика и технология высшей школы. — Ростов н/Д., 2002
7. Васенёв Ю.Б. Организация и управление учебным процессом вуза при переходе на ФГОС ВПО нового поколения. СПб., 2007. 243 с.
8. Гафурова Н.В. Инновационный подход к подготовке преподавателей для системы профессионального образования //Высшее образование сегодня, 2009 № 6. С. 72–75.
9. Данилов М.А. Теоретические основы и методы фундаментальных педагогических исследований. М., 1972. 149 с.
10. Краевский В.В. Методология научного исследования: Пособие для студентов и аспирантов гуманитарных университетов /В.В.Краевский. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2001, 143 с.
11. Лызь Н.А. Компетентностно-ориентированное обучение: опыт внедрения инноваций //Высшее образование в России, 2009. № 6. С. 29–36.

Декоративно-прикладное искусство в организации досуга детей младшего школьного возраста

Халикова Ю.Н., студент

Сургутский государственный педагогический университет

Важное место в жизни ребенка занимает досуг, время, когда идет восстановление физических и моральных сил.

Досуг, как время свободного самоопределения, саморазвития детей сосредотачивает в себе ресурсы для проявления творческой активности, так как эта деятельность осуществляется на основе свободного выбора. В то же время, досуг является свободной зоной от участия в ее организации педагогов, родителей, вследствие чего досуг, в некоторых случаях, превращается в опасное время препровождения для младших школьников. Все это направляет на необходимость поиска путей управления досугом, который бы обеспечил включение детей в полезную для них деятельность, способствовал формированию у них умений и навыков управления собственным досугом а, следовательно, развитию самоуправления и самоорганизации в будущем.

Исследователями в области досуга, такими как Ю.Г. Волков, Б.Г. Мосалев, В.В. Попов досуг был рассмотрен как деятельность, которая имеет свои задачи, принципы и функции.

Исследователи Н.И. Ерошенков, И.Ю. Исаева, В.Е. Трегодин, Н.Ю. Локтева, М.И. Рожков, Б.А. Титов

в своих трудах рассматривают проблемы организации досуга детей младшего школьного возраста.

Клуб по месту жительства — это один из видов культурно-досуговых учреждений, который посещают младшие школьники. Это место где они проводят свое свободное время. Здесь ребенок общается со сверстниками, развлекается. Клуб по месту жительства предполагает существование в нем кружковой работы по различным направлениям. Занимаясь в кружках, младшие школьники не только заполняют свое свободное время интересным занятием, но и получают багаж знаний, умений, навыков способных повлиять на дальнейшую жизнедеятельность. Клуб это место где ребенка научат общаться со сверстниками и взрослыми, научат нормам поведения в обществе, взаимовыручке, взаимоуважению — это воспитательная функция. Клуб также несет обучающую функцию. В ходе занятиями кружковой работой дети узнают много интересного и полезного, они просвещаются в различных сферах деятельности. Клуб по месту жительства, своего рода, наставник в самоорганизации ребенка. Именно здесь младший школьник получит необходимые навыки для того чтобы в будущем его досуг был интересным и «полезным».

Одним из наиболее часто встречающихся направлений кружковой работы в клубе по месту жительства является декоративно-прикладное искусство. Такого рода занятия способствуют развитию эстетического отношения к действительности, формированию эстетического вкуса. Именно в младшем школьном возрасте это происходит наиболее прогрессивно, ребенок развивает способность получать наслаждение от подлинно прекрасного, потребность воспринимать и создавать прекрасное в труде, быту, поведении, искусстве. Во время знакомства с декоративно-прикладным искусством дети узнают о культурных традициях своего народа, воспитание любви к Родине, трепетное отношение к ней, развитие чувства патриотизма, гордости за свой народ, желание сохранить и приумножить богатство страны. При овладении техникой какого-либо из видов декоративно-прикладного искусства у ребят происходит активный процесс мышления, который включает в себя самые различные сферы знания, такие как математика, геометрия, природоведение, литература, технология и многое другое. Не менее важным аспектом для младших школьников в занятиях декоративно-прикладным искусством является развитие моторики, в момент работы с различного рода материалом. Моторика рук тесно связана со слухом, ощущениями, восприятиями и так далее, именно поэтому мы считаем это одним из важных элементов в развитии ребенка. Развитие словесно-образного мышления также является важным моментом в занятиях декоративно-прикладным искусством. Способность четко и ясно выражать свои мысли, описывать предметы, давать им характеристику, рассказывать о впечатлениях, идеях и задумках — все эти умения наиболее легко формируются именно в младшем школьном возрасте.

Исходя из множества перечисленных положительных моментов, мы считаем, что использование декоративно-прикладного искусства в организации досуга детей младшего школьного возраста в клубах по месту жительства должно быть одним из основных методов работы.

Особую важность клубы по месту жительства приобретают в «молодых» городах. Во времена активного развития, в городах приоритетными направлениями ставится улучшения качества жилья, здравоохранения, образования, уровня достатка и за всем этим мы совсем забываем про культурную составляющую. Не смотря на прогрессивное развитие города в целом, мы сталкиваемся с проблемами в системе организации досуга детей младшего школьного возраста. Малосодержательность и однообразность детского досуга с использованием устарелых и малоинтересных форм влечет за собой не заинтересованность детей посещать клубы по месту жительства. Мы считаем, что данная проблема вызвана материальными причинами, отсутствием знаний в области детского досуга у организаторов, отсутствием заинтересованности в организации разнообразного и интересного досуга, недостаточно серьезным отношением к организации досуга детей.

В связи с обозначенной проблемой, мы предлагаем использовать декоративно-прикладное искусство в организации досуга младших школьников в клубе по месту жительства, так как оно имеет ряд преимуществ. Во-первых, малозатратность, возможность работать с подручным материалом без специального выделения финансов на его закупку. Во-вторых, многофункциональность, один вид декоративно-прикладного искусства может использоваться для совершенно разных целей, все зависит от фантазии ребенка. Следующее преимущество — это различная степень сложности работы, ребенок может совершенствовать технику выполнения работы в течение всей жизни. Этим же и обусловлена увлекательность работы.

По мнению Н.А. Горяевой декоративно-прикладное искусство — это особый мир художественного творчества, бесконечно разнообразная область художественных предметов, создаваемых на протяжении многовековой истории развития человеческой цивилизации. Это сфера, вне которой невозможно представить себе жизнь человека. Каждая вещь, будь то мебель, посуда или одежда, занимает определенное место не только в организованной человеком среде жизнедеятельности, но прежде всего — в его духовном мире [2, с. 5].

Декоративно-прикладное искусство призвано украшать, облагораживать и преобразовывать предметный мир. Люди стремились, чтобы вещи были не только практичными и удобными для пользования, но и привлекательными по внешнему виду.

Декоративно-прикладное искусство занимает важное место в организации досуга детей младшего школьного возраста. Оно обогащает творческие стремления ребенка преобразовывать мир, развивает нестандартность мышления, свободу, индивидуальность, раскрепощение, умение наблюдать.

Ознакомление с произведениями народного декоративно-прикладного искусства побуждает в детях первые яркие представления о Родине, о ее культуре, способствует воспитанию патриотических чувств, приобщает к миру прекрасного, и поэтому их необходимо включать не только в образовательный, но и досуговый процесс.

Творческие способности младших школьников при применении декоративно-прикладного искусства развиваются посредством следующих действий:

- в предварительном создании эскизов на бумаге;
- в продумывании элементов узора;
- в расположении их на объемах;
- в создании предметов декоративного характера;
- умения найти способ изображения и оформления предмета;
- в перенесении задуманного декоративного узора на изделие.

Таким образом, мы наблюдаем спектр различных направлений развития творческих способностей детей младшего школьного возраста посредством декоративно-прикладного искусства.

Также декоративно-прикладное искусство способствует формированию таких мыслительных операций, как анализ, синтез, сравнение, обобщение.

При рассматривании подлинных предметов декоративно-прикладного искусства и иллюстраций формируется связная речь, правильность произношения, умения описывать увиденное, рассказывать о созданном изделии.

В узорах декоративных росписей, характерных для различных народных промыслов, соблюдается ритм, симметрия, соразмерность отдельных элементов, счётность в исполнении орнамента. Это дает материал для развития математических представлений.

Воспитание любви к Родине является одной из главных задач нравственного и патриотического воспитания. При знакомстве детей с произведениями декоративно-прикладного искусства важно знакомить с самобытным творчеством и прикладным искусством наших коренных национальностей — Ханты и Манси. Дети узнают о самобытности, своеобразии декоративного искусства (типичность мотивов, цветовое и композиционное решение); о связи содержания орнамента с окружающей природой; связи искусства с бытом и жизнью народов Ханты и Манси. Также дети учатся умению составлять узоры на северные мотивы, отличать орнаменты от других. Узнают, что орнаментом украшают одежду, обувь и различные хозяйственные мешочки, сумочки. У детей проявляется интерес, а это зарождающееся чувство любви к родному краю, его истории, природе, труду людей. И от нас зависит, будут ли наши дети любить свой край, понимать его, тянуться к нему, поддерживать, уважать и развивать традиции.

В процессе занятий декоративно-прикладным искусством у детей воспитываются и нравственно-волевые качества: потребность доводить начатое дело до конца, сосредоточенно и целенаправленно заниматься, преодолевать трудности. При создании коллективных работ у детей воспитываются умение объединяться для общего дела, договариваться о выполнении общей работы, учитывать интересы друг друга, умение действовать согласованно, формируется умение уступать, выполнять свою часть работы самостоятельно, а если понадобится, помочь другому.

Литература:

1. Волков Б.С. Психология младшего школьника : учебное пособие / Б.С. Волков. — М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. — 208 с.
2. Горяева Н.А. Декоративно-прикладное искусство в жизни человека : метод. пособие к учебнику / по
3. Ерошенков И.Н. Культурно-воспитательная деятельность среди детей и подростков : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И.Н. Ерошенков. — М. : 2004. — 220 с.
4. Хворостов А.С. Декоративно-прикладное искусство / А.С. Хворостов. — М. : Валдос, 2002. — 169 с.

Таким образом, мы выделяем следующие основные сферы влияния декоративно-прикладного искусства на развитие ребенка:

- 1) формирование мыслительных операций;
- 2) развитие математических представлений;
- 3) формирование речи и словеснообразного мышления;
- 4) нравственное и патриотическое воспитание;
- 5) воспитание нравственно-волевых качеств;
- 6) формирование представления о декоративно-прикладном искусстве, закрепление знания;
- 7) приобщение к активной творческой деятельности;
- 8) понимание общественной значимости своей деятельности.

Рассмотрев сферы влияния декоративно-прикладного искусства на развитие младшего школьника, мы видим, насколько разносторонне помогает развиваться ребенку именно эта деятельность. Она содержит в себе воспитательный, образовательный, развлекательный характер.

Занятия декоративно-прикладным искусством оказывают положительное влияние на формирующийся организм и личность ребенка. Совмещая такие занятия с досугом, мы даем возможность ребенку раскрыть свой творческий потенциал, развивать волевые качества, получать массу интересной информации из области истории, литературы, музыки и так далее.

Младший школьный возраст — это период активного развития ребенка как личности. Именно в этом возрасте необходимо направлять и корректировать деятельность ребенка в разных направлениях его активности, так как именно сейчас он формирует свою точку зрения, свое миропонимание, свой характер. Воздействие на ребенка через досуг позволяет лучше узнать его интересы и в тоже время скорректировать его поведение и мнение. Если же досуг проводить посредством занятий декоративно-прикладным искусством то это позволит осуществить не только воспитательную и рекреативную функции, но и обучающую, развивающую функции. Собственно, именно то, что требуется данной возрастной категории.

МЕДИЦИНА

Методика лечения радикулярных кист различными остеопластическими средствами

Ешиев А.М., кандидат медицинских наук, доцент
Ошская областная клиническая больница (Кыргызстан)

The treatment techniques of radicular cysts with different osteoplastic means

Eshiev A.M. Osh Interblast United Clinic Hospital

В статье дан сравнительный анализ использования различных остеопластических материалов при оперативных лечениях радикулярных кист челюстей с последующим контролем степени регенерации костной ткани.

Ключевые слова: радикулярная киста, цистэктомия, коллапан.

In article are reflected comparative analysis using different osteoplastic materials in surgical treatment of radicular cysts of the jaws with the following control of bone regeneration degree.

Keywords: radicular cyst, cystotomy, collapan.

Сохранение зубов, расположенных в зоне кисты, задача стоматолога при лечении околокорневых кист. Исходя из этой задачи, большое значение имеет материал, используемый для замещения дефектов челюстей после цистэктомии. Известно, что результаты операций во многом зависят от свойств веществ, введенных в остеопластические композиции с целью стимулирования роста и минерализации костной ткани. Препараты, на основе гидроксиапатита и коллагена, отличаются наибольшей предсказуемостью, эффективностью, и широким диапазоном возможного применения. [1, 2, 3, 4, 5]

В современной литературе работ, посвященных изучению влияния остеопластических препаратов на динамику остеогенеза при оперативном лечении одонтогенных кист челюстей, имеется немного. Поэтому проведение исследований в этом направлении представляется актуальным и своевременным способом совершенствования хирургической стоматологической помощи.

Цель исследования. Сравнительная эффективность хирургического лечения больных с одонтогенными кистами челюстей при использовании различных остеопластических средств.

Материалы и методы исследования

Оперативное лечение радикулярной кисты челюстей с резекцией верхушки корня зуба и цистэктомией при диаметре костных полостей от 0,5 см. до 1 см. произведен у 110 больных, при диаметре больше 1 см — у 70 больных, возраст от 19 до 45 лет. В качестве средства стимулирующего остеогенез использовали биоактивный материал коллапан—Л, аутогенную плазму крови (фракция

крови состоящая помимо тромбоцитов, из лейкоцитов и белков фибриновой группы F.R.P.) с дополнением препарата Кальций—Д3 Никомед, и под кровавым сгустком. Сравнение сроков регенерации костной ткани в области дефекта позволило установить уровень остеоинтеграции после использования каждого препарата, тяжесть послеоперационного периода. Все больные были разделены на 3 группы соответственно остеопластическому материалу, используемому для заполнения послеоперационного костного дефекта после цистэктомии. Обследование проводилось по стандартной схеме, включая выяснение жалоб, анамнеза, развития настоящего заболевания, наличия и отсутствия сопутствующей патологии. 1-я группа сравнимая — 50 больных, у которых послекистозная костная полость заживала путем трансформации кровавого сгустка. У этой группы больных проводилась антибактериальная терапия и физиотерапия; полоскание полости рта антисептическим раствором без назначения препарата Кальций-Д3 Никомед. 2-я группа — основная — 80 больных, у которых костная полость (диаметр от 0,5 до 1 см.) заполнялась препаратом — коллапан. 3-я группа — основная — 50 больных, у которых послеоперационная костная полость (от 1 до 2 см.) заполнялась F.R.P. аутокровью и коллапаном. Второй и третьей группам больных назначались препараты Кальций-Д3 Никомед, физиотерапия и полоскание антисептическим средством. Швы у всех групп снимались на 7—8 сутки после операции. Проводилось динамическое наблюдение больных с рентгенологическим исследованием через 3, 6, 12 месяцев. Для оценки плотности костной ткани до и после оперативного

вмешательства использовали эходенситометрию (ЭДМ). При подготовке больных к операции проводили общее клиническое обследование включающее анализ крови и мочи. Статистическая обработка полученных данных проведена на основании общепринятых методов вариационной статистики по Стьюденту.

Результаты исследование и их обсуждения

На основании клинического осмотра и данных рентгеноскопии проведено исследование отдаленных результатов лечения в сроки от 3–6 месяцев до 1 года. При анализе выявлено следующее: после хирургического вмешательства имело место более быстрое исчезновение болевого синдрома, гиперемии слизистой оболочки в области оперативного вмешательства у больных основной группы. Клинически определялось заметное уменьшение локального отека. Средние показатели длительности гиперемии слизистой оболочки в области оперативного вмешательства у пациентов основной и контрольной групп существенных различий не представляли и составили 5–6 суток. Изучение средних сроков продолжительности болевого синдрома показало, что в контрольной группе этот показатель составил $2,5 \pm 0,31$ суток, что немного больше, чем в основной, где он равен $2,0 \pm 0,29$ суткам ($P > 0,05$). Средние сроки купирования отека у больных контрольной группы составили $7,2 \pm 0,21$ суток. Этот показатель в основной группе составил $5,8 \pm 0,19$ суток ($P < 0,05$). Существенное уменьшение сроков локального отека слизистой показывают приведенные данные по группе пациентов, которым был имплантирован «КоллапАн-Л» — «F.R.P.» по сравнению с контрольной группой. Клиническое обследование, проведенное через 3 месяца после операции во всех группах дает положительный результат — больные жалоб не предъявляли. Общий статус без особенностей. Местно имеются малозаметные рубцы на слизистой оболочке переходной складки, пальпация безболезненная. В сравниваемой и 3 основной группах пальпаторно отмечается неуплотненная мягкая кортикальная пластинка оперированного участка челюсти. В основной второй группе при пальпации оперированного участка челюсти определяется плотная костная ткань.

При классической цистоэктомии (1-я группа) рентгенологическое исследование показало, что после операции с ведением раны по традиционной методике (кровяной сгусток) восстановление костной ткани в области дефекта происходит более медленно, с частым инфицированием и воспалением. Это является основанием к дополнительному использованию средств, снижающих риск развития воспалительных осложнений (антибиотики, витаминотерапия и др.). Результаты лечения этой группы больных, по данным рентгенологического исследования через полгода и год после операции, показывают значительное уменьшение размеров костного дефекта, но без полного восстановления костной ткани $P > 0,005$. Через год после операции на рентгенограммах определялся дефект костной ткани, контуры дефекта не четкие, по краям

дефекта видны костные балочки, свидетельствующие о протекающем процессе регенерации костной ткани. Послеоперационное течение у больных данной группы прошло без выраженных болевых и температурных реакций 56,2%, однако у 34,8% пациентов мы наблюдали длительно сохранявшийся отек и гиперемию мягких тканей, даже на 5–6 сутки после операции, несмотря на проводившееся терапевтическое (антибактериальное) лечение, отмечено осложнение у 6-ти больных — повторный рецидив кисты (составляет 20%).

В основной (2-ой группе) — прооперировано 80 больных, удалены кисты малого и среднего размера (диаметром 0,5–1,1 см). В данной группе был использован биоконпозиционный материал на основе пористого гидроксиапатита-коллапАн. Рентгенологическое исследование в этой группе и клинические наблюдения показали более активное течение репаративных процессов в костной ткани. Используемый для заполнения дефектов кости после цистоэктомии остеопластический материал «КоллапАн» активно стимулирует репаративный остеогенез независимо от величины костного дефекта, о чем свидетельствует полное восстановление костной ткани к 6 месяцам при кистах малых и средних размеров $P < 0,001$.

Во 2-ой группе у 89,2% пациентов в послеоперационном периоде состояние удовлетворительное, болей и выраженной температурной реакции пациенты не отмечали. У 10,8% больных был отмечен отек мягких тканей в области оперативного вмешательства $P < 0,001$.

В 3-ей группе больных использовали аутогенную плазму крови в сочетании с биоактивным материалом коллапАн и дополнением препарата Кальций—Д Никомед, они стимулируют формирование остеогенных клеток, которые связаны с поверхностью костной ткани и принимают непосредственное участие в процессах регенерации кости.

При исследовании рентгеновских снимков после имплантации остеозамещающего материала в динамике через 9 и 12 месяцев отмечено постепенное резорбирование и почти полное замещение его собственной костью пациента к 12-ти месяцам после введения в кистозную полость челюстей. Процесс резорбции и замещения наблюдается от периферии костной полости к центру. В отдельных случаях (3,5%) даже через год отмечаются участки с нерезорбированными гранулами материала. Но, даже несмотря на отдельные отрицательные моменты, использование обогащенной аутогенной плазмы с добавлением небольшого количества биоактивного материала — коллапАна, дает больше положительного эффекта. Она позволяет полностью закрыть большую полость (более экономично для больного) при этом степень регенеративного остеогенеза не снижается, а дополнительное использование препаратов кальция способствует усилению процесса регенерации.

Результаты денситометрических исследований выявили, что минеральная плотность костной ткани у леченной радикулярной кисты челюстей через 3 месяца от

Таблица 1. Степень регенерации костной ткани на основании рентгенологических данных

Исследуемые группы	Степень регенерации костной ткани			
	через 3 месяца		через 6 месяцев	через 1 год
Кровяной сгусток	1-группа	Регенерация отсутствует	25%	30%
С применением каллопАна	2-группа	70%	90%	100%*
F.R.P. аутокровью и коллапаном	3-группа	Регенерация отсутствует	45%	96,5 %*

*) Различия достоверны по сравнению с группой сравнения $P < 0,001$.

Таблица 2. Минеральная плотность костной ткани леченной радикулярной кисты челюстей в динамике лечения с использованием коллапана и обогащенной тромбоцитарной массы

Группы больных	Минеральная плотность кости (%)			
	Исходная	7 суток	14 суток	28 суток
	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$
Сравниваемая 1-группа	$84,30 \pm 1,40$	$83,70 \pm 0,57$	$82,81 \pm 0,92$	$81,39 \pm 0,74$
Основная 2–3 – групп	$84,30 \pm 1,40$	$93,40 \pm 0,96^*$	$94,60 \pm 1,38^*$	$95,90 \pm 0,82^*$

*) Различия достоверны по сравнению с группой сравнения ($P < 0,05$)

начала лечения у больных основных (2–3 групп) оставалась на высоком уровне и к 6 месяцам приблизилась к показателям нормы (таблица 2).

Содержание кальция, калия, натрия, неорганического фосфата в сыворотке крови у больных в группе сравнения постепенно снижается по сравнению с исходным уровнем, тогда как в основной группе, где пациентам в комплекс лечебных средств был включен «Кальций-Д3 Никомед», наблюдалось их возрастание.

У 1-сравниваемой группы содержание свободного кальция в сыворотке крови незначительно повышалось на 7 и 14 сутки исследования ($2,68 \pm 0,07$ и $2,82 \pm 0,05$ соответственно, исходный уровень — $2,43 \pm 0,05$ ммоль/л, ($P < 0,05$). В эти сроки снижался уровень калия и натрия. Начиная с 21 дня наблюдения, содержание кальция в сыворотке крови постепенно снижалось и на 28 сутки стало ниже исходного уровня ($2,21 \pm 0,07$ ммоль/л). У больных 2–3 группы, получавших кальций Д3 Никомед, уровень кальция в сыворотке крови оставался почти на уровне практически здоровых лиц.

У больных всех групп на 7-е сутки исследования выделение кальция с мочой резко увеличилось и составило в среднем $3,12 \pm 0,35$ ммоль/сут (в исходном состоянии — $2,56 \pm 0,39$ ммоль/сут). В динамике лечения у больных

сравниваемой группы наблюдалась тенденция к снижению выделения кальция с мочой, а у больных основной 2–3 групп она соответствовала показателям количества кальция в сыворотке крови.

Использование биокомпозиционных материалов на основе гидроксиапатита «коллапАн», способствует более активному течению регенерационных процессов в дефектах костной ткани, обуславливая энергетическое формирование в них соединительной ткани и на ее базе — костных структур. Заполнение послеоперационного дефекта композитным материалом положительно влияет на течение послеоперационного периода, что выражается в значительном уменьшении послеоперационного отека мягких тканей, отсутствии болевого синдрома, более низкой температурной реакции.

Таким образом, изучение минеральной плотности костной ткани и сравнительный клинико-рентгенологический анализ хирургического лечения одонтогенных кист челюстей методом цистэктомии с применением аутогенной плазмы крови обогащенной тромбоцитами и каллопАном ускоряет сроки восстановления репаративной регенерации костной ткани, обладает остеиндуктивными и пластическими свойствами и не требует особых материальных затрат и технически просто выполним.

Литература:

1. Адда Ф. Тромбоциты с высоким содержанием фибрина. //Институт стоматологии. -2003. -№ 1 (18). — С. 67—69.
2. Губайдуллина Ж.Я. Опыт лечения больных с обширными кистами челюстей // Стоматология. — 2007 — № 1. — С. 84—86.
3. Емельянов А.С. Репаративные способности тканей при использовании костнопластических материалов в эксперименте. //Нижегородский медицинский журнал. -2008. №2 вып.2. — С. 239—240.

4. Кузьминых И.А. Хирургическое лечение радикулярных кист с использованием биокомпозиционного материала «Алломатрикс-имплант» и фибрина, обогащенного тромбоцитами. Автореф. дис...кан. мед. наук. -Пермь, 2008. — 22 с.
5. Попов Т.Ф. Выбор эффективных остеопластических материалов в амбулаторной практике. //Актуальные проблемы современной стоматологии: материалы научно-практической конф. Посвященной 25-летию стом.фак. Ижевской государственной медицинской академии. — Ижевск, 2005. — С. 175—177.

Нормоценоз влагалища и его влияние на здоровье женщин

Цизина Е.А., соискатель; Ильина Н.А., доктор биологических наук, профессор
Ульяновский государственный педагогический университет

Различные органы и полости человека с присущей им микрофлорой представляют собой единую экологическую систему — микробиоценоз. Микробиоценоз различных органов и полостей человека является весьма чувствительной индикаторной системой, которая способна реагировать качественными и количественными изменениями на любые физиологические и патологические сдвиги в состоянии макроорганизма и препятствовать инвазии патогенных микроорганизмов. Нормальная микрофлора влагалища у здоровых женщин репродуктивного возраста характеризуется широким спектром микроаэрофилов, факультативных и облигатных анаэробов.

Влагалище с присущей ему микрофлорой образует единую систему, в которой вагинальная среда контролирует микрофлору, а микрофлора, в свою очередь, оказывает воздействие на вагинальную среду [1,2].

Микроэкология влагалища во многом обусловлена его эмбриональным происхождением и гистоморфологическим строением. Влагалище покрыто многослойным неороговевающим плоским эпителием, который не содержит желез. Делящиеся клетки базального слоя эпителия созревают в процессе их продвижения к просвету влагалища. Процессы физиологического созревания эпителиоцитов, их слущивания и толщина поверхностного слоя подвержены циклическим изменениям в ответ на действие половых гормонов.

Эпителий влагалища выполняя защитную функцию, обеспечивает его устойчивость к воздействию патогенных агентов (бактерии, вирусы, грибы). Важным показателем резистентности вагинального эпителия является количество гликогена, который содержится преимущественно в поверхностных клетках. Поскольку эти клетки постоянно слущиваются и подвергаются цитолизу, гликоген освобождается, обеспечивая питательный субстрат для нормальной микрофлоры. Гликоген также способствует регенерации тканей, является важным углеводным компонентом организма, принимающим участие в выработке иммунных тел. Таким образом, возможные гормональные изменения на протяжении жизни женщины (пубертат, менопауза, беременность) определяют интенсивность ферментативных процессов во влагалище и оказывают влияние на состояние его микрофлоры. Нормальная мик-

рофлора влагалища у здоровых женщин репродуктивного возраста характеризуется большим разнообразием видов бактерий, жизнедеятельность которых во многом зависит от их способности к адгезии на клетки вагинального эпителия и возможности конкуренции между собой за места обитания и продукты питания. Микрофлора влагалища здоровых женщин репродуктивного возраста включает широкий спектр микроаэрофилов, факультативных и облигатных анаэробов.

Чаще всего выделяют микроаэрофильные, продуцирующие H_2O_2 (71—100%), реже анаэробные (5—30%) грамположительные палочки — представителей рода *Lactobacillus* [3]. Среди представителей облигатных анаэробов с высокой частотой (30—90%) обнаруживают группу *Peptostreptococcus*, включающую в себя всех членов рода ранее известных как *Peptococcus* (за исключением *P. niger*) и все грамположительные анаэробные кокки, ранее идентифицированные как *Gaffkya anaerobia*. Грамположительные палочки, строгие анаэробы — *Bifidobacterium spp.* выявляются у здоровых женщин с частотой равной 12%, *Clostridium spp.* — в 10—25% случаев соответственно. В редких случаях (0—5%) в вагинальном отделяемом обнаруживают виды *Mobiluncus* [4, 5,6]. Типичными представителями нормальной микрофлоры генитального тракта у женщин являются *Propionibacterium spp.* (*P. acnes*), которые могут быть выделены с частотой до 25%. Грамотрицательные строго анаэробные палочковидные бактерии такие как *Bacteroides spp.* (*B. urealyticum*, *B. fragilis*, *B. vulgatus*, *B. ovatus*, *B. distasonis*, *B. uniformis*, *B. coccae*, *B. multiacidus*), выявляются у 9—13% женщин, *Fusobacterium spp.* у 14—40%, *Porphyromonas spp.* у 31%, *Prevotella spp.* присутствуют во влагалище у женщин в 60% случаев. Значительное место отводится *Pr. bivia* и *Pr. disiens* — уникальным микроорганизмам женского полового тракта, роль которых приравнивается к роли *B. fragilis* в кишечнике [7,8]. *B. fragilis* выделяют из половых путей здоровых женщин, по разным данным, в 5—12% случаев [9].

Микроаэрофилы во влагалище здоровых женщин помимо лактобактерий представлены *G. vaginalis*. По данным различных авторов *G. vaginalis* встречается в 6—60% случаев [10, 11].

Среди факультативно-анаэробных микроорганизмов часто выделяют каталазопозитивные, коагулазонегативные *S. epidermidis*, и новобиоцинрезистентные *S. saprophyticus* (62%), *Streptococcus spp.* (стрептококки группы *viridans* — «зеленящие», альфа (или гамма), гемолитические, стрептококки серологической группы В (*Str. agalactiae*) и стрептококки серологической группы D (энтерококки), непатогенные коринебактерии (*C. minutissimum*, *C. equi* (новое название *Rhodococcus equi*), *C. aquaticum*, *C. xerosis*) присутствуют у 30–40%. *E. coli*, по разным данным, выделяют у 5–30% женщин [12,13,14]. Прочие энтеробактерии (*Klebsiella spp.*, *Citrobacter spp.*, *Enterobacter spp.*) встречаются менее чем у 10% здоровых женщин. Для нормоценоза характерно присутствие генитальных микоплазм — *M. hominis* и *U. urealyticum*, которые встречаются у 2–15% сексуально активных женщин, в то время как *M. fermentans* определяются редко [15].

Дрожжеподобные грибы рода *Candida*: *C. albicans*, *C. tropicalis* и *Torulopsis glabrata* (ранее *Candida glabrata*) выявляются во влагалище здоровых женщин в 15–20% случаев. *Candida albicans* — наиболее характерный вид, определяемый у 80–90% женщин, влагалище которых колонизировано грибами рода *Candida* [16].

Отделяемое влагалища в норме содержит 10^8 – 10^{12} КОЕ/мл микроорганизмов, при этом факультативно-анаэробные бактерии составляют 10^3 – 10^5 КОЕ/мл, анаэробные — 10^5 – 10^9 КОЕ/мл [15,17,18]. На фоне всего видового многообразия ведущее место в вагинальном микроценозе занимают микроаэрофильные лактобактерии число которых может достигать 10^9 КОЕ/мл [19]. Колонизируя слизистую влагалища, лактобактерии участвуют в формировании экологического барьера и обеспечивают тем самым резистентность вагинального биотопа. Защитные свойства лактобактерий реализуются по-разному: за счет антагонистической активности, способности продуцировать лизоцим, перекись водорода и адгезивных свойств. Однако основным механизмом, обеспечивающим колонизационную резистентность вагинального биотопа является способность лактобактерий к кислотообразованию. Молочная кислота — продукт метаболизма лактобактерий. Она образуется в процессе деструкции гликогена вагинального эпителия лактобактериями и определяет кислую реакцию pH вагинального содержимого, которое в норме составляет 3,8–4,5. Лактобактерии продуцируют молочную кислоту в количествах, достаточных для создания выраженной кислой среды вагинального отделяемого и, тем самым, препятствуют размножению ацидофобных бактерий.

Бифидобактерии, входя в состав микроценоза влагалища, как и бактерии рода *Lactobacillus*, относятся к флоре Дедерлейн. У здоровых женщин репродуктивного возраста они выявляются с меньшей частотой, в концентрациях 10^3 – 10^7 КОЕ/мл. Как и лактобактерии, они относятся к кислотопродуцирующим микроорганизмам и участвуют в поддержании во влагалище низких значений pH.

Бифидобактерии адгезируются на поверхности эпителиальных клеток влагалища, способны продуцировать бактериоцины, лизоцим, спирты, что также обеспечивает им участие в создании и поддержании колонизационной резистентности во влагалище по отношению к условно-патогенным и патогенным микроорганизмам. Бифидобактерии синтезируют аминокислоты и витамины, которые активно используются организмом хозяина в его метаболизме.

Пептострептококки являются третьей составляющей частью флоры Дедерлейн. Количество анаэробных кокков в вагинальном отделяемом составляет 10^3 – 10^4 КОЕ/мл. Несмотря на то, что пептострептококки составляют часть нормальной флоры женского полового тракта, их часто обнаруживают при септических абортах, трубно-яичниковых абсцессах, эндометритах и других тяжело протекающих инфекциях женских половых органов. В ассоциации с другими анаэробными бактериями пептострептококки в большом количестве случаев выделяют при бактериальном вагинозе.

Пропионобактерии — комменсалы человеческого организма. За счет вырабатываемых ими органических кислот эти бактерии могут участвовать в поддержании колонизационной резистентности влагалища. Обладают иммуностимулирующими свойствами. Выделяются в количествах, не превышающих в норме 10^4 КОЕ/мл [20,21].

В норме количественный уровень порфиромонасов, вейлонелл и фузобактерий не превышает 10^3 КОЕ/мл, а бактероидов и превотелл — 10^4 КОЕ/мл соответственно [22].

Патогенные свойства строго анаэробных грамотрицательных бактерий связаны с их ферментативными системами. Так, у *B. fragilis* выявлены гиалуронидаза, коллагеназа, фибринолизин, иммуноглобулин-протеазы, гепариназа и сиалидаза. *B. fragilis* обладают и другими факторами патогенности, например, капсульным полисахаридом. Кроме того бактероиды группы «*fragilis*» способны к продукции каталазы, что позволяет им противостоять действию H_2O_2 , вырабатываемой лактобактериями. Различные протеазы и коллагеназы были найдены у бактерий рода *Porphyromonas*. Протеазы и фибринолизин выявлены также у различных видов рода *Prevotella*. *Fusobacterium necrophorum* обладают способностью синтезировать гемолизин и факторы агрегации тромбоцитов.

У бактероидов, фузобактерий, а также у анаэробных стрептококков и гарднерелл была выявлена высокая способность к продукции фосфолипазы A2. Последняя в свою очередь активирует продукцию простагландинов путем освобождения арахидоновой кислоты из ее эфирной формы. У беременных женщин бактериальные протеазы и липазы могут воздействовать на хорионамниотическую мембрану, приводя к ее разрыву. Нарушение целостности хорионамниотической оболочки в совокупности с увеличением концентрации простагландинов в амниотической жидкости инициируют преждевременные роды [23, 24].

Органические кислоты, продуцируемые грамотрицательными анаэробами, а также бактериями рода *Mobiluncus*, в частности янтарная кислота, ингибируют функциональную активность полинуклеарных нейтрофилов, с чем связывают малое количество последних или их полное отсутствие в выделениях из влагалища при бактериальных вагинозах.

Таким образом, бактерии — представители нормальной микрофлоры влагалища тесно взаимодействуя между собой и с клетками вагинального эпителия создают и поддерживают высокую колонизационную резистентность влагалищного биотопа, но иногда могут стать причиной воспалительных процессов урогенитального тракта. Ввиду того, что вагинальная микрофлора помимо защитной функции выполняет и ряд других важных функций — ферментативную, витаминообразующую, иммуностимулирующую и др., ее обычно рассматривают как индикатор состояния влагалища [25, 26].

При определении видового состава микрофлоры влагалища, по данным Е.Ф. Киры [27], среди анаэробных грамположительных бактерий нередко выявляются коагулазонегативные стафилококки, что составляет 34–92%. Особое значение, как возбудителям заболеваний, принадлежит *S. epidermidis* и *S. haemolyticus*. Во влагалище здоровых женщин эпидермальный стафилококк можно обнаружить в 90% случаев [28]. Этот микроорганизм активно участвует в обеспечении колонизационной резистентности.

Гемолитический стафилококк (*S. haemolyticus*) может быть выделен из влагалища здоровых женщин при отсутствии признаков инфекции. В определенных условиях эти микроорганизмы могут стать возбудителями инфекционных процессов урогенитального тракта. Возможно носительство данных бактерий на коже перианальной области (источник развития вагинитов) [29].

Золотистый стафилококк (*S. aureus*) не входит в состав нормальной микрофлоры генитального тракта, но нередко в небольшом количестве выделяется из влагалища клинически здоровых женщин. По данным ряда авторов, он колонизирует влагалище транзитивно и обнаруживается лишь в 5% случаев. Поэтому наличие золотистого стафилококка в вагинальной микрофлоре не является признаком патологии [30]. Его этиологическая значимость определяется количественными исследованиями [29].

Клостридии (*Clostridium spp.*) встречаются у 10–25% женщин. При бактериальных вагинозах их частота увеличивается [31].

Нередко в генитальном тракте женщин встречаются стрептококки (гемолитические и негемолитические). Эти

микроорганизмы также являются обитателями слизистых оболочек дыхательных путей, пищеварительного и в определенных условиях способствуют развитию инфекционных процессов [32]. Наибольшее клиническое значение имеют стрептококки групп А (*S. pyogenes*), В (*S. agalactiae*) и D (*S. bovis*). В вагинальном секрете содержится стрептококк группы В (*S. agalactiae*).

По данным Г.В. Ершова, Д.Н. Бочкарева, И.В. Смоленова [33] при воспалительных заболеваниях органов малого таза (ВЗОМТ) у женщин были выявлены культуры *S. pyogenes* (10,5% случаев), *S. viridans* (7,9%) и *S. pneumoniae* (1,8%).

Среди аэробных микроорганизмов наиболее часто встречаются энтерококки (*Enterococcus*). Из них на долю *E. faecalis* приходится 80–90%, *E. faecium* — 5–10%. В генитальном тракте здоровых женщин они встречаются в 10% случаях. Энтерококки входят в состав нормальной микрофлоры кишечника, где их концентрация достигает 10^6 КОЕ/мл [34]. В последнее время возросла роль энтерококков при инфекциях мочевыводящих путей [35, 36]. По мнению Г.В. Ершова, Д.Н. Бочкарева, И.В. Смоленова [33] *E. faecalis* имеет этиологическое значение в развитии ВЗОМТ.

Среди грамотрицательных условно-патогенных бактерий наиболее часто выделяют эшерихии [37]. Распространенность *Escherichia coli*, по данным Л.И. Кафарской, О.В. Коршунова, Б.А. Ефимова [38], составляет 10–30%, а количественный показатель — $10-10^4$ КОЕ/мл. Нередко они обнаруживаются в структуре микрофлоры, выделенной из мочи женщин с пиелонефритом (50–58,3%), а также из цервикального канала при сальпингоофорите (11,2–19,9%).

Прочие энтеробактерии встречаются менее, чем у 10% здоровых женщин (бактерии рода *Klebsiella*). Клебсиеллы — факультативные анаэробы [39]. Они могут быть причиной урогенитальных инфекционных заболеваний [40].

Таким образом, бактерии — представители нормальной микрофлоры влагалища, тесно взаимодействуя между собой и с клетками вагинального эпителия, создают и поддерживают высокую колонизационную резистентность влагалищного биотопа, но иногда могут стать причиной воспалительных процессов урогенитального тракта. Ввиду того, что вагинальная микрофлора помимо защитной функции выполняет и ряд других важных функций — ферментативную, витаминообразующую, иммуностимулирующую и др., ее обычно рассматривают как индикатор состояния влагалища [41, 42].

Литература:

1. Добротина В.Т. Основы иммунологии / В.Т. Добротина. — М. — 2003. — 225 с
2. Савченко Т.Н. Определение видового состава и чувствительности к антибактериальным препаратам беременных с кандидозным вульвовагинитом на ранних сроках беременности / Т.Н. Савченко, М.Х. Точиева, Е.И. Гиммельфарб и др. // I Международный конгресс по репродукции. — М. — 2006. — С. 221–222.

3. Соколовский Е.В., Савичева А.М., Домейка М. и др. Инфекции, передаваемые половым путём. Руководство для врачей. — М.: МЕДпресс-информ, 2006. — 123 с
4. Ковтун О.Г. Современные аспекты послеродового эндометрита (ретроспективный анализ) / О.Г. Ковтун // Материалы 7 Всероссийского научного форума «Мать и дитя», 2005. — С. 98–99.
5. Порсохонова Д.Ф., Курбанов Д.Д., Арифов С.С. и др. Клинико-иммунологическая характеристика урогенитальных и экстрагенитальных поражений при хламидийной и уреаплазменной инфекции у женщин // Цитокины и воспаление. — 2005. — Т.4, №4. — С. 4–6.
6. Шабашова Н.В., Мирзабалаева А.К., Долго-Сабурова Ю.В. и др. Роль про- и противовоспалительных цитокинов в патогенезе хронического рецидивирующего кандидозного вульвовагинита у женщин // Материалы Международного Конгресса «Практическая гинекология: от новых возможностей к новой стратегии». — Москва, 2006. — С. 212–213.
7. Кулаков В.И. Актуальные проблемы антимикробной терапии и профилактики в акушерстве, гинекологии и неонатологии / В.И. Кулаков, Б.Л. Гуртовой, А.С. Анкирская, А.Г. Антонов // Акушерство и гинекология. — 2004. — №1. — С. 3–6.
8. Eschenbach D.A., Davick P.R., Williams B.L. et al. Prevalence of hydrogen peroxide-producing *Lactobacillus* species in normal women and women with bacterial vaginosis // J. Clin. Microbiol. — 1999. — V.27, №2. — P.251–256.
9. Кудрина М.И. Вульво-вагинальный кандидоз. // Москва, 2005. — 18 с.
10. Вихляева Е.М. Руководство по эндокринной гинекологии / Е.М. Вихляев — Мед. информ. агентство. — 2006. — 784 с.
11. Brabin L. Interactions of the female hormonal environment, susceptibility to viral infections, and disease progression // AIDS Patient Care STDS. — 2002. — V.16, №5. — P.211–213.
12. Кира Е.Ф., Муслимова С.З. Современный взгляд на нетрансмиссионные инфекции влагалища и вульвы у женщин репродуктивного возраста // Акушерство и гинекология. — 2008. — №1. — С. 3–6.
13. Eschenbach D.A. Bacterial vaginosis and anaerobes in obstetric-gynecologic infection // Clin. Infect. Dis. — 1993. — Vol.16, Suppl.4. — P.282–287.
14. Overmann B.A. The vaginal as an ecology system. Current understanding and clinical application // J. Nurse Midwifery. — 2003. — V.38, №3. — P.146–151.
15. Кира Е.Ф. Инфекция и репродуктивное здоровье (часть 3). Клинические проявления инфекционных заболеваний влагалища, включая СТЗ // Журнал акушерства и женских болезней. — 2001. — №1. — С. 50–55.
16. Adamson G.D., Brown D.Jr., Standard J.V., Sadoff J. et al. Tree day treatment with butaconazole vaginal cream for vulvovaginal candidiasis // J. Reprod. Med. — 1996. — Vol. 31. — P. 131–132.
17. Егорова Е.В., Минскер О.Б. Грибковые и некоторые паразитарные заболевания женских половых органов. — М.: Медицина, 1999. — С. 219.
18. Погодин О.К. Хламидийная инфекция в акушерстве, гинекологии и перинатологии. — Петрозаводск, 2007. — 29 с.
19. Лебедев В.А., Давыдов А.И. Урогенитальный хламидиоз // Вопр. гинекол., акуш. и перинатол. — 2002. — №2. — С. 25–31.
20. Хаитов Р.М., Пинегин Б.В. Основные представления об иммуотропных лекарственных средствах // Иммунология. — 1996. — №6. — С. 4–9.
21. Вульфович Ю.В., Раковская И.В., Гамова Н.А. и др. Лабораторная диагностика микоплазмоза и уреаплазмоза у урологических и гинекологических больных // Журн. микробиол., эпидемиол., иммунол. — 2005. — №5. — С. 97–100.
22. Савичева А.М., Башмакова М.А. Микробиоценозы влагалища и их регуляция // Тез. докл. научн. конф. «Дисбактериозы и эубиотики». — М., 1996. — С. 33.
23. Назарова Е.К., Гиммельфарб Е.А., Созаева Л.Г. Микробиоценоз влагалища и его нарушения // Клинич. лаборат. диагн. — 2003. — №2. — С. 25–32.
24. Воробьев А.А., Абрамов Н.А., Бондаренко В.М., Шендеров Б.А. Дисбактериозы — актуальная проблема медицины // Вестн. РАМН. — 2007. — №11. — С. 12–18.
25. Глазкова Л.К., Акилов О.Е. Практические аспекты персистирующей хламидийной инфекции // ИППП. — 1999. — №4. — С. 29–34.
26. Серов В.Н., Краснопольский В.И., Делекторский В.В. и др. Хламидиоз. Клиника, диагностика, лечение // Методические рекомендации. — М., 2006. — 18 с.
27. Кира Е.Ф. Инфекция и репродуктивное здоровье (часть 3). Клинические проявления инфекционных заболеваний влагалища, включая СТЗ // Журнал акушерства и женских болезней. — 2001. — №1. — С. 50–55.
28. Анкирская А.Е. Бактериальный вагиноз // Акуш. и гинеколог. — 2005. — №6. — С. 13–16.

29. Арутюнян К.Н. Клинико-микробиологические особенности современного течения пуэрперального эндометрита. Автореф. дис... канд. мед. наук — Самара, 2008. — 24 с.
30. Стрижаков А.Н. Эндометриоз: клинические и теоретические аспекты / А.Н. Стрижаков, А.И. Давыдов. — М.: Медицина. — 2006. — 330 с.
31. Кафарская Л.И., Коршунова О.В., Ефимов Б.А. Микробная экология влагалища // ЖМЖИ. — 2002. — №6. — С. 91–99.
32. Оганян К.А. Течение и исход беременности при колонизации мочеполового тракта женщин стрептококками группы В и D: Автореф. дис... канд. мед. наук — Санкт-Петербург, 2008. — 24 с.
33. Ершов Г.В., Бочкарев Д.Н., Смоленов И.В. Этиологическая структура и резистентность возбудителей воспалительных заболеваний органов малого таза у женщин // Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. — 2004. — Т.6. — №2. — С. 193–199.
34. Сидоренко С.В., Резван С.П., Грудина С.А., Кротова Л.А., Стерхова Г.В. Результаты многоцентрового исследования антибиотикочувствительности энтерококков // Антибиотики и химиотерапия. — 1998. — №9. — С. 9–18.
35. Ковтун О.Г. Современные аспекты послеродового эндометрита (ретроспективный анализ) / О.Г. Ковтун // Материалы 7 Всероссийского научного форума «Мать и дитя», 2005. — С. 98–99.
36. Анохова Л.И., Загородняя Э.Д., Дашкевич О.Ю. Профилактика эндометрита после кесарева сечения методом эндоваскулярного лазерного облучения // Мать и дитя: Материалы VII Российского форума, 11–14 окт. 2005 г. — М., 2005. — С. 17–18.
37. Страчунский Л.С. Современная антимикробная химиотерапия / Л.С. Страчунский, С.Н. Козлов // Руководство для врачей. — Москва, 2002. — 436 с.
38. Кафарская Л.И., Коршунова О.В., Ефимов Б.А. Микробная экология влагалища // ЖМЖИ. — 2002. — №6. — С. 91–99.
39. Воробьев А.А., Быков А.С. Атлас по медицинской микробиологии, вирусологии и иммунологии. — 2003. — 236 с.
40. Сидорова И.С., Боровкова Е.И. Микрофлора половых путей у женщин репродуктивного возраста. — М.: Практическая медицина, 2007. — 80 с.
41. Ларсен Б. Микрофлора половых путей в норме // Общие инфекции / Под ред. Л.Г.Кейта, Г.С. Бергера, Д.А. Эдельмана. — М.: Медицина, 1988. — Гл.1. — С. 17–45.
42. McCormack W.M. The genital mycoplasmas // N. Engl. J. Med. — 1980. — Vol. 301. — P. 1063–1067.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Тема современности в композиции панно отечественного варианта ар деко

Догонина Е.А., аспирант

Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова

Наряду с реминисценциями и орнаментальными мотивами стиль ар деко активно включал в декоративные композиции и стилизацию атрибуты современности. Особенно ярко это проявилось в западном варианте стиля, где тема современности была одной из характерных черт стиля. В отечественном варианте она тоже приобрела довольно полное выражение, но была окрашена определенной спецификой, связанной с политической идеологией сталинского времени. Наиболее ярко эта тема прослеживается в декоративном убранстве станции метро «Маяковская» и «Новокузнецкая», в архитектурном ансамбле Северного речного вокзала. Архитектура сталинского времени была наделена определенной символичностью, которая призвана была увести человека от горя и тягот того времени в прекрасный и безоблачный мир.

Для осуществления масштабных архитектурных проектов привлекались лучшие мастера. Большие надежды возлагались на строительство Московского метрополитена, и если станции первой очереди были довольно сдержанными в декоративном убранстве, то архитектурное решение станций второй очереди было ознаменовано особой роскошью в декоре. К ним относится и станция второй очереди Московского метрополитена «Маяковская» спроектированная архитектором Алексеем Николаевичем Душкиным и открывшаяся для пассажиров в сентябре 1938 года. Её интерьерный ансамбль по своей стилистике наиболее близко соотносится с западным вариантом стиля ар деко. Интерьер станции получился необычайно просторным и светлым, в облицовке колонн и арочных проемов использовалась нержавеющая сталь, свет отражался в гранях рифлёной стали, переключался с полированным мрамором и смальтой, наполняя пространство блеском. За этот проект архитектор А.Н. Душкин в 1939 году получил Гран-при на Международной выставке в Нью-Йорке.

Для создания монументально-декоративных панно (рис. 1) был приглашен Александр Александрович Дейнека. Он выполнил 35 картонов, по которым мозаики набивались в мастерской В.А. Фролова в Ленинграде. «Все тридцать пять мозаик: от розовых — утренних, через голубые — дневные к красно-коричневым — вечера, темным — ночи, — не только по сюжетам, но и по живописному разбегу обобщены одной темой: сутки нашей Родины». [6] Декоративные композиции в овальных

плафонах создавали ощущение простора и наполняли интерьер светонесущей силой. Человек, спустившийся в метро, не должен был ощущать себя под землей, поэтому особую роль играло освещение интерьера станции и перспективные прорывы пространства в высоты яркого московского неба, как будто не существовало той толщи земли, как писал сам художник: «Плафоны поднимают, делают звонкой архитектуру...». [6]

Композиции панно представляли спортсменов, прыгающих с парашютом, парящие в лазурном небе аэропланы, гудящие линии электропередач, цветущие сады, играющих детей. Стилизация и переработка образов, реалистическая трактовка изображений и декоративность соединились в целостные гармоничные композиции панно. Наиболее важным в произведениях являлся синтез реалистичности и декоративности. С одной стороны художник стремился с предельной ясностью и академичностью отобразить фигуры людей и пространство, с другой наделить композиции особой выразительной силой и энергетикой, которая передавалась бы зрителю: «Изображение решалось принципами цвето-свето-тени: надо было ввести в плафоны как можно больше солнца, света. Золото и серебро я вводил не в фон, а в реальную окраску предмета. Проходя и обозревая плафон, зритель видит, как силуэт аэроплана начинает под известным углом блеснуть серебром». [6] Идеиное наполнение заключалось в отображении прекрасных, счастливых людей, которые строят новую жизнь, а декоративность композиций усиливалась с помощью необычного ракурса изображения и модуля куточков мозаичной смальты. Свобода трактовки пластики цветового пятна, использование ярких и светлых тонов сообщали произведениям легкость и декоративность. Одухотворённые, динамичные, насыщенные светом и цветом картины новой жизни передавали зрителю этот настрой. Дейнека мастерски расставлял цветовые акценты, с их помощью организуя целостность композиций. Такое синтетическое соединение реальной жизни и декоративной стилизации придавало монументальным панно Александра Дейнеки особую эстетическую выразительность, роднящую их с произведениями этого круга западного варианта ар деко.

Тематика современности получила развитие в последующей работе художника. Декоративные мозаичные панно на станции метро «Новокузнецкая» относятся к

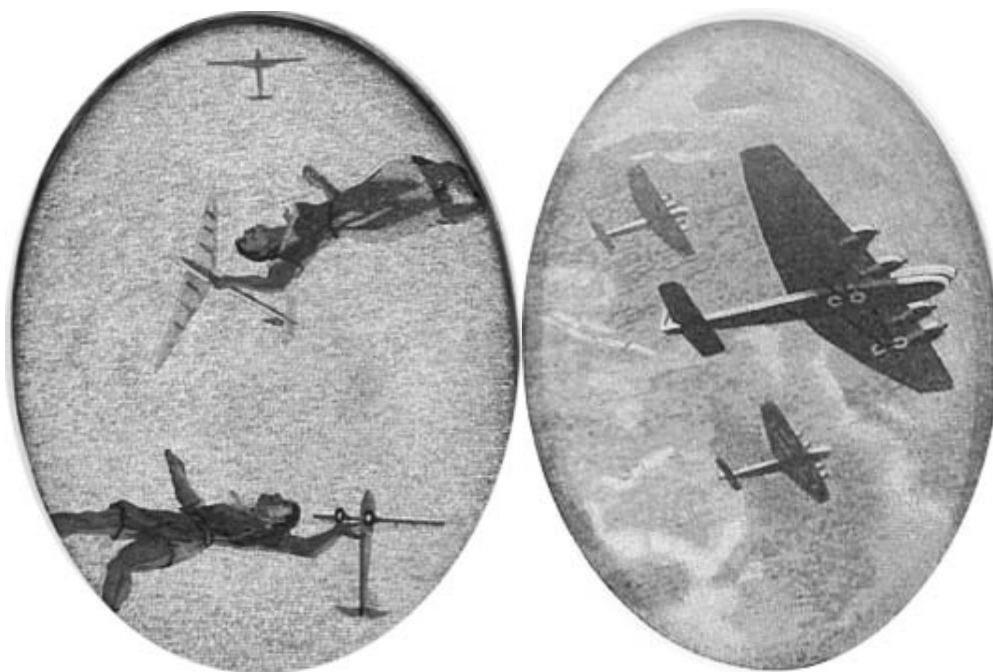

Рис. 1. А.А. Дейнека. Мозаики для станции метро «Маяковская» из серии «Сутки советского неба», Москва, 1938 г.

1941 году. Первоначально панно предназначались для станции метро «Павелецкая», так как поезда с Павелецкого вокзала шли в Донецк, то тема декоративных мозаик звучала как «Донбасс — Всесоюзная кочегарка». Панно представляли собой восьмигранники и по размеру были больше, чем для станции «Маяковская». Расположение их на потолке не предполагало заглублиения, что облегчало их обзор пассажирами даже на расстоянии. Из-за начавшейся вскоре Великой Отечественной войны проект станции «Павелецкая» был изменён и семь из набранных ранее панно были размещены на станции «Новокузнецкая». Среди них такие композиции как «Парад физкультурников», «Авиация», «Лыжники и торжество индустриализации», «Машиностроение Донбасса», «Яблочные сады» и другие. Реалистичность изображения усиливается, хотя А. Дейнека и прибегает к приему уходящего ввысь пространства, как в панно для станции «Маяковская». Перед глазами зрителя проходили сцены жизни советского человека, труд и отдых. Александр Дейнека уделяет особое внимание визуальной трансляции средств транспорта и механизации труда. Из композиций уходит условность трактовки формы и цвета и использование локальных декоративных плоскостных пятен, преобладает натурализм в отображении людей и предметов: так на одном из панно можно увидеть скоростной паровоз того времени, произведенный на Коломенском машиностроительном заводе. Такой подход к композиционному построению панно делал их сюжетное наполнение более богатым, но декоративная стилизация отступала на второй план.

Если сравнивать панно Александра Дейнеки для станций «Маяковская» и «Новокузнецкая», то первая его работа более созвучна с западным вариантом стиля,

в ней идеологическая составляющая была не так ярко выражена, как в последующем декоративном ансамбле. Основной чертой мозаик станции «Маяковская» были образные вариации на тему современности, которые строились не столько на отображении реалий жизни, сколько на создании атмосферы праздника, наполненного мажорными нотами.

Яркое отображение темы современности можно видеть в декоративных майоликовых панно на здании Северного речного вокзала, архитекторы А.М. Рухлядев, В.Ф. Кринский, Москва, 1937 год, панно выполнила художник Н.Я. Данько (рис. 2). Здание речного вокзала представляло собой образ двухпалубного судна с воздушными арочными проемами и открытыми террасами и увенчанное мачтой — шпилем. Язык архитектуры визуально отображал основную идею сооружения, которая заключалась в позиционировании Москвы, как порта пяти морей. Арочный вход на обоих фасадах здания был украшен круглыми майоликовыми панно, разработанными художницей Н.Я. Данько. всего было создано 24 таких медальона. Собранные в единый декоративный ансамбль они представляли некий поэтический гимн жизни и труду, где навигация, воздухоплавание, рост промышленности, освоение новых территорий были основными достижениями. С одной стороны весь цикл панно проникнут пафосом героики и созидания новой жизни, с другой автор композиций отобразил веяния эпохи через символические элементы, которые повествуют не об идеологических установках, а о покорении человеком стихий воды и воздуха. Хрупкие глазурованные фарфоровые рельефы размещались на поверхности шероховатых каменных колонн, что составляло должный эффект контраста. Легкость и живописность в манере исполнения панно сообщали декора-

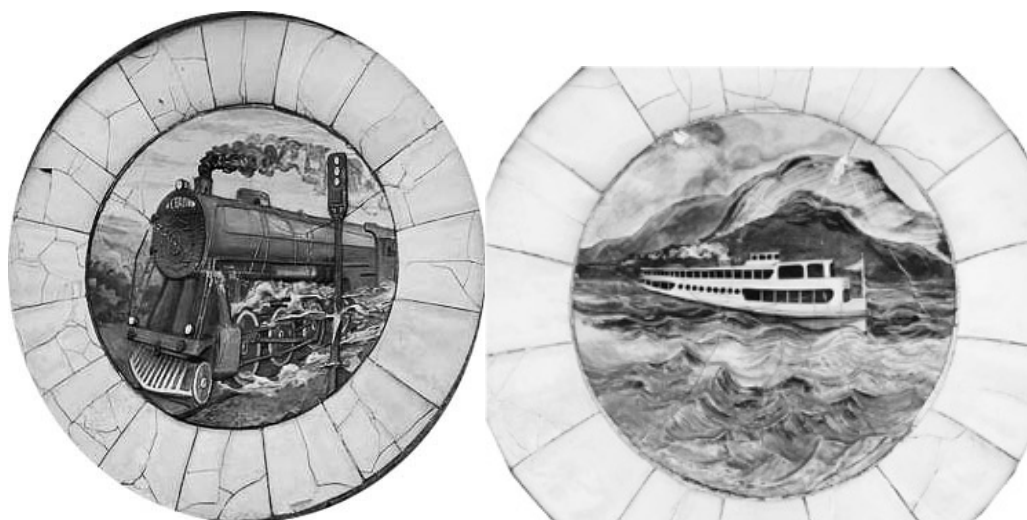

Рис. 2. Н.Я. Данько. Майоликовые медальоны на фасаде Северного речного вокзала, Москва, 1937 г.

тивному ансамблю атмосферу романтики. Изображения военных кораблей и самолетов, прогулочных и парусных судов, северных льдов и теплых южных морей словно иллюстрировали слова «Песни о Родине» из кинофильма «Цирк» 1936 года:

«От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей».

С удивительной тщательностью прорабатывалась каждая композиция, средства транспорта отображались реалистично, иногда даже с указанием номера модели, как, например, на изображении арктического самолета читается надпись СССР-Н-171 или в изображении самого высокоскоростного паровоза того времени ИС (Иосиф Сталин). Такое внимательное отношение к атрибутам эпохи можно объяснить тем, что художники стремились запечатлеть в декоративном убранстве здания не абстрактные атрибуты скорости, а вполне конкретные образцы отечественной промышленности. Особое место в композициях медальонов занимали произведения архитектуры, как новейшие: здание театра Красной армии, интерьер станции метро «Киевская» (ныне Филевской линии), Мавзолей В. И. Ленина, так и исторические — вид на Кремль со стороны Москвы реки. Необычным выглядит изображение гигантского здания Дворца Советов, неосуществленного масштабного архитектурного проекта, который призван был воплотить в себе символ советской власти. Трансляция в композиции ещё не созданного здания, тогда лишь утверждала его скорое строительство, а теперь выглядит как некий символ утопии. Медальоны Северного речного вокзала отображают не сюжеты, а мотивы, довольно простые для восприятия и одновременно отображающие обширную содержательную программу. Идеологический контекст воспринимается зрителем не

на прямую, а косвенно, через визуальные образы результатов обновлённой жизни.

Образная система отображения современности в композициях декоративных панно стиля ар деко создала устойчивый ряд мотивов. Их схожесть в отечественном и западном вариантах стиля обусловлена общими чертами эпохи. Особенностью тематики современности декоративных панно отечественного варианта стиля ар деко была её довольно яркая идеологическая окраска. Построение новой страны и воспитание нового человека четко прослеживаются во многих произведениях этого круга. Пафос динамики обновления пронизывает декоративные композиции советского искусства 1930—1940-х годов. В западном варианте современность представляется синонимом комфорта и красоты жизни.

Характер эпохи воплотился в визуальной трансляции плодов технократической цивилизации. Надо заметить, что атрибуты современности в композициях панно западного варианта ар деко совпадали с отечественными. В образном языке стиля сформировался устойчивый ряд мотивов, призванных отображать новую жизнь. В декоративных панно часто присутствуют изображения скоростных поездов, океанических лайнеров, самолетов, автомобилей, линий электропередач. При этом средства транспорта в композиции символизировали собой не только растущую скорость и ритм повседневной жизни, но и её красоту и комфорт. С другой стороны эти элементы использовались в композиции как чисто декоративные, обогащавшие образный ряд произведения и украшавшие его. В образном языке стиля ар деко мотив современности становился декоративной составляющей композиции. Стилизация композиционного элемента панно шла в двух направлениях: сохранения его смысловой функции и усилении и выявлении его наиболее выразительных декоративных качеств, сообщающих панно визуальную привлекательность и красоту. Отображение современности в отечественном и западном вари-

антах стиля ар деко имеют много общих черт, в первую очередь это единство мотивов. Но основной, рознящей их чертой являются изначально диаметрально противоположные подходы к декоративной композиции. В отечественном панно обязательным было прямое или косвенное отражение символов советской страны, в западном варианте большинство произведений были лишены какой-либо политической окраски и транслировали очищенную декоративность. Например, фон композиции декоративного панно американского автора Германа Сакаса «Скорость

перемещения», выполненного для универмага «Уилшир Буллокс» полностью был преобразован в геометрические формы, подчинённые четкой симметрии. Декоративные композиции панно отечественного варианта стиля ар деко не подвергались такой интенсивной стилизации, сохраняя большую долю реалистичности. Несмотря на это мастерам удалось создать оригинальные и самобытные произведения, ставшие крупным явлением в искусстве 1930–1940-х годов и позволившие говорить о сложении собственного варианта стиля ар деко.

Литература:

1. Александр Дейнека. Живопись. Графика. Скульптура. М.: Издательская программа «Интерроса» 2010, 240 с., ил.
2. Александр Дейнека. Из моей рабочей практики, М., 1961
3. Высокий сталинский стиль. Москва. «Трилистник», 2006
4. Догонина Е.А. Реминисцентная природа декоративного панно в интерьерах ар деко // Вестник МГХПУ им. С.Г. Строганова. — 2010. №2
5. История московского метро. Станция Новокузнецкая. URL: <http://stalinskoe.ru/novokuznecskaya.php> (дата обращения: 14.07.2011 г.)
6. Мастера: Новеллы о художниках (Долгополов И.В.). А. Дейнека. URL: artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000014/st027.shtml (дата обращения: 14.07.2011 г.)
7. Московский метрополитен. URL: http://old.mosmetro.ru/pages/page_6.php?id_page=165 (дата обращения: 14.07.2011 г.)

Первый марийский национальный балет А. Луппова «Лесная легенда»

Макарова Н.А., доцент факультета культуры и искусств
Марийский государственный университет

По ходатайству республиканских партийных и советских организаций, Министерства культуры РСФСР в 1968 году принято решение о создании в Йошкар-Оле Марийского Государственного объединенного музыкально-драматического театра им. М. Шкетана. Предпосылки к зарождению музыкального театра в марийской республике сложились еще в 1963 году, когда состоялась премьера первой марийской героико-романтической оперы Э. Сапаева «Акпытыр». «Опера была поставлена силами самодеятельных и профессиональных исполнителей в количестве 300 человек» [1]. Главным дирижером оперы был заслуженный деятель искусств ЯАССР Г.Ф. Гаврилов, а балетмейстером — заслуженный артист РСФСР и ТАССР А.Ф. Нарыков. Таким образом, 1 октября 1968 года был создан новый творческий коллектив, способный собрать все ценнейшие национальные богатства музыкальной, хоровой культуры народа мари и воплотить их в сценических произведениях искусства большого полотна.

Большой вклад в развитие марийской танцевальной культуры и в создание нового театра внес министр культуры А.В. Краснов. Он лично решал все организаци-

онные вопросы, ездил по учебным заведениям в поисках кадров для своего детища. А.В. Краснов был не только чиновником, но и ученым-философом (кандидат философских наук — 1966 г.). Театр постепенно начал обновлять репертуар, искать и находить новые формы творчества. Артисты балета были заняты во всех танцевальных сценах опер и оперетт, идущих на сцене театра. «Барышня и хулиган» Д. Шостаковича, «Кармен» Ж. Бизе, «Ромео и Джульетта» П. Чайковского, «Штраусиана» И. Штрауса, «Жизель» А. Адана прочно заняли свое место в афишах театра в первые годы становления театра.

В начале 70-х годов композитор Анатолий Борисович Луппов приступает к работе над первым марийским балетом «Лесная легенда». Обращение А.Б. Луппова к балетному жанру было во многом закономерным явлением в творчестве композитора. «В этот период он достиг композиторской зрелости, в его творческом портфеле находились значительные произведения симфонического и концертного жанра с ярко выраженным национальным тематизмом. Изучая и преломляя фольклор в своем творчестве, композитор проник в тайны народного искусства,

марийские песенные интонации органично вошли в его сочинения и определили их своеобразие» [2. С. 44]. Несколько раз композитор брался за идею сочинения балетной музыки, но не мог найти подходящий сюжет. Только прочитав народные марийские предания и легенды, определился в выборе темы будущей работы. «Осенью 1969 года А.Б. Луппов встретился с В.Ф. Наваевой и предложил ей написать либретто. Но либретто рождалось с большим трудом. Было написано несколько вариантов, но не один из них не перекликался первоначальным замыслом композитора. После многочисленных изменений и правок, А. Луппов приступил к работе над балетом» [3]. Клавиатуру балета композитор завершил летом 1971 года, а партитуру — 10 октября 1972 года. Летом 1971 года В. Наваева покидает театр и в августе того года приезжает Энн Эрович Рая. Композитор и балетмейстер начинают совместную работу. Им пришлось переделать либретто, сократить и переписать музыку к некоторым частям. Э.Э. Рая начал изучать особенности танцевальной культуры народа мари, консультировался со специалистами, учеными МарНИИ.

Приказом №119 от 2 ноября 1972 года художественный руководитель театра заслуженный деятель искусств РСФСР и МАССР С.И. Иванов утвердил постановочную группу и распределил роли первого национального балета А. Луппова «Лесная легенда» (сначала балет был назван «Легенда об Аксае и Эрике»). «Постановщиком был назначен Э.Э. Рая, педагогом-репетитором Г.И. Цыганова, дирижером В.Д. Куценко, художником Р.С. Чебатурина, концертмейстером Ж.Н. Бричева» [4].

Вся постановочная группа с большим энтузиазмом приступила к работе. Балетмейстеру пришлось нелегко. Труппа была маленькой — всего 26 танцоров. Перед исполнителями стояла очень сложная задача: во время спектакля им предстояло шесть раз переодеваться, менять грим, парик. Исполнителей вдохновляла эмоциональная, хорошо организованная музыка. Она подсказывала и хореографическое решение, и помогала при сочинении танцевального рисунка. Очень интересной и сложной задачей было сочетать классику с марийским фольклором, найти верный сплав в этом сочетании. Танцевальный текст, сложившийся на основе плодотворного синтеза классического танца и национальных народных танцев, получился оригинальным, колоритным. Марийский танец дал балетмейстеру целое богатство выразительных средств в движениях рук, которые очень умело использовал в марийском национальном балете. Э. Рая утверждал, что «такое богатство имеет право выйти за рамки национального искусства, стать интернациональным, разнообразить пластику рук в нашем советском балете» [5].

Сам мастер танца считал, что «не все еще удалось в должной степени. Это относится, в частности, и «лесным людям», их оживлению. Здесь немного неудачное либретто. Надо еще кое-что обдумать, доделать... Нужно еще

доработать массовые сцены в плане актерском, в световом оформлении. Такие доработки неизбежны в любом спектакле, а в этом случае тем более понятны — создан первый марийский балет. И мы продолжаем работать, чтобы найти более выразительные нюансы, чтобы балет от спектакля к спектаклю улучшался и молодел» [6].

«Лесная легенда» — одно из значительных произведений творчества А. Луппова. Она подытожила все лучшее, что было достигнуто композитором к тому периоду в инструментальной музыке, в частности, в симфонической. Главный герой балета Аксай, влюбленный в юную крестьянку Эрику, стремится разгадать тайну леса, вступает в единоборство с самым сильным и злым духом — Кереметом — и побеждает его, освобождая людей от злых чар. Ценой своей жизни помогает ему в этом волшебница Шайви, девушка, соблазненная когда-то Кереметом.

Заслуга Э.Э. Рая еще и в том, что он очень удачно подобрал актерский состав. Аксай — Я.Глейзер утверждает себя как смелый, волевой представитель марийского народа. Это настоящий герой. Танец Я. Глейзера мужественен и строг. По-разному подходят к решению роли главной героини и А. Александровой с Г. Михалевой. Эрика А. Александровой — хрупкое, нежное создание. Танец Г. Михалевой более земной, эмоционально наполненный. Интересна Г. Климанова (Шайви). Она хорошо передает всю гамму чувств своей героини — боль души, страх перед Кереметом. В. Кузьминых в роли Керемета поражает хорошей техникой, поистине змеиной гибкостью. Образы балета покоряют поэтической одухотворенностью, тонким лиризмом, сочностью жанровых сцен, красочным оркестровым нарядом. Балет «Лесная легенда» связана с лучшими традициями русского классического балета. Вместе с тем и либретто, и музыка балета привлекают своеобразием, идущим от традиций поэтического и музыкального фольклора.

С большим воодушевлением и темпераментно вел балет дирижер В. Куценко, стремясь как можно глубже раскрыть сложную партитуру композитора. Декорация и костюмы Р. Чебатуриной помогли воплощению замысла спектакля.

17 февраля 1973 года на сцене Государственного музыкального театра МАССР состоялась премьера первого национального балета «Лесная легенда». «Рождение национального балета — событие большой важности, оно радует всех нас как еще одно свидетельство расцвета марийской культуры», — говорил перед премьерой министр культуры МАССР А.В. Краснов [7]. О марийской балетной труппе заговорили, как о профессиональном, самостоятельном творческом коллективе, успех которой был на лицо. Спектакль вылился в подлинный праздник марийского народа и стал самым значимым событием в истории профессионального хореографического искусства, определенной вехой в истории марийской танцевальной культуры.

Литература:

1. Иванов С.И. Так рождались «Акпатыр» и «Элнет» (на мар. языке) // Кугарня. — 1994. — 29 июля.
2. Артищева Р.В. Анатолий Луппов и марийская музыка / Р.В. Артищева. — Йошкар-Ола: Мар.кн. изд-во. — 1986. — 61 с.
3. Зайниев Г. Музыка «Лесной легенды» — музыка на века (на мар.яз.) // Кугарня. — 1998. — 13 февраля.
4. Архив театра. — Д. 497. — Л. 148
5. Рая Э. Богатство национальной пластики // Марийская правда. — 1973. — 20 февраля
6. Там же.
7. Махновец М. Спектакль яркий и самобытный // Марийская правда. — 1973. — 18 февраля.

ЖУРНАЛИСТИКА

Газета «Русские ведомости» как образец качественной прессы в к. XIX – н. XX вв.

Богданова Е.М., аспирант

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

«Русские ведомости» (1863–1918) — интереснейшее явление в отечественной журналистике. Исследователь С.Я. Махонина полагает, что по своему типу это издание явилось представителем качественной печати в России во второй половине XIX — начале XX в. Качественная газета — «это политический орган со строго выдержанным направлением, рассчитанный на своего читателя-единомышленника, образованного, понимающего стилистически сложные публикации, в которых обсуждаются серьезные общественные, политические, научные и другие проблемы» [1, evartist.narod.ru/text1/91.htm]. Разделение на солидную и бульварную прессу произошло в дореволюционной отечественной печати. В произведении «Москва газетная» журналист Владимир Гиляровский пишет: «Русские ведомости»! — Наша профессорская газета, — называла ее либеральная интеллигенция. — Крамольники! — шипели черносотенцы. — Орган революционеров, — определил департамент полиции. Газета имела своего определенного читателя. Коренная Москва, любившая легкое чтение и уголовную хронику, не читала ее» [2, с. 21]. Проведенное редакцией исследование читательского состава в феврале 1913 г. показало, что в основном газету читают врачи, педагоги, инженеры, адвокаты, ученые, студенты, конторщики, рабочих было всего 0,5%.

С самого основания газеты вокруг нее сплотились видные ученые того времени. Такие имена, как А.С. Писников, А.И. Чупров, В.М. Соболевский, Д.Н. Анучин, являются неотъемлемой частью «Русских ведомостей». Однако ни статус «профессорской» газеты, ни серьезный академический тон не помешали «Русским ведомостям» стать одной из самых известных и читаемых газет в России. На протяжении 55 лет общественно-политическая газета «Русские ведомости» освещала самые острые и злободневные проблемы, откликалась на важнейшие события в государстве и мире. Эта газета — яркий пример того, как можно и нужно влиять на власть и формировать общественное мнение. Не раз «Русские ведомости» были приостановлены, не раз были конфискованы номера и отдельные статьи, редакторов постоянно вызывали в суд, при всем этом газета на протяжении более чем полувекового своего существования смогла сохранить свое направление. Она смогла пройти в достаточно сложных общественно-политических и цензурных условиях процесс

преобразования из крошечного трехрублевого газетного листка в руководящий орган русской демократической интеллигенции. В современный период, когда СМИ пытаются стать независимыми, обращение к подобным историческим примерам, на наш взгляд, звучит весьма актуально.

Итак, в становлении газеты как либерально-оппозиционного печатного органа можно выделить несколько этапов. При их определении мы опирались на предыдущее исследование — диссертацию к.ф.н. Н.Д. Середы «Газета «Русские ведомости» в 1860-е — 1870-е гг».

1. 1864–1872 гг. Этап перехода от проправительственного курса к либеральной предосудительности. В начале июля 1863 г. писатель Н.Ф. Павлов получил разрешение на издание, подписанное министром внутренних дел П.А. Валуевым. Становлению «Русских ведомостей» содействовало покровительство властей, которые предполагали в новом издании найти своего союзника. При Н.Ф. Павлове центральное ядро газеты составляли передовые статьи, которые представляли собой обозрения событий, взятые из официальных источников, или перепечатки передовиц из консервативной газеты «Московские ведомости». Однако вскоре ситуация меняется коренным образом. Н.Ф. Павлов умирает через семь месяцев после основания газеты. В редакцию приходят молодые ученые Московского университета. Представители передовой московской интеллигенции быстро превращают «Русские ведомости» в противника изданий М.Н. Каткова («Русский вестник», «Московские ведомости»). Полемика с Катковым началась в 1864 г. с публикации письма десяти депутатов Московской думы, и это определило дальнейшее направление газеты.

2. 1873–1878 гг. Это время завершения становления газеты в качестве либерального органа печати. 70-е гг. для «Русских ведомостей», мы считаем, переломным в каком-то смысле моментом. В 1873 г. небольшая группа молодых ученых, впоследствии руководившая «Русскими ведомостями», собралась в Гейдельберге. Круг вопросов, обсуждаемых на гейдельбергском съезде, был достаточно широк. Самым важным, на наш взгляд, был вопрос, связанный с принятием конституции. «Конституция» была важна не сама по себе или не только сама по себе, но прежде всего как средство для достижения широких демократических реформ в хозяйственном и общественном строе родной страны» [3, с. 3].

3. 1878–1881 гг. Переход от либеральной предосудительности к оппозиции правительству. Н.Д. Середя отмечает, что «Русские ведомости» встают на позиции левого фланга либерализма, а также происходит приращение некоторых демократических черт.

4. 1881–1905 гг. Этот этап, на наш взгляд, характеризуется сохранением умеренно-оппозиционной либеральной направленности, но с упрочнением демократических элементов в программе издания. Важным событием данного периода является переход «Русских ведомостей» в руки «Товарищества». Его составили 10 человек: В. Соболевский, А. Посников, А. Чупров, Д. Анучин, П. Бларамберг, В. Скалон, Г. Джаншиев, А. Лукин, М. Саблин, В. Пагануцци. Товарищество «Русских ведомостей» стало самым удачным примером кооперативного владения газетой коллективом сотрудников.

5. 1905–1918 гг. Восприняв Манифест 17 октября 1905 г. как Конституцию, «Русские ведомости» поддерживали конституционно-демократическую партию, одну из самых популярных в то время. Однако центральным органом печати партии кадетов газета не стала, так как ее программа и направление были гораздо шире. Тем более что газета всегда подчеркивала свою беспартийность и независимость.

Неуклонное ведение «своей линии» позволило «Русским ведомостям» быть «органом по преимуществу русской интеллигенции, никогда не укладывавшейся в одну партию...» [3, с. 3]. Именно поэтому с газетой сотрудничало множество людей, принадлежащих порою к абсолютно противоположным общественно-политическим группам и направлениям. Газета стремилась не обособиться от инакомыслящих, а объединить «воинство духа». Благодаря этому вокруг газеты объединились самые разные по направлению и стилю писатели. В разное время в ней сотрудничали Е. Ардов, К.С. Баранцевич, П.Д. Боборыкин, Н.К. Михайловский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Чернышевский, Г. Успенский, А.П. Чехов, Вл. Гиляровский, В.Г. Короленко, Т. Щепкина-Куперник, М. Пришвин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А. Серафимович, А.Н. Толстой и многие другие. Как видим, и либералам, и народникам, и демократам, и мало известным, и крупным писателям — всем «Русские ведомости» позволяли высказываться на своих страницах и решать общие вопросы развития страны, исходя из одной цели — блага России.

«Русские ведомости» по своему духу были коллективным изданием. Однако высокая степень коллегиальности сочеталась с деятельностью ярких и сильных публицистов. «Газета соткана из личностей и представляет собой как бы цельную личность» [4, с. 184]. Объединить такие разные (порой противоположные) направления общественной мысли, могли только правильные действия редакторов данной газеты. Их сменилось немало за 55 лет: Н.Ф. Павлов, Н.И. Павлов, М.С. Скворцов, В.М. Соболевский, А.И. Чупров, П. Егоров... Однако три имени мы считаем ключевыми в этом списке. Это — Скворцов, Со-

болевский, Чупров. Мы не будем приводить в этой статье их биографии, а лишь процитируем отрывки из воспоминаний их современников, людей с ними знакомых и не понаслышке знавших их характеры и ту роль, которую они сыграли в «Русских ведомостях».

А. С. Посников писал: «Главным работником всегда оставался сам редактор Скворцов... Писал он легко и много... При корректуре статей он обращал самое тщательное внимание на стилистическую их отделку...».

С. Я. Елпатьевский был близким другом В.М. Соболевского. Характеризуя сложную и многостороннюю личность главного редактора «Русских ведомостей» в 1882–1913 гг, С.Я. Елпатьевский в своих воспоминаниях определяет его как «человека чести». «Он был гордый человек в лучшем и благороднейшем значении этого слова, джентльмен, нравственный гидадьго... Была в нем особая черта: способность чутко всматриваться в чужую душу и подходить к ней с тонкой деликатностью». Неудивительно, что именно ему удалось сплотить около «Русских ведомостей» «больших людей ума и сердца».

О роли А.И. Чупрова в развитии «Русских ведомостей» прекрасно высказался Д.Н. Анучин: «Специалист в области политической экономии и статистики, он представлял собой для редакции крупную научную силу... Вместе с тем его авторитетный голос имел большое значение при обсуждении разных редакционных и издательских дел, а его симпатичная личность олицетворяла собой в наибольшей степени тот нравственный цемент, который связывал работающих в одном деле и предотвращал возможные нарушения этой связи».

Что же касается содержания издания, то «Русские ведомости» затрагивали самые разные вопросы:

- пореформенная деревня («Значение земельной реформы 1861 г.», «Развитие аграрного вопроса за последние два года»);
- роль земств и проблемы местного управления («Деятельность губернских земских собраний», «Деятельность земств и участие населения в земской работе»);
- народное образование («Народные нужды в области школьного образования», «Враги университетской автономии»);
- здравоохранение («Заболевание холерой в Самарской губернии», «Общественное попечение о нервных больных»);
- судопроизводство («Министерская декларация о суде», «Необходимость реформы местного суда»);
- финансы и кредит («Вопрос о введении в России государственного подоходного налога», «Финансовое положение России»);
- рабочий вопрос («Новое исследование по статистике труда в России», «О рабочем времени»);
- развитие науки, искусства («Современное положение дарвинизма», «Вечера иностранной музыки»);
- иностранная политика («Совещание между австро-венгерским и русским миистрами иностранных дел», «От-

ношение Японии к Соединенным Штатам»¹).

Отметим, что газета внимательно следила за жизнью Западной Европы. К началу XX в. редакция имела разветвленный штат собственных корреспондентов в различных странах. Особенно выделяются корреспонденции Г.Б. Йоллоса и Г. Гроссмана из Германии, Дионео — из Англии, госпожи Мак-Гахан — из США, Белоруссова — из Франции и М.А. Осоргина — из Италии.

В передовых статья, очерках и корреспонденциях по любым острым вопросам издание отстаивало свободу совести, общественного мнения, публичность судопроизводства, гласность всех правительственных действий и другие либеральные ценности.

Газета была верна не только своему направлению, но и стилю в подаче публикаций и графическом оформлении номеров. Начальный формат газеты — восемь небольших полос по три колонки в ширину. Издавались «Русские ведомости» три раза в неделю (вторник, четверг, суббота). Рекламных материалов было достаточно мало, тираж составлял 3600–4000 экземпляров. Редакция понимала необходимость изменения типа своего издания. Несколько раз увеличивались формат, периодичность и цена. И с 1887 г. газета приобрела вид, сохранившийся вплоть до ее закрытия в 1918 г. «Русские ведомости» стали большеформатным ежедневным общественно-политическим изданием со стоимостью годовой подписки 7–8 рублей.

Наличие отделов (рубрик) в газете также было постоянным. При Н.Ф. Павлове газета состояла из четырех основных отделов: «Внутренние известия», «Московские вести», «Иностранная политика», «Официальный отдел». С 1866 г. появляются отделы городского хозяйства, земских известий, отдел судебной хроники.

Количество полос в номере варьировалось от четырех до восьми. Структура номера выглядела следующим образом (на примере одного из номеров 1906 г.):

первая полоса содержала название газеты, ее выходные данные (номер, число, день недели, год), хронику, объявления и рекламу;

вторая и третья полосы имели такие рубрики, как «По телефону» (позднее — «Телеграф и телефон»), «Последние известия», «Внутренние известия», «Московские известия», «Иностранные известия»; на этих же полосах чаще всего печатались фельетоны, статьи научного характера и беллетристика;

на четвертой полосе публиковались письма в редакцию, биржевая хроника, календарь театральных представлений, погода, биржевые сведения, реклама и объявления, адрес редакции.

Если номер состоял из шести или восьми полос, то реклама всегда располагалась на первой и двух последних полосах, а указанные выше рубрики занимали остальную площадь номера.

Из непостоянных, но достаточно часто встречаемых рубрик необходимо отметить такие, как «Шпильки из головы» (анекдоты, юморески) и «Библиографические заметки» (обзорные напечатанных книг и произведений).

Уделяя большое внимание содержанию и стилю газеты, редакция, к сожалению, избегала технических новшеств, и даже в XX в. не применяла крупные заголовки и не меняла шрифты. Однако только отрицательно к этому факту не стоит относиться. Если с одной стороны, не воспользовавшись новыми техническими возможностями, «Русские ведомости» не смогли привлечь новых читателей. То с другой — они таким образом сохранили репутацию солидного либерального издания, не придававшего большое значение внешней атрибутике, как это делали бульварные листки.

Значение газеты «Русские ведомости» в истории отечественной печати переоценить невозможно. Газета не только *отражала* общественное мнение, но и *формировала* его. Выбранное единожды и постоянно отстаиваемое направление, освещение самых острых вопросов современности, регулярное участие видных общественных деятелей и писателей, соединение высокой информативности с аналитичностью в их выступлениях, серьезный тон публикаций — все это сделало «Русские ведомости» эталоном «большой» качественной газеты России. Недаром многие выдающиеся писатели оставили о ней положительные отзывы:

Н. С. Лесков: «Из газет я бы *сам для себя* предпочел издаваемые в Москве «Русские ведомости (не «Московские ведомости», а «*Русские* ведомости», как газету не торговую, которая говорит, что думает, а не то, что по ветру и «чего изволите»)». «Русские ведомости» могут дать всякому событию освещение верное и осмысленное...я бы *для себя* все-таки выписывал «Русские ведомости» из Москвы, чтобы знать, чего настоящие, умные люди держатся...» [5, az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1351.shtml].

М. Е. Салтыков-Щедрин: «Это единственный порядочный орган, и притом со смыслом издающийся. Очень умеренный, но честный» [6, с. 73].

В. Г. Короленко: «Профессорская газета говорила ровно и убежденно. Читатель отлично слышал то, что она говорила, и не менее ясно слышал он также то, о чем она молчала... газета все время держалась на том опасном рубеже, по одну сторону которого — явная гибель, по другую — излишняя осторожность и бледность...» [7, с. 310].

Мы считаем, что обращение к историческому прошлому отечественной печати важно и актуально в наши дни. Российское общество, в частности СМИ, ищет себя и пути своего дальнейшего развития. И нам представляется, что в изучении таких периодических органов, как «Русские ведомости», современные издатели, редакторы и журналисты смогут найти много поучительного.

¹ Названия статей для иллюстрации содержания газеты были отобраны из разных номеров за 1907–1908 гг.

Литература:

1. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004 г.//evartist.narod.ru/text1/91.htm
2. Гиляровский В.А. Избранное. — В 3-х тт. — т. 2. — М.: Московский рабочий, 1961.
3. «Русские ведомости» 1913 №230
4. Середа Н.Д. Газета «Русские ведомости» в 1860-е — 1870-е гг.: диссертация...к.ф.н.: 10.01.10 Москва, 2001
5. Лесков Н.С. Письмо к Н.П. Крохину от 29 октября 1888 г.// az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1351.shtml
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т.М.: Художественная литература, 1976. Т. 20
7. Короленко В.Г. Черточка из автобиографии// «Русские ведомости». 1863—1913: Сб. статей. М., 1913

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Народнохозяйственное значение маслины

Союнов П., кандидат сельскохозяйственных наук, докторант; Сейидов С., аспирант
Туркменский сельскохозяйственный университет им. С.А. Ниязова (г. Ашхабад)

Оливковое масло — «Жидкое золото»

Оливковое масло — Царь всех растительных и животных масел

Оливковое масло — Лекарство тысяча болезней

Маслина — одна из наиболее перспективных субтропических плодовых культур для юга Туркменистана. Плоды маслины богаты жирами — до 80% на сухой вес мякоти. В плодах содержатся и другие важные питательные вещества: белки, сахара, пектины (Камаринский, 1941; Жигаревич, 1955, 1980; Расулов, Атаян, 1965; Руденко, 1969).

Не менее важной составной частью мякоти плодов маслины являются зольные вещества, в которых преобладают щелочные элементы, играющие роль в поддержании кислотно-щелочного равновесия в крови человека: калия 82% общего количества всех щелочных зольных элементов, натрия и кальция — по 7,5%, магния — 0,18% железа около 1%. В мякоти плодов содержится комплекс ценных для организма витаминов: провитамин А — до 2,5 мг, витамин С — от 8 до 13 мг, группа витаминов В, Р — активные вещества.

Из-за содержащегося в плодах от 2 до 10% глюкозида олеуропеина, который придает им горький вкус. В свежем виде они несъедобны. Разнообразные виды продукции, получаемые в результате переработки плодов маслины, обладают высокими питательными и вкусовыми качествами (Петяев, 1951; Жигаревич, 1955; Шолохова, 1980, 1981).

Плоды маслины широко используют для консервирования. Главным образом, для засола. Основными видами засола маслин являются: сухие маслины без рассола, черные маслины в рассоле и зеленые оливки. Сухие маслины в масле или без масла служат продуктом питания для населения южных районов Советского Союза, Балканских стран, Греции, Испании, Италии, Ливана, Марокко, Америки, Туниса, Турции. В черных соленых маслинах в значительной мере сохраняется природный аромат, большое количество масла, сахаров и ряд своеобразных слизистых веществ, способствующих богатству вкуса. Их значительная острота и пикантность в сильной степени возбуждает аппетит, усиливает деятельность желудка и улучшает пищеварение. Маслины сухого засола содержат значительно больше масла чем зеленые оливки.

Зеленые оливки в рассоле — это изысканный вид консервов, внешне они более привлекательны, чем черные

маслины, благодаря своему почти натуральному соломенно — оливковому цвету.

Плоды оливкового дерева содержат около ста активных веществ (более всего витаминов Е, А и С), которые позволяют быстро восстанавливать силы.

В России началом консервирования зеленых маслин можно считать 1944 год, когда в Маштагинском маслинном совхозе была изготовлена первая небольшая партия зеленых оливок в рассоле.

В Юго-Западном Туркмении началом консервирования зеленых маслин можно считать 1946 год когда Этрекские научно-производственный экспериментальный центр субтропических культур. Была изготовлена первая небольшая партия зеленых оливок в рассоле.

Из плодов маслины получают употребляемое в пищу маслинное или оливковое масло, известное в быту под названием прованского.

В 2005 году Юго-Западной Туркмении поселке Этрек впервые получено 3 тонна чистое оливковое масло. Полученное масло отличается высоким качеством и необыкновенным вкусом.

Чистое оливковое, прованское масло имеет приятный вкус и почти без запаха (кроме некоторых особо ценных масел, имеющих в свежем виде легкий приятный аромат), по цвету прозрачное, иногда светло-желтое или золотисто-желтое или зеленоватое (из незрелых маслин). Из всех растительных масел оно обладает наибольшим содержанием витаминов, в особенности провитамина А (каротин).

Оливковое масло пригодно для употребления в свежем виде: для салатов, закусок, рисового плова, различных каш и т.п. Оно легко переваривается, хорошо усваивается организмом человека и не вызывает никаких болезненных явлений и исключительно благотворно действует на щелочную секрецию.

Оливковое масло благотворно действует на пищеварительные органы и секреторную деятельность желчного пузыря, способствуя желчеотделению. Благодаря этим свойствам оно успешно применяется в медицине, особенно при заболеваниях печени, язвах и катарах желудка.

Древние греки называли оливковое масло «жидким золотом». Жидкое золото Средиземноморья (Испанская народная загадка). «Стала черной я недавно. Ты в ладонь меня возьми и, сжимая пальцы плавно, каплю золото найди»

Всего две чайные ложки оливкового масла дают человеку половину необходимой ему суточной нормы витамина Е.

Если принимать его по 1 ст. ложке, запивая подслаженным лимонным соком, то максимальный выход ядов и токсинов из печени вам обеспечен в самые короткие сроки.

Очищение организма лучше всего проводить за 2 часа до еды 2 раза в день.

Оливковое масло не позволяет свинцу задерживаться в организме. Не зря же раньше оно обязательно включалось в рацион рабочих свинцовых заводов.

По 1 столовой ложке нерафинированного оливкового масла ежедневно, сбалансированный жирно-кислотный состав, что способствует лучшей усвояемости пищи и стимулирует работу пищеварительного тракта.

По 2 столовые ложки 3 раза в день. Именно с такой частотой рекомендуют принимать оливковое масло при желчекаменной болезни запорах (особенно у детей и истощенных людей). Действует оно как обволакивающее, желчегонное и легкое слабительные заболевания желудка и кишечника попробуйте «полечить» консервированными черными оливками.

Русские знахари утверждали, что оливковое масло вместе с соком лимона или грейпфрута не только разрезает застой желчи, но и изгоняет камни и песок. При камнях в желчных протоках оливковое масло нужно принимать за 30 минут до еды по половине чайной ложки, постепенно увеличивая дозу до половины стакана.

Показателем качества оливкового масла является его... горькость. Не удивляйтесь, горькое значит, свежее. Однако проверить свежесть вы сможете, только придя с покупкой домой. Еще один способ проверки: поставьте масло в холодильник. Высококачественное масло не потеряет своих свойств, она загустеет — станет белым и плотным, как топленое.

В Клинике Института Питания РАМН опытная группа больных сердечнососудистыми заболеваниями получала ежедневно по 40 грамм оливкового масла «Maestro de Oliva. Extra Virgin» испанской фирмы «Oliva Line International»

Специалистами Клиники было зафиксировано, что масло стабилизирует окислительные процессы в организме, замедляет старение, благотворно влияет на больных ишемией сердца и гипертонией, улучшает жировой обмен и способствует выведению холестерина.

Классический вкус — это оригинальный вкус натурального спелого плода. Какими бы технологиями не владел современный человек, неизменно одно: жизнь — великий божественный дар Бога-Отца и Матери-Природы. Что бы жить здоровой, счастливой и полноценной жизнью, каждый должен уметь этот бесценный дар.

- Маслины любили Наполеон и Пушкин, Гюго и Шиллер. Современники утверждали, что Рубенс, прежде чем садиться за рисование, поглощал маслины в огромном количестве.

- В странах, где маслина постоянно входит в ежедневный рацион питания, мужчины уверены, что их жаркий любовный темперамент не был бы так могуч без постоянного употребления маслин оливкового масла.

- Кстати, дюжина маслин до еды — лучшая профилактика язвы желудка.

Основная биологическая ценность оливковых масел заключается в высоком содержании в них полиненасыщенных жирных кислот, с фосфатидов и других токоферолов и других веществ. Оливковое масло полностью свободны от холестерина.

Оливки и оливковое масло для молодых

Оливки — это мощный афродизиак (средство, стимулирующее сексуальное влечение). Древние греки перед ночью любви поглощали оливки и распаренный ячмень. Считалось, что это сочетание делает мужчину неистовым на ложе любви.

Для пожилых

Оливковое масло единственное из масел, способное противостоять потере кальция в костных тканях пожилых людей.

Для малышей

В оливковом масле такая же концентрация линолевой кислоты, как и в материнском молоке. Эта кислота важна для формирования нервной системы маленьких детей.

Для беременных

Оливки и оливковое масло быстро восполняют огромную потерю минеральных веществ и солей натрия, которая происходит в период беременности.

Для сосудов

Так как оливки растут в жарком климате, для защиты от солнца, они вырабатывают много полифенолов — веществ, препятствующих образованию тромбов в сосудах.

Для кожи

Оливки богаты витамином Е, второе название — витамин красоты. Они содержат более 100 активных веществ, которые борются со свободными радикалами, вызывающими старение кожи.

Для волос

Витамины Е и А содержащиеся в оливках и оливковом масле оказывают исключительно благоприятный эффект на состояние волос, делая их гладкими и сильными.

Для сердца

Исследования показали, что люди, употребляющие около двух столовых ложек нерафинированного оливкового масла в день, защищают себя от атеросклероза и болезней сердца. Оно снижает уровень вредного холестерина (LDL), не влияя на уровень полезного холестерина (HDL), важного для формирования крепких сосудов. А снижение уровня холестерина прямо связано с уменьшением риска сердечных заболеваний. Ни одно другое масло больше не обладает такими свойствами.

Для глаз

Богатое провитамином А, оливковое масло является надежным профилактическим средством глазных заболеваний.

Для молочных желез

Исследование, проведенное американским Институтом Раковых Исследований показало ошеломляющий результат: женщины, регулярно употребляющие оливковое масло, снижают риск возникновения рака груди на 45 %.

Для пищеварения

Оливковое масло и оливки прекрасно усваиваются организмом. Проверьте сами: капните себе на руку чуть-чуть оливкового масла и попробуйте смыть. Она легко удалится водой без мыла. Наше тело, на 70 % состоящее из воды, так же легко впитывает его. Через полтора часа после того, как вы приняли в пищу немного оливкового масла, оно уже испарится через поры. Для того, чтобы удалить животные жиры, придется долго тереть и использовать моющие средства.

Для желчного пузыря

Оливки стимулируют выделение желчи и препятствуют образованию камней в желчном пузыре.

Для печени

Так как оливковое масло мягко регулирует деятельность печени и легко усваивается, она является прекрасной альтернативой животным жирам и применяется для лечения многих заболеваний.

Для кишечника

Научно доказано, что употребление оливкового масла снижает риск образования опухолей кишечника. Одна из кислот, входящих в его состав, подавляет размножение опухолевых клеток. Кроме того, оно славится своим мягким слабительным воздействием.

Для желудка

Благодаря низкой кислотности, оливки и оливковое масло крайне благоприятно влияют на состояние желудка. Плоды оливы выполняют функцию своеобразного биохимического регулятора усвоения соли и жиров в организме. Десяток оливок до еды считаются лучшей профилактикой язвы желудка.

При консервировании рыбных продуктов это масло незаменимо. Высокое качество рыбных консервов, изготовленных на прованском масле общеизвестно. Шпроты на прованском масле — один из излюбленных видов консервирования в России. По питательности и диетическим свойствам оливковое масло не имеет равных среди масел растительного и животного происхождения. Калорийность 100 г оливкового масла равна 930, сала — 880, масла (топленое, сливочное) — 750–780, ореха грецкого — 550, сахарного песка — 390, свинины жирной — 364, говядины жирной — 288, яиц — 158, молока — 68 (Жигаревич, 1959)

Кроме этого, оливковое масло широко используется при составлении мазей, эмульсий и различных косметических средств. Она находит применение в парфюмерии для изготовления питательных кремов. Низшие сорта

оливкового масла используются в мыловарении, текстильной промышленности, как горючее и смазочное, а также для получения глицерина.

Благодаря высокой температуре воспламенения и другим ценным физическим качествам, оливковое масло, нейтрализованное, применяют в смеси с другими маслами, например, 25 % оливкового масла и 75 % минерального масла — как смазочное для скоростных моторов в авиации, на военно-морских судах и для автомобилей.

Употребление в пищу консервированных плодов маслины снижает повышенную кислотность желудка и избавляет от изжоги, запоров и других нарушений пищеварения. Очень полезна оливковая диета для больных диабетом, т.к. при небольшом содержании сахаров она богата жирами, пектинами, белками и другими веществами (Жигаревич, 1959).

Для населения южных стран пищевое значение консервированных оливок и оливкового масла весьма велико. Пищевые продукты маслины — равноценны хлебу, рису. В странах средиземноморья маслины наравне с виноградом и пшеницей служат одним из основных видов питания.

В Испании с ее жарким климатом, где желудок человека не должен быть обременен объемистой пищей, широко распространено народное оливковое блюдо «Аспосно» мелкими кусками нарезают хлеб, заливают и пропитывают его оливковым маслом, заправляют солью, чесноком и перцем. Небольшое количество этого вкусного и питательного кушанья вполне насыщает и дает силу для работы под палящими лучами солнца, что особенно важно для юга, оливковое масло не жарит и не вызывает сильной жажды, как масло подсолнечное, а наоборот, имеет прохлаждающее свойство.

В районах массового потребления оливкового масла население не страдает воспалением аппендицита. Плиний Старший утверждает, что оливковое масло, будучи втрое в кожу, согревает тело, предохраняет его от холода и охлаждает чрезмерный жар. Он же в своей «Естественной истории» пишет. Что «сырые плоды маслины — прекрасное средство от каменной болезни и для укрепления зубов, расшатанных употреблением мяса» (Камаринский, 1948)

Нельзя не остановиться на замечательных достоинствах древесины маслины. Это одна из самых крепких, тяжелых с удельным весом 0,9–1,1 и однородных древесин. Свежесрубленное дерево может зажечь и она, как и сухое, ярко горит, издавая приятный запах. Горят и косточки маслины, не давая никакого угара. Древесину маслины применяют для самых тонких инкрустаций, товарных и дорогих столярных изделий. Ее используют как почвозащитное и берегоукрепляющее растение. Лишь немногие древесные породы способны расти в непосредственной близости от полосы морского прибоя, к таким растениям относится маслина.

Как очень красивое дерево маслина широко используется и для озеленения. Ее густая крона с серебристо-светлой листвой в сочетании с яркой зеленью других пород создает декоративные ландшафты.

Регулярное применение экстракта листьев оливы снижает риск развития онкологических заболеваний! О полезных свойствах оливкового листа известно не многим. Однако документы, которым тысячи лет найденные при археологических раскопках рассказывают о том, что в древности оливковый лист использовался для лечения лихорадки и заживления гнойных ран. Листья оливы содержат витамины А, D, E, K, которые растворяются в жирах, ненасыщенные жирные кислоты (олеиновую, линолевую и линоленовую) а также значительное количество витамина С и биофлавоноиды (рутин, лютеолин, гесперидин). В качестве лекарственного средства применяются и листья маслин. В Югославии фармакологами создан препарат Оливин с антигипертоническими действиями (Руденко 1976).

Экстракт оливковых листьев — это сильное антимикробное, противовирусное, антигрибковое и антипаразитарное средство. Его применяют при лечении артрита гипер-

тонии, атеросклероза, импотенции, бронхита, фибромиалгии, хронического синусита, аллергии, сердечных заболеваний, коклюша, инфекций мочевого пузыря и многих других болезней.

Оливковый экстракт обладает разносторонним действием:

- снижает уровень холестерина в крови,
- способствует минерализации костей,
- повышает тонус желудочно-кишечного тракта и желчных путей,
- заживляет раны и язвы,
- замедляет старение организма,
- укрепляет иммунитет,
- благотворно влияет на нервную систему.

Очень полезны настои и чаи из оливковых листьев. Их нужно пить при респираторных инфекциях, ослабленном иммунитете (особенно в осеннее — зимний период), а также при повышенном артериальном давлении.

Литература:

1. Жигаревич И.А. Культура маслины. — М.: Селхозгиз, 1955, — 246 с.
2. Жигаревич И.А., Комаринский А.М. О возможности промышленного развития в СССР культуры маслины и производства соленых маслин и оливкового масла. — Субтропические культуры, 1959, № 4, с. 60—69.
3. Жигаревич И.А. Агроправила по возделыванию маслины. — Баку, 1980, — 49 с.
4. Руденко В.Ф. Маслина. Химия и жизнь, 1976, № 11, с. 88—93.
5. Расулов М.Р., Атаян С.С. Маслины — ценный пищевой продукт. Консервная и овощесушильная промышленность 1965, № 8, с. 29—31.
6. Руденко В.Ф. Маслина. Химия и жизнь-садоводство, 1969, № 1, с. 28.
7. Петяев С.И. Маслина. — М.: Пищепромиздат, 1951. — 58 с.
8. Камеринский А.М. Маслина. Ж. Наука и жизнь, 1941, № 5, с. 44—46.
9. Камеринский А.М. Маслина и ее размножение. Бюллетень ВНИ института чая и субтропических культур. 1948, № 1 с. 99—107.
10. Шолохова В.А. Перспективы развития субтропических культур в Юго-Западной Туркмении. Ж. Сельское хозяйство Туркменистана, 1980, № 10.
11. Шолохова В.А. Селекция маслины в Никитском ботаническом саду. Бюллетень ГНБС, 1981, вып. 3 (46), с. 63—66.

Формирование генеративных органов и морфология соцветий маслины в условиях Юго-Западной Туркмении

Союнов П., кандидат сельскохозяйственных наук, докторант
Туркменский сельскохозяйственный университет им. С.А. Ниязова (г. Ашхабад)

Изучению морфологических особенностей соцветий и биологии цветения уделялось внимание немногими исследователями. Наиболее полно биология цветения с морфологическими описаниями соцветий и цветков отражены в работах Н.К. Арендт (1934), И.А. Жигаревич (1957, 1961), Н.А. Кулиева (1966, 1968, 1969), В.А. Шолоховой (1971, 1973, 1976, 1980)

Благоприятные условия Юго-западной Туркмении обычно способствуют ежегодному нормальному форми-

рованию генеративных органов и обильному цветению растений маслины. Это дало нам возможность на протяжении 1980—1982 гг. Провести детальное изучение морфологических особенностей соцветий.

Изучение перспективных сортов и сеянцев маслины проводилось на Кизыл-Атрекской опытной станции субтропических культур Туркменского научно-исследовательского института земледелия в 1979—1983 гг.

Объектом исследований послужили 10 перспективных

интродуцированных сортов маслины: Никитская, Никитская крупноплодная, Чембрикентская, Бакинская-17, 25, 68, Бузовнинская, Санта Катерина, Асколано, Кореджоло, а также 32 новых перспективных сеянцев селекции станции: Атрекская-1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32.

Изучаемые нами новые формы были ранее выделены из селекционных насаждений по комплексу хозяйственно-ценных признаков. В качестве стандарта для сравнения был использован сорт Бакинская-25.

Сорта Никитская, Никитская крупноплодная, Бакинская-68, 17 относятся к районированным для условий Юго-Западной Туркмении. Насаждения изучаемых сортов заложены в 1960 г. Схема посадки 8x8 м. Селекционные сеянцы высажены в 1956–1958 гг. по схеме 5x7, 5x5 м.

За насаждениями маслины проводился следующий агротехнический уход. Осенняя вспашка проводилась ежегодно в декабре. Насаждения получали два зимних влагонакопительных полива нормой 1200–1500 м³/га и 4 вегетационных полива нормой 600–800 м³/га. Вегетационные поливы проводились в марте, апреле, мае и сентябре. В летнее время — в июне, июле, августе из-за отсутствия оросительной воды поливы не проводились. После каждого полива междурядья в саду обрабатывались культиватором, а приствольные круги — перекапывались. Прореживание крон деревьев и санитарная обработка проводились каждый год в феврале. Фенологические наблюдения проводились в соответствии с методикой первичного сортоизучения маслины (Шолохова, 1973).

При изучении соцветий, бутонов и цветков обращали внимание на следующее: учитывали длину главной оси у 100 соцветий каждого образца, характер ветвления с подсчетом количества бутонов в каждом соцветии.

В результате выявлено, что длина главной оси соцветия у изучаемых нами сортов колеблется, от 6 до 56 мм (табл. 1). Размер главной оси прямо пропорционально связан с количеством бутонов — чем длиннее ось соцветия, тем больше ярусов ветвления и количества бутонов.

Морфологические особенности соцветия являются особенностью сорта. Обычно у сортов с длинной осью соцветия образуется и длинная плодоножка плода. Это, к сожалению, нельзя отнести к положительной характеристике сорта, так как при сборе урожая требуются дополнительные затраты ручного труда на отрыв от плодоножки. У сортов с короткими осями соцветий плодоножки обычно короткие плоды почти сидячие и сбор урожая менее трудоемкий. По структуре сорта значительно отличаются друг от друга.

Соцветия у маслины — метельчатая кисть, состоящая из ряда простых и сложных ярусов с мелкими цветками.

Н.К. Арендт (1934) приводит группировку сортов по морфологии соцветий с учетом распределения цветков по ярусам, подразделяя сорта на 7 рядов. Количество цветков в ряду колеблется от 3 до 39. Приводим классификацию соцветий маслины по Н.К. Арендт.

I ряд — количество цветков от 3 до 11 — простой ярус (без разветвлений);

II ряд — количество цветков от 9 до 15 со сложным ярусом (разветвление в нижнем первом ярусе с количеством бутонов-6);

III ряд — количество цветков от 15 до 21 с двумя сложными ярусами, в каждом ярусе по 6 бутонов (счет ярусов от основания и вершины соцветия)

IV ряд — количество цветков от 21 до 25 с двумя сложными ярусами, нижний ярус — 10 бутонов, второй сложный ярус — 6 бутонов.

V ряд — количество цветков от 25 до 29 с двумя сложными ярусами, оба яруса имеют по 10 бутонов;

VI ряд — количество цветков от 29 до 35 с двумя сложными ярусами и, оба нижних яруса имеют по 10 бутонов, третий ярус по 6 бутонов;

VII ряд — количество цветков от 35 до 39 с четырьмя сложными ярусами, оба нижних яруса имеют по 10 бутонов, а 3 и 4 ярус — по 6 бутонов.

Приведенный нами подсчет цветков ежегодно в течение 1980–1982 гг. в 100 соцветиях у каждого изучаемого сорта показал большое разнообразие сортов по количеству бутонов в одном соцветии. На основании полученных данных, а именно, с учетом цветков в соцветии, нами выделено по типу выше указанной классификации дополнительно еще 4 ряда с количеством цветков от 37 до 57 при этом число рядов увеличилось до 11. Проведенная Н.К. Арендт классификация с дополнениями, внесенными нами, приводится ниже:

I ряд — количество цветков	3–11
II ряд — «»-	9–15
III ряд — «»-	15–21
IV ряд — «»-	21–25
V ряд — «»-	25–29
VI ряд — «»-	29–35
VII ряд — «»-	35–39
VIII ряд — «»-	37–43
IX ряд — «»-	43–49
X ряд — «»-	49–55
XI ряд — «»-	51–57

Более подробно строение соцветий маслины по ярусам представлено на схеме (рис. 1.2).

При изучении морфологии соцветий по сортам установлено, что одни и те же комбинации различного количества цветков в соцветиях повторяются у всех сортов, но не в одинаковой мере. У основной массы, у сортов чаще всего встречаются типы соцветий, имеющие по 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23 цветков в соцветии и несколько реже — 25–27. Минимальное количество цветков отмечено — 3, максимальное — 57. Крайние комбинации с меньшим и большим количеством цветков в соцветиях встречаются редко.

У сорта Бакинская-25 преобладают соцветия с 13–15–19 бутонами. По годам количество таких соцветий составляет в 1980 — 43, 1981 — 74 и 1982 — 51 %, у сорта Никитская крупноплодная преобладают соцветия с 7–9–

Таблица 1. Длина главной оси соцветий у различных сортов маслины, мм (в среднем за 1980–1982 гг.)

Сорт происхождения	Средняя	Минимальная	Максимальная
Бакинская-25 (стандарт)	25	10	43
Районированные:			
Азербайджанские:			
Бакинская-17	26	13	41
Бакинская-68	37	21	56
Крымские:			
Никитская	14	7	25
Никитская крупноплодная	25	9	42
Азербайджанские:			
Бузовнинская	28	14	69
Чемберикентская	23	7	39
Туркменские:			
Атрекская-15	25	11	37
Атрекская-25	24	8	41
Атрекская-16	23	13	34
Атрекская-10	24	11	37
Атрекская-8	23	15	46
Атрекская-5	22	10	33
Атрекская-13	21	9	40
Атрекская-2	20	10	31
Атрекская-9	20	12	39
Атрекская-7	19	11	40
Атрекская-23	19	10	30
Атрекская-126	19	9	34
Атрекская-27	19	11	29
Атрекская-31	19	8	38
Атрекская-32	19	11	30
Атрекская-4	18	7	24
Атрекская-20	18	7	23
Атрекская-29	18	9	29
Атрекская-30	18	9	29
Атрекская-17	17	9	30
Атрекская-19	17	7	29
Атрекская-12	16	8	25
Атрекская-1	15	10	24
Атрекская-11	15	6	20
Атрекская-22	15	9	23
Атрекская-24	14	7	28
Атрекская-6	13	4	21
Атрекская-3	12	7	20
Атрекская-28	12	6	20
Атрекская-18	13	6	20
Атрекская-21	10	5	14
Атрекская-14	9	4	13
Иностранные:			
Кореджоло	20	7	35
Асколано	20	12	30
Санта Катерина	19	12	32

11–13 бутонами. По годам их количество составляет в 1980 – 66, 1981 – 76 и в 1982 – 54 %. У сорта Бакин-ская-68 отмечена совсем другая картина. В 1980 г. преобладали соцветия с 19 и 25 бутонами, они составляли 34 %, в 1981. у этого же сорта преобладали соцветия с 39,43, и 47 бутонами, их число составляло 36 %, а в 1982 г. – с 37 бутонами имелось 44 % цветков. Подобная картина отмечалась и среди туркменских сеянцев, Атрекская-I в 1980 г. преобладали соцветия с 15, 17 и 21 бутонами, их число составляло 65 %; в 1981 г. – с 23, 33, 43 бутонами доходило до 52 % цветков, а в 1982 г. с 11, 19, 23 бутонами было 64 % цветков. У сеянцев Атрекская-28 преобладали соцветия с 7, 9, 11 бутонами. По годам процентное их содержание составляло в 1980 – 82, 1981 – 72 и 1982 – 96 %.

Выводы

Изучение морфологии соцветий показало, что в отличие от других зон страны, соцветия маслины в Юго-Западной Туркмении имеют более крупные размеры. Средняя длина главной оси составляет 9–18 мм, максимальная 13–69 мм. Соцветия отличаются большим количеством цветков (от 3 до 57), расположенных на простых и сложных ярусах. Изучение морфологии соцветий позволило впервые выделить основные ряды изменчивости и дополнить до 11 рядов, по сравнению с имеющейся классификацией Н.К. Арендт, в которую включено 7 рядов.

Литература:

1. Арендт Н.К. К вопросам биологии цветения и плодоношения маслины. Тр. ГНБС. – Ялта, 1934, т. 14, вып. 2, с. 119–185.
2. Шолохова В.А., Караханова С.В. Содержание масла в плодах исходной родительской формы и их перспективы гибридов. «Новые культуры в народном хозяйстве и медицине» (мат.научн.конф.). – Киев, 1976, ч. 2, с. 117.
3. Жигаревич И.А. Сорта-опылители для стандартных и перспективных сортов маслины. Бюллетень технич. информ., 1957, № 1 с. 18–26.
4. Шолохова В.А. Перспективы развития субтропических культур в Юго-Западной Туркмении. Ж.Сельское хозяйство Туркменистана, 1980, № 10.
5. Шолохова В.А. Первичное сортоизучение маслины (методические указания) ГНБС. – Ялта, 1973 – 26 с.
6. Жигаревич И.А. Агроморфологический состав цветков у маслины и его влияние на урожай. – Субтропические культуры, 1961, № 3, с. 89–99.
7. Шолохова В.А., Доманская Э.Н. Морфофизиологическое изучение генеративных органов маслины. Труды ГНБС, 1971, т. 52, с. 55–66.
8. Кулиева Н.А. Формирование репродуктивных органов и цитозэмбриологические особенности маслины европейской на Апшероне. Автореф. дисс. ... на соиск.учен.степени канд.биол.наук. – Баку, 1966. – 20 с.
9. Кулиева.Н.А. Годичный цикл развития и морфогенеза соцветия некоторых сортов маслины европейской на Апшероне: Известия АН Азерб. ССР, серия биол. наук, 1968, № 2, с. 23–28.
10. Кулиева.Н.А. Формирование семяпочки, мегаспорогенез и развития женского гаметофита маслины европейской на Апшероне: Известия АН Азерб.ССР, серия биол.наук, 1969, № 3, с. 10–14.

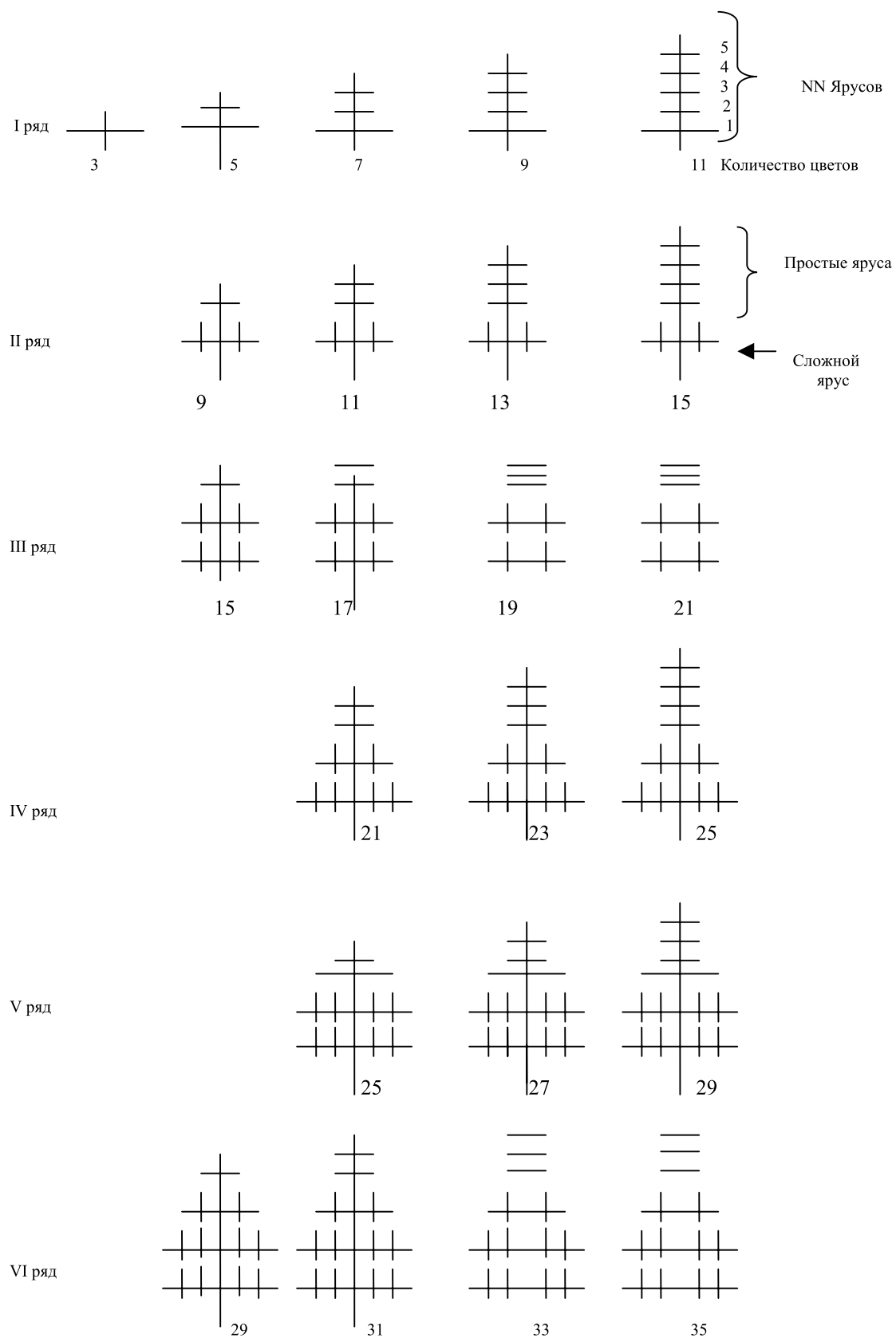
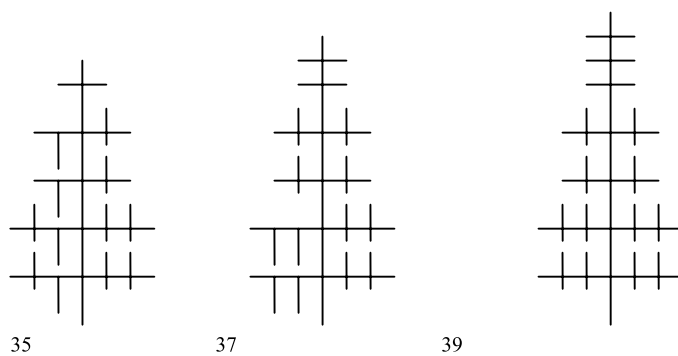
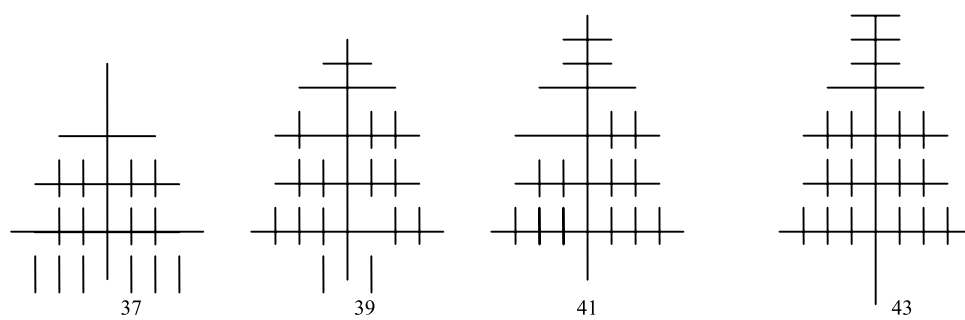

Рис. 1. Схема строения соцветий маслин

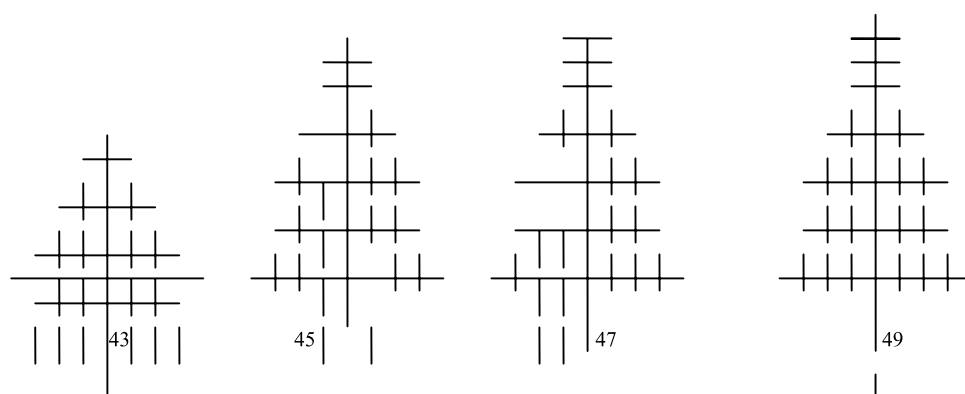
VII ряд

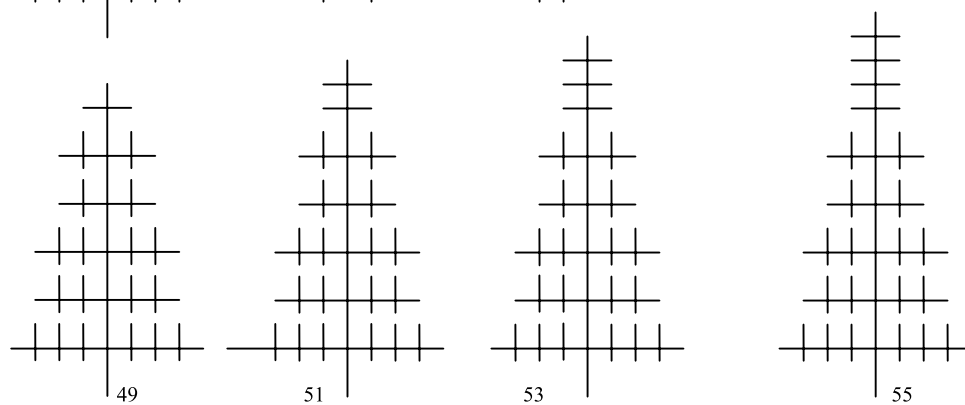
VIII ряд

IX ряд

X ряд

XI ряд

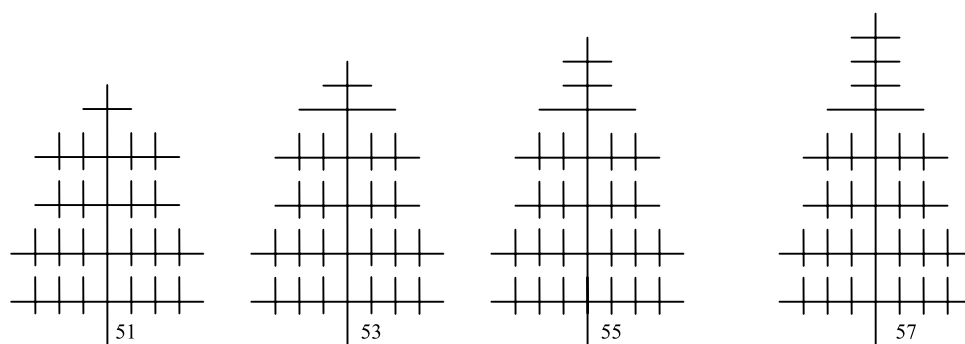

Рис. 2.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 8 (31) / 2011. Том II.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.

Иванова Ю. В.

Лактионов К. С.

Воложанина О. А.

Комогорцев М. Г.

Драчева С. Н.

Ахметова В. В.

Ответственный редактор:

Шульга О. А.

Художник:

Шишков Е. А.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Формат»,
г. Чита, ул. 9-го Января, д. 6.

Дизайн — студия «Воробей»

www.Vorobei-Studio.ru

Вёрстка — П.Я. Бурьянов

paul50@mail.ru